КАВКАЗОВѢДѢНІЕ.

История.—Этнологія.—Путешествія.—Литература.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Е. Г. Вейденбаума.

Изданіе Центральной Книжной Торговли
въ Тифлисѣ.

I.

КАВКАЗСКІЕ ЭТЮДЫ.

Изслѣдованія и замѣтки

Е. Г. Вейденбаума.

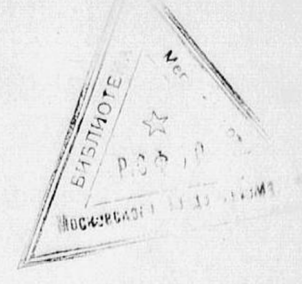
ТИФЛИСЪ.
Скоропечатня М. Мартиросянца, Михайловскій просп., № 81.
1901.

Дозволено Цензурою. Тифлисъ, 23 Марта 1901 г.

Предпринимая, подъ общимъ названіемъ **Кавказовѣдѣніе**, изданіе статей, посвященныхъ изслѣдованіямъ по исторіи, этнологіи, географіи и литературѣ Кавказскаго края, *Центральная книжная торговля въ Тифлисѣ* желаетъ придти на помощь лицамъ, интересующимся тою или другою отраслью кавказовѣдѣнія. Литература Кавказа, богатая отдѣльными спеціальными сочиненіями, еще болѣе обильна изслѣдованіями и замѣтками, иногда весьма цѣнными, разбросанными по изданіямъ ученыхъ обществъ, журналамъ и газетамъ. Если, при маломъ числѣ общественныхъ книгохранилищъ въ Россіи, не всегда легко достать искомую книгу, то журнальныя и газетныя статьи бываютъ по большей части совершенно недоступны для изслѣдователя, поставленнаго даже въ наиболѣе благопріятныя для занятій условія.

Изданіе наше имѣетъ по этому, главнымъ образомъ, въ виду дать интересующимся возможность пользоваться такого рода матеріалами, иногда неизвѣстными даже и спеціалистамъ. Извлеченіе ихъ изъ журналовъ и газетъ и снабженіе, въ случаѣ надобности, примѣчаніями принялъ на себя Е. Г. Вейденбаумъ.

А. Іоаннисіани.
С. Теръ-Исраеліанъ.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

БОЛЬШОЙ АРАРАТЪ

и

попытки восхожденія на его вершину *).

Super Massis nullus debet ascendere quia est mater mundi.

Rubruquis.

Извѣстіе о нахожденіи въ Арменіи священной горы, на которой остановился послѣ потопа Ноевъ ковчегъ, было впервые принесено въ Европу средневѣковыми путешественниками, странствовавшими по Азіи съ миссіонерскими или торговыми цѣлями. До того времени въ Европѣ, какъ кажется, еврейское преданіе о потопѣ не связывалось ни съ какою извѣстною горною вершиною, и мѣсто высадки Ноя—Араратскія горы—указывалось также неопредѣленно, какъ и мѣсто первобытнаго рая.

Разсказы путешественниковъ, убѣдившихся изъ слышанныхъ на мѣстѣ будто бы народныхъ легендъ въ томъ, что видѣнная ими въ Арменіи, около Эчміадзина, снѣжная вершина есть именно библейская Араратская гора, распространились быстро по всей Европѣ. Передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, мнѣніе о тожествѣ этихъ двухъ горъ пріобрѣло силу почти религіознаго догмата. Мало того, мнѣніе это возвратилось изъ Европы на свою родину, въ Арменію, какъ новое доказательство справедливости мѣстныхъ разсказовъ, и познакомило армянъ съ неизвѣстнымъ имъ до тѣхъ поръ названіемъ Араратъ въ примѣненіи къ горѣ, которую сами они всегда называли Масисъ.

---

*) Напечатано впервые въ Запискахъ Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, т. XIII, выпускъ первый. Тифлисъ 1884 г.

Первыя свѣдѣнія о Ноевой горѣ, принесенныя въ Европу, отличались, конечно, тою фантастическою окраскою, которая считалась тогда обязательною и вполнѣ соотвѣтствовала тогдашнему представленію о востокѣ, какъ о сказочной странѣ. Позднѣйшіе путешественники, какъ Шарденъ и особенно Турнефоръ, дали Европѣ болѣе точныя и научныя свѣдѣнія объ Араратѣ. Турнефоръ предпринималъ даже восхожденіе на него въ надеждѣ найти рѣдкіе виды растеній, современныхъ Ною и неизвѣстныхъ въ другихъ странахъ. Но тѣмъ не менѣе и въ описаніи Турнефора Араратъ изображается недоступнымъ для человѣка по заоблачной высотѣ и по крутизнѣ склоновъ, вѣчно покрытыхъ грозными ледяными массами. Оба путешественника разсказываютъ легенды, связанныя съ Араратомъ, и даже позволяютъ себѣ нѣкоторыя сомнѣнія, но только въ отношеніи подробностей легендарнаго событія. Убѣжденіе же ихъ въ тожествѣ Арарата съ горою Ноя выражается наглядно въ рисункахъ, украшающихъ описанія ихъ путешествій: оба изображаютъ Араратъ съ ковчегомъ на вершинѣ.

Вліяніе Араратской легенды отразилось и на географической наукѣ текущаго столѣтія. Географы и историки перестали, конечно, вѣрить въ возможность сохраненія до нашихъ дней остатковъ ковчега на вершинѣ Арарата, но вѣра въ важное значеніе этой горы въ исторіи разселенія человѣчества по лицу земли была столь сильна, что дала поводъ къ нѣкоторымъ мнѣніямъ и взглядамъ полу-научнаго, полу-мистическаго характера. Такъ, Раумеръ и Гофъ замѣтили такія особенности въ географическомъ положеніи Арарата, которыя какъ бы объясняютъ почему именно на его долю выпала честь быть центромъ разсѣянія послѣ-потопнаго человѣчества. Араратъ, говорятъ они, занимаетъ центральное положеніе на Старомъ континентѣ: онъ находится по срединѣ линіи наибольшаго протяженія Стараго свѣта, проведенной отъ мыса Доброй Надежды до Берингова пролива; составляетъ центръ и узелъ полосы азіато-африканскихъ пустынь, представляющей собою дно древняго океана; такое же положеніе занимаетъ онъ и относительно пояса внутреннихъ водныхъ бассейновъ отъ Гибралтара до Байкальскаго озера; наконецъ, онъ представляетъ центръ въ отношеніи къ окружающимъ его морямъ (Черному и Каспію, Персидскому заливу, Красному и Средиземному). Знаменитый Риттеръ, перечисливъ всѣ эти особенности и напомнивъ, что въ пластикѣ земной поверхности нѣтъ ничего случайнаго, указываетъ съ своей стороны на то, что въ передней Азіи наиболѣе сближаются три материка Стараго свѣта.

Присоединеніе къ Россіи, по Туркменчайскому мирному договору (10 февраля 1828 г.), части Арменіи съ Араратомъ значительно облегчило задачу путешественниковъ, желавшихъ познакомиться съ страною, которая давно привлекала къ себѣ взоры ученыхъ, какъ предполагаемая колыбель послѣ-потопнаго человѣчества. Первымъ воспользовался этою благопріятною перемѣною обстоятельствъ профессоръ физики въ Дерптскомъ университетѣ извѣстный Фридрихъ Парротъ, съ путешествія котораго въ Арменію и начинается собственно научное изслѣдованіе Арарата. Восхожденіе, предпринятое Парротомъ на вершину горы, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ и дало значительный запасъ физико- и ботанико-географическихъ наблюденій. Но вѣра въ недоступность священной вершины для смертнаго оказалась сильнѣе, чѣмъ правдивый и обстоятельный разсказъ Паррота о совершенномъ имъ восхожденіи. Лишь только экспедиція окончилась, въ Эривани разнеслась молва о полной неудачѣ попытки Паррота достигнуть вершины Арарата. Черезъ годъ, когда профессоръ былъ занятъ обработкою собранныхъ матеріаловъ, ловко пущенная клевета приняла вполнѣ опредѣленную форму и выразителемъ ея въ печати явилось лице, претендовавшее на нѣкоторое значеніе въ ученомъ мірѣ. По просьбѣ оскорбленнаго Паррота было произведено разслѣдованіе всѣхъ обстоятельствъ восхожденія, но оно, какъ и слѣдовало ожидать, нисколько не убѣдило тѣхъ, которые вовсе и не желали убѣждаться и заботились не о возстановленіи истины, а напротивъ объ удержаніи во всей неприкосновенности предразсудковъ, ими же

пущенныхъ въ обращеніе. Всѣ послѣдующія удачныя восхожденія на Араратъ подверглись той-же участи: они отрицались также, какъ и восхожденіе Паррота, несмотря на самыя осязательныя доказательства.

Страшная катастрофа 1840 г., стершая съ лица земли большое селеніе Ахури почти со всѣми его жителями, вновь обратила вниманіе ученаго міра на Араратъ и вызвала экспедицію академика (тогда профессора) Абиха для изученія на мѣстѣ явленія, причины котораго объяснялись различнымъ образомъ. Геологическое изслѣдованіе Арарата завлекло акад. Абиха такъ далеко, что командировка его, разсчитанная на короткое время, продолжалась тридцать съ лишкомъ лѣтъ и обогатила науку обширными и глубокими изслѣдованіями геологическаго строенія всего Кавказскаго перешейка. Изучивъ наружный видъ Арарата и свойства его поверхности, акад. Абихъ научными доводами доказалъ доступность его вершины и затѣмъ блистательно подтвердилъ этотъ выводъ своимъ собственнымъ восхожденіемъ.

Не менѣе благопріятенъ для научнаго изслѣдованія Арарата былъ и 1850 г., когда генералъ Ходзько, руководившій въ то время обширными тріангуляціонными работами на Кавказѣ, поднялся съ цѣлою экспедиціею на Араратъ и прожилъ на самой вершинѣ его почти недѣлю, занимаясь метеорологическими наблюденіями и измѣреніемъ зенитальныхъ разстояній главныхъ пунктовъ тріангуляціи.

Съ конца шестидесятыхъ годовъ вершина Арарата была достигнута нѣсколько разъ англичанами-туристами изъ членовъ Лондонскаго альпійскаго клуба. Не задаваясь никакими спеціальными учеными цѣлями, эти энергическіе и опытные альпійскіе ходоки принесли значительную пользу, опредѣливъ наилучшіе пріемы восхожденія на Араратъ и тѣмъ облегчивъ задачу будущихъ путешественниковъ.

Существуетъ мнѣніе, что восхожденія на альпійскія вершины не приносятъ никому никакой пользы и предпринимаются только изъ молодечества и склонности къ сильнымъ ощущеніямъ. Мнѣніе это ошибочно. Прежде всего,

альпійскія путешествія представляютъ одинъ изъ лучшихъ видовъ спорта и даютъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность любоваться такими красотами природы, которыя недоступны съ болѣе низкихъ уровней.

Ничто такъ не укрѣпляетъ и не освѣжаетъ и душу и тѣло человѣка, „малодушно погруженнаго, по словамъ поэта, въ заботы суетнаго свѣта", какъ пребываніе среди величественной горной природы. Не капризъ и не бездѣлье сгоняютъ лѣтомъ въ Швейцарію цѣлыя полчища иностранцевъ: по большей части это люди, жаждущіе свободнаго горнаго воздуха, ищущіе среди свободной горной природы забвенія отъ трудовъ и заботъ повседневной жизни, отдыха отъ неумолчнаго городскаго шума.

Но не менѣе полезны альпійскія путешествія и въ научномъ отношеніи. Многіе важные вопросы физики могутъ быть разрѣшены только наблюденіями, произведенными въ высшихъ слояхъ атмосферы. Восхожденіе на альпійскія вершины даетъ удобный случай для такихъ наблюденій. Араратъ, имѣющій совершенно изолированное положеніе, представляетъ особыя удобства въ этомъ отношеніи, и акад. Абихъ считаетъ частыя восхожденія на него для производства метеорологическихъ наблюденій въ высшей степени желательными.

Въ настоящее время Араратъ изслѣдованъ въ біологическомъ, геологическомъ и метеорологическомъ отношеніяхъ лучше, чѣмъ какая нибудь изъ альпійскихъ вершинъ Кавказскаго перешейка. Восхожденія на него уже никого болѣе не удивляютъ и только въ древнемъ армянскомъ монастырѣ, расположенномъ недалеко отъ его подошвы, покачиваютъ въ этихъ случаяхъ сомнительно головами и въ защиту мнѣнія о недоступности для смертныхъ вершины Масиса придумываютъ хитроумныя толкованія въ родѣ того, что путешественники все таки не были на *настоящей* вершинѣ, такъ какъ она скрыта подъ снѣжнымъ покровомъ.

Такова въ общихъ чертахъ исторія научнаго завоеванія Арарата. Предлагаемый очеркъ заключаетъ въ себѣ изложеніе наиболѣе любопытныхъ эпизодовъ этого завоеванія.

Обширная вулканическая система Арарата, имѣющая въ окружности около 120 верстъ, примыкаетъ къ восточной оконечности такъ называемыхъ Агри-дагскихъ горъ, образующихъ высокій горный хребетъ на нашей кавказско-турецкой границѣ.

Система состоитъ изъ двухъ конусовъ, сѣверо-западнаго и юго-восточнаго, раздѣленныхъ обширною сѣдловиною, высшая точка которой лежитъ на высотѣ 8800 фут. н. у. м. *). Сѣверо-западный конусъ называется у насъ Большимъ Араратомъ, юго-восточный—Малымъ Араратомъ.

Строго говоря, названіе конуса приложимо только къ М. Арарату, форма котораго дѣйствительно близко подходитъ къ этой геометрической фигурѣ. Б. Араратъ далеко не имѣетъ такихъ правильныхъ и простыхъ очертаній и западный скатъ его значительно положе и, слѣдовательно, длиннѣе восточнаго.

Б. Араратъ, возвышающійся на 16916 фут. н. у. м., поднимается далеко за предѣлы снѣжной линіи, высота которой опредѣлена акад. Абихомъ на сѣверномъ склонѣ въ 13710 фут., а на южномъ въ 12932 ф. Несмотря на такое значительное скопленіе снѣговъ, Араратъ чрезвычайно бѣденъ водою: онъ нетолько не даетъ начала ни одному большому горному потоку, но даже небольшіе ручьи составляютъ на немъ рѣдкое явленіе. Одинъ изъ такихъ ручьевъ сбѣгаетъ съ восточнаго склона, другой выходитъ на сѣверной сторонѣ изъ долины св. Якова. Оба обязаны своимъ происхожденіемъ ледникамъ и потому въ зимніе мѣсяцы очень бѣдны водою.

Причина такого безводья Арарата кроется въ томъ, что значительная часть поверхности его покрыта рыхлыми вулканическими породами, которыя поглощаютъ воду, образующуюся при таяніи снѣговъ. Въ нѣсколькихъ только мѣстахъ у подошвы горы эти воды выходятъ на поверхность земли въ видѣ постоянныхъ родниковъ. Самый значительный изъ нихъ, извѣстный подъ названіемъ родника сардара (Сардар-булакъ), находится на сѣдловинѣ, раздѣляющей оба Арарата.

*) Всѣ высоты, если не сдѣлано особой оговорки, показаны въ англійскихъ футахъ.—Всѣ календарныя числа по старому стилю.

Въ связи съ недостаткомъ воды находится и скудость растительности на Араратѣ. Эта особенность горы была замѣчена уже Турнефоромъ, изслѣдовавшимъ флору Арарата въ 18 вѣкѣ. Разсчитывая найти на горѣ, прославленной какъ колыбель послѣ-потопнаго человѣчества, множество рѣдкихъ растеній, Турнефоръ былъ такъ пораженъ бѣдностью флоры Арарата, что отозвался о немъ, какъ о самомъ скучномъ и непріятномъ мѣстѣ на всемъ земномъ шарѣ (cette montagne est un des plus tristes et des plus désagréables aspects qu'il y ait sur la terre).

Дѣйствительно, обширная поверхность Арарата представляетъ весьма мало горныхъ пастбищъ, вслѣдствіе чего и скотоводство ведется на немъ въ сравнительно незначительныхъ размѣрахъ. Лучшіе и обширнѣйшіе луга находятся на склонахъ, ограничивающихъ долину св. Якова, на западныхъ скатахъ горы и на Сардар-булакской сѣдловинѣ. Лѣса на Араратѣ совсѣмъ не существуютъ и только около Сардар-булака находятся остатки небольшой березовой рощи, быстро вырубаемой на топливо казаками и курдами.

Таковы въ общихъ чертахъ свойства Арарата. Перейдемъ теперь къ нѣкоторымъ подробностямъ, необходимымъ для яснаго пониманія послѣдующаго разсказа.

Сѣверо-восточный склонъ Арарата прорѣзанъ сверху внизъ глубокою трещиною или разсѣлиною, происшедшею вслѣдствіе разрыва вулканическими силами породъ, составляющихъ толщу горы. Трещина эта или, какъ ее обыкновенно называютъ, долина или ущелье св. Якова имѣетъ около семи верстъ протяженія и идетъ въ сѣверо-восточномъ направленіи. Верхняя часть ея представляетъ собою обширный циркъ (по терминологіи Леопольда фонъ Буха такой циркъ называется кальдера), окруженный громадами скалъ съ отвѣсными обрывами, начинающимися почти подъ самой вершиной Арарата. Вслѣдствіе соединеннаго дѣйствія атмосферныхъ осадковъ на горныя породы и химическаго

разложенія этихъ послѣднихъ, отвѣсныя стѣны кальдеры разбиты вертикальными трещинами, иногда настолько глубокими, что стѣна раздѣляется на громадные отдѣльные столбы. Сверху стѣны кальдеры покрыты мощнымъ слоемъ снѣга, могущимъ отчасти служить мѣриломъ толщины снѣжнаго покрова Арарата.

Дно кальдеры поднимается въ видѣ амфитеатра, и съ высшей, недоступной террасы его круто спускается глетчеръ въ видѣ ледянаго каскада. Онъ появляется сначала въ видѣ узкой ленты и потомъ, вступивъ на болѣе пологій склонъ, расширяется. У мѣстныхъ жителей кальдера съ глетчеромъ называется *буз-хане* или *саруц-хане*, т. е. ледяной погребъ (*буз* по татарски, *саруц* по армянски значитъ ледъ).

Изъ подъ нижняго конца глетчера, лежащаго на высотѣ 9378 фут. (барометрически Абихъ), вырывается мутный ледниковый потокъ, направляющійся внизъ по ущелью, которое представляетъ собою то, что въ вулканической теоріи поднятія (Erhebungstheorie) Л. фонъ Буха называется баранко. Въ двухъ верстахъ ниже оконечности ледника, баранко стѣсняется съ обѣихъ сторонъ выступающими скалистыми отрогами; затѣмъ ущелье вновь расширяется, достигая средней ширины 1500 фут., и наконецъ открывается устьемъ своимъ на равнину Аракса.

До 1840 г. въ нижней части долины св. Якова, на правой сторонѣ ея, находилось большое армянское селеніе Ахури, единственное у сѣверной подошвы Арарата. Жители его дѣятельно занимались садоводствомъ, хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Террассобразные скаты долины, состоящіе изъ конгломерата вулканическихъ породъ, были покрыты знаменитыми абрикосовыми садами. Самое селеніе, лежавшее около 5700 фут. н. у. м., состояло во время посѣщенія его проф. Парротомъ изъ 175 дымовъ. Дюбуа де Монпере, бывшій въ Ахури въ 1834 г., насчитываетъ въ немъ 200 дымовъ и до 1000 душъ населенія, нѣкоторые же опредѣляютъ число жителей даже въ 2000 душъ. Въ селеніи находилась древняя церковь, о которой упоминаютъ еще Шарденъ и Турнефоръ подъ именемъ Аракелоцъ-ванкъ,

т. е. монастырь апостоловъ. Во время Турнефора онъ былъ въ запустѣніи. Дюбуа де Монпере относитъ построеніе церкви къ 8 или 9 вѣку, но въ числѣ снятыхъ этимъ путешественникомъ надписей нѣтъ ни одной древнѣе конца десятаго столѣтія.

Выше было уже замѣчено, что ледниковый ручей, протекающій по долинѣ, есть единственная проточная вода на всемъ сѣверномъ склонѣ Арарата. Житери Ахури умѣли искусно пользоваться этимъ „настоящимъ источникомъ жизни" селенія, какъ его называетъ проф. Парротъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ долина, выше Ахури, стѣснена упомянутыми уже скалистыми выступами и ледниковый потокъ бѣжитъ въ узкомъ ущельѣ, была устроена система каналовъ, по которымъ вода направлялась для орошенія садовъ и полей. Вода, назначенная для питья и домашняго употребленія, отстаивалась въ особыхъ бассейнахъ. Зимою, когда ледниковый потокъ оскудѣвалъ, воду доставлялъ родникъ, находящійся около селенія. Для собиранія ея были устроены особые резервуары.

Верстахъ въ трехъ выше селенія по ущелью, на правой-же его сторонѣ, находился небольшой монастырь св. Якова, осѣненный небольшою группою деревьевъ,—послѣднихъ и самыхъ верхнихъ представителей древесной растительности въ долинѣ. Время основанія монастыря, давшаго званіе всему ущелью, неизвѣстно. Молва приписывала ему большую древность, но въ числѣ могильныхъ надписей, скопированныхъ Дюбуа на монастырскомъ кладбищѣ, нѣтъ ни одной древнѣе конца тринадцатаго столѣтія. Здѣсь, въ этой мирной и уединенной обители, жилъ Парротъ во время своей Араратской экспедиціи. Вся братія состояла только изъ одного архимандрита Карапета, благочестиваго старца, дѣлившаго свое время между молитвами и работою надъ своею собственною могилою.

Наконецъ, еще далѣе вверхъ по долинѣ, на упомянутомъ выше скалистомъ выступѣ, стѣсняющемъ съ правой стороны ущелье (баранко), находился на высотѣ 7265 фут. (баром. Абихъ) знаменитый во всей русской Арменіи источ-

никъ св. Якова съ часовнею при немъ. По армянскому повѣрью, сохранившемуся въ полной силѣ и до настоящаго дня, вода этого источника, гдѣ-бы она ни находилась, имѣетъ чудное свойство привлекать къ себѣ розовыхъ скворцовъ (Pastor roseus, по армянски *тарм*), истребителей саранчи. Когда гдѣ нибудь въ Закавказьѣ появляется этотъ бичъ земледѣльцевъ, къ источнику св. Якова на Араратѣ посылается особая депутація за чудесною водою. Она приносится съ извѣстными обрядами въ пораженную мѣстность и тогда, какъ разсказываютъ, являются стаи розовыхъ скворцовъ и вступаютъ въ правильный бой съ саранчею. Зоологи, изучавшіе орнитологію Кавказскаго края, утверждаютъ впрочемъ, что розовый скворецъ принадлежитъ къ числу очень обыкновенныхъ птицъ въ этомъ краѣ и охотно сопровождаетъ и истребляетъ саранчу даже и тогда, когда нѣтъ чудесной воды. Какъ-бы то ни было, но репутація источника св. Якова держится твердо и до настоящаго дня. Въ послѣдній разъ за водою его посылали въ 1879 г., когда саранча опустошала нѣкоторыя мѣстности Закавказья. Въ то время разсказывали, что депутаціи, отправлявшейся къ источнику, была выдана въ виду спѣшности дѣла казенная подорожная.

Вода источника св. Якова имѣетъ еще и нѣкоторыя другія чудесныя свойства, напр. даетъ плодородіе безплоднымъ женщинамъ. Поэтому около родника, особенно въ извѣстные дни въ году, собираются со всѣхъ концовъ края богомольцы и жаждущіе исцѣленія. Во времена Паррота около источника существовала часовня во имя св. Григорія.

Замѣчательно, что Турнефоръ, останавливавшійся для отдыха въ монастырѣ св. Якова, не говоритъ ни слова о его чудодѣйственномъ источникѣ. Между тѣмъ, путешественникъ этотъ съ большою живостью описываетъ какъ мучила его жажда по возвращеніи изъ экскурсіи на Араратъ и съ какимъ трудомъ могъ онъ добыть немного воды, за которою пришлось посылать къ ледниковому ручью, протекающему глубоко подъ монастыремъ. Обстоятельство это даетъ нѣкоторое основаніе предполагать, что во время Тур-

нефора источникъ св. Якова не существовалъ. Въ мѣстностяхъ, подверженныхъ дѣйствію вулканическихъ силъ, появленіе и исчезаніе источниковъ есть явленіе очень обыкновенное.

Читатель вѣроятно замѣтилъ, что описаніе долины св. Якова и особенно сел. Ахури и монастыря изложено въ прошедшемъ времени. Дѣйствительно, все сказанное относится къ эпохѣ до 1840 г. Нынѣ долина представляетъ страшную каменистую пустыню, въ которой только временно появляются курды съ своими стадами. Богатое селеніе Ахури, оживлявшее прежде долину, древняя церковь и монастырь, сады и каналы, наконецъ сами жители,—все уничтожено и погребено ужасною катастрофою 1840 года.

20 іюня этого года на Араратѣ и по направленію отъ него къ востоку и юго-востоку произошло землетрясеніе, одно изъ самыхъ сильныхъ когда либо опустошавшихъ Арменію. Оно разрушило много зданій въ Баязидѣ, Маку, Нахичевани, Ордубатѣ и др. мѣстахъ, но наиболѣе страшно было его дѣйствіе въ долинѣ св. Якова. Скалы, окаймляющія долину, обрушились при колебаніи почвы, завалили своими обломками селеніе почти со всѣми жителями и запрудили ущелье (баранко) въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно стиснуто съ обѣихъ сторонъ скалистыми выступами. За этимъ первымъ актомъ катастрофы послѣдовалъ 22 іюня второй, еще болѣе грозный и опустошительный. Массы снѣга и льда, обрушившіяся вмѣстѣ съ скалами въ верхнюю часть ущелья (кальдеру), отчасти растаяли и образовали, выше упомянутой уже запруды, озеро изъ полужидкой грязи, размѣры котораго акад. Абихъ опредѣляетъ въ 2400 фут. ширины, почти въ 3500 ф. длины и по крайней мѣрѣ въ 50—60 ф. глубины. Запруда не выдержала напора этой массы и 22 іюня громадный полужидкій потокъ съ страшною силою ринулся внизъ по долинѣ, увлекая все попадавшееся ему на пути. Селеніе Ахури, монастырь св. Якова, сады—словомъ всѣ слѣды долговременнаго пребыванія человѣка въ долинѣ были смыты или затоплены и занесены иломъ, грязью и камнями. О силѣ потока и массахъ вынесеннаго

имъ ила свидѣтельствуютъ еще и теперь громадные валуны, снесенные внизъ по долинѣ на далекое разстояніе (одинъ изъ нихъ, измѣренный акад. Абихомъ, имѣлъ 285 фут. въ окружности у основанія и болѣе 40 ф. высоты), и мощные илистые слои и цѣлые холмы, наполняющіе всю долину и покрывающіе на значительное пространство подошву Арарата.

Академикъ Абихъ, давшій изложенное выше объясненіе причины и хода ахурійской катастрофы, изслѣдовалъ нѣсколько разъ и очень тщательно долину св. Якова и собралъ возможно точныя свѣдѣнія о ея состояніи и видѣ до 20 іюня 1840 года *). Изъ сопоставленія этихъ свѣдѣній съ тѣмъ, что онъ увидалъ въ 1844 г. при первомъ посѣщеніи долины, ученый академикъ убѣдился, что во многихъ пунктахъ и особенно около мѣста образованія запруды долина измѣнила свой видъ до неузнаваемости. На мѣстѣ цвѣтущаго селенія Абихъ нашелъ обширную каменистую пустыню, по которой пробивалъ свой путь ледниковый ручей, успѣвшій уже мѣстами размыть наносъ до прежняго русла. Только нѣсколько тощихъ абрикосовыхъ деревъ, случайно избѣжавшихъ гибели, печально напоминали путешественнику о бывшихъ ахурійскихъ садахъ, да хищные курды копали на мѣстѣ, гдѣ было селеніе, глубокія шахты, чтобы достать цѣнныя вещи изъ погребенныхъ жилищъ.

Незначительное число ахурійцевъ, случайно отсутствовавшихъ во время катастрофы и потому избѣжавшихъ гибели, перешло на другое мѣсто и основало селеніе Новые Ахури.

Мы остановились на этихъ подробностяхъ въ виду того высокаго интереса, который представляетъ долина св. Якова въ геологическомъ отношеніи. Въ настоящее время не только за предѣлами Закавказья, но даже за предѣлами ближайшихъ окрестностей Арарата мало кто помнитъ о бывшемъ селеніи Ахури и о постигшей его судьбѣ. Но въ исторіи восхожденій на Араратъ нельзя обойти молчаніемъ

*) *Hermann Abih*: Geologie des Armenischen Hochlandes. Wien, 1882.

это селеніе: здѣсь провелъ нѣсколько дней Турнефоръ оставившій намъ первое болѣе научное описаніе Арарата и его флоры, здѣсь-же, въ монастырѣ св. Якова, жилъ проф. Парротъ, смѣлый путешественникъ, первый изъ смертныхъ поднявшійся на вершину Б. Арарата.

Кромѣ долины или трещины св. Якова, въ верхнихъ частяхъ Арарата есть еще нѣсколько меньшихъ разсѣлинъ. Ихъ скалистыя стѣны, состоящія изъ шлаковидныхъ или твердыхъ вулканическихъ массъ чернаго цвѣта, возвышаются надъ снѣжнымъ покровомъ горы въ видѣ зубчатыхъ грядъ или гребней, спускающихся почти отъ самой вершины къ подошвѣ въ видѣ черныхъ полосъ. Одна изъ такихъ разсѣлинъ или впадинъ, которыя Абихъ сравниваетъ съ нишами, игравшая важную роль въ эпоху гигантскихъ изверженій на Араратѣ, находится на юго-восточномъ скатѣ его, обращенномъ къ М. Арарату. Она начинается подъ вершиною отвѣсными обрывами и скалистыми пиками, извѣстными у мѣстныхъ жителей подъ названіемъ ***таш-килисса*** (по татарски: каменная церковь), по ихъ сходству съ островерхими зданіями. Ниже впадина представляетъ массу нагроможденныхъ она на другую громадныхъ скалъ и обломковъ. Книзу она съуживается и переходитъ въ трещину или ущелье, въ которомъ залегаетъ довольно значительный ледникъ. Какъ увидимъ далѣе, скалистыя стѣны этой впадины представляютъ лучшій путь, какъ бы лѣстницу для восхожденія на Араратъ.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ еще объ одномъ пунктѣ, названіе котораго будетъ часто встрѣчаться въ послѣдующемъ разсказѣ, именно о Сардар-булакѣ. Этотъ постоянный и обильный родникъ прекраснѣйшей воды расположенъ на высотѣ 7540 фут. у сѣверо-западной подошвы М. Арарата на сѣдловинѣ, отдѣляющей его отъ Большаго Арарата. Родникъ питается атмосферными осадками и снѣговыми водами, которыя поглощаются рыхлыми породами, покрывающими внутреннее ядро М. Арарата. Температура родниковой воды колеблется между 5,8° и 6° R. Кругомъ родника, по подошвѣ М. Арарата, разстилают-

ся превосходные луга, дающіе обильную пищу курдскимъ стадамъ. Ущелья и возвышенности покрыты густыми березовыми рощами, которыя, по мнѣнію Абиха, опоясывали въ прежнія времена всю подошву М. Арарата. Къ сожалѣнію, кочевники курды безжалостно истребляютъ изъ года въ годъ эту рѣдкую для Арарата растительность.

Соединеніе въ одномъ мѣстѣ столькихъ благопріятныхъ условій—богатой травяной растительности, лѣса и воды—сдѣлало Сардар-булакъ любимѣйшимъ пребываніемъ курдскихъ пастуховъ и разбойниковъ. Во время владычества персіянъ въ Армянской области, эриванскій намѣстникъ (сардаръ) Гуссейнъ-ханъ, спасаясь отъ эриванской жары и надоѣдливыхъ мошекъ, перекочевывалъ на лѣто къ источнику, который съ тѣхъ поръ и названъ Сардар-булакомъ, т. е. родникомъ сардара. Мы увидимъ далѣе, что родникъ этотъ представляетъ наиболѣе удобный пунктъ остановки и отдыха для всѣхъ путешественниковъ, предпринимающихъ восхожденіе на Араратъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній перейдемъ къ обозрѣнію, въ хронологитескомъ порядкѣ, всѣхъ экспедицій, имѣвшихъ цѣлью достиженіе вершины священной горы.

ПИТТОНЪ ДЕ ТУРНЕФОРЪ

(10 августа 1701 года).

Въ очеркѣ, посвященномъ исторіи научнаго завоеванія Арарата, первое по времени мѣсто принадлежитъ знаменитому французскому ботанику и путешественнику, имя котораго написано выше. Онъ первый посѣтилъ Араратъ съ научною цѣлью и ему принадлежитъ первое обстоятельное и довольно точное описаніе физическихъ свойствъ этой горы и ея флоры. Турнефоръ не имѣлъ серьезнаго намѣренія подняться на вершину Арарата. Какъ страстный ботаникъ, онъ интересовался только тою областью горы, которая могла дать ему новыя интересныя растенія. Поэтому онъ былъ вполнѣ удовлетворенъ, когда дошелъ до первой залежи снѣга: она знаменовала близость вѣчныхъ снѣговъ и, слѣдовательно, прекращеніе растительности. Вопросъ о возможности подняться на вершину Арарата, повидимому, мало и занималъ путешественника. Какъ кажется, онъ былъ вполнѣ удовлетворенъ слышаннымъ имъ въ Эчміадзинѣ разсказомъ монаховъ о недоступности этой вершины. Легенда о тщетной попыткѣ св. Якова была уже тогда въ полномъ ходу.

Восхожденіе Турнефора на Араратъ описано имъ во второмъ томѣ его Relation d'un voyage du Levant par M. Pitton de Tournefort (Amsterdam 1718). Разсказъ страдаетъ нѣкоторымъ преувеличеніемъ испытанныхъ путешественникомъ трудностей и лишеній, но въ общемъ отличается живостью и рельефностью.

Утромъ 10 августа 1701 г. Турнефоръ прибылъ съ своими спутниками въ селеніе Ахури (Acourlou) и, послѣ короткаго отдыха въ заброшенномъ монастырѣ Аракелоцъ-ванкъ, предпринялъ въ тотъ же день восхожденіе на Араратъ. Мы увидимъ далѣе, что подъемъ изъ долины св. Якова, т. е. съ сѣверо-восточной стороны, представляетъ наиболѣе затрудненій какъ по крутизнѣ склона, такъ и по свойствамъ почвы. Неудивительно поэтому, что Турнефоръ почти съ первыхъ же шаговъ жалуется на трудность подъема по склонамъ, покрытымъ рыхлыми породами. Скудная растительность довершила дурное впечатлѣніе, произведенное Араратомъ на путешественника. Вмѣсто роскошной и единственной въ своемъ родѣ флоры, которую Турнефоръ разчитывалъ найти на горѣ Ноя, взорамъ его представились снѣга, голыя черныя скалы и вулканическій песокъ, среди котораго кое-гдѣ встрѣчались можжевельникъ и какія-то колючки (Epine de bouc). Нѣсколько интересныхъ и новыхъ растеній, найденныхъ путешественникомъ выше на горѣ, не могли уже изгладить перваго непріятнаго впечатлѣнія, и разочарованный ботаникъ описываетъ Араратъ

какъ въ высшей степени унылую и некрасивую гору, на которой нѣтъ ни деревца, ни кустика, ни признаковъ человѣческаго жилья.

Любопытно замѣчаніе, сдѣланное Турнефоромъ по поводу разрыхленныхъ породъ, покрывающихъ мѣстами поверхность Арарата. Онъ бросилъ это замѣчаніе мимоходомъ, не подозрѣвая конечно того, что указалъ на одно изъ самыхъ характерныхъ свойствъ вулканическихъ породъ Арарата. Только чрезъ полтора столѣтія другой знаменитый араратскій путешественникъ, академикъ Абихъ, высказалъ тоже замѣчаніе, но уже въ видѣ строго научнаго положенія. „Вся поверхность Арарата, говоритъ Турнефоръ, покрыта или снѣгами или сыпучимъ пескомъ. Кажется даже, что гора эта сама изо дня въ день работаетъ надъ своимъ разрушеніемъ". (Il semble même que cette montagne se consomme tout les jours).

По изслѣдованіямъ акад. Абиха, порфировидныя породы, составляющія Араратъ, проникнуты огромнымъ количествомъ небольшихъ кристалловъ желѣзнаго колчедана (пирита). Подъ вліяніемъ воздуха и влажности, минералъ этотъ превращается въ растворимую соль (желѣзный купоросъ). Купоросъ выщелачивается водою и вслѣдствіе этого порода теряетъ свою плотность и частью распадается въ глинообразную массу, частью дѣлается рыхлою, измѣняя свой первоначальный темно-сѣрый цвѣтъ въ красновато-желтый и бѣлый.

Такимъ образомъ, говоритъ акад. Абихъ, сама природа вложила въ толщу Арарата сѣмена погибели, работающей хотя медленно, но постоянно надъ его разрушеніемъ. Сила этого процесса видна лучше всего на всемъ протяженіи разрушенныхъ породъ въ долинѣ св. Якова и особенно въ ледниковомъ ущельѣ на ея концѣ. Проѣзжающіе по почтовому тракту изъ Эривани въ Нахичевань могутъ замѣтить громадный выносъ, выступающій изъ долины св. Якова на равнину Аракса подобно наносной дельтѣ при устьѣ большой рѣки. Этотъ выносъ можетъ отчасти служить мѣриломъ того гигантскаго разрушенія, которое упомянутые выше дѣятели успѣли произвести до сихъ поръ. (*Abich*: die Besteigung des Ararat въ Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs. St.-Petersb. 1849. Bändchen 13, pp. 67—69).

Но возвратимся къ нашему путешественнику. Къ вечеру Турнефоръ добрался до лѣтнихъ кочевокъ и нашелъ пріютъ у пастуховъ. Они совѣтовали ему не идти далѣе, такъ какъ онъ нигдѣ не найдетъ ни капли воды вплоть до предѣла вѣчныхъ снѣговъ и рискуетъ, прежде чѣмъ доберется до нихъ, умереть отъ сильной жажды, если не обладаетъ способностью верблюда напиваться разъ на цѣлыя сутки; тащить же съ собою достаточный запасъ воды невозможно при затруднительности и крутизнѣ подъемовъ на гору. Наконецъ, пастухи увѣряли, что восхожденіе на Араратъ есть чистое безумство. что на это не хватитъ человѣческихъ силъ и что они сами ни за какія блага не согласятся участвовать въ этомъ предпріятіи. Такимъ образомъ положеніе Турнефора было очень затруднительно. Но любовь къ ботаникѣ и неоставленная еще надежда найти наконецъ новыя и самыя необыкновенныя растенія на горѣ, по которой праотецъ Ной спустился на землю, преодолѣли всѣ опасенія и путники рѣшились подняться до предѣла снѣговъ.

На другой день, съ разсвѣтомъ, тронулись далѣе. Надо думать, что Турнефоръ и его спутники были очень мало опытны въ искуствѣ восхожденія на высокія горы. Напуганные разсказами пастуховъ о недостаткѣ воды, они думали пособить горю тѣмъ, что нетолько плотно поѣли предъ походомъ, но и старались напиться воды на цѣлый день. Не смотря на то, что подъемъ совершался съ роздыхами и уклоненіями въ стороны для сбора растеній, путь показался имъ настолько труднымъ, что они нѣсколько разъ подумывали о возвращеніи. Почва оставалась таже: сыпучій песокъ, прерываемый только мѣстами небольшими лужайками. Для облегченія подъема Турнефоръ направился къ поясу скалъ. Здѣсь путь былъ гораздо удобнѣе, но вскорѣ явились новыя затрудненія въ видѣ множества камней, по ко-

торымъ приходилось прыгать какъ по взрытой мостовой. Въ полдень унылое настроеніе Турнефора измѣнилось къ лучшему: казалось, что снѣгъ уже очень близокъ, всего въ разстояніи нѣсколькихъ минутъ, по ту сторону скалистаго гребня. Но радость была очень непродолжительна: отъ гребня до снѣга оставалось еще болѣе, чѣмъ два часа пути по поверхности, усѣянной мелкими камнями, острыми какъ осколки кремней. Проводники жаловались на потерю обуви, напоминали о приближеніи вечера и настаивали на возвращеніи. Тогда было рѣшено дойти только до ближайшаго снѣжнаго пятнышка, виднѣвшагося вдали. Пятнышко это было наконецъ достигнуто и оказалось снѣжною залежью въ 30 фут. въ поперечникѣ и въ 4 фут. толщины. Всѣ бросились къ снѣгу утолять свою жажду.

Обратное путешествіе пошло конечно живѣе, хотя сыпучая почва и тутъ представляла затрудненія. Мѣстами путники погружались въ нее до пояса. Ниже дѣло пошло нѣсколько лучше, такъ какъ они вышли на луговыя пространства, по которымъ можно было удобно скользить. Только поздно вечеромъ Турнефоръ прибылъ наконецъ въ монастырь св. Якова и такъ какъ тамъ нельзя было достать ни пищи, ни воды, то въ туже ночь перешелъ въ селеніе Ахури. 13 августа онъ былъ уже въ Эчміадзинѣ.

Разсказъ Турнефора слишкомъ бѣденъ топографическими подробностями для того, чтобы можно было точно опредѣлить направленіе, по которому совершалось восхожденіе. Несомнѣнно только, что Турнефоръ поднимался по сѣверо-восточному склону Арарата, по краю долины св. Якова и именно по правой ея сторонѣ. Эта послѣдняя подробность выясняется изъ того мѣста его описанія, гдѣ онъ говоритъ, что при спускѣ съ горы взялъ *на лѣво* для того, чтобы подойти къ краю пропасти, т. е. долины св. Якова. Еще труднѣе опредѣлить высоту, до которой поднялся Турнефоръ. Для этого въ описаніи его нѣтъ никакихъ указаній. Въ виду того, что онъ дошелъ до начала снѣжныхъ залежей, можно думать, что высота, имъ достигнутая, была не очень значительна и во всякомъ случаѣ не превышла 13710

фут., т. е. высоты снѣжной линіи на сѣверномъ склонѣ Арарата.

Турнефоръ, вспоминая испытанныя имъ во время похода трудности и опасности, называетъ себя въ шутку *мученикомъ ботаники* (Martyr de la botanique). Но восхожденіе его было плодотворно не для одной только науки о растеніяхъ. Оно внесло въ землеописаніе, знавшее до тѣхъ поръ только легендарный Араратъ, свѣдѣнія объ Араратѣ настоящемъ, такомъ, каковъ онъ есть въ дѣйствительности. Разсказъ Турнефора, какъ уже было замѣчено, страдаетъ нѣкоторыми преувеличеніями, но въ общемъ довольно точно изображаетъ физическія свойства Арарата, бывшія до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстными. Онъ видѣлъ гору, лишенную воды и бѣдную растеніями, каменистую и безлюдную; онъ тщетно искалъ въ этой пустынѣ тѣхъ многочисленныхъ благочестивыхъ отшельниковъ и монаховъ, о которыхъ разсказывали Струйсъ и другіе путешественники.

Турнефоръ прекратилъ свое восхожденіе у первой залежи снѣга и, такимъ образомъ, вся верхняя область Арарата осталась надолго въ полной власти легенды и фантастическихъ разсказовъ. Завоеваніе ея для науки совершилось только чрезъ 130 лѣтъ, вслѣдъ за присоединеніемъ Арарата къ Россіи послѣ персидской кампаніи князя Паскевича.

ФРИДРИХЪ ПАРРОТЪ.

(27 сентября 1829 г.).

Исторія восхожденій на вершину Б. Арарата начинается съ путешествія дерптскаго профессора д-ра Фр. Паррота въ 1829 г. Ему принадлежитъ честь проложенія перваго пути на вершину Арарата и ему же первому пришлось испытать всю силу предразсудка, отрицающаго до сихъ поръ возможность удачнаго восхожденія. Весь отчетъ Паррота о

пребываніи его на вершинѣ горы былъ объявленъ вымышленнымъ. Замѣчательно, что это несправедливое обвиненіе, глубоко оскорбившее Паррота, было высказано публично лицомъ, вовсе не принадлежавшимъ къ той средѣ, недовѣріе которой могло бы быть оправдано невѣжествомъ и суевѣрнымъ убѣжденіемъ въ недоступности для простаго смертнаго вершины священной горы. Роль обвинителя Паррота взялъ на себя человѣкъ образованный, свободный отъ туземныхъ предразсудковъ, получившій впослѣдствіи ученую награду—половину Демидовской преміи—за описаніе Армянской области. Ниже будутъ приведены нѣкоторыя подробности объ этомъ недостойномъ обвиненіи, теперь приступимъ къ разсказу о восхожденіи Паррота.

11 сентября 1829 г. Парротъ и его спутники, оставивъ за собою сел. Ахури *), только что потерпѣвшее отъ чумной заразы, свирѣпствовавшей въ Персіи и Турціи въ этомъ году, прибыли въ монастырь св. Якова, который былъ избранъ путешественниками какъ главная ихъ квартира во время научныхъ работъ на Араратѣ.

Такъ какъ по случаю поздняго времени года мѣшкать было нельзя, то на другой же день по прибытіи въ монастырь Парротъ рѣшился воспользоваться ясной погодой для пробной экскурсіи на гору. Въ 7 ч. утра Парротъ и сопровождавшій его изъ Дерпта студентъ медицины Карлъ Шиманнъ выступили съ проводниками изъ монастыря и направились сначала вверхъ по долинѣ, потомъ по ея правому склону къ источнику св. Якова. Отсюда они поднялись на травянистую возвышенность, образующую правую сторону долины. Въ 6 ч. послѣ полудня, уже не въ далекомъ разстояніи отъ снѣговъ, путешественники остановились на ночлегъ среди обломковъ скалъ, на высотѣ 12,443 ф. Кругомъ, на тѣнистыхъ мѣстахъ, уже лежалъ свѣжевыпавшій снѣгъ; термометръ стоялъ на нулѣ. Парротъ и Шиманнъ, имѣвшіе

*) Парротъ, подобно другимъ новѣйшимъ путешественникамъ, неправильно называетъ это селеніе Аргури или Арк-ури. Ниже будетъ указано когда и при какихъ обстоятельствахъ явилось это, многозначительное, но неправильное названіе.

съ собою теплое платье, устроились довольно сносно, но сопровождавшій ихъ охотникъ изъ сел. Ахури по имени Саакъ (Исаакъ) сильно страдалъ отъ холода: по туземному обычаю, его грудь и ноги отъ колѣна до ступни было обнажены. Не имѣя съ собою запаса теплой одежды, Парротъ обернулъ голыя ноги Саака нѣсколькими листами пропускной бумаги, взятой для сушки растеній.

Съ разсвѣтомъ 13 сентября восхожденіе продолжалось. Парротъ направился къ восточной сторонѣ Арарата и вскорѣ достигъ склона, спускающагося непосредственно отъ вершины. Склонъ этотъ пересѣченъ нѣсколькими скалистыми гребнями, между которыми лежатъ глубокія впадины или разсѣлины, наполненныя ледниками. Нѣсколько такихъ гребней и разсѣлинъ отдѣляло путешественниковъ отъ восточной стороны горы. Первый гребень и лежавшій за нимъ ледникъ были пройдены благополучно. На высотѣ втораго гребня охотникъ Саакъ отказался слѣдовать далѣе. Парротъ и Шиманнъ продолжали путь одни и, перейдя чрезъ второй ледникъ, дошли до третьяго гребня. Здѣсь они повернули круто вверхъ и, перейдя этотъ гребень, достигли на высотѣ 14, 047 фут. нижняго края снѣжнаго покрова, который тянулся отсюда непрерывно до самой вершины.

Такъ какъ путешественники не имѣли съ собою никакихъ приспособленій для восхожденія по снѣжному склону, то они рѣшились направиться къ виднѣвшемуся далѣе зазубренному скалистому гребню, разсчитывая добраться по немъ почти до самой вершины. Пробивая въ фирнѣ, покрытомъ тонкимъ слоемъ свѣжаго снѣга, своими альпійскими посохами углубленія для ногъ, путники добрались благополучно до своей цѣли и начали восхожденіе вдоль гребня по толстому слою свѣжаго снѣга, наметеннаго вѣтромъ около скалъ.

Удача, сопровождавшая до сихъ поръ предпріятіе, давала надежду, что экспедиція, предпринятая только для пробы силъ и ознакомленія съ свойствами горы, завершится, вопреки всякаго ожиданія, достиженіемъ самой вершины. Но усталость и поздній часъ дня настоятельно напоминали о

необходимости возвращенія. Въ 3 часа путники достигли верхней оконечности гребня на высотѣ 15,507 фут., а между тѣмъ вершина казалась еще такъ высоко надъ ними, что до нея оставалось еще нѣсколько часовъ ходьбы. Вслѣдствіе этого, продолжая восхожденіе, путники могли быть поставлены въ необходимость или провести ночь на вершинѣ Арарата безъ всякой защиты отъ холода и вѣтра и подвергнуться всѣмъ случайностямъ внезапной перемѣны погоды, или же предпринять еще болѣе опасный спускъ ночью среди невѣдомаго лабиринта скалъ и ледниковъ. Всѣ эти соображенія и, сверхъ того, недостатокъ съѣстныхъ припасовъ побороли страстное желаніе Паррота воспользоваться до конца удачно сложившимися обстоятельствами.

Путешественники съ сожалѣніемъ повернули назадъ и вслѣдъ затѣмъ получили возможность испытать одну изъ тѣхъ непріятныхъ случайностей, которыя ожидали ихъ, только съ болѣе печальными послѣдствіями, при спускѣ ночью по склону, покрытому непрерывнымъ слоемъ твердаго фирна на протяженіи болѣе одной версты. Шиманнъ, шедшій въ разстояніи 20 шаговъ позади Паррота, поскользнулся на спускѣ, потерялъ равновѣсіе и покатился внизъ. Парротъ, имѣвшій на сапогахъ подвязанныя подошвы съ шипами, успѣлъ укрѣпиться на склонѣ и, опершись правою рукою на свой альпійскій посохъ, лѣвою рукою схватилъ пролетавшаго мимо Шиманна. Но сдѣланное имъ при этомъ напряженіе было такъ сильно, что подвязанныя подошвы оторвались, и Парротъ, потерявъ равновѣсіе, покатился внизъ вмѣстѣ съ своимъ спутникомъ. Шиманну удалось первому ухватиться за встрѣчные камни; Парротъ же прокатился еще около полуверсты и остановился только около обломковъ лавы, недалеко отъ нижняго края ледника.

Къ счастью путешественники не получили никакихъ серьезныхъ поврежденій и отдѣлались только испугомъ и потерею нѣкоторыхъ своихъ вещей. Особенно чувствительна была поломка барометра. Оправившись, они продолжали спускъ, переночевали въ поясѣ луговъ и на третій день прибыли въ монастырь св. Якова.

Такимъ образомъ *возможность* восхожденія на Араратъ была доказана. Оставалось еще для полной убѣдительности подняться на самую вершину.

18 сентября Парротъ предпринялъ новое восхожденіе, но уже не для пробы, а съ намѣреніемъ взойти на вершину. Кромѣ самого профессора и его спутниковъ студентовъ Шиманна и Бехагеля, въ экспедиціи приняли участіе діаконъ Абовьянъ изъ Эчміадзина, четыре поселянина изъ Ахури, три солдата 41 егерскаго полка и одинъ погонщикъ. Въ числѣ ахурійцевъ находился и сельскій старшина Степанъ-ага. По его совѣту восхожденіе было предпринято на этотъ разъ по западному, болѣе пологому склону Арарата.

Поднявшись по лѣвой сторонѣ долины, экспедиція пересѣкла сѣверный скатъ горы въ западномъ направленіи и, пройдя чрезъ поясъ скалъ, достигла послѣ пяти часовъ пути травянистой, почти горизонтальной равнины, извѣстной у татаръ подъ названіемъ Кип-гёль. Здѣсь, на высотѣ 11577 фут., былъ сдѣланъ привалъ.

Отъ Кип-гёля склонъ Арарата поднимается очень круто, но восхожденіе не представляетъ никакихъ особенныхъ затрудненій, такъ какъ поверхность покрыта растительностью; далѣе, впрочемъ, вплоть до пояса снѣговъ, тянется опять пустынная скалистая область.

Продолжая восхожденіе, путники достигли на высотѣ 12623 фут. нижняго края обширнаго снѣжнаго поля, соединяющагося съ снѣжною областью Арарата. Въ 6 часовъ вечера, на высотѣ 13158 фут., уже недалеко отъ снѣжной линіи, былъ сдѣланъ привалъ для ночлега подъ защитою большихъ скалъ. Здѣсь были оставлены вьючныя животныя и конь Степана-аги. Ночь была холодна, но прошла спокойно.

19 сентября въ $6\frac{1}{2}$ ч. утра экспедиція тронулась въ путь и чрезъ два часа дошла до границы снѣговъ на высотѣ 14332 фут. Затруднительное и утомительное карабканье между скалами и по скаламъ, въ безпорядкѣ нагроможденнымъ одна на другую, окончилось. Наступили трудности другаго рода. Довольно пологій скатъ, покрытый

слоемъ свѣжаго снѣга, дававшаго достаточный упоръ для ногъ, перешелъ чрезъ нѣсколько сотъ шаговъ въ очень крутой подъемъ. Ноги скользили на фирновой поверхности, такъ какъ покрывавшій ее слой снѣга не былъ достаточно толстъ. Для облегченія и безопасности подъема пришлось вырубать ступени. Это искуство, выработанное практикою современныхъ альпійскихъ ходоковъ и преимущественно англичанами, не было повидимому вполнѣ знакомо нетолько спутникамъ Паррота, неимѣвшимъ конечно никогда и случая заниматься имъ, но и самому профессору. Къ тому же у нихъ не было и тѣхъ топориковъ, которые составляютъ нынѣ существенную часть вооруженія каждаго путешественника по альпійскимъ высотамъ и вполнѣ приноровлены для этого дѣла. Только нѣкоторые изъ спутниковъ Паррота имѣли съ собою топоры, другіе же дѣйствовали небольшими крючками и горными посохами. Опытъ альпійскихъ ходоковъ установилъ также извѣстный порядокъ въ шествіи при подъемѣ по снѣжнымъ поверхностямъ: такъ какъ на долю идущаго во главѣ экспедиціи падаетъ наиболѣе утомительная обязанность вырубанія ступеней, то для сохраненія силъ, весьма легко истощающихся на высокихъ уровняхъ, всѣ члены экспедиціи становятся по очереди во главѣ ея. Парротъ по обстоятельствамъ не могъ слѣдовать этому правилу: за исключеніемъ его ученыхъ спутниковъ Шиманна и Бехагеля, всѣ остальные участники похода относились къ предпріятію или совершенно безучастно, или же были вполнѣ убѣждены въ безумствѣ всякой попытки подняться на вершину горы, охраняемую самимъ Богомъ отъ оскверненія ея людьми. Вслѣдствіе этого Парроту, для поддержанія своего авторитета и увѣренности въ доступности вершины, было необходимо самому стоять во главѣ всего предпріятія. При этихъ условіяхъ восхожденіе шло крайне медленно, и Парротъ самъ говоритъ, что, несмотря на всю затруднительность пути чрезъ скалы, они успѣли подняться въ теченіе одного часа на 1000 ф. по вертикальному направленію, тогда какъ въ предѣлахъ снѣжной области подъемъ въ одинъ часъ не превышалъ 500 фут. Къ замедленію,

произведенному необходимостью вырубанія ступеней, присоединилась вскорѣ задержка, вызванная переправою чрезъ трещину, имѣвшую до 5 фут. ширины. Вскорѣ путники достигли крутаго снѣжнаго уступа, который Парротъ называетъ почти отвѣснымъ. Здѣсь было рѣшено поворотить назадъ, такъ какъ до вершины, по разсчету, оставалось еще около трехъ часовъ пути, а между тѣмъ поднявшійся влажный и сильный вѣтеръ предвѣщалъ снѣжную мятель. Прежде чѣмъ начать спускъ, Парротъ занялся пріисканіемъ удобнаго мѣста для постановки взятаго имъ съ собою деревяннаго креста. Ему хотѣлось поставить его такъ, чтобы онъ былъ видѣнъ снизу изъ монастыря св. Якова или, по крайней мѣрѣ, изъ Эривани и служилъ бы для сомнѣвающихся неоспоримымъ доказательствомъ возможности восхожденія на Араратъ до очень значительной высоты. Такой пунктъ нашелся въ разстояніи около одной версты отъ того мѣста, гдѣ остановилась экспедиція. Здѣсь, на высотѣ 16133 фут., при участіи всѣхъ спутниковъ была выбита въ снѣгу яма глубиною въ два фута и крестъ водруженъ въ ней лицевою стороною къ Эривани. Парротъ разсчитывалъ, что черная окраска креста дастъ возможность отличить его въ зрительную трубу на бѣломъ фонѣ снѣжнаго уступа. Но разсчетъ этотъ не подтвердился, и впослѣдствіи, будучи уже въ Эривани, Парротъ не могъ усмотрѣть поставленнаго имъ памятника. Къ кресту была привинчена свинцовая доска въ 29 фунт. вѣсу, съ надписью:

Nicolao Pauli filio
totius Rutheniae autocratore
jubente
hoc asylum sacrosanctum
armata manu vindicavit
fidei Christianae
Ioannes Friederici filius
Paskewitsch ab Erivan
Anno Domini MDCCCXXVI

20 сентября въ 10 ч. утра Парротъ возвратился въ монастырь св. Якова. Вторая неудача нисколько не ослаби-

ла его энергіи и увѣренности въ исполнимости задуманнаго предпріятія. 26 сентября, воспользовавшись наступленіемъ ясной и тихой погоды, Парротъ предпринялъ третье восхожденіе, увѣнчавшееся на этотъ разъ полнымъ успѣхомъ. Первыя двѣ попытки достаточно доказали ему необходимость соблюденія того правила, которое нынѣ считается основнымъ въ искуствѣ восхожденія на альпійскія вершины, а именно: для успѣха предпріятія, если оно можетъ быть окончено въ одинъ день, необходимо провести ночь какъ можно выше, для того, чтобы имѣть возможность съ первыми проблесками разсвѣта тронуться налегкѣ въ путь, достигнуть предположенной цѣли и засвѣтло возвратиться въ свой лагерь.

Еще до наступленія полудня экспедиція дошла до Кипгёля и послѣ полуторачасоваго привала тронулась далѣе. Въ 5½ ч. путешественники находились уже недалеко отъ снѣжной линіи и разбили свой лагерь среди скалъ на высотѣ 13, 893 фут., т. е. на 700 фут. выше, чѣмъ при восхожденіи 18 сентября. Ночь прошла совершенно спокойно и путники даже не страдали отъ холода: несмотря на столь значительную высоту и позднее время года, температура воздуха была 4½° R.

Въ 5½ ч. утра 27 сентября экспедиція тронулась въ дальнѣйшій путь и чрезъ полчаса вступила на снѣжную поверхность почти въ томъ же самомъ пунктѣ, гдѣ и 19 сентября. Но свойства этой поверхности уже не были такъ благопріятны, какъ прежде: свѣжій снѣгъ растаялъ и превратился въ твердый фирнъ, такъ что, несмотря на незначительность уклона, путешественники уже съ первыхъ шаговъ должны были въ значительной мѣрѣ напрячь свои силы. Въ 10 ч. они подошли къ тому снѣжному уступу, который при восхожденіи 19 сентября былъ достигнутъ около полудня и отъ котораго они тогда повернули назадъ, опасаясь снѣжной мятели.

При помощи вырубанія ступеней путешественники поднялись на короткій, но крутой уступъ и надѣялись, что теперь отъ желанной цѣли отдѣляетъ ихъ еще одно только

возвышеніе, изъ за котораго виднѣлась вершина Арарата. Но это былъ обманъ перспективы, которому поддаются иногда самые опытные альпійскіе ходоки: за ближайшимъ возвышеніемъ оказался еще цѣлый рядъ снѣжныхъ холмовъ, закрывшихъ даже совсѣмъ видъ на вершину Арарата. Сомнѣніе и надежда смѣнялись въ сердцѣ Паррота; но настойчивость въ преслѣдованіи поставленной цѣли одержала побѣду надъ минутнымъ уныніемъ и въ 3¼ часа пополудни 27 сентября 1829 г. Парротъ первый изъ смертныхъ вступилъ на вершину Б. Арарата!

Вершина, на которой находился Парротъ съ своими спутниками, представляла слегка выпуклую, почти круго-образную поверхность, имѣвшую около 200 шаговъ въ окружности; склонъ ея падалъ довольно круто во всѣ стороны, особенно къ югу и сѣверо-востоку. Къ востоку виднѣлась другая, меньшая вершина, отдѣленная отъ западной плоскою снѣжною сѣдловиною. Парротъ опредѣлилъ на глазомѣръ разстояніе между обѣими вершинами въ одну версту, но спутникъ его астрономъ Федоровъ, производившій тріангуляцію, нашелъ это разстояніе равнымъ 187 туазамъ (1122 пар. фут.), т. е. около одной трети версты. Точно также, по измѣреніямъ Федорова, произведеннымъ съ равнины Аракса, оказалось, что восточная вершина ниже западной только на 7 футовъ, а именно онъ получилъ для западной вершины 2678,26 туаз., а для восточной 2676,32 туаз. Парроту раница въ высотѣ обѣихъ вершинъ казалась, при сравненіи на глазъ, гораздо значительнѣе.

Высшая точка западной вершины лежитъ, по барометрическому опредѣленію Паррота, на высотѣ 16254 париж. фут. (2709 туаз. или 17323 англ. фута). На сѣверо-восточной сторонѣ этой главной вершины, на 30 фут. ниже ея высшей точки, сопровождавшій Паррота діаконъ Абовьянъ *) воздвигъ небольшой (въ 5 футовъ) черный крестъ, принесенный имъ самимъ на вершину.

*) Замѣчательна судьба этого человѣка. Хачатуръ Абовьянъ, родомъ изъ сел. Канакиръ, близъ Эривани, былъ діакономъ въ Эчміад-

Спустя годъ послѣ окончанія путешествія, когда Парротъ былъ занятъ составленіемъ отчета о своей экспедиціи, нѣкто Ив. Ив. Шопенъ, бывшій въ то время предсѣдателемъ управленія по доходамъ и казеннымъ имуществамъ Армянской области (какъ тогда называлась нынѣшняя Эриванская губернія), высказалъ сомнѣніе въ правдивости показаній Паррота относительно восхожденія его на вершину Арарата. Къ сожалѣнію, я не имѣю возможности привести здѣсь доказательства Шопена противъ Паррота, такъ какъ „Тифлисскія вѣдомости", въ которыхъ были напечатаны какъ заявленіе Шопена, такъ и возраженіе Паррота, составляютъ большую рѣдкость, и въ Тифлисѣ, насколько мнѣ извѣстно, не существуетъ ни одного экземпляра этой газеты за 1831 г.

Извѣстный ботаникъ Карлъ Кохъ, путешествовавшій по Кавказу въ 1836—39 гг. и знавшій лично и Паррота и Шопена, полагаетъ, что главною причиною сомнѣнія Шопена въ правдивости показаній Паррота была зависть, такъ

зинскомъ монастырѣ. Когда Парротъ, предъ восхожденіемъ на Араратъ, посѣтилъ Эчміадзинъ, молодой Абовьянъ, знавшій русскій, армянскій, персидскій и татарскій языки, былъ данъ путешественнику въ качествѣ переводчика. Парротъ отзывается съ величайшею похвалою объ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ Абовьяна. Съ своей стороны и профессоръ произвелъ на Абовьяна глубокое впечатлѣніе. Молодой человѣкъ жаждалъ знанія и томился въ своемъ монастырѣ. По неотступнымъ просьбамъ его, Парротъ выхлопоталъ для него разрѣшеніе и необходимыя средства для поступленія въ Дерптскій университетъ. Чрезъ шесть лѣтъ онъ возвратился на родину и занялъ въ Тифлисѣ мѣсто учителя, открывъ вмѣстѣ съ тѣмъ и частный пансіонъ для молодыхъ армянъ. Морицъ Вагнеръ, бывшій въ Тифлисѣ проѣздомъ къ Арарату въ 1843 г., говоритъ много хорошаго объ этомъ пансіонѣ. Впослѣдствіи Абовьянъ былъ переведенъ учителемъ-же въ Эривань. Со времени возвращенія изъ Дерпта Абовьянъ, отлично изучившій нѣмецкій языкъ, былъ постояннымъ спутникомъ всѣхъ нѣмецкихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Закавказье. Такъ, онъ сопровождалъ Морица Вагнера и барона Гакстгаузена во время ихъ путешествій по Арменіи. Смерть Абовьяна была также неожиданна, какъ и его жизненная карьера: однажды онъ вышелъ изъ дому и болѣе уже невозвращался. Всѣ поиски остались совершенно тщетными.

какъ онъ самъ дважды пытался подняться на вершину Арарата и оба раза потерпѣлъ полную неудачу. Достаточно взглянуть на фигуру Шопена, говоритъ Кохъ, чтобы убѣдиться въ полной непригодности его для восхожденія на Араратъ, тогда какъ Парротъ, по своему тѣлосложенію, былъ какъ-бы созданъ для предпріятій подобнаго рода. (K. Koch: Reise durch Russland nach dem Kaukasishen Isthmus. Stuttgart und Tübingen, 1843, zweiten Theil, s. 411).

Сомнѣніе Шопена, очень охотно подтвержденное армянами, недопускающими и до сихъ поръ возможности восхожденія на вершину Арарата, проникло въ иностранную печать и пріобрѣло наконецъ такое распространеніе, что Парротъ нашелся вынужденнымъ, для поддержанія своей чести и добраго имени, обратиться къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія свѣтлѣйшему князю Ливену съ просьбою объ исходатайствованіи высочайшаго повелѣнія на производство формальнаго допроса участниковъ экспедиціи.

Желаніе Паррота было исполнено *) и четверо спутниковъ его: жители сел. Ахури Ованесъ Айвасіанъ и Муратъ Погосіанъ и двое рядовыхъ 41 егерскаго полка Алексѣй Здоровенко и Матвѣй Чалпановъ были допрошены подъ присягою относительно обстоятельствъ восхожденія.

*) Считаю нелишнимъ привести здѣсь изъ Актовъ Кавказской Археографической Коммисіи (томъ VII, № 458, стр. 503) отношеніе кн. Ливена къ генералъ-лейтенанту Панкратьеву отъ 25 іюля 1831 г. за № 5793, въ которомъ изложена въ нѣсколькихъ словахъ полемика между Парротомъ и Шопеномъ.

„Въ № 5 *Тифлисскихъ Вѣдомостей* сего года нѣкто г. Шопенъ утверждаетъ, что со времени Ноя никто не былъ на вершинѣ Арарата, на что издатель сихъ Вѣдомостей замѣтилъ, что на сказанную гору всходилъ профессоръ Дерптскаго университета Парротъ.

„Въ одномъ изъ слѣдующихъ №№ сихъ-же Вѣдомостей Шопенъ помѣстилъ въ свое оправданіе такія основанія, кои, по его мнѣнію, заставятъ всѣхъ жителей Арменіи и прочаго свѣта сомнѣваться въ истинѣ показанія Паррота. Основанія сіи взяты частью изъ мѣстнаго свойства горы и частью изъ засвидѣтельствованія нѣкоторыхъ людей.

„Парротъ, увѣдомляя меня о семъ, изъясняетъ, что первое изъ основаній Шопена, т. е. о мѣстномъ свойствѣ горы Арарата, онъ

Интересующіеся ходомъ дѣла могутъ прочитать показанія допрошенныхъ лицъ какъ въ сочиненіи самаго Паррота (Reise zum Ararat. Berlin. 1834, I, ss. 168 sqt.) въ переводѣ на нѣмецкій языкъ, такъ и въ русскомъ подлинникѣ въ Актахъ Кавказской Археографической Коммиссіи (томъ VIII № 386 стр. 503—504).

Показанія эти, какъ и слѣдовало ожидать, не привели ни къ какому положительному результату. Съ одной стороны давность времени (показанія были сняты чрезъ два съ лишкомъ года, а именно въ октябрѣ 1831 г.) изгладила въ памяти свидѣтелей и участниковъ многія обстоятельства событія, мало интересовавшаго ихъ своими подробностями, съ другой—суевѣрное убѣжденіе въ недоступности вершины Арарата отразилось и на самыхъ воспоминаніяхъ туземцевъ-проводниковъ о восхожденіи.

Солдаты Здоровенко и Чалпановъ показали коротко, что они были съ Парротомъ на вершинѣ. Всѣ подробно-

---

постарается опровергнуть своимъ на ихъ отвѣтомъ въ *Тифлисскихъ Вѣдомостяхъ* и доказать, что Шопенъ неимѣетъ столько познанія ни о мѣстномъ положеніи Арарата, ни вообще о физическомъ свойствѣ высокихъ горъ, чтобы судить о семъ предметѣ и чернить безпорочное до сего имя путешествовавшаго къ Арарату.

„Для опроверженія втораго основанія Шопена Парротъ неимѣетъ другаго средства, кромѣ засвидѣтельствованія тѣхъ людей, кои были съ нимъ на вершинѣ Арарата; но ссылки на таковое засвидѣтельствованіе онъ не можетъ сдѣлать одностороннимъ и частнымъ образомъ безъ того, чтобы не навлечь на себя подозрѣнія. Предпріятіе его удостоилось обратить на себя особенное вниманіе Государя Императора, и потому онъ ласкаетъ себя надеждою, что начальство его будетъ содѣйствовать въ томъ, чтобы слѣдующіе люди (здѣсь перечисляются проводники и солдаты, имена которыхъ написаны выше) были допрошены подъ присягою въ присутственномъ мѣстѣ въ слѣдующемъ (слѣдуетъ рядъ вопросныхъ пунктовъ о подробностяхъ восхожденія).

„Честь драгоцѣнна для каждаго человѣка, кольми паче для извѣстнаго ученаго, пользовавшагося всегда добрымъ именемъ и видящаго, что нынѣ стараются помрачить оное въ такомъ дѣлѣ, которое важно для всей Европы вообще и для Россіи въ особенности. Посему я увѣренъ, что ваше прев-ство не отречетесь исполнить справедливаго прошенія Паррота и проч.

сти, т. е. время восхожденія, продолжительность пребыванія на вершинѣ, размѣры поставленнаго креста и пр., были ими или перепутаны или вовсе забыты. Они помнили твердо только то, что дѣйствительно интересовало ихъ и касалось лично во всемъ этомъ дѣлѣ, т. е. число дукатовъ и рублевиковъ, полученныхъ за труды какъ отъ самаго Паррота, такъ и отъ начальства.

Армяне напротивъ показывали съ большими подробностями и единогласно отрицали пребываніе Паррота на вершинѣ. Старшина меликъ Степанъ-ага, не сопровождавшій Паррота при послѣднемъ восхожденіи, тѣмъ не менѣе утверждалъ, что подъемъ на вершину невозможенъ какъ вслѣдствіе сильнаго холода, такъ и вслѣдствіе непреодолимой крутизны ледянаго покрова горы. На эти же причины указали и двое другихъ свидѣтелей Погосіанъ и Айвасіанъ.

Въ настоящее время, когда цѣлый рядъ путешественниковъ перебывалъ на вершинѣ Арарата и подтвердилъ точность описанія Паррота вида этой вершины, когда поверхность всей горы извѣстна намъ до мельчайшихъ подробностей и изображена на топографической картѣ; когда, наконецъ, доказано, что вершина Арарата болѣе легко доступна, чѣмъ какая либо другая изъ кавказскихъ вершинъ, одинаковой съ нимъ высоты,—не можетъ быть болѣе никакого сомнѣнія въ томъ, что Парротъ былъ дѣйствительно на вершинѣ Б. Арарата.

Было-бы оскорбительно для памяти достойнаго ученаго доказывать подробно точность и правдивость его отчета о восхожденіи. Всякій, кто дастъ себѣ трудъ прочитать этотъ очеркъ, убѣдится, я надѣюсь, въ томъ, что Шопенъ, позволившій себѣ такъ бездоказательно запятнать заслуженное имя, самъ легкомысленно поддался суевѣрному убѣжденію туземцевъ въ недоступности вершины Арарата.

Теперь это упорное предубѣжденіе, поддерживаемое главнымъ образомъ въ Эчміадзинѣ, уже никого болѣе не удивляетъ и не безпокоитъ, и всякій путешественникъ, направляющій стопы свои на вершину Арарата, долженъ ожидать, что на другой же день послѣ удачнаго восхожденія

достовѣрные свидѣтели будутъ утверждать, что онъ на вершинѣ не былъ, да и не могъ быть, такъ какъ она недоступна для смертныхъ. Этой участи подверглись въ свое время и Абихъ, и Ходзько, и англичане и вѣроятно подвергнутся еще и многіе будущіе путешественники.

Положеніе ихъ будетъ выгоднѣе положенія Паррота развѣ только въ томъ отношеніи, что въ настоящее время второй Шопенъ уже едвали возможенъ.

Легенда, приписывающая Б. Арарату такую важную роль въ исторіи всемірнаго потопа, и вѣра въ недоступность для человѣка священной вершины этой горы возникли въ сравнительно недавнее время. Мы не можемъ опредѣлить съ точностью эпохи появленія ихъ, но приводимыя ниже доказательства даютъ полное основаніе думать, что легенда, пріурочившая Ноевъ ковчегъ къ вершинѣ Б. Арарата, возникла гораздо позднѣе введенія христіанства въ Арменію и, быть можетъ, не ранѣе десятаго вѣка. Затѣмъ, имѣется основаніе думать, что легенда эта не есть созданіе народа, перешедшее впослѣдствіи въ книги, а напротивъ книжное произведеніе, усвоенное армянскимъ народомъ и постепенно укоренившееся въ немъ почти съ силою религіознаго догмата.

Извѣстно, что еврейская легенда о всемірномъ потопѣ (Бытія, 8, 3—4) говоритъ не о горѣ Араратѣ, а о горахъ Араратскихъ, т. е. о горахъ страны Араратъ и Араратской. Всѣ толкователи географическихъ свѣдѣній, заключащихся въ книгахъ Ветхаго Завѣта, согласны между собою въ томъ, что подъ страною Араратъ или Арарадъ, какъ она называется въ армянскомъ переводѣ Библіи, древніе евреи подразумѣвали высокую горную страну, лежащую къ сѣверу отъ равнинъ Месопотаміи, т. е. отрасли Тавра къ югу отъ озера Вана, входящія нынѣ въ составъ Курдистана (ср. *П. К. Услара:* „Древнѣйшія сказанія о Кавказѣ" въ Сборникѣ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, т. X, стр. 17 и сл.; *К. П. Патканова:* „Ванскія надписи и значеніе ихъ для исторіи передней Азіи" въ журн. Мин. Нар. Пр., 1875 г., іюнь). Слѣдовательно, еврейское преданіе о плаваніи ковчега имѣло въ виду вообще горы южной Арменіи или Курдистанскія, а никакъ не ту вершину, которая находится въ сѣверной Арменіи и извѣстна намъ нынѣ подъ именемъ Б. Арарата. У армянъ эта вершина называется и всегда называлась горою Масисъ. Нынѣшнимъ армянамъ русской Арменіи извѣстно, конечно, и названіе Араратъ, но оно усвоено ими въ недавнее время и не есть названіе народное.

Писатели первыхъ вѣковъ христіанства, упоминающіе о потопѣ и плаваніи ковчега, не знаютъ ничего о той роли, которая нынѣ приписывается Арарату (Масису) въ этихъ событіяхъ. Одни изъ нихъ, не опредѣляя ближе мѣста остановки ковчега, ограничиваются указаніемъ на Арменію. Другіе указываютъ прямо на Гордійскія горы, страну кардуевъ и пр., т. е. на нынѣшній Курдистанъ. Къ этимъ писателямъ примыкаютъ и армянскіе историки, мнѣніе которыхъ, какъ лучшихъ знатоковъ своего отечества и мѣстныхъ народныхъ легендъ, имѣетъ рѣшающее значеніе въ этомъ вопросѣ. Древнѣйшій изъ нихъ, Фаустъ Византійскій, жившій въ концѣ 4 вѣка, пишетъ въ своей „Исторіи Арменіи" (кн. 3, гл. 10), что гора Сарарадъ, на которой нашелъ пріютъ Ноевъ ковчегъ, находилась въ армянскихъ горахъ, въ Айраратскомъ владѣніи, въ области Кордукъ. Эта область, входившая въ составъ древней армянской провинціи Карджайкъ, находилась къ югу отъ Ванскаго озера. На ту же гору Сарарадъ указываетъ и историкъ 5 вѣка, славный Моисей Хоренскій, въ своемъ описаніи путешествія по Арменіи св. дѣвъ, спутницъ св. Рипсиме (см. „Исторія Арменіи" Моисея Хоренскаго, перев. Н. Эмина, стр. 249, примѣч. 49). Наконецъ, писатель 9 вѣка, Тома Арцруни, называетъ гору Кардукъ мѣстомъ успокоенія ковчега.

Фаустъ Византійскій сообщаетъ даже сказаніе о попыткѣ восхожденія на гору Сарарадъ, сдѣланной низибійскимъ епископомъ св. Яковомъ, родственникомъ св. Григорія Великаго Просвѣтителя Арменіи. Этотъ дивный праведный старецъ просилъ Бога дозволить ему видѣть ковчегъ, кото-

рый послѣ потопа остановился на горѣ Сарарадъ. Отправившись изъ своего города Низибиса (у армянъ Мецбинъ) къ священной горѣ, Яковъ предпринялъ восхожденіе на нее. Поднимаясь съ трудомъ по безводнымъ и скалистымъ склонамъ горы, старецъ и его спутники утомились и почувствовали жажду. Тогда великій Яковъ преклонилъ колѣна и вознесъ молитву—и вотъ образовался на томъ мѣстѣ источникъ, который и до сихъ поръ (такъ говоритъ историкъ) называется источникомъ Якова. Когда путникъ находился уже близъ вершины, на самомъ трудномъ мѣстѣ, усталость овладѣла имъ, и онъ погрузился въ глубокій сонъ. Въ сновидѣніи явился ему ангелъ и сказалъ: „Яковъ, Яковъ, Богъ услышалъ молитвы твои и исполнилъ твою просьбу: то, что у ногъ твоихъ, есть часть отъ ковчега. Возьми ее и не пытайся идти выше, такъ угодно Богу". Проснувшись, Яковъ преклонилъ колѣна и видитъ доску, будто отрубленную отъ какого-то большого дерева. Онъ взялъ ее и пустился со своими спутниками въ обратный путь. (Исторія Арменіи, кн. 3, гл. 10).

Въ теченіи вѣковъ эта наивная легенда подвергалась нѣкоторымъ дополненіямъ и украшеніямъ. Разсказываютъ, что Яковъ нѣсколько разъ поднимался къ вершинѣ горы, но всякій разъ, когда онъ засыпалъ отъ утомленія, ангелъ переносилъ его внизъ на то мѣсто, съ котораго началось восхожденіе.

Частица ковчега, принесенная по преданію св. Яковомъ съ горы Сарарадъ, хранится нынѣ въ Эчміадзинѣ какъ величайшая святыня армянской церкви.

Приведенный рядъ писателей доказываетъ, что по крайней мѣрѣ до 10 вѣка Масисъ, т. е. нынѣшній Б. Араратъ, не имѣлъ никакого отношенія къ легендѣ о всемірномъ потопѣ. Напротивъ, въ народныхъ преданіяхъ армянъ Масисъ является всегда съ характеромъ, совершенно противоположнымъ тому, который подобалъ-бы горѣ, спасшей человѣчество отъ окончательной гибели. По армянскимъ сказаніямъ, ведущимъ начало свое со временъ язычества, Масисъ есть главное мѣстопребываніе каджовъ, т. е. духовъ, которые

ревниво охраняютъ свое жилище отъ вторженія человѣка и увлекаютъ въ глубокія пропасти всякаго, осмѣливающагося переступить чрезъ завѣтную черту.

Такимъ изображаетъ Масисъ историкъ Моисей Хоренскій. Какъ духовный наставникъ народа, еще только недавно просвѣтившагося христіанствомъ, Хоренскій относился съ отвращеніемъ ко всѣмъ остаткамъ и проявленіямъ язычества и, конечно, охотно замѣнилъ бы языческое повѣрье библейскою легендою, если-бы въ его время послѣдняя была уже связана съ Масисомъ.

Но онъ былъ, очевидно, лишенъ этого обычнаго средства борьбы съ язычествомъ и ограничился тѣмъ, что далъ раціональное объясненіе языческому преданію объ Артаваздѣ, увлеченномъ каджами на гору Масисъ, и съ презрѣніемъ отбросилъ народный разсказъ объ этомъ событіи, какъ пустую выдумку старухъ. (Исторія Арменіи, перев. Н. Эмина, стр. 130).

Если трудно указать съ точностью время перенесенія на Масисъ мѣста дѣйствія легенды о выходѣ Ноя изъ ковчега, то также затруднительно опредѣлить и причины такого перенесенія. Можно думать, что однимъ изъ поводовъ было отожествленіе названія библейской страны Араратъ или Арарадъ, въ которой остановился ковчегъ, съ названіемъ армянской провинціи Айраратъ, входившей въ составъ Великой Арменіи. Случайно или нѣтъ это созвучіе названій—неизвѣстно, но оно могло дать поводъ считать Масисъ горою праотца Ноя, такъ какъ среди горныхъ вершинъ Айраратской провинціи Масисъ не имѣетъ равныхъ себѣ по высотѣ и величественности. Библейская легенда не указывала опредѣленно, на какой именно изъ горъ Араратскихъ остановился ковчегъ послѣ бурнаго плаванія надъ потопленною землею. Поэтому, если провинціи южной Арменіи указывали каждая въ своихъ предѣлахъ Ноеву гору, то и область Айраратъ могла съ нѣкоторымъ правомъ претендовать на эту честь: за нее говорили и названіе ея, и грозный видъ сѣдаго Масиса.

Послѣ принятія армянами христіанства, „Айраратская

провинція пріобрѣла въ глазахъ народа, по справедливому замѣчанію П. К. Услара, глубоконаціональный характеръ святости: въ ней, въ виду величественнаго Масиса, царь Тиридатъ и народъ его воспріяли св. крещеніе; край просвѣтлѣлъ воспоминаніями о мѣстахъ, гдѣ жилъ, страдалъ и подвизался св. Григорій, Просвѣтитель Арменіи. Подобно тому, какъ въ средніе вѣка Іерусалимъ почитался средоточіемъ вселенной, такъ и для армянъ окрестности Масиса представлялись средоточіемъ всего обширнаго отечества ихъ, даже средоточіемъ вселенной (мидшоц-ашхари), umbilicus mundi, откуда рѣки текутъ во всѣ четыре стороны свѣта". (Древнѣйшія сказанія о Кавказѣ, стр. 27).

Смутное время, наступившее въ Арменіи послѣ распаденія ея на нѣсколько частей подъ ударами послѣдовательнаго ряда завоевателей (персовъ, римлянъ, грековъ, арабовъ, турковъ-сельджуковъ и т. д.), ознаменовалось раздробленіемъ также и духовной власти: Арменія, подчинявшаяся первоначально единому Вагаршападскому патріарху, сидѣвшему въ Эчміадзинѣ, а съ 452 г. въ г. Двинѣ, имѣла въ 1085 году уже четыре отдѣльныя патріаршества, къ которымъ въ 1133 г. присоединилось еще особое патріаршество въ Ахтамарѣ, существующее и донынѣ. Позднѣе (въ 1441 г.), несмотря на возстановленіе патріаршаго престола въ Эчміадзинѣ, учредилось новое патріаршество въ Сисѣ. Такое раздѣленіе духовной власти повлекло за собою безконечные споры между патріархами о правѣ считаться истиннымъ преемникомъ св. Григорія. Къ этимъ смутамъ присоединились еще и политическіе раздоры и соперничество между множествомъ мелкихъ князей и владѣтелей, появившихся на развалинахъ армянскаго царства.

Весьма вѣроятно, что пріуроченіе къ Масису легенды о Ноевомъ ковчегѣ было вызвано отчасти желаніемъ подкрѣпить поколебленныя права Эчміадзинскаго престола на первенствующее значеніе въ религіозномъ отношеніи. Остановка ковчега на вершинѣ Масиса могла свидѣтельствовать несомнѣннымъ и такъ сказать нагляднымъ образомъ, что Айраратская провинція, съ самыхъ древнѣйшихъ временъ,

еще задолго до введенія христіанства, была избрана Провидѣніемъ для спасенія человѣчества.

Вмѣстѣ съ тѣмъ событіе это могло служить доказательствомъ, что армяне имѣютъ право считаться ближайшими потомками праотца Ноя. Такое происхожденіе давало удовлетвореніе національному чувству, глубоко уязвленному потерей политической самостоятельности.

Съ перенесеніемъ на вершину Масиса мѣста дѣйствія легенды о ковчегѣ, подверглось соотвѣтственному измѣненію и народное повѣрье объ этой горѣ.

Выше было уже замѣчено, что, по вѣрованію языческихъ армянъ, Масисъ былъ жилищемъ духовъ, которые назывались каджами (*кадж*, во множ. *каджк* на древнемъ армянскомъ языкѣ). Они захватывали и заключали въ мрачныя пещеры горы всякаго, осмѣлившагося вступить въ ихъ владѣнія. Поэтому въ древнихъ армянскихъ пѣсняхъ, сохранившихся въ отрывкахъ у Моисея Хоренскаго, Масисъ называется *азат*, т. е. свободный, вольный, въ смыслѣ недоступнаго для смертныхъ жилища каджовъ. Такъ переводятъ этотъ эпитетъ гг. Эминъ и Паткановъ, и правильность толкованія ихъ подтверждается древнею легендою объ Артаваздѣ, живущею и до сихъ поръ среди армянъ. По разсказу Моисея Хоренскаго, царь Арташесъ, умирая, проклялъ своего сына Артавазда, говоря: „если ты поѣдешь на охоту на свободный Масисъ, тебя захватятъ духи (каджи), повлекутъ на свободный Масисъ, тамъ останешься и свѣта не увидишь болѣе". Съ тѣхъ поръ, говоритъ историкъ, старухи разсказываютъ, что Артаваздъ, связанный цѣпями, заключенъ въ пещерѣ на Масисѣ, что двѣ собаки безпрестанно грызутъ его цѣпи, и что самъ онъ силится вырваться на свободу и положить конецъ свѣту, но отъ звука ударовъ кузнечныхъ молотовъ по наковальнѣ оковы Артавазда снова укрѣпляются, и собаки снова начинаютъ свою работу. Поэтому самому, прибавляетъ Моисей Хоренскій, даже и въ наше время многіе изъ кузнецовъ, слѣдуя легендѣ, ударяютъ молотомъ о наковальню, чтобы укрѣпить, какъ говорятъ, цѣпи Артавазда. (Исторія Арменіи, перев. Н. Эмина, стр. 130).

Обычай троекратнаго удара молотомъ о наковальню соблюдается въ извѣстные дни кузнецами Грузіи и Арменіи еще и въ наше время, доказывая живучесть языческой легенды объ узникѣ, заключенномъ въ пещерѣ горы. Онъ свидѣтельствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ понятіяхъ народа Масисъ, несмотря на стараніе людей книжныхъ придать горѣ священный характеръ, остается и теперь, какъ 1300 лѣтъ тому назадъ, таинственнымъ жилищемъ злыхъ каджовъ. По словамъ г. Эмина (Исторія Арменіи М. Хоренскаго, стр. 299, примѣч. 288) жители Эривани называютъ и теперь Араратъ *мутен ашхари*, т. е. темный, мрачный міръ.

Съ пріуроченіемъ къ Масису библейской легенды о ковчегѣ, было перенесено на него цѣликомъ и приведенное выше сказаніе Фауста Византійскаго о тщетной попыткѣ св. Якова подняться на гору Сарарадъ для поклоненія Ноеву ковчегу. На Араратѣ указываютъ нынѣ и источникъ св. Якова, чудныя и цѣлебныя свойства котораго заставили армянъ забыть о подлинномъ источникѣ на горѣ Сарарадъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и древній языческій эпитетъ Масиса *азат* получилъ иное толкованіе. Бывшее жилище злыхъ каджовъ превратилось въ священную гору, давшую пріютъ ковчегу праотца Ноя. Масисъ, называвшійся у язычниковъ-армянъ вольнымъ, свободнымъ, остался по прежнему недоступнымъ для смертныхъ, но уже не какъ жилище каджовъ, а какъ священное мѣсто, охраняемое божьими ангелами отъ оскверненія его человѣкомъ.

Таковъ нынѣ взглядъ на Араратъ, ревностно поддерживаемый армянами и особенно въ Эчміадзинѣ. Народное повѣрье, оставшееся въ наслѣдство отъ временъ язычества, начинаетъ понемногу исчезать въ населеніи, живущемъ около Арарата, и уступаетъ свое мѣсто библейской легендѣ. Теперь названіе Араратъ употребляется книжными людьми и особенно говорящими по русски предпочтительно предъ народнымъ и, быть можетъ, скоро совсѣмъ вытѣснитъ это послѣднее. Такимъ образомъ, вѣковыя усилія армянскаго духовенства удалить изъ ближайшаго сосѣдства Эчміадзина жилище языческихъ духовъ и поставить на его мѣсто пріютъ ангеловъ, охраняющихъ священные остатки ковчега, начинаетъ увѣнчиваться успѣхомъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ появляющіеся послѣ всякаго восхожденія на Араратъ слухи объ испытанной путешественникомъ неудачѣ.

Западная Европа не имѣла, кажется, опредѣленнаго представленія о мѣстоположеніи Ноевой горы до тѣхъ поръ, пока Марко Поло и католическіе миссіонеры не познакомили ее съ странами, лежащими за Кавказомъ.

Марко Поло разсказываетъ, что въ Арменіи есть высочайшая гора, на которой, какъ говорятъ, остановился Ноевъ ковчегъ, и которая вслѣдствіе этого называется горою Ковчега. Длина окружности ея у основанія не менѣе двухъ дней пути; восхожденію на нее препятствуютъ снѣга, которые нетолько никогда не таютъ, но напротивъ постоянно увеличиваются послѣ каждой зимы.

Названіе горы Масисъ встрѣчается впервые въ европейской литературѣ, если не ошибаюсь, у Рубруквиса, который, на обратномъ пути изъ Каракорума, проѣхалъ въ 1254 г. мимо нынѣшняго Арарата. По его разсказу, наибольшая изъ двухъ горъ, возвышающихся надъ Араксомъ, называется Масисъ и есть та самая, на которой остановился ковчегъ, и что гора эта недоступна для человѣка, такъ какъ она *матерь міра*. Super Massis nullus debet ascendere quia est mater mundi. Рубруквису была уже извѣстна легенда о монахѣ, получившемъ, послѣ долгихъ молитвъ, частицу ковчега изъ рукъ ангела.

Изъ 14 вѣка намъ извѣстенъ разсказъ путешественника сира Джона Мондевилль (Sir Iohn Maundeville). Онъ передаетъ подробно всю легенду о восхожденіи монаха на Араратъ и о принесеніи ангеломъ частицы ковчега, еще виднаго въ ясную погоду на вершинѣ горы, но самъ выражаетъ сомнѣніе въ справедливости этой легенды.

Въ 17 столѣтіи видѣлъ Араратъ и слышалъ легенду о св. Яковѣ Низибійскомъ знаменитый Шарденъ. По поводу мнѣнія о чудесной недоступности Масиса для человѣка, онъ замѣчаетъ, что по его мнѣнію чудо скорѣе заключалось бы въ томъ, если-бы св. Якову удалось взойти на такую боль-

шую гору, вѣчно пустынную и вѣчно покрытую снѣгами отъ середины склона до вершины.

Изъ позднѣйшихъ писателей, подробное изложеніе легендъ, относящихся къ Арарату, оставилъ намъ Турнефоръ. Какъ ученый ботаникъ, онъ опирается въ своемъ сомнѣніи относительно истинности легенды на географическое распространеніе масличнаго дерева.

Эти и другіе путешественники распространили армянскую легенду по всему христіанскому міру. Тожество библейскихъ Араратскихъ горъ съ Масисомъ, возвышающимся надъ Араксомъ въ предѣлахъ русской Арменіи, сдѣлалось уже давно какъ бы аксіомой, извѣстной каждому со школьной скамьи. Теперь только немногимъ извѣстно, что и названіе Араратъ и связанная съ нимъ легенда принадлежали прежде другой вершинѣ, нынѣ совершенно безвѣстной. Но обитатели Курдистана держатся своихъ древнихъ преданій: въ окрестностяхъ озера Ванъ и къ югу отъ него путешественнику еще и теперь указываютъ вершины, на которыхъ остановился ковчегъ праотца Ноя.

По словамъ армянъ, всѣ окрестности Арарата на сотни верстъ кругомъ полны воспоминаніями о различныхъ событіяхъ изъ жизни Ноя по оставленіи имъ ковчега: здѣсь онъ принесъ первую жертву, тамъ посадилъ первую виноградную лозу, отсюда увидѣлъ впервые землю. Наивная этимологія, незаботящаяся о словопроизводствѣ по законамъ лингвистики, доказываетъ эти событія значеніемъ на армянскомъ языкѣ названій нѣкоторыхъ урочищъ и мѣстностей. Селеніе Аркури въ долинѣ св. Якова названо такъ потому, что Ной, выйдя изъ ковчега, посадилъ тамъ виноградъ (отъ армянскихъ словъ *арк* и *ури*, т. е. онъ посадилъ виноградную лозу). Небольшая область къ югу отъ Ванскаго озера, называемая Арнойвотнъ, означаетъ *при ногѣ Ноя,* потому что Ной остановился на этомъ мѣстѣ при выходѣ изъ ковчега. Городъ Марандъ близъ озера Урміи въ Адербиджанѣ долженъ-бы собственно называться Майръ-андъ, т. е. *мать тамъ,* ибо полагаютъ, что тамъ погребена жена Ноя. Точно также городъ Нахичевань на Араксѣ долженъ называться по настоящему Нахъ-иджеванъ, такъ какъ названіе это, въ переводѣ съ армянскаго, значитъ *первое сошествіе.* Эта этимологія была извѣстна еще Шардену, который говоритъ, что названіе города Нахичевань означаетъ по армянски première habitation, premier hospice. Ученые венеціанскіе мехитаристы опредѣлили даже день, въ который ковчегъ подошелъ къ Арарату. По ихъ объясненію, названіе древняго армянскаго мѣсяца навасарда, которымъ начинался новый годъ, происходитъ отъ того, что Ной, подплывая къ Арарату, воскликнулъ, конечно по армянски: *нав хас ард,* т. е. „корабль достигъ теперь“.

Мы не будемъ продолжать перечисленія этихъ этимологическихъ фокусовъ. Замѣтимъ только, что и нѣкоторые европейскіе ученые и путешественники приняли ихъ за нѣчто серьезное и поспѣшили повторить въ своихъ сочиненіяхъ эти наивныя произведенія національнаго самолюбія армянъ. Такъ, всѣ почти путешественники даютъ извѣстному селенію въ долинѣ св. Якова названіе Аркури или Аргури. Извѣстный путешественникъ по святымъ мѣстамъ Муравьевъ прямо считаетъ нынѣшнее названіе Ахури новымъ и искаженнымъ, а Арк-ури древнимъ и настоящимъ. Между тѣмъ, есть полное основаніе утверждать, что именно названіе Ахури (русскими буквами нельзя точно передать эти армянскіе звуки) есть древнее и подлинное, а Аркури новое, придуманное съ предвзятою цѣлью. Дѣйствительно, простой народъ, незнакомый съ книжными мудрствованіями и сближеніями, всегда называлъ это селеніе Ахури, подъ какимъ именемъ оно и значится на всѣхъ нашихъ картахъ. Насколько намъ извѣстно, ни одинъ древній армянскій писатель не знаетъ селенія Аркури. Историкъ 8 вѣка вардапетъ Гевондъ, авторъ Исторіи Халифовъ, упоминаетъ о селеніи Ахури недалеко отъ Аракса. Турнефоръ называетъ это селеніе Акурлу (Acourlou), т. е. Ахури съ татарскимъ окончаніемъ на *лу.* Всѣ эти данныя свидѣтельствуютъ, что многозначительное названіе Аркури придумано книжными людьми и притомъ въ сравнительно очень недавнее время.

Восхожденіе Паррота не осталось безъ подражаній. Пятаго августа 1834 г. посѣтилъ обѣ вершины Арарата К. Спасскій-Автономовъ, описавшій свое путешествіе въ сочиненіи „Всходъ на Араратъ или вакаціальная прогулка отъ Тифлиса до вершины Арарата“ (Москва 1839). Мы не имѣли въ рукахъ этого описанія и потому не можемъ сообщить ни цѣли, ни подробностей восхожденія. Кажется, что путешественникъ не задавался никакими особенными задачами и хотѣлъ только лично убѣдиться въ справедливости показанія Паррота о доступности вершины Арарата. Англійскій туристъ Брайсъ, о которомъ рѣчь будетъ ниже, увѣряетъ, не указывая впрочемъ источниковъ своего свѣдѣнія, что Спасскій-Автономовъ предпринялъ восхожденіе для того, чтобы провѣрить, дѣйствительно-ли съ вершины Арарата можно видѣть *звѣзды среди бѣлаго дня.*

По словамъ нѣмецкаго ботаника К. Коха (Reise, II, 410), въ періодъ времени между 1829 и 1836 гг. восходилъ на вершину *) Арарата и водрузилъ на ней крестъ нѣмецкій колонистъ Берендсъ (Behrends). Проходя надъ обрывомъ, спускающимся въ долину св. Якова, Берендсъ видѣлъ крестъ, поставленный въ этомъ мѣстѣ Парротомъ; онъ былъ совершенно занесенъ снѣгомъ. Кромѣ этой краткой замѣтки К. Коха, мы не имѣемъ никакихъ другихъ свѣдѣній о восхожденіи Берендса.

АКАДЕМИКЪ ГЕРМАНЪ АБИХЪ.

(29 іюля 1845 г).

Восхожденію Абиха предшествовало тщательное изученіе наружнаго вида Арарата и свойствъ его склоновъ для предварительнаго выясненія вопроса: имѣются-ли какія либо *физическія* препятствія къ достиженію вершины. Теперь, когда полная и, говоря сравнительно, легкая доступность Арарата доказана фактически, такое изученіе можетъ казаться совершенно излишнимъ. Но не слѣдуетъ забывать, что въ то время, когда Абихъ предпринималъ свое восхожденіе, армянскій предразсудокъ о недоступности вершины Арарата былъ еще такъ силенъ, что подорвалъ довѣріе даже къ разсказу такого человѣка какъ Парротъ. Поэтому изслѣдованіе, предпринятое Абихомъ, было вполнѣ необходимо: оно выставило такіе аргументы, противъ которыхъ невозможно было что-нибудь возразить.

*) Надв. Сов. К. Беренсъ былъ на вершинѣ Арарата въ 1835 г. Отчетъ о его путешествіи въ Журналѣ Мин. Вн. Д. за 1838 г.
Примѣчаніе 1901 г.

Главное и непреодолимое препятствіе къ восхожденію на Араратъ представилось-бы, конечно, въ томъ случаѣ, если-бы вершина его лежала за предѣлами того воздушнаго слоя, въ которомъ человѣкъ можетъ еще существовать. Гумбольдтъ (22 іюня 1802 г.) и Буссенго (16 декабря 1831 г.) во время попытокъ восхожденія на Чимборассо достигли высоты 3016 и 3080 туазовъ. Въ 1804 г. Гей-Люссакъ поднялся на воздушномъ шарѣ до высоты 3600 туазовъ (26000 англ. фут.), не испытавъ даже обычнаго на значительныхъ высотахъ кровотеченія изъ губъ, десенъ и глазъ. Такъ какъ, по тригонометрическому измѣренію астронома Федорова, Араратъ возвышается только на 2678 туазовъ н. у. м. (17126 фут.), то очевидно, что объ абсолютной недоступности его вершины не можетъ быть и рѣчи.

Относительныя препятствія могли-бы заключаться въ чрезмѣрной крутизнѣ склоновъ Арарата. Изъ практики извѣстно, что ровный уклонъ въ 40° представляетъ для человѣка значительную опасность; склоны-же въ 30—35°, хотя и требуютъ болѣе или менѣе значительнаго напряженія силъ, могутъ быть преодолены безъ какихъ-нибудь чрезвычайныхъ приспособленій. Если-же скатъ горы представляетъ поверхность не ровную, а покрытую непрерывными грядами скалъ, то тогда возможенъ подъемъ на очень большую высоту даже по склонамъ, имѣющимъ болѣе 45° паденія.

Тщательное измѣреніе угловъ паденія склоновъ Арарата доказало Абиху, что и въ этомъ отношеніи нѣтъ ни-

какихъ препятствій къ успѣшному восхожденію на вершину: наиболѣе крутые склоны (не считая обрыва въ ущелье св. Якова) въ верхнихъ частяхъ горы имѣютъ отъ 30 до 35½° паденія, а сѣверо-западный скатъ представляетъ въ среднемъ выводѣ только 18°, при minimum'ѣ въ 13½°.

Изслѣдованіе геологическаго строенія горы показало затѣмъ акад. Абиху, что юго-восточная сторона Арарата представляетъ такія особенности въ своемъ строеніи, которыя даютъ возможность путешественнику совершить значительнѣйшую часть подъема къ вершинѣ безъ необходимости вступать на снѣжную или ледяную поверхность. Выше, при описаніи Арарата, было уже упомянуто, что на восточномъ склонѣ горы находится широкая впадина (Абихъ сравниваетъ ее съ нишею—nischenförmige Einsenkung), окаймленная скалистыми гребнями, спускающимися въ видѣ черныхъ реберъ почти изъ-подъ самой вершины. Скалы, образующія гребни, разбиты на тысячи обломковъ, нагроможденныхъ одинъ на другой. Вслѣдствіе множества граней и реберъ, представляемыхъ этими обломками, снѣгъ даже зимою не держится на нихъ въ видѣ сплошнаго покрова, весною-же сходитъ очень быстро подъ вліяніемъ полуденнаго солнца, дѣйствію котораго способствуетъ еще и черный цвѣтъ самой породы.

Такимъ образомъ эти скалистые гребни, имѣющіе средній уклонъ въ 32°, представляютъ собою какъ-бы естественныя лѣстницы, по которымъ вполнѣ возможно подняться къ вершинѣ Арарата, перебираясь со скалы на скалу и только остерегаясь переходить на внутреннюю, т. е. обращенную къ впадинѣ, сторону гребня, состоящую изъ сыпучихъ обрывовъ.

Мы видѣли выше, что Парротъ во время первой прогулки на Араратъ, предпринятой имъ съ цѣлью познакомиться съ свойствами горы, попалъ именно на только что описанный путь по скалистому гребню. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что рекогносцировка его превратилась-бы въ настоящее и вполнѣ удачное восхожденіе, если-бы онъ не потерялъ

много времени на подъемъ отъ монастыря св. Якова къ скалистому гребню.

Указавъ наиболѣе удобное мѣсто для восхожденія на Араратъ, акад. Абихъ опредѣлилъ также и самое благопріятное время для подобнаго предпріятія, возможнаго только въ ясную и тихую погоду. Въ концѣ іюля и началѣ августа, когда лѣтняя температура достигаетъ наибольшей высоты, въ Арменіи наступаетъ обыкновенно довольно продолжительный періодъ абсолютнаго спокойствія атмосферы при постоянно безоблачномъ небѣ. Это время Абихъ считаетъ самымъ благопріятнымъ для восхожденія на Араратъ, и только съ наступленіемъ его можно разсчитывать на вѣрный успѣхъ предпріятія.

Выждавъ установленія ясной и тихой погоды, Абихъ перенесъ свою ставку отъ Сардар-булака на 8 верстъ выше, на небольшой лугъ, орошенный ручейкомъ. Это высшій пунктъ (8818 фут.), до котораго можно подняться верхомъ. Утромъ 28 іюля въ 9 ч. экспедиція выступила по направленію къ вершинѣ Арарата. Она состояла, кромѣ самого Абиха, изъ топографа Бучугина, переводчика Петра Шарояна, слуги Абиха Карла Ценка, четырехъ казаковъ и двухъ крестьянъ Гунана Мартиросова и Симона Саркисова. Предполагалось провести въ пути двѣ ночи и потому, сверхъ необходимаго провіанта, были взяты съ собою небольшой котелокъ и мѣшокъ угля для приготовленія теплой пищи. Погода вполнѣ благопріятствовала путешественникамъ: воздухъ былъ прозраченъ, тихій вѣтерокъ тянулъ съ юго-востока; термометръ показывалъ въ тѣни 13,9° R. Для подъема было избрано не самое ущелье, по которому сбѣгаетъ ручей, а скалы, образующія его лѣвую сторону. Послѣ двух-часоваго карабканья со скалы на скалу, путники достигли обширнаго террассообразнаго уступа, на который переходитъ постепенно описанная выше широкая впадина. На этомъ уступѣ, касающемся уже предѣла вѣчныхъ снѣговъ, была сдѣлана остановка для производства нѣкоторыхъ измѣреній. Барометръ показалъ высоту въ 12286 фут. н. у. м.

Подъемъ продолжался по гребню, ограничивающему съ лѣвой стороны широкую впадину, открывшуюся теперь предъ путниками. Въ 2 ч. послѣ полудня они были на высотѣ 13054 ф. и находились примѣрно на уровнѣ вершины М. Арарата. Далѣе подъемъ по скаламъ сдѣлался постепенно все круче и круче, и въ 3 часа путники достигли начала снѣжнаго покрова, который вправо отъ скалистаго гребня тянулся непрерывно до самой вершины. Термометръ показывалъ $11_{,5}^{0}$ R., барометръ 13725 ф. высоты. Воздухъ былъ совершенно тихъ, и облака, окутавшія было верхушку Арарата, начали опять расходиться.

Такъ какъ рядомъ съ скалистымъ гребнемъ лежала теперь снѣжная поверхность, то Абихъ воспользовался случаемъ для сравненія удобствъ подъема по скаламъ и по снѣгу. Хотя уклонъ снѣжнаго ската доходилъ мѣстами до $33^{1}/_{2}$ и даже 34^{0}, восхожденіе по снѣгу, вслѣдствіе сыпучести его, не представляло никакихъ затрудненій. Но Абихъ находитъ тѣмъ не менѣе, что даже и при значительно меньшемъ уклонѣ снѣжной поверхности, подъемъ по крутымъ скаламъ всетаки удобнѣе, такъ какъ на нихъ нога находитъ надлежащій упоръ, отсутствіе котораго на снѣгѣ вызываетъ значительное напряженіе силъ и, слѣдовательно, скорое истощеніе ихъ.

Только знакомые съ природою высокихъ горныхъ областей могутъ оцѣнить всю оригинальную прелесть той картины, которая представлялась путешественникамъ. Казалось, будто находишься гдѣ-то на дальнемъ сѣверѣ раннею весною, когда природа только что пробуждается послѣ долгаго зимняго сна. Узкій и черный скалистый гребень тянется между блестящими снѣжными поверхностями, какъ почернѣвшая въ весеннее время тропинка по снѣжному полю. Воздухъ мягокъ и тихъ; въ трещинахъ скалъ журчатъ ручейки, свидѣтельствуя, что теплое солнце осиливаетъ наконецъ морозную зиму; но побѣда эта неполная: ночью и въ тѣни морозъ беретъ еще верхъ надъ тепломъ и украшаетъ обломки скалъ длинными ледяными сосульками.

День склонялся къ вечеру. Вершина М. Арарата уже

давно виднѣлась далеко внизу. Двѣ гигантскія тѣни отъ обѣихъ горъ лежали на равнинѣ Аракса и становились все длиннѣе и длиннѣе. Пора была подумать о ночлегѣ. Послѣ скуднаго ужина, путники устроились кто какъ могъ между скалами, на неровной и сырой почвѣ. Въ $7^{1}/_{2}$ ч. термометръ показалъ $2_{,2}^{0}$ R., барометръ далъ высоту въ 14128 ф. *). Въ полночь температура опустилась до $1_{,4}^{0}$, а къ утру до — $0_{,6}^{0}$ R.

Еще солнце не поднялось изъ-за темносинихъ горъ Карабаха, когда путешественники были уже на ногахъ. Опасенія Абиха относительно возможности внезапной перемѣны погоды оказались напрасными. Небо было безоблачно, и на темноголубомъ фонѣ его рѣзко виднѣлась бѣлая верхушка Арарата. Такъ какъ по разсчету времени предполагалось возможнымъ подняться на вершину и спуститься опять сюда-же для ночлега, то всѣ лишнія вещи были оставлены на мѣстѣ. Облегченные такимъ образомъ, путники (за исключеніемъ топографа Бучугина и двухъ казаковъ, пожелавшихъ возвратиться назадъ) выступили бодро въ походъ, съ полною надеждою достигнуть вершины еще до полудня, когда ее обыкновенно заволакиваютъ облака. Въ теченіи перваго часа характеръ пути оставался тотъ-же самый, если не считать, что вмѣсто непрерывнаго ряда скалъ, въ одномъ мѣстѣ была сыпучая почва, образовавшаяся изъ разрушенныхъ породъ. Хотя эта осыпь была совершенно свободна отъ снѣга, восхожденіе по ней (она простиралась на 500 фут.) было нѣсколько затруднительно вслѣдствіе уклона въ 33^{0}. За осыпью появилась вновь скалистая гряда съ отвѣсными обрывами. Здѣсь была измѣрена достигнутая высота: барометръ показалъ 15480 фут. Температура воздуха $7_{,7}^{0}$ R. Здѣсь-же находился и крестъ въ $6^{1}/_{2}$ фут. вы-

---

*) Въ описаніи восхожденія Абиха (die Besteigung des Ararat въ Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs, herausg. von Baer und Helmersen. 13 Bändchen, St.-Petersb. 1849) высота лагеря показана въ 12258 анг. фут. Это, очевидно, опечатка. Въ Горномъ Журналѣ (1849 г. ч. II) высота эта показана въ 13256 пар. фут., которые въ переложеніи на англійскіе футы даютъ 14128.

соты, поставленный слугою Карломъ Ценкъ 19 августа 1844 г. во время первой попытки Абиха подняться на Араратъ. Карлъ Ценкъ заказалъ этотъ крестъ въ Эривани и самъ неутомимо несъ его на вершину. Попытка восхожденія не удалась вслѣдствіе внезапно разыгравшейся бури, и Ценкъ долженъ былъ поставить свой крестъ на высотѣ 15480 ф. На крестѣ была металлическая доска съ именемъ его сорудителя и числомъ 18 августа 1844 г.

Опасаясь, что несеніе тяжелаго креста задержитъ и затруднитъ восхожденіе, Абихъ не нашелъ удобнымъ взять его съ собою на вершину, и вслѣдствіе этого крестъ былъ прочно укрѣпленъ на прежнемъ мѣстѣ.

Затѣмъ путники взобрались на самый гребень скалистаго ребра, тянувшагося къ вершинѣ съ уклономъ въ 36—38°. Несмотря на чрезвычайную разрозненность скалъ, восхожденіе не представляло особенныхъ затрудненій, и только разрѣженный воздухъ вызвалъ у Абиха слабость въ колѣнахъ и вынуждалъ къ частымъ остановкамъ. Но Шароянъ и Ценкъ не испытывали ничего подобнаго и бодро шли далеко впереди всѣхъ.

Наконецъ скалы исчезли, и путники вновь вступили на сыпучую почву. Усталость увеличивалась, хотя уклонъ, сравнительно, былъ незначителенъ (30°). Но близость вершины толкала впередъ утомленныхъ путниковъ, а появлявшіяся по временамъ облака грозили, въ случаѣ замедленія, закутать совершенно вершину. Итакъ, бодро впередъ!

Вскорѣ путешественники подошли къ мощной снѣговой стѣнѣ, опиравшейся на темную массу скалъ: это былъ обрывъ верхней площадки, преградившій дальнѣйшее движеніе экспедиціи. Но препятствіе было обойдено, и путники, поднявшись на уступъ по отлогому и удобному снѣжному склону, увидѣли предъ собою обширную и взволнованную поверхность вершины Арарата! Всякая усталость была, конечно, забыта, и чрезъ нѣсколько минутъ пологій подъемъ привелъ экспедицію на вершину холма, представляющаго собою высшую точку поверхности.

Абихъ даетъ подробное описаніе площади, образующей вершину Арарата. Холмъ, на которомъ находился онъ съ своими спутниками, представляетъ собою слегка выпуклую поверхность съ поперечникомъ въ 100 ф. съ небольшимъ. Крутые скаты его падаютъ почти отвѣсно на сѣверъ и сѣверо-востокъ. Барометрическое измѣреніе дало для этой точки высоту въ 16953 фут. Другая (сѣверо-западная) высшая точка, та, на которую восходилъ Парротъ, находится не въ далекомъ разстояніи и на глазъ кажется выше восточной. Абихъ присоединяется къ мнѣнію Паррота, что разница въ ихъ высотахъ не менѣе 7 туазовъ. Мы говорили уже, что по Парроту высота западной вершины равняется 17323 фут.

Обѣ вершины раздѣляются довольно глубокой долиною, которая для наблюдателя, находящагося внизу, на равнинѣ Аракса, кажется только небольшою вогнутостью. Абихъ замѣтилъ, что во всю ширину этой долины, отъ одной вершины къ другой, проходитъ дугообразно изогнутая трещина. Такъ какъ о ней не упоминаютъ ни Парротъ, ни Спасскій, то Абихъ склоняется къ мнѣнію, что она появилась вслѣдствіе землетрясенія 1840 г.

Къ сожалѣнію, Абихъ не имѣлъ возможности изслѣдовать въ подробности это явленіе: наступившій туманъ напомнилъ о необходимости спѣшить возвращеніемъ. Точно также остались неисполненными и нѣкоторыя другія задачи, ради которыхъ было предпринято восхожденіе. Главною изъ нихъ было опредѣленіе нѣсколькихъ угловъ для связи ихъ съ угловыми измѣреніями, сдѣланными съ вершины М. Арарата. Для этого требовался, конечно, открытый видъ на окрестности, а между тѣмъ туманъ, окутывавшій вершину, дѣлался все гуще и гуще. Затѣмъ, Абихъ предполагалъ посѣтить западную вершину, т. е. вершину Паррота, и изслѣдовать ту пропасть или обрывъ, который находится на сторонѣ, обращенной къ Баязиду, и соотвѣтствуетъ долинѣ св. Якова на противоположной сторонѣ. Всѣ эти предположенія остались неисполненными и ждутъ до сего дня втораго изслѣдователя, равнаго Абиху по энергіи и глубинѣ ученаго взгляда.

Собираясь въ обратный путь, Абихъ поставилъ на восточной вершинѣ шестъ въ 5 фут. 8 дюймовъ длины. Къ верхнему концу его была прикрѣплена мѣдною проволокою закупоренная бутылка, заключавшая въ себѣ свертокъ бумаги съ именами всѣхъ участниковъ экспедиціи и надписью:

MDCCCXLIV dira tempestate bis repulsi
MDCCCXLV deo juvante feliciter reversi.

Шестъ былъ врытъ въ снѣгъ на глубину 3 фут. Послѣдующіе путешественники не нашли и слѣда его.

Если Абихъ и не успѣлъ сдѣлать всѣ тѣ наблюденія, которыя были имъ предположены, то за нимъ несомнѣнно остается великая заслуга точнаго опредѣленія времени и направленія пути, наиболѣе удобныхъ для восхожденія на Араратъ. Онъ доказалъ, что при наличности извѣстныхъ условій путешественникъ можетъ съ увѣренностью разсчитывать на полную удачу и что, слѣдовательно, восхожденіе на Араратъ не есть такое рискованное или даже невозможное предпріятіе, какимъ его силились представить. Подобная увѣренность, справедливо замѣчаетъ Абихъ, составляетъ уже сама по себѣ положительный выигрышъ въ области наблюдательныхъ наукъ.

Проложенный Абихомъ путь сдѣлался, дѣйствительно, какъ бы большою дорогою къ вершинѣ Арарата: мы увидимъ далѣе, что по ней проходили всѣ послѣдующіе путешественники.

ІОСИФЪ ИВАНОВИЧЪ ХОДЗЬКО.

(1—12 августа 1850 г.).

Выше было уже упомянуто, что надежды Абиха собрать на вершинѣ Арарата матеріалы для разрѣшенія важныхъ вопросовъ метеорологіи, геогнозіи и орографіи не осуществились вслѣдствіе опасенія внезапной перемѣны погоды, которая могла поставить путешественника въ очень опасное положеніе.

Ссылаясь на доказанную имъ возможность и даже сравнительную легкость восхожденія на Араратъ, Абихъ высказалъ надежду, что послѣдующіе путешественники будутъ счастливѣе его въ этомъ отношеніи.

Надежда эта осуществилась скорѣе, чѣмъ Абихъ можетъ быть ожидалъ.

Во время работъ по тріангуляціи Кавказскаго края, предпринятой въ 1847 г. подъ руководствомъ генеральнаго штаба полковника Іосифа Ивановича Ходзько (умеръ 21 февраля 1881 г.), вершина Б. Арарата была наблюдаема геодезистами съ 122 пунктовъ и такимъ образомъ получилось столько же отдѣльныхъ выводовъ возвышенія этой горы надъ уровнемъ моря. Всѣ выводы не уклонялись отъ средняго числа болѣе, чѣмъ на 20 футовъ, но такъ какъ наблюденія производились снизу вверхъ, то можно было думать, что выводы заключаютъ въ себѣ какую нибудь постоянную для всѣхъ ихъ ошибку, зависящую отъ условій наблюденія. Для разрѣшенія этого вопроса надлежало сдѣлать наблюденія въ обратномъ направленіи, сверху внизъ, т. е. измѣрить съ вершины Арарата зенитальныя разстоянія тѣхъ тригонометрическихъ пунктовъ, съ которыхъ была наблюдаема вершина горы.

Такимъ образомъ возникла въ 1850 г. у покойнаго І. И. Ходзько мысль предпринять восхожденіе на вершину Б. Арарата. Экспедиція была задумана въ широкихъ размѣрахъ: кромѣ самого Ходзько, заинтересованнаго главнымъ образомъ въ возможно болѣе точномъ опредѣленіи высоты горы надъ уровнемъ моря, въ восхожденіи приняли участіе специалисты по метеорологіи и нѣкоторыя другія лица.

Въ началѣ іюля всѣ члены экспедиціи собрались въ Аралыхѣ. Здѣсь были: извѣстный оріенталистъ Н. В. Ханыковъ (ум. въ 1878 г.), знаменитый впослѣдствіи изслѣдователь горскихъ языковъ Кавказа генеральнаго штаба капитанъ баронъ П. К. Усларъ (ум. 8 іюня 1874 г.), корпуса топографовъ капитанъ Александровъ (ум. 1850 г.), бывшій въ то время директоромъ физической обсерваторіи въ Тиф-

лисѣ Арнольдъ Ф. Морицъ, переводчикъ тріангуляціи П. И. Шароянъ, топографъ Сидоровъ, 60 солдатъ и казаковъ.

19 іюля экспедиція поднялась къ Сардар-булаку и, разбивъ тамъ лагерь, занялась приготовленіями, необходимыми для похода. Прежде, чѣмъ мы приступимъ къ описанію восхожденія, приведемъ со словъ І. И. Ходзько разсказъ объ одномъ эпизодѣ, доказывающемъ, что распространенная между армянами вѣра въ недоступность вершины Арарата всетаки не настолько крѣпка, чтобы выдержать всякое испытаніе.

„Когда, разсказываетъ Іосифъ Ивановичъ, дошелъ до Эривани слухъ о нашемъ приготовленіи къ восхожденію на Араратъ, богатый старикъ армянинъ Артемій Григорьевичъ Калантаровъ, почтмейстеръ Эриванской губерніи, предложилъ закладъ въ 6,000 руб. въ томъ, что нельзя подняться на вершину Арарата. Узнавъ объ этомъ, Намѣстникъ князь Воронцовъ приказалъ такую же сумму казенныхъ денегъ, вмѣстѣ съ предложенными Калантаровымъ, положить въ Эриванское казначейство при офиціальномъ документѣ, что всѣ 12,000 руб. будутъ отданы выигравшей закладъ сторонѣ. Прибывъ въ Эривань и узнавъ со словъ Калантарова, что онъ увѣренъ не въ абсолютной невозможности подняться на Араратъ, а лишь доказывалъ, что нельзя убѣдить его въ томъ, что дѣйствительно-ли мы будемъ на вершинѣ горы, я указывалъ, что, укрѣпивши неподвижно трубу въ окошкѣ Эриванской крѣпости, откуда открывается свободный видъ на Араратъ, каждому легко будетъ видѣть свѣтъ солнца, отраженный зеркаломъ геліотропа, установленнаго на горѣ. Это напугало стараго армянина до того, что онъ отказался отъ предложеннаго имъ заклада, къ крайнему неудовольствію особенно князя Воронцова *)“.

Въ лагерѣ при Сардар-булакѣ экспедиція пробыла почти двѣ недѣли, занимаясь различнаго рода приготовленіями къ походу, наблюденіями и экскурсіями. 25 іюля рядовой Чугунковъ съ двумя товарищами поднялся на вершину Б. Арарата и поставилъ на ней березовую вѣху.

*) *І. И. Ходзько*: „Записка о восхожденіи на вершину Б. Арарата въ 1850 г.“ въ Запискахъ Кавк. Отдѣленія Русск. Технич. Общества, т. VIII, Тифлисъ, 1876 г.—Записка была также перепечатана въ Извѣстіяхъ Кавк. Отдѣла Геогр. Общества, т. IV, № 3.

29 іюля экспедиція перешла въ лагерь, названный *метеорологическимъ*, въ 7 верстахъ выше Сардар-булака, на высотѣ 10850 фут. Здѣсь предполагалось дѣлать наблюденія ежечасно и соотвѣтственно такимъ-же наблюденіямъ въ Сардар-булакѣ и на Араратѣ.

Наконецъ, 1 августа началось восхожденіе. Впереди шли проводники изъ сел. Новые Ахури, Симонъ Саркисовъ (сопровождавшій уже Абиха) и Онанъ Аваковъ. Первый изъ нихъ несъ въ рукахъ черный деревянный крестъ, имѣвшій 75 дюймовъ длины съ перекладиною въ 50 дюймовъ. Инструменты и тяжести были навьючены на 4 катеровъ и 5 лошадей, которыхъ вели солдаты. За ними казаки тащили 4 саней, назначенныхъ для принятія груза, когда подъемъ сдѣлается недоступнымъ для животныхъ. Можно сказать, что никогда еще экспедиція, снаряженная подобнымъ образомъ, не поднималась на гору, равную по высотѣ Арарату.

Хотя экспедиція держалась пути, проложеннаго Абихомъ, но значительный грузъ лишилъ ее возможности избрать для подъема естественную лѣстницу, т. е. скалистую гряду. Пришлось подниматься рядомъ съ этою грядою, но лишь только путники вступили на крутую покатость, покрытую тонкимъ слоемъ льда, вьючныя животныя отказались слѣдовать далѣе. Они скользили и падали, и одна лошадь скатилась на ледникъ, такъ что только съ большимъ трудомъ удалось спасти ее. Вслѣдствіе этого тяжести были переложены на сани, а катеры и лошади отпущены внизъ. Каждыя сани потащили 6 казаковъ.

Несмотря на всѣ эти затрудненія и задержки, дѣло шло такъ удачно и быстро, что въ 5 ч. пополудни, т. е. чрезъ 11 часовъ послѣ выступленія, экспедиція достигла высоты 14710 фут. и остановилась для ночлега на небольшой площадкѣ, расчищенной между скалами, подъ самою Ташъ-клиссою. Такой успѣхъ давалъ надежду, что на слѣдующій

день будетъ такъ-же удачно достигнута и вершина. Но, какъ увидимъ далѣе, надежда эта не оправдалась. Къ ночи небо покрылось тучами, молнія и громъ нарушали сонъ утомленныхъ путешественниковъ.

Несмотря на дурное состояніе погоды, восхожденіе продолжалось 2 августа. Около полудня прошли мимо креста, поставленнаго въ 1844 году слугою Абиха Карломъ Ценкъ на высотѣ 15480 фут. Ходзько хотѣлъ перенести этотъ крестъ на вершину Арарата, но онъ стоялъ такъ прочно, что нельзя было вынуть его, не сломавъ. Поэтому памятникъ Ценка былъ оставленъ на прежнемъ мѣстѣ. Движеніе шло очень медленно, такъ какъ сани съ тяжестями причиняли много затрудненій и изнуряли людей. Снѣгъ былъ очень рыхлъ, казаки погружались въ него по колѣна, сани зарывались и препятствовали движенію. Приходилось сначала утаптывать снѣгъ ногами и затѣмъ уже втаскивать сани.

Между тѣмъ погода становилась все хуже и хуже. Начавшаяся около полудня снѣжная буря быстро усиливалась. Въ 3 ч. дня Ходзько нашелъ необходимымъ остановить походъ на высотѣ 16175 фут. Сани были брошены, и путники пріютились кое-какъ на маленькой площадкѣ между скалами, подъ защитою трахитовыхъ пиковъ. Проводники, казаки и солдаты были отпущены въ Таш-килиссинскій лагерь, гдѣ на всякій случай была оставлена одна палатка.

Къ 10 ч. вечера буря разыгралась вполнѣ. Вѣтеръ дулъ съ силою урагана. Громовые удары слѣдовали непосредственно за молніей, показывая, что путешественники находятся въ самомъ центрѣ грозы. Ночью ударомъ молніи была отбита вершина одной изъ трахитовыхъ скалъ.

Третьяго августа въ 2 ч. солдаты принесли двѣ палатки, но не было возможности развернуть ихъ между скалами. Ходзько съ четырьмя солдатами вышелъ искать болѣе удобнаго мѣста. Оно было найдено на высотѣ 16520 фут., на покатости въ 35°. Здѣсь, несмотря на ураганъ, грозившій изорвать въ куски полотно, палатки были наконецъ поставлены и укрыли путешественниковъ отъ свирѣпствовавшей вьюги.

Экспедиція провела на этомъ мѣстѣ, названномъ *ужаснымъ лагеремъ*, три томительныхъ дня и двѣ ночи (3, 4 и 5 августа). Пятаго августа послѣ полудня погода улучшилась и 6 числа въ 8 ч. утра экспедиція тронулась въ дальнѣйшій путь, хотя вѣтеръ все не стихалъ, и густой туманъ, поднимаясь снизу, совершенно окутывалъ путешественниковъ. Черезъ часъ послѣ выступленія, т. е. въ 9 ч. утра, была наконецъ достигнута восточная вершина, на которой находилась вѣха, поставленная Чугунковымъ, а еще черезъ часъ Ходзько дошелъ до купола западной вершины, на которой нѣкогда стоялъ Парротъ. Здѣсь былъ водруженъ крестъ, принесенный урядникомъ Дахновымъ, и по срединѣ его прибита мѣдная доска (12 дюймовъ дл. и $8^1/_4$ ширины) съ надписью: „1850 г. $^6/_{18}$ августа, въ благополучное царствованіе Императора НИКОЛАЯ I, при Намѣстникѣ Кавказскомъ князѣ Воронцовѣ, взошли на Араратъ начальникъ тріангуляціи полковникъ Ходзько, Н. В. Ханыковъ, П. А. Александровъ, Ар. Ф. Морицъ, П. К. Усларъ, П. И. Шароянъ и 60 нижнихъ чиновъ".

Съ достиженіемъ вершины оканчивается обыкновенно задача альпійскихъ путешественниковъ. Для Ходзько, напротивъ, настоящая работа только началась съ того момента, какъ онъ вступилъ на высшую точку Арарата. Седьмого августа были доставлены на вершину всѣ необходимые приборы и начались правильныя метеорологическія и геодезическія наблюденія, которыя продолжались до 12 августа. Всѣ эти пять дней члены экспедиціи то спускались внизъ въ метеорологическій лагерь, то возвращались по мѣрѣ надобности, и только самъ Ходзько провелъ все время на вершинѣ,—фактъ безпримѣрный въ исторіи альпійскихъ путешествій. Разсказъ Ходзько о его житьѣ-бытьѣ на вершинѣ Арарата напоминаетъ живѣйшимъ образомъ разсказы полярныхъ путешественниковъ. Для ночлега была вырыта въ снѣгу глубокая яма (это приспособленіе было предложено еще Абихомъ) и въ нее погружена алжирская палатка, устланная коврами. У небольшаго отверстія, служившаго входомъ, стоялъ брусокъ съ прикрѣпленными къ не-

му психрометромъ и барометромъ. Въ другой палаткѣ, устроенной такимъ-же образомъ, помѣщался кашеваръ-солдатъ. Пищу готовили на угольяхъ, причемъ огонь разводился съ большимъ трудомъ. Взятое съ собою вино замерзло и осталось нетронутымъ. Питьемъ служили чай, водка, портеръ, разбавленный кипяткомъ, и снѣгъ.

Геодезическія наблюденія, составлявшія главную цѣль восхожденія и пребыванія на Араратѣ, производились ежедневно по утрамъ и продолжались безпрерывно 3—4 часа, покуда верхушки горъ (тригонометрическіе пункты) не закрывались облаками. Погода все время стояла прекрасная, и каждое утро Ходзько имѣлъ возможность любоваться видомъ, которому едва-ли можетъ быть найденъ равный по обширности и величію: къ сѣверу на разстояніи 400 верстъ едва виднѣлся, какъ блѣдное пятно, Эльборусъ (18,518 фут. высоты); болѣе близкій (290 верстъ) Казбекъ (16,546 ф.) различался вполнѣ отчетливо. Центральный снѣговой хребетъ Большаго Кавказа, подобно громадной стѣнѣ, замыкалъ видъ на сѣверъ отъ Чернаго моря до Каспія. Къ югу панорама простиралась за гору Саваланъ (15,780 ф.) въ персидскихъ предѣлахъ.

Результатомъ пятидневнаго пребыванія Ходзько на вершинѣ Арарата (онъ спустился въ метеорологическій лагерь 12 августа, употребивъ на спускъ всего три часа времени) былъ значительный запасъ метеорологическихъ и геодезическихъ наблюденій. Первыя были соединены въ одну таблицу Арнольдомъ Морицомъ и изданы въ Тифлисѣ 5 іюля 1861 г. Геодезическія измѣренія дали возможность опредѣлить съ большою точностью высоту надъ уровнемъ моря высшей (западной или Парротовской) точки Арарата. Выведенная изъ 13 первоклассныхъ пунктовъ, причемъ зенитальныя разстоянія 11 изъ нихъ были измѣрены съ Арарата, она оказалась равною $16{,}915_{{,}82}$ фут. съ вѣроятною ошибкою $\pm 2_{{,}10}$ фут. Такимъ образомъ барометрическое измѣреніе Паррота, давшее 17,323 ф., заключаетъ въ себѣ ошибку въ 408 фут. Болѣе точнымъ оказалось геодезическое опредѣленіе астронома Федорова, спутника Паррота.

Оно было вычислено В. Я. Струве и дало для западной вершины $2{,}678_{{,}26}$ туазовъ=17,126 фут. Слѣдовательно, ошибка Федорова противъ болѣе точнаго измѣренія Ходзько= 210 фут.

По словамъ Ходзько, ни онъ, ни спутники его не чувствовали никакого стѣсненія или нездоровья при подъемѣ. Онъ прибавляетъ, впрочемъ, что во время восхожденія не было времени обращать на что-нибудь вниманіе, кромѣ какъ на достиженіе предположенной цѣли. На самой вершинѣ, въ первые два дня (7 и 8 августа), Ходзько чувствовалъ разслабленіе всего организма, грудь была сжата, голова точно крѣпко связана желѣзнымъ обручемъ, всякое нѣсколько ускоренное движеніе вызывало сильную одышку. Недугъ этотъ, уменьшаясь постепенно, исчезъ почти совсѣмъ 9 августа. Только по возвращеніи въ лагерь Ходзько замѣтилъ, что у него обморожены обѣ ноги и такъ сильно, что опухоль прошла окончательно только черезъ шесть недѣль.

Любопытны замѣчанія Ходзько относительно органической жизни въ предѣлахъ снѣжной области Арарата. Природа здѣсь не такъ абсолютно мертва, какъ можно-бы предполагать. Вода изъ растопленнаго снѣга содержала въ себѣ зеленыя нити на подобіе тѣхъ, какія находятся въ стоячихъ водахъ и минеральныхъ источникахъ. На южной покатости купола вершины Ходзько нашелъ розовые мелкіе цвѣты. Нахожденіе явнобрачнаго растенія на такой значительной высотѣ объясняется, конечно, только тою особенностью Арарата, на которую было уже указано выше, т. е. существованіемъ обнаженныхъ отъ снѣга скалъ почти около самой вершины. Темный, почти черный цвѣтъ горной породы, способствующій значительному поглощенію теплоты, и расположеніе на югъ создали благопріятныя условія для тѣхъ растеній, которыя были найдены Ходзько. Даже животная жизнь не вполнѣ отсутствовала на вершинѣ. Правда, что въ теченіе всѣхъ шести дней, проведенныхъ на Араратѣ, Ходзько не видѣлъ ни одной птицы, но зато утромъ 9 августа онъ имѣлъ возможность любоваться двумя турами, появившимися на восточной вершинѣ.

По окончаніи Араратской экспедиціи, Ходзько и Ханыковъ были въ Эчміадзинѣ. Покойный патріархъ Нерсесъ принялъ ихъ очень любезно. Когда его послѣ спрашивали, правда-ли, что эти господа были на вершинѣ Арарата, патріархъ отвѣчалъ: „они это утверждаютъ,—зачѣмъ же имъ противорѣчить?"

Восхожденіе 1856 года.

Въ 1856 г. было совершено восхожденіе на Араратъ, оставшееся почти неизвѣстнымъ, но замѣчательное въ томъ отношеніи, что оно было предпринято съ южной стороны горы, отъ Баязида. Краткій отчетъ объ этомъ восхожденіи, въ видѣ письма къ редактору, былъ напечатанъ въ лондонской газетѣ „Times" и оттуда перепечатанъ въ приложеніи къ второму тому сочиненія Тельфера (Buchan Telfer) „Crimea and Transcaucasia" (London 1876).

29 іюня общество англичанъ, состоявшее изъ майора Алика Дж. Фразера, Вальтера Турсби, Джемса Теобальда, Джона Эванса и майора Роберта Стуарта (автора отчета), отправилось изъ Баязида къ южной подошвѣ Арарата.

Проѣхавъ равнину, разстилающуюся у подошвы горы, они начали подниматься по широкому ущелью, ограниченному грядами вулканическихъ скалъ и добрались до курдскихъ лѣтнихъ кочевьевъ, расположенныхъ на высотѣ около 8,000 фут.

30 іюня было предпринято восхожденіе на вершину. Черезъ три часа путники дошли до основанія конуса. Здѣсь общество раздѣлилось: майоръ Фразеръ взялъ направленіе къ юго-востоку, а остальные рѣшились подняться съ южной стороны по снѣгу, который представлялъ непрерывный покровъ до самой вершины.

Эта послѣдняя партія, состоявшая изъ Теобальда, Эванса и Стуарта, въ свою очередь распалась: первые двое, какъ опытные альпійскіе ходоки, ушли далеко впередъ, а Стуартъ послѣ почти трехчасоваго карабканья выбился изъ силъ и, возвратившись къ основанію конуса, наблюдалъ оттуда восхожденіе товарищей.

Въ 1 ч. 45 м. послѣ полудня вступилъ на вершину Теобальдъ. Въ 2 ч. 50 м. присоединился къ нему и Эвансъ. Къ закату солнца оба они возвратились тѣмъ-же путемъ въ лагерь.

Обратимся теперь къ майору Фразеру. Не умѣя подниматься по снѣгу, онъ, какъ сказано, отдѣлился отъ товарищей и направился къ скалистому ребру, поднимающемуся до $^2/_3$ высоты конуса. По скаламъ восхожденіе не представляло особенныхъ затрудненій. Достигнувъ верхняго конца ребра, Фразеръ вступилъ на снѣгъ въ разстояніи нѣсколькихъ сотъ футовъ отъ вершины. Избравъ направленіе, казавшееся ему наилучшимъ, онъ вступилъ на поверхность, покрытую тонкимъ ледянымъ слоемъ. Это мѣсто чуть не погубило его. Поскользнувшись, Фразеръ потерялъ равновѣсіе и покатился внизъ съ ужасающей быстротою. Только счастливый случай и присутствіе духа спасли его отъ погибели. Ему удалось остановиться на скатѣ и, добравшись до гребня скалъ, выдававшихся изъ-подъ снѣга, онъ вновь направился кверху, вышелъ на прежній путь и наконецъ достигъ вершины въ 3 ч. 30 м. пополудни, потерявъ вслѣдствіе паденія полныхъ три часа времени. Онъ возвратился въ лагерь около полуночи, спустившись по слѣдамъ Теобальда и Эванса.

На другой день, т. е. 1 іюля, предприняли восхожденіе Турсби и Стуартъ, такъ-какъ первый не могъ принять участія наканунѣ по случаю болѣзни, а второй, какъ мы видѣли, возвратился назадъ вслѣдствіе утомленія.

Поднявшись легко и свободно на одну треть высоты конуса, путешественники отпустили проводниковъ-курдовъ, боявшихся идти далѣе, и не разсчитывая на удачное восхожденіе по склону, избрали путь по каменистой поверхности, обращенной къ югу. Къ вечеру они остановились на ночлегъ, устроивъ себѣ изъ камней нѣкоторую защиту отъ холоднаго вѣтра, а съ разсвѣтомъ 2 іюля были уже на ногахъ, и восходящее солнце застало ихъ на высотѣ 14000 фут.

Въ разстоянiи 1200 фут. отъ вершины, путешественники прошли мимо дубоваго креста, поставленнаго по ихъ мнѣнiю Абихомъ. Крестъ и надпись на немъ русскими буквами были въ полной сохранности. У подножiя креста лежалъ забытый кинжалъ, который Стуартъ взялъ съ собою и вонзилъ въ снѣгъ на вершинѣ. Отъ креста началась наиболѣе трудная и мѣстами опасная часть подъема, но всѣ препятствiя были благополучно преодолѣны, и въ 9 ч. утра Турсби и Стуартъ стояли на вершинѣ Арарата. Въ 4 ч. пополудни они были уже въ лагерѣ, спустившись по слѣдамъ, проложеннымъ наканунѣ ихъ товарищами.

По описанiю Стуарта, вершина Арарата относительно плоска и представляется въ видѣ треугольника, основанiе котораго имѣетъ 200 ярдовъ длины, а высота около 300 ярдовъ. Высшая точка находится въ вершинѣ треугольника, т. е. приблизительно на западѣ; другая точка, почти равной высоты, отдѣляется отъ первой глубокою впадиною; основанiе треугольника, въ видѣ возвышеннаго края, представляетъ собою третью выдающуюся точку. Снѣгъ на вершинѣ сухъ, какъ порошокъ, нога погружалась въ него не глубже какъ до половины голени. Холодъ былъ очень силенъ. Путешественники не чувствовали затрудненiя въ дыханiи и только при какомъ-нибудь усилiи одышка являлась скорѣе, чѣмъ это было-бы на болѣе низкомъ уровнѣ.

Описанное восхожденiе было, повидимому, задумано и совершено безъ всякой подготовки и безъ опредѣленной цѣли. Только этимъ обстоятельствомъ и можно объяснить то полное незнакомство съ исторiей восхожденiй на Араратъ, которое обнаружилъ авторъ письма въ „Times“. Восхожденiя Паррота и Ходзько ему совершенно неизвѣстны. Онъ знаетъ только про попытку Абиха, но считаетъ ее неудачною и въ доказательство ссылается на разсказы туземцевъ и на нахожденiе поставленнаго Абихомъ креста на 1200 фут. ниже вершины. Поэтому Стуартъ приписываетъ исключительно себѣ и своимъ товарищамъ честь перваго удачнаго восхожденiя на Араратъ. Настоящiй очеркъ служитъ достаточнымъ доказательствомъ неосновательности этой

претензiи на первенство. Что касается до креста Абиха, поставленнаго имъ, по словамъ Стуарта, въ 1845 г., то мы знаемъ уже, что этотъ памятникъ былъ воздвигнутъ 19 августа 1844 г. слугою Абиха Карломъ Ценкъ, когда буря заставила ихъ возвратиться назадъ съ высоты 15480 фут. Выше было уже упомянуто, что Ходзько хотѣлъ перенести этотъ крестъ на вершину, но не могъ вынуть его изъ мерзлой почвы. Найденный англичанами у подножiя креста кинжалъ былъ вѣроятно забытъ однимъ изъ казаковъ, сопровождавшихъ Ходзько. Замѣчательно, что Стуартъ, непризнающiй или незнающiй своихъ предшественниковъ по восхожденiю на Араратъ, опредѣляетъ высоту горы въ 17323 фута н. у. м. Цифра эта единица въ единицу та самая, которая опредѣлена *барометрически* Парротомъ. Какъ видно изъ письма, Стуартъ не вывелъ эту высоту изъ собственныхъ наблюденiй, а откуда-то заимствовалъ. Спрашивается, кто-же въ такомъ случаѣ могъ измѣрить барометрически высоту Арарата, если до Стуарта и его товарищей ни одинъ смертный не бывалъ на вершинѣ?

ФРЕШФИЛЬДЪ И ТУКЕРЪ.

(27 мая 1868 г.).

Весною 1868 г. прибыли въ Закавказскiй край члены лондонскаго альпiйскаго клуба, англичане Фрешфильдъ и Тукеръ. Исходивъ пѣшкомъ Швейцарiю и побывавъ на всѣхъ выдающихся вершинахъ Альповъ, они рѣшили испытать свое искусство и смѣлость на великанахъ Кавказа: Эльборусѣ и Казбекѣ. Обстоятельства сложились такъ, что третiй товарищъ ихъ не могъ прибыть въ Тифлисъ ранѣе 8 iюня. Вслѣдствiе этого Фрешфильдъ и Тукеръ предприняли экскурсiю въ Персiю и, проѣзжая мимо Арарата, рѣшились подняться на него, несмотря на только что наступившее лѣто. Мы не будемъ описывать подробно ихъ восхожденiя, такъ какъ оно шло путемъ, проложеннымъ Абихомъ. Намѣтимъ только главные моменты.

26 мая путешественники тронулись изъ Аралыха верхами, поднялись къ курдскимъ кочевкамъ на сѣдловинѣ между Б. и М. Араратами и затѣмъ уже, пѣшкомъ поднявшись до высоты примѣрно 9000 фут., остановились на ночлегъ. Въ полночь съ 26 на 27 мая путешественники, въ сопровожденіи привезеннаго ими изъ Швейцаріи опытнаго альпійскаго проводника, начали восхожденіе по скалистому ребру. Къ 6 ч. утра Фрешфильдъ потерялъ силы и долженъ былъ остановиться, почувствовавъ всѣ признаки „горной болѣзни", приписываемой обыкновенно дѣйствію разрѣженнаго воздуха. Тукеръ и проводникъ продолжали путь одни. На высотѣ примѣрно 13800 фут. они достигли верхняго конца скалистаго ребра и вступили на снѣжный склонъ, изъ котораго мѣстами выдавались лавовыя скалы самой причудливой формы. Между тѣмъ снѣгъ уже давно принялъ форму твердаго фирна (névé) и потому явилась необходимость вырубать ступени. Проводникъ Франсуа выбился къ этому времени изъ силъ и остался на мѣстѣ. Энергическій и неутомимый Тукеръ продолжалъ восхожденіе и, вырубивъ до тысячи ступеней, поднялся на высоту немного менѣе 16000 фут. Но, какъ справедливо замѣчаетъ Фрешфильдъ, описавшій это неудачное восхожденіе (*Douglas W. Freshfield*: Travels in the Central Caucasus and Bashan. London 1868), одинъ человѣкъ не можетъ дѣлать долго такую тяжелую работу на высотѣ, равной высотѣ Монблана. Дѣйствительно, силы начали наконецъ оставлять Тукера; дыханіе сдѣлалось затруднительнымъ, явился стукъ въ вискахъ, каждыя 20—30 ступеней требовали отдыха. Работа продолжалась уже почти четыре часа, но вершина казалась по прежнему далеко, и облака начали окутывать гору. Разумъ совѣтовалъ возвратиться, такъ какъ было очевидно, что предстоявшая еще работа не подъ силу одному человѣку. Въ полдень Тукеръ повернулъ назадъ и, соединившись съ товарищами, ожидавшими его на спускѣ, прибылъ къ вечеру въ лагерь. Весь походъ продолжался около 18 часовъ.

Фрешфильдъ и Тукеръ извѣстны какъ опытные альпійскіе ходоки. Имъ принадлежитъ первенство въ восхожденіи на вершины Казбека и Эльборуса. Изложенный выше разсказъ достаточно свидѣтельствуетъ, что у обоихъ и особенно у Тукера нѣтъ недостатка ни въ энергіи, ни въ выносливости. Наконецъ, они имѣли съ собою одного изъ опытнѣйшихъ швейцарскихъ проводниковъ Франсуа Девуассу (Devouassoud), уроженца Шамуни. Путь для подъема былъ избранъ самый удобный и короткій.

Слѣдовательно, причину неуспѣха этого восхожденія необходимо искать въ слишкомъ раннемъ времени года. Восхожденіе было предпринято 26 мая, когда зимній снѣжный покровъ еще лежитъ почти нетронутымъ на высотахъ Армянскаго плоскогорья. Фрешфильдъ опредѣлилъ глазомѣрно въ 9000 фут. протяженіе, занятое снѣгомъ на Араратѣ въ половинѣ мая. Поэтому путешественники могли ожидать, что при такомъ снѣжномъ покровѣ и низкой температурѣ восхожденіе не обойдется безъ вырубанія ступеней и что, при подобныхъ условіяхъ, походъ не могъ быть совершенъ въ одинъ пріемъ.

Такимъ образомъ Фрешфильдъ и Тукеръ своимъ личнымъ опытомъ подтвердили положеніе Абиха, основанное на тщательномъ изученіи метеорологическихъ данныхъ, строенія Арарата и свойствъ составляющихъ его горныхъ породъ,—что на полную удачу могутъ разсчитывать только тѣ путешественники, которые, обладая конечно необходимыми для такого дѣла физическими силами, предпримутъ восхожденіе въ концѣ іюля или въ началѣ августа, т. е. съ наступленіемъ періода постоянно ясной погоды, характеризующей осеннее время въ при-араратской мѣстности. Къ этому-же времени и снѣжный покровъ горы достигаетъ наименьшихъ размѣровъ.

ДЖЕМСЪ БРАЙСЪ.

(31 августа 1876 г.).

Послѣднимъ англійскимъ восхожденіемъ на Араратъ было восхожденіе Джемса Брайса (James Bryce), совершен-

ное 31 августа 1876 г. и описанное имъ-же въ сочиненіи „Transcaucasia and Ararat“ (London 1877).

Путешественникъ избралъ для подъема путь Абиха, т. е. отъ Сардар-булака по юго-восточному склону Арарата. Свойства и преимущества этого направленія были уже указаны, и потому мы не будемъ останавливаться на нихъ и отсылаемъ читателя къ любопытному сочиненію Д. Брайса, описавшаго свое путешествіе съ большою точностью и ясностью. Укажемъ здѣсь только на удивительную силу характера и выносливость путешественника, безъ каковыхъ свойствъ, впрочемъ, и не мыслимъ тотъ видъ спорта, который практикуется членами альпійскихъ клубовъ.

Брайсъ, прибывъ 30 августа изъ Аралыха въ Сардарбулакъ, предполагалъ въ тотъ-же день начать восхожденіе съ тѣмъ, чтобы переночевать на подъемѣ возможно выше и затѣмъ достигнуть вершины ранѣе того времени, когда она закутывается облаками. Практика восхожденія на альпійскія вершины признаетъ такое распредѣленіе времени наиболѣе цѣлесообразнымъ, такъ какъ раннимъ утромъ снѣжныя вершины бываютъ совершенно чисты; сверхъ того, путешественникъ, въ случаѣ какихъ-либо затрудненій и задержекъ при подъемѣ, имѣетъ болѣе времени для того, чтобы, преодолѣвъ ихъ, подняться на вершину и засвѣтло спуститься опять въ лагерь. Возможно болѣе раннее посѣщеніе вершины особенно важно при восхожденіи на Араратъ, такъ какъ заволакиваніе его вершины облаками совершается съ замѣчательною регулярностью. Въ лѣтніе и осенніе мѣсяцы вершина Арарата бываетъ обыкновенно совершенно чиста ночью и на разсвѣтѣ. По мѣрѣ того, какъ равнина Аракса накаляется горячимъ солнцемъ, нагрѣтый воздухъ поднимаетея вверхъ и, соприкасаясь съ снѣгами, охлаждается и образуетъ облака. Это совершается обыкновенно черезъ 3—4 часа послѣ восхожденія солнца, причемъ небо остается совершенно яснымъ, и только одна вершина Арарата на протяженіи до 3000 фут. по отвѣсу окутывается колеблющимся облачнымъ покрываломъ. Къ солнечному закату притокъ теплаго воздуха ослабѣваетъ, а вмѣстѣ съ

тѣмъ прекращается и образованіе облаковъ, такъ что на ночь вершина вновь сбрасываетъ свое покрывало.

Брайсу не удалось выступить въ походъ 30 августа: упрямство и несговорчивость носильщиковъ-курдовъ протянули время до вечера и заставили отложить выступленіе до полуночи. Послѣ короткаго отдыха, Брайсъ поднялъ на ноги своихъ казаковъ и курдовъ, и въ часъ ночи экспедиція тронулась въ путь при блѣдномъ свѣтѣ луны. Непривычка казаковъ и носильщиковъ къ восхожденію, особенно въ ночное время, и постоянныя остановки ихъ подъ видомъ отдыха для куренія и болтовни, все это замедляло шествіе, такъ что разсвѣтъ засталъ Брайса на высотѣ только 11000 фут. Вскорѣ носильщики начали жаловаться на усталость и по немногу отставать. На высотѣ 12000 фут. при Брайсѣ остались только два казака и одинъ курдъ. Самъ Брайсъ, несмотря на почти безсонную ночь, бодро шелъ впереди. Къ 10 ч. утра онъ находился на высотѣ около 13600 фут. Послѣдній казакъ, непокидавшій его до сихъ поръ, отказался слѣдовать далѣе. Путешественникъ самъ чувствовалъ сильную усталость и слабость; являлось сомнѣніе, насколько благоразумно при такихъ условіяхъ продолжать путь и тѣмъ болѣе, что вершина была уже давно покрыта облаками. Но настойчивость въ преслѣдованіи поставленной цѣли преодолѣла минутную слабость. Брайсъ, несмотря на крайнее утомленіе и одышку, упорно продолжалъ карабкаться по скаламъ и наконецъ въ 2 ч. 25 м. послѣ полудня достигъ Парротовской вершины Арарата. Сильный вѣтеръ, разгонявшій по временамъ облака, позволилъ ему осмотрѣть окрестности и глазомѣрно сравнить высоты обѣихъ вершинъ Арарата, западной и восточной. По мнѣнію Брайса, первая выше второй не болѣе, какъ на 30 футовъ.

Обратный путь былъ совершенъ конечно гораздо скорѣе и безъ приключеній. Въ 7 ч. вечера Брайсъ присоединился къ своимъ проводникамъ на высотѣ 12000 ф. Послѣ недолгаго отдыха, экспедиція въ полночь тронулась въ путь и къ восходу солнца спустилась къ Сардар-булаку.

Нельзя не удивляться необыкновенной силѣ и энергіи

Брайса. Весь подъемъ отъ Сардар-булака до вершины Арарата, раздѣляемый обыкновенно на два перехода съ ночлегомъ, онъ совершилъ въ одинъ пріемъ и безъ спутниковъ, проведя въ почти непрерывной и усиленной работѣ отъ полуночи до полуночи, т. е. полныхъ 24 часа.

Восхожденіе 11 августа 1882 года.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о послѣдней попыткѣ восхожденія на Араратъ, предпринятой 11 августа 1882 года гг. Кокчаевымъ, Мордовцевымъ, Зелинскимъ и Сиволобовымъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ курдовъ.

Судя по отчету, напечатанному въ газетѣ „Кавказъ" (№ 226, 27 августа 1882 г.), Кокчаевымъ, восхожденіе было предпринято безъ всякой опредѣленной цѣли и плана, безъ предварительнаго ознакомленія съ свойствами горы, безъ соображенія силъ и степени выносливости каждаго члена экспедиціи. Словомъ, нѣсколько человѣкъ, не бывшихъ даже почти наканунѣ восхожденія знакомыми между собою, встрѣтились случайно въ Дарачичагѣ и Эривани и затѣмъ, какъ говорится, ни съ того ни съ сего взяли да и отправились на вершину Арарата. Результатъ попытки вполнѣ соотвѣтствовалъ замыслу: г. Мордовцевъ, категорически заявившій: „я желаю взойти на Араратъ", отказался слѣдовать далѣе Сардар-булака; гг. Кокчаевъ и Зелинскій остановились на пути къ вершинѣ въ полнѣйшемъ изнеможеніи, и только одинъ г. Сиволобовъ, какъ видно изъ отчета, добрался съ курдами до вершины.

Нѣтъ спора, что неудачные путешественники имѣли полное право предпринять прогулку нетолько на Араратъ, но даже и на высшую точку Гималайскихъ альповъ. Но такъ какъ попыткѣ былъ приданъ характеръ нѣкотораго подвига, о которомъ разсылались телеграммы въ газеты, то мы считаемъ себя въ правѣ высказать мнѣніе о причинахъ неудачи восхожденія. Причинами были, по нашему мнѣнію,

не „масса непреодолимыхъ препятствій", не „борьба противъ стихійныхъ силъ и предразсудковъ", какъ думаетъ г. Кокчаевъ, а просто неподготовленность самихъ путешественниковъ къ такого рода предпріятіямъ и полнѣйшее незнакомство ихъ съ условіями восхожденія на альпійскія высоты вообще и въ частности на вершину Арарата.

Восхожденіе было предпринято обычнымъ путемъ, т. е. отъ Сардар-булака вдоль юго-восточной впадины. Описаніе пути, сдѣланное г. Кокчаевымъ, очень сбивчиво и не даетъ возможности прослѣдить направленіе подъема въ подробностяхъ. Къ тому-же у путешественниковъ не было съ собою даже барометра, по крайней мѣрѣ въ отчетѣ не приведено ни одной цифры высоты.

Остановимся на одномъ мѣстѣ отчета. Г. Кокчаевъ разсказываетъ, что на пути своемъ видѣлъ поставленный на скалѣ крестъ безъ поперечной перекладины. Поднявшись нѣсколько выше, тотъ-же путешественникъ замѣтилъ въ ста шагахъ отъ себя г. Сиволобова, который держалъ въ рукахъ другой крестъ, значительно большій, чѣмъ первый, и также безъ поперечины. Эти указанія заслуживаютъ вниманія. Извѣстно, что на юго-восточномъ склонѣ Арарата былъ поставленъ только одинъ крестъ, именно Карломъ Ценкъ 19 августа 1844 г. Несомнѣнно, что этотъ памятникъ, но уже безъ перекладины, видѣлъ г. Кокчаевъ. Но откуда взялся другой, большой крестъ, видѣнный Сиволобовымъ? Намъ извѣстно, что на западной вершинѣ Арарата были поставлены кресты Парротомъ и Ходзько. Если допустить, что снѣжный покровъ горы движется постоянно отъ вершины внизъ, увлекая при этомъ и находящіеся на немъ предметы, то и тогда кресты Паррота и Ходзько ни въ какомъ случаѣ не могли попасть съ западной вершины на юго-восточный склонъ Арарата. Вслѣдствіе этого надо предположить, что или одинъ изъ памятниковъ былъ руками человѣческими принесенъ и брошенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ его нашелъ г. Сиволобовъ, или-же, что г. Кокчаевъ ошибся и принялъ за символъ христіанства простой шестъ. Это предположеніе кажется вѣроятнѣе. Выше было упомя-

нуто, что акад. Абихъ поставилъ на восточной вершинѣ довольно высокій шестъ (5 фут. 8 дюйм. длины) съ прикрѣпленною къ нему бутылкою, и что солдатъ Чугунковъ изъ партіи Ходзько, бывшій на восточной вершинѣ раньше экспедиціи, утвердилъ на ней березовую вѣху. Одинъ изъ этихъ памятниковъ могъ перемѣститься по той или другой причинѣ на то мѣсто, гдѣ былъ найденъ г. Сиволобовымъ. Наконецъ весьма возможно, что шестъ этотъ былъ просто забытъ или брошенъ, какъ лишняя тяжесть, однимъ изъ членовъ многолюдной экспедиціи Ходзько.

Выше было сказано, что вершины Арарата (восточной) достигли, по словамъ г. Кокчаева, только г. Сиволобовъ и курды. Нѣкоторыя подробности, приводимыя авторомъ отчета со словъ г. Сиволобова, вполнѣ подтверждаютъ фактъ пребыванія его на вершинѣ Арарата. Въ разсказѣ о восхожденіи Абиха было упомянуто, что ученый академикъ замѣтилъ въ сѣдловинѣ, раздѣляющей обѣ высшія точки Арарата, дугообразно изогнутую трещину, которую онъ считаетъ однимъ изъ результатовъ землетрясенія 1840 г. Г. Сиволобовъ также упоминаетъ о видѣнной имъ глубокой и занесенной снѣгомъ трещинѣ, идущей по сѣдловинѣ съ юго-востока на сѣверо-западъ; при паденіи въ нее твердыхъ предметовъ она издавала гулъ. Путешественникъ прошелъ нѣкоторое разстояніе по краю этой трещины. Затѣмъ, г. Сиволобовъ разсказываетъ объ удушливомъ запахѣ, поразившемъ близъ вершины горы его обоняніе. Объ этомъ явленіи,—результатѣ разложенія желѣзнаго колчедана, пронизывающаго вулканическія породы Арарата,—упоминаютъ также Абихъ и Брайсъ.

Такъ какъ есть полное основаніе полагать, что г. Сиволобовъ вовсе незнакомъ съ сочиненіями объ Араратѣ и особенно съ отчетами Абиха и Брайса, то указаніе его на такія характеристическія особенности вершины Арарата свидѣтельствуетъ, что онъ былъ дѣйствительно на этой вершинѣ.

Священныя рощи и деревья у Кавказскихъ народовъ *).

Почитаніе деревьевъ, рощъ и лѣсовъ принадлежитъ къ наиболѣе распространеннымъ культамъ: оно встрѣчается, въ болѣе или менѣе ясно выраженной формѣ, у большей части племенъ и народовъ земнаго шара, стоящихъ на самыхъ различныхъ ступеняхъ цивилизаціи. Коренясь въ склонности первобытнаго человѣка объяснять себѣ всѣ явленія окружающей природы тѣми-же побужденіями, которыя руководятъ его собственными дѣйствіями и поступками, культъ этотъ представляетъ множество оттѣнковъ и переходовъ отъ признанія въ деревѣ особой души до чистаго символизма. Изъ обозрѣнія и сопоставленія всѣхъ извѣстныхъ примѣровъ поклоненія деревьямъ и рощамъ известный Тэйлоръ (Tylor, „Origine of Culture") вывелъ нѣсколько степеней или фазисовъ въ развитіи этого культа. Нѣкоторые народы считаютъ самое дерево обладающимъ всѣми качествами и способностями разумнаго существа и, слѣдовательно, могущимъ по своей волѣ вредить или покровительствовать человѣку. Затѣмъ, дерево можетъ служить только для вселенія или, говоря точнѣе, для воплощенія како-либо духа (фетишъ у негровъ), на подобіе того, какъ бываютъ люди, одержимые бѣсомъ или злымъ духомъ. Наконецъ, дерево можетъ служить только мѣстомъ отдохновенія, любимымъ жилищемъ для какого-нибудь духа и, вслѣдствіе этого, лучшимъ мѣстомъ для устройства алтаря и жертвоприношеній въ честь этого духа. На этой послѣд-

*) Напечатано въ извѣстіяхъ Кавказ. Отдѣла И. Русскаго Геогр. Общества, т. V, № 3.

ней ступени развитія культа нѣтъ уже существенной разницы между отдѣльнымъ деревомъ и цѣлымъ лѣсомъ или рощей. Дѣйствительно, у многихъ народовъ рощи, какъ и отдѣльныя деревья, считаются храмами, посвященными божеству.

Всѣ эти категоріи отнюдь не слѣдуетъ считать строго отличными одна отъ другой. Точныя опредѣленія всего менѣе возможны въ области религіозныхъ воззрѣній. Напротивъ того, будучи только видоизмѣненіями, фазисами развитія одного и того-же первобытнаго взгляда на природу, названныя группы вѣрованій представляютъ множество незамѣтныхъ переходовъ отъ одной къ другой, такъ что изслѣдователь бываетъ зачастую лишенъ возможности съ точностью опредѣлить, къ какой именно стадіи развитія слѣдуетъ отнести наблюденное имъ явленіе. Важную роль играетъ въ этихъ случаяхъ объективность самого наблюдателя, т. е. способность его стать на точку зрѣнія того человѣка или народа, вѣрованіе котораго избралъ онъ предметомъ своего изслѣдованія. Если принять еще во вниманіе особенно сильный въ дѣлахъ религіозныхъ консерватизмъ человѣческаго ума, долго сохраняющаго привязанность къ *формѣ* послѣ того, какъ *содержаніе* ея давно уже забыто, то дѣлается понятною трудность, при всей объективности и проницательности, опредѣлить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, какимъ именно образомъ смотритъ человѣкъ на тотъ предметъ, которому онъ поклоняется или который признаетъ священнымъ для себя: питаетъ-ли онъ полную вѣру въ тѣ свойства предмета, ради которыхъ поклоняется ему, дѣлаетъ-ли это по привычкѣ, или-же въ силу смутныхъ и неопредѣленныхъ опасеній дурныхъ послѣдствій отъ неисполненія обряда?

Исчисленныя причины, въ связи съ недостаткомъ во многихъ случаяхъ ясныхъ и опредѣленныхъ указаній, побудили насъ воздержаться пока отъ объясненія или толкованія сообщаемыхъ ниже фактовъ и ограничиться на первый разъ простымъ обозрѣніемъ тѣхъ обрядовъ и вѣрованій Кавказскихъ народовъ, которые имѣютъ связь съ рощами и деревьями. Это обозрѣніе, полагаемъ, не будетъ лишнимъ, какъ сводъ свѣдѣній, разбросанныхъ по разнымъ и не всегда доступнымъ источникамъ.

Почитаніе рощъ и деревьевъ, слѣды котораго замѣчаются и нынѣ въ вѣрованіяхъ многихъ Кавказскихъ народовъ, сохранилось въ наибольшей полнотѣ у черкесовъ (Адиге) и сосѣдственныхъ имъ племенъ Западнаго Кавказа.

О священныхъ рощахъ и деревьяхъ черкесовъ упоминаютъ многіе писатели, начиная съ XVII вѣка. Такъ, *Jean de Luca*, посѣтившій Черкессію около 1637 г., разсказываетъ о *кудоши* (cudosci) или священныхъ мѣстахъ, въ которыхъ можно было видѣть множество бараньихъ головъ, оставшихся отъ курбановъ или жертвоприношеній. Деревья, здѣсь находящіяся, говоритъ путешественникъ, увѣшаны стрѣлами, луками и мечами, принесенными въ даръ по обѣту; и уваженіе къ святости мѣста такъ велико, что отъявленные воры не осмѣливаются прикасаться къ этимъ вещамъ (*Bell*, Résidence en Circassie, Introduction par Louis Vivien, I, XIV. Paris. 1841). *Пейссонель*, авторъ извѣстнаго сочиненія „Traité sur le commerce de la mer Noire“ (t. I et II, Paris. 1787) упоминаетъ также о священныхъ деревьяхъ у абазовъ (Abazes) и черкесовъ, причемъ названіе *кодошъ* даетъ не рощѣ, а отдѣльному дереву, служащему предметомъ поклоненія для абазовъ. „Знаменитое дерево, говоритъ онъ, называемое *Кодошъ* (Kodoche), которое абазы почитаютъ такъ, какъ черкесы почитаютъ дерево *панжассанъ* (Panjassan), находится въ Кодошѣ—открытомъ и мало безопасномъ рейдѣ на абазскомъ берегу, при которомъ совершаются самые значительные торги съ абазами. Слово Кодошъ происходитъ отъ еврейскаго кадошъ—святой, подобно тому, какъ названіе *panjassan* отъ греческаго слова *παναγια*,—имя, которое греки даютъ св. Дѣвѣ“ (I. c. II, 3). Объ этомъ послѣднемъ деревѣ Пейссонель говоритъ подробнѣе при описаніи черкесскаго берега: „въ центрѣ Черкессіи есть знаменитое дерево, къ которому черкесы питаютъ уваже-

ніе, граничащее съ идолопоклонствомъ. Дерево это называется *Panagiasan*—испорченное греческое названіе св. Дѣвы, Panaghia“ (I. с. II, 316).

Къ сожалѣнію, Пейссонель не говоритъ, какія именно были эти деревья и гдѣ они находились. Нельзя также догадаться, какое нынѣ носитъ названіе тотъ рейдъ, при которомъ производилась, по его словамъ, важнѣйшая торговля съ абазами. Хотя на нашихъ картахъ и показываются два пункта подъ именемъ Кодошъ, но такъ какъ названіе это, какъ теперь извѣстно, означаетъ священную рощу, а таковыхъ по Кавказскому берегу было очень много, то нѣтъ никакого основанія полагать, что Пейссонель говоритъ именно объ одномъ изъ этихъ двухъ пунктовъ. Необходимо замѣтить еще, что Пейссонель самъ не былъ ни въ Абхазіи, ни въ Черкессіи, а въ качествѣ французскаго консула въ Крыму собиралъ свѣдѣнія отъ купцовъ и судовладѣльцевъ, плававшихъ и торговавшихъ по Кавказскому берегу.

Названіе *Кодошъ* въ значеніи черкесской священной рощи находимъ и у Лонгворта, спутника и товарища извѣстнаго Белля. Онъ разсказываетъ именно, что по прибытіи въ долину Джуги или Джубги замѣтилъ на берегу группу величественныхъ деревъ или кодошъ (Kodosh), посвященную обрядамъ стариннаго культа туземцевъ (*Longworth*: A year among the Circassians. Lond. 1840, II, 156). По описанію *Люлье*, жившаго долго между черкесами и оставившаго о нихъ любопытныя замѣтки („Вѣрованія, религіозные обряды и предразсудки у черкесъ“ въ Зап. Кавк. Отд. И. Р. Геогр. Общ., V, 129), въ каждой долинѣ Черкесскаго прибрежья находилось по нѣскольку священныхъ рощъ или лѣсовъ. Рощи считались неприкосновенными и замѣняли для черкесовъ храмы. Къ каждой рощѣ причислялось извѣстное число домовъ или семействъ, кои можно было нѣкоторымъ образомъ считать ея прихожанами, *тлахапсь*.

Неприкосновенность рощи и находящихся въ ней пожертвованныхъ предметовъ была впрочемъ обязательна

только для того общества, которому роща принадлежала. По словамъ *Тебу де Мариньи* (Taitbout de Marigny: „Voyages en Circassie“. Odessa et Simpheropol. 1836, 134), враждовавшія между собою общества, несмотря на одинаковость вѣрованій, при взаимныхъ нападеніяхъ не щадили и священныхъ рощъ. При возникновеніи вражды въ средѣ одного и того-же общества случалось, что недовольная часть отдѣлялась и заводила свою особую рощу. Подобный случай произошелъ, по словамъ упомянутаго выше автора (I. с. 208), съ населеніемъ Пшадской долины. Приведенныя свѣдѣнія даютъ поводъ предполагать, что у черкесовъ были мѣстныя божества, которымъ посвящались рощи и которыя покровительствовали только извѣстному обществу или семейству.

Въ священныхъ рощахъ, предъ деревянными грубой работы крестами, иногда очень оригинальной формы, совершались всѣ черкесскія празднества и моленія въ честь Шибле, Сеозереса и др. божествъ, сопровождавшіяся жертвоприношеніями и возліяніями. Въ нихъ-же собирались и народныя собранія. Присутствіе крестовъ и уваженіе, которымъ они пользовались у береговыхъ черкесовъ, приводится обыкновенно въ доказательство того, что черкесы когда-то были христіанами. Если это и справедливо, то христіанство ихъ до такой степени тѣсно слилось съ вѣрованіями и обрядами языческими, что нѣтъ никакой возможности отдѣлить одно отъ другихъ. Вѣроятнѣе всего, что христіанство черкесовъ никогда не шло далѣе внѣшности, т. е. соблюденія нѣкоторыхъ христіанскихъ обрядовъ, и что они въ сущности никогда не были христіанами, а только допустили или приняли христіанскаго Бога въ кругъ своихъ старыхъ языческихъ божествъ.

Люлье, какъ выше указано, замѣтилъ, что священныя рощи служили черкесамъ какъ-бы храмами. Совершавшееся въ нихъ поклоненіе кресту или предъ крестомъ можетъ дать поводъ къ предположенію, что рощи получили въ глазахъ черкесовъ священное значеніе именно вслѣдствіе водруженія въ нихъ крестовъ первыми провозвѣстниками

христіанства среди черкесовъ. Такое предположеніе было-бы крайне ошибочно и противорѣчило-бы тому, что обыкновенно замѣчается при введеніи среди какого-либо народа новыхъ для него религіозныхъ воззрѣній. Извѣстно, что проповѣдники христіанства, опасаясь внезапною ломкою всѣхъ старыхъ понятій, вѣрованій, предразсудковъ и обрядовъ возбудить противъ себя населеніе, бывали всегда и вездѣ вынуждаемы прибѣгать къ компромиссамъ, чтобы сдѣлать переходъ къ новой религіи постепеннымъ и незамѣтнымъ. Христіанскіе кресты водружались на мѣстѣ языческихъ капищъ, языческія божества пріурочивались къ христіанскимъ святымъ, языческимъ обрядамъ давалось христіанское толкованіе. Такимъ способомъ дѣйствія цѣль достигалась вполнѣ. Водруженіе символа христіанства на самомъ мѣстѣ поклоненія языческому божеству наглядно убѣждало въ силѣ и превосходствѣ перваго надъ послѣднимъ. Народъ, привыкшій въ теченіе вѣковъ почитать извѣстныя священныя для него мѣста и совершать тамъ моленія и обряды, продолжалъ по-прежнему свое пилигримство къ старой святынѣ и мало-по-малу примирялся съ новыми вѣрованіями, съ новыми толкованіями значенія старыхъ обрядовъ.

Такъ было, вѣроятно, и въ Черкессіи. Уже одна многочисленность священныхъ рощъ и почти полное отсутствіе остатковъ христіанскихъ храмовъ по черкесскому прибрежью доказываютъ, что почитаніе священныхъ рощъ предшествовало введенію христіанства, и что проповѣдь этого послѣдняго или велась недостаточно энергично, или продолжалась очень недолго, успѣвъ только внушить населенію уваженіе къ кресту, воздвигнутому среди рощъ и лѣсовъ, на мѣстахъ языческихъ алтарей. Но затѣмъ населеніе, предоставленное самому себѣ, продолжало жить по-прежнему съ своими старыми вѣрованіями и даже самому символу христіанства придало значеніе алтаря языческихъ божествъ. Мы не имѣемъ указаній на значеніе черкесскихъ священныхъ рощъ въ прежнее, особенно до-христіанское время. Въ томъ видѣ, въ которомъ онѣ сдѣлались намъ извѣстны,

рощи повидимому имѣли значеніе въ глазахъ туземцевъ не сами по себѣ, а только какъ мѣстопребываніе извѣстнаго божества, т. е. черкесы не поклонялись самому дереву или деревьямъ, а чтили ихъ и считали неприкосновенными только какъ собственность того или другого изъ своихъ языческихъ божествъ. Принесенная въ такой рощѣ жертва считалась наиболѣе угодною; здѣсь-же, какъ мы видѣли выше изъ словъ *Jean de Luca*, вѣшались на вѣтвяхъ всякіе дары божеству, какъ-то оружіе всякаго рода и пр. О подобныхъ приношеніяхъ, по собственному наблюденію, говоритъ Тебу де Мариньи (l. c., 134), присовокупляя, что принесеніе даровъ сопровождается обыкновенно пиромъ, и что головы убитыхъ при этомъ животныхъ вѣшаются также на древесныхъ вѣтвяхъ.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что ни одинъ изъ приведенныхъ обрядовъ поклоненія рощамъ не представляетъ чего-либо особеннаго, свойственнаго только однимъ черкесамъ. Подобные обряды извѣстны у самыхъ различныхъ народовъ, живущихъ часто въ противоположныхъ частяхъ свѣта. Такъ, арабы языческихъ временъ приносили жертвы предъ деревьями и вѣшали на нихъ свое оружіе (*O. Peschel*, „Völkerkunde". Lpz. 1874. S. 262); въ рощахъ дравидскаго племени Мундаколь въ Индіи не позволяется сломать даже и вѣтку (ibid., 261); якуты увѣшиваютъ деревья желѣзомъ, мѣдью и т. п.; принося весною въ лѣсахъ въ жертву лошадей и быковъ, они насаживаютъ головы ихъ на древесныя вѣтви (*Edw. B. Tylor*: „Die Anfänge der Cultur." Lpz. 1873. II, 225).

По свидѣтельству Тэйлора, подкрѣпленному множествомъ примѣровъ, у всѣхъ народовъ, въ томъ числѣ и европейскихъ, существуетъ повѣрье, что можно избавиться отъ болѣзни посредствомъ передачи ея другому человѣку или даже неодушевленному предмету. Для этого надо передать кому-нибудь или повѣсить на дерево какую-либо вещь, принадлежащую больному, или къ которой онъ прикоснулся. Подобное назначеніе имѣютъ часто букеты, которые въ южной Европѣ дѣти предлагаютъ на дорогахъ проѣзжимъ.

Для этой-же цѣли деревья, находящіяся близъ священныхъ мѣстъ, увѣшиваются тряпками и разными лохмотьями отъ одежды больного. Этотъ послѣдній обычай извѣстенъ на пространствѣ отъ Мексики до Индіи, отъ Эѳіопіи до Ирландіи (*Edw. B. Tylor*, die Anfänge der Cultur, II, 150).

Черкесы не чужды этого суевѣрнаго понятія о свойствѣ болѣзней. Лонгвортъ (l. c., I, 64—65) разсказываетъ, что на вопросъ его, какое значеніе имѣютъ лохмотья, висѣвшія на деревьяхъ священной рощи въ Пшадской долинѣ, ему отвѣчали, что тряпки повѣшены въ видѣ пожертвованія, а также и для того, чтобы привязать къ деревьямъ болѣзни тѣхъ, которыми тряпки принесены.

Приведенныя сближенія черкесскихъ обрядовъ и повѣрій съ обрядами и повѣрьями другихъ языческихъ народовъ служатъ лучшимъ доказательствомъ того, что почитаніе рощъ предшествовало введенію христіанства у черкесовъ. Дальнѣйшее подтвержденіе этого мы видимъ въ существованіи черкесскаго бога лѣсовъ, извѣстнаго подъ именемъ *Мезитха*. По словамъ Люлье („Вѣрованія, религіозные обряды и предразсудки у черкесъ" въ Зап. Кавк. Отд. И. Р. Геогр. Общ., кн. V, 125), черкесы представляли себѣ Мезитха ѣдущимъ верхомъ на кабанѣ съ золотою щетиною. По мановенію Мезитха олени и лоси собирались въ лѣсахъ, и тогда дѣвушки доили ихъ самокъ. Богу лѣсовъ черкесы молились о счастливомъ успѣхѣ охоты. Такимъ-же образомъ описываетъ Мезитха и *Султанъ Ханъ-Гирей* („Миѳологія черкесскихъ народовъ" въ Сборникѣ газ. „Кавказъ" за второе полугодіе 1846 г., Тифлисъ. 1847), называющій божественными дѣвъ, доившихъ лосей и оленей. Почитаніе священныхъ рощъ сохранялось до послѣдняго времени и въ тѣхъ черкесскихъ обществахъ, которыя издавна признавали себя мусульманами. Такъ, у натухайцевъ пользовались особеннымъ уваженіемъ рощи Баканскаго ущелья, впадающаго въ ущелье р. Адагума: „Тутъ встрѣчаются, говоритъ г. Н. В. въ ст. „Вѣсти съ Кубани" (газ. „Московскій Вѣстникъ" за 1860 г.), заповѣдныя рощи, изъ которыхъ горецъ, подъ страхомъ смерти, не смѣетъ похитить ни одной вѣтки, не

унесетъ листка; на сучкахъ вѣковыхъ деревъ развѣшано оружіе, принесенное въ даръ святынѣ; какой-нибудь давно отжившій воинъ воткнулъ здѣсь въ стволъ дерева кинжалъ свой, и кинжалъ остался никѣмъ не тронутъ; дерево между тѣмъ ширилось и уже запустило кору свою по его рукоятку. Нечего и говорить, какъ богата растительность подобныхъ рощъ, такъ свято хранимыхъ религіознымъ настроеніемъ жителей горъ".

Въ предѣлахъ Шапсугскихъ славилась роща на урочищѣ Адыхеко, недалеко отъ нынѣшней станціи Тхамахинской (на р. Шебжѣ, впадающей въ Афипсъ съ правой стороны), описанная г. Каменевымъ („Кубанскія Областныя Вѣдомости", 1866 годъ, №№ 43 и 47: „Урочище Адыхеко"). На урочищѣ Адыхеко, говоритъ названный авторъ, была у шапсуговъ *тха-чигъ* (тха—богъ, чигъ—земля), т. е. *божья земля*, иначе молитвенное мѣсто, называемое обыкновенно священной рощей. По названію этой рощи—*тхамаха* (тха—богъ, ма—указательное мѣстоимѣніе, замѣняющее иногда въ адыгскомъ языкѣ 3-е лицо, ха—корень глагола хыныр—нести, поднести, слѣдовательно, все вмѣстѣ: богу поднесенное, посвященное богу) названа и нынѣшняя станица Тхамахинская. За 100 лѣтъ до нашего времени, шапсуги собирались въ этой рощѣ для принесенія молитвы Мезитху и Тлепшу, причемъ приносили въ жертву барановъ и вѣшали на столѣтнія деревья въ старину мечи, кольчуги, шлемы, а въ новѣйшее время разноцвѣтныя тряпки. Эти жертвы приносились для испрошенія помощи предъ какимъ-либо отважнымъ предпріятіемъ, или въ благодарность за удачно исполненныя, также для испрошенія больнымъ здоровья. Существовало убѣжденіе, что присвоившаго себѣ что-либо изъ этихъ вещей постигала мучительная смерть. Самыя деревья рощи считались неприкосновенными: вѣрили, что отрубленный сукъ лишаетъ жизни одного только святотатца; срубленное дерево влекло за собою уничтоженіе всей его фамиліи, а истребленіе рощи—истребленіе всего племени, которому она принадлежала.

Почитаніе священныхъ рощъ, несмотря на проповѣди

посылаемыхъ изъ Турціи муллъ, до того укоренилось въ народѣ, что горцы, совершая намазы и посѣщая мечети, продолжали приносить жертвы Мезитху и клясться богомъ Тлепшъ. Только въ періодъ систематическаго покоренія Западнаго Кавказа, когда горцы, возложивъ надежды на Турцію, подчинились вліянію муллъ, уменьшилось уваженіе къ священнымъ рощамъ, и Тхамахинская пожертвована, приговоромъ шапсуговъ, подъ посѣвъ, такъ какъ они нуждались въ землѣ.

По описанію г. Каменева, у котораго заимствованы приведенныя выше свѣдѣнія, Тхамахинская роща состояла изъ липъ и чинаръ, высотою до 15 саж. и въ діаметрѣ до $1^1/_2$ аршина. Роща вѣнчала отдѣльную возвышенность среди живописной мѣстности. Она пользовалась уваженіемъ у всѣхъ горскихъ племенъ. Въ концѣ 1863 г. войска наши истребили остатки рощи на постройку редута.

О существованіи священныхъ рощъ у остальныхъ Закубанскихъ черкесскихъ племенъ мы не могли достать никакихъ указаній и свѣдѣній. Вообще, какъ уже замѣчено выше, почитаніе рощъ было наиболѣе распространено по берегу Чернаго моря, гдѣ мусульманство имѣло самые слабые корни и даже въ нѣкоторыхъ частяхъ береговой полосы было извѣстно только по имени. Напротивъ того, у Закубанскихъ племенъ муллы пользовались вліяніемъ, и вѣроятно ихъ стараніями и убѣжденіями были уничтожены остатки языческихъ вѣрованій и обрядовъ. Намъ остается сказать нѣсколько словъ о почитаніи отдѣльныхъ деревъ. Выше были уже приведены слова Пейссонеля о деревѣ Панагіасанъ, къ которому черкесы питали уваженіе, граничащее съ идолопоклонствомъ. Въ чемъ выражалось это уваженіе, Пейссонель, къ сожалѣнію, не говоритъ, но мы можемъ составить себѣ нѣкоторое понятіе объ этомъ по нижеслѣдующему разсказу Люлье (I. c., 133) объ одномъ большомъ, нѣкогда пораженномъ громомъ, деревѣ, находившемся неподалеку отъ его мѣста жительства въ долинѣ р. Пшадъ. „Дереву этому приписывали симпатическое свойство исцѣлять лихорадки: страждущій приходилъ или пріѣзжалъ къ

нему съ запасомъ приношеній, большею частью пирожковъ, которые тутъ-же и съѣдались пріѣхавшими съ больнымъ; передъ отъѣздомъ они зашивали кусочекъ этого дерева въ лоскутокъ матеріи и надѣвали больному на шею, чтобы онъ носилъ его постоянно; остальная часть той-же матеріи привѣшивалась къ вѣтвямъ въ родѣ приношенія. Дерево все было увѣшано подобными приношеніями". Здѣсь очевидно мы имѣемъ примѣръ смѣшенія двухъ отдѣльныхъ вѣрованій или суевѣрій: во-первыхъ, вѣру въ цѣлебную силу дерева или того божества, которому оно принадлежитъ; во-вторыхъ, суевѣрное представленіе, уже приведенное выше, о возможности избавиться отъ болѣзни посредствомъ передачи ея дереву вмѣстѣ съ тряпкою или клочкомъ одежды больного.

Деревья, пользовавшіяся уваженіемъ у черкесовъ, служили вмѣстѣ съ тѣмъ и сборнымъ пунктомъ при народныхъ собраніяхъ. Такое дерево, названное русскими *кунацкимъ*, сохранилось въ долинѣ р. Сочи, за первыми ея воротами. По описанію г. Верещагина („Путевыя замѣтки по Черноморскому округу". М. 1874, стр. 41, 52, 54), дерево это представляетъ родъ серебристаго тополя, извѣстнаго подъ именемъ *бѣлолистки*, и стоитъ на обширной полянѣ, окаймленной лѣсистымъ кряжемъ горъ. Стволъ дерева, на высотѣ $2^1/_2$ арш. отъ земли, имѣлъ, по измѣренію г. Верещагина, въ окружности $17^3/_4$ арш., окружность-же у корня болѣе 20 арш. Внутри дерево оказалось совершенно пустымъ, только по срединѣ стояла сердцевина столбомъ толщиною не болѣе 8 вершковъ. Но снаружи дерево казалось вполнѣ свѣжимъ и было покрыто густою листвою. Подъ этимъ древнимъ деревомъ, какъ разсказываютъ черкесы, убыхи держали свой послѣдній совѣтъ передъ выселеніемъ въ Турцію.

Повидимому, черкесы не отдавали исключительнаго предпочтенія какой-либо одной породѣ деревъ. Хотя большая часть священныхъ рощъ и состояла изъ дубовъ, но мы только что видѣли, что и бѣлолистый тополь пользовался большимъ уваженіемъ. Въ отчетѣ „Коммисіи по из-

слѣдованію земель на сѣв.-вост. берегу Чернаго моря" (Зап. Кавк. Общ. Сельск. Хоз., №№ 5 и 6. Тифлисъ. 1867, стр. 59) упоминается также о небольшой священной пихтовой рощѣ около бывшаго Бабукова аула, на возвышенномъ мѣстѣ, окруженномъ рр. Шахе, Ажу и Бушій.

О поклоненіи деревьямъ абхазцевъ извѣстно еще со временъ Прокопія: „hi barbari", читаемъ въ его De bello Gothico,—„ad meam usque aetatem lucos et siluas coluerunt, barbara simplicitate arbores in Deorum ducentes numero". (*Stritter*: Memoriae populorum, Petropoli MDCCLXXIX, T. IV, p. 179). Въ позднѣйшее время это языческое поклоненіе смѣшалось съ христіанствомъ и, подобно тому, какъ у черкесовъ, выразилось въ поклоненіи кресту, который ставился среди рощи. По свидѣтельству извѣстнаго своею загадочною судьбою *Якова Рейнегса*, въ первыхъ числахъ мая мѣсяца абхазцы собирались въ густомъ и мрачномъ священномъ лѣсу, деревья котораго считались неприкосновенными изъ боязни оскорбить высшее существо. Въ этой рощѣ, около большого желѣзнаго креста жили пустынники, собиравшіе съ народа значительныя пожертвованія за молитвы свои о здравіи и преуспѣяніи дѣлъ и предпріятій приносителей. Всѣ приходившіе въ рощу приносили съ собою деревянные кресты, которые ставились потомъ повсюду, гдѣ была зелень, и знакомые, встрѣчаясь въ лѣсу, обмѣнивались этими крестами въ знакъ дружбы. Рейнеггсъ присовокупляетъ ко всѣмъ этимъ свѣдѣніямъ, приведеннымъ здѣсь въ сокращеніи, что отшельники разсказываютъ про желѣзный крестъ въ лѣсу разныя чудеса и явленія, которыя не имѣютъ рѣшительно никакого отношенія ни къ Христу, ни къ его ученію. Надо замѣтить, впрочемъ, что Рейнеггсъ не былъ самъ свидѣтелемъ совершаемыхъ въ священной рощѣ празднествъ и основывался только на разсказахъ абхазцевъ и ихъ сосѣдей (*Dr. Jacob. Reineggs*: „Allgemeine historisch-geographische Beschreibung des Kaukasus", Hildesheim und St. Petersburg, 1797. Zweiter Theil, SS. 10, 11). Въ общихъ-же чертахъ описанное Рейнеггсомъ абхазское поклоненіе кресту въ священной рощѣ вполнѣ

совпадаетъ, какъ выше замѣчено, съ тѣмъ, что намъ извѣстно о подобныхъ-же обрядахъ черкесовъ.

Этими цитатами исчерпываются познанія наши о священныхъ рощахъ абхазцевъ, несмотря на то, что Абхазія была всегда извѣстна и доступна болѣе, чѣмъ черкесскія земли. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ Абхазіи, вслѣдствіе болѣе сильнаго вліянія магометанства, языческій культъ лѣсовъ и деревъ сохранился въ меньшей чистотѣ и силѣ, чѣмъ у береговыхъ черкесовъ. Но въ какой именно мѣрѣ повліяла проповѣдь муллъ на исчезновеніе этого культа, и существовали-ли въ послѣднее время у абхазцевъ священныя рощи и служеніе въ нихъ,—мы не можемъ сказать, по неимѣнію свѣдѣній. Далѣе будетъ указано, что у нѣкоторыхъ народовъ неприкосновенность рощъ и находящихся въ нихъ предметовъ распространяется и на преступниковъ, ищущихъ убѣжища въ рощѣ (право убѣжища—droit d'asile). По словамъ академика Шифнера, подобное право существуетъ и въ Абхазіи, и въ абхазскомъ языкѣ есть особое слово *ábnalara* (отъ *bna*, *ábna*—лѣсъ), означающее бѣгство въ лѣсъ (*Schiefner*: „Abchasische Studien", Mém. de l'Acad. des sciences de St.-Petersb., VII série. T. VI, № 12, p. 58). Это обстоятельство, за отсутствіемъ прямыхъ указаній, можетъ служить косвеннымъ доказательствомъ того, что абхазцы до послѣдняго времени сохранили языческія чувства почитанія рощъ и лѣсовъ.

Здѣсь будетъ кстати замѣтить, что, по свидѣтельству царевича Вахушта, въ его время абхазцы не имѣли обычая зарывать мертвыхъ въ землю, а клали ихъ одѣтыми и вооруженными въ гробы и ставили на деревья (Description Géogr. de la Géorgie, par le Tsarevitch Wakhoucht, publiée par M. Brosset. St.-Petersb. 1842, p. 409). Быть можетъ, этотъ странный обычай имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ поклоненію деревьямъ.

Переходимъ къ *осетинамъ*, о священныхъ рощахъ которыхъ и обрядахъ, въ нихъ совершаемыхъ, говорятъ писатели конца прошедшаго и начала настоящаго столѣтій. По свидѣтельству знаменитаго Палласа (*Pallas:* Voyages en-

trepris dans les gouvernements méridionaux de l'Empire de Russie etc. Paris, MDCCCV, Tome premier, p. 471), священныя рощи (bosquets sacrés) существовали у черкессатовъ, подраздѣленія дигорскихъ осетинъ, жившихъ въ верховьяхъ Уруха, гдѣ онъ выходитъ изъ снѣжныхъ горъ. Въ этихъ рощахъ, говоритъ путешественникъ, каждое семейство занимаетъ опредѣленное мѣсто, на которомъ и строитъ подъ деревьями шалашъ. Здѣсь они разъ въ году празднуютъ въ теченіе 8 дней праздникъ, очень похожій на еврейскій праздникъ кущей. Всякій путникъ, проѣзжающій въ это время чрезъ страну черкессатовъ, обязанъ принять вмѣстѣ съ ними участіе въ празднествѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ не получилъ-бы позволенія проѣхать чрезъ черкессатскіе предѣлы. Каждое семейство спѣшитъ угостить такого путника.

Приведенное описаніе Палласа слишкомъ кратко для того, чтобы на основаніи его можно было сдѣлать какія-нибудь сравненія и заключенія. Переходимъ поэтому къ другимъ указаніямъ.

Объ осетинскихъ священныхъ рощахъ говорятъ также *Парротъ* и *Энгельгардтъ*, совершившіе въ 1812 г. извѣстное путешествіе по сѣверному склону Кавказа (*M. von Engelhardt* und *Dr. Fr. Parrot:* „Reise in die Krym und den Kaukasus". Zwei Theile. Berlin. 1815). Подымаясь къ верховьямъ Терека по Трусовскому ущелью, въ которомъ только кое-гдѣ виднѣются тощія березки и кусты рододендрона и облѣпихи, путешественники были удивлены, увидавъ на южномъ склонѣ ущелья, выше селенія Абано, красивый березовый лѣсокъ, имѣющій до полуверсты протяженія. Оказалось, что это—священная роща, состоящая подъ покровительствомъ какого-то духа (Dämon), который поражаетъ болѣзнью или смертью каждаго, осмѣливающагося сломить вѣтку или срубить дерево въ этой рощѣ. Собирать можно было только валежникъ (l. c., I. 181, 219—220).

Объ этой-же рощѣ упоминаетъ и Клапротъ: на противоположномъ берегу Терека (относительно селенія) видѣнъ священный лѣсъ, называемый *Djouaré-kadd* или *лѣсъ креста*, въ разстояніи одной версты отъ сел. Абано-кау. Трусовскіе осетины ходятъ туда молиться и приносятъ въ жертву барашковъ предъ изображеніемъ св. Ильи. Мясо жертвеннаго животнаго съѣдаютъ, а шкурку развѣшиваютъ на деревѣ въ честь святого. Осетины вѣрятъ, что срубившій вѣтку въ священной рощѣ поражается слѣпотою, и зрѣніе можетъ быть возвращено ему только принесеніемъ въ жертву быка (*T. Klaproth:* „Voyage au Mont Caucase et en Géorgie". Paris. MDCCCXXIII. Tome second, p. 60).

Это описаніе Клапрота вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что выше было сказано относительно жертвоприношеній черкесовъ. Названіе осетинской рощи—*Джвари-каддъ*, т. е. лѣсъ креста, заставляетъ предполагать, что и въ осетинскихъ рощахъ поклоненіе и жертвоприношеніе совершалось предъ крестомъ. Развѣшиваніе на деревѣ шкуры жертвеннаго животнаго въ честь св. Ильи живо напоминаетъ черкесскій обычай развѣшиванія на особой крестообразной подставкѣ шкуръ животныхъ, убитыхъ божествомъ Шибле, т. е. громомъ (объ этомъ любопытномъ обрядѣ см. *J. S. Bell*: „Résidence en Circassie" Paris. 1841. Tome. II, p. 63).

По поводу березовой священной рощи около селенія Абано Энгельгардтъ припоминаетъ, что и безыменный авторъ, совершившій въ 1781 г. путешествіе изъ Моздока въ Кавказскія горы (дневникъ этого путешествія напечатанъ Палласомъ въ „Neue Nordische Beiträge", B. 7), также видѣлъ священную рощу (einen heiligen Hain) на равнинѣ, при подошвѣ хребта, въ двухъ верстахъ отъ Ардона. Роща эта имѣла до 200 саж. въ поперечникѣ. Къ деревьямъ рощи никто не смѣлъ прикасаться, опасаясь неизбѣжнаго несчастія. Вслѣдствіе этого роща обратилась въ густѣйшій лѣсъ, въ которомъ роились пчелы и на свободѣ водилась всякая дичь, такъ какъ въ лѣсу ее нельзя было преслѣдовать. По ту сторону рощи протекалъ ручей Гатипсъ (*Engelhardt und Parrot*: Reise etc., I. 181 Anmerkung).

Вѣроятно объ этой именно рощѣ и говоритъ г. Пфафъ въ своемъ „Путешествіи по ущельямъ сѣверной Осетіи", совершенномъ имъ въ 1869 г.: „недалеко отъ р. Ардона,

близъ дороги (авторъ ѣхалъ изъ Гизеля въ Алагиръ), лежитъ великолѣпная завѣтная роща *Сауадагъ*" („Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ", изд. подъ ред. Н. Зейдлица. Тифлисъ, 1871 г., стр. 130). Объ этой рощѣ существуетъ у осетинъ легенда, которую г. Пфафъ передаетъ въ слѣдующемъ видѣ: нѣкто Хетагъ, внукъ родоначальника кабардинцевъ Инала, спасаясь отъ своихъ враговъ бѣгствомъ изъ Кабарды, упалъ въ изнеможеніи на землю недалеко отъ нынѣшняго аула Салугардонъ и мѣстечка Алагира, въ недалекомъ разстояніи отъ рощи Сауадагъ. Хетагъ уже готовился къ смерти, какъ вдругъ услыхалъ голосъ изъ лѣса: „въ лѣсъ, Хетагъ, въ лѣсъ!" На это онъ отвѣчалъ, что, изнемогая отъ усталости, не поспѣетъ въ лѣсъ, а пускай лучше лѣсъ придетъ къ нему. Такъ и случилось: лѣсъ пришелъ къ Хетагу и скрылъ его отъ враговъ *(В. Б. Пфафъ:* „Матеріалы для исторіи осетинъ" въ „Сборникѣ свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ" вып. V, Тифлисъ. 1871 г., стр. 77). Къ этому г. Пфафъ присовокупляетъ, что Хетагъ считается родоначальникомъ многочисленныхъ семействъ рода Хетагуровыхъ, живущихъ въ аулахъ Цми и Наръ, Нарскаго общества, и что Хетагуровы отличаются отъ остальныхъ осетинъ типомъ лица, явно напоминающимъ ихъ кабардинское происхожденіе: темнымъ цвѣтомъ волосъ, воинственнымъ характеромъ и т. д. (l. c., стр. 76). Жаль, что г. Пфафъ не привелъ всѣхъ этихъ „и т. д", такъ какъ приведенные имъ два признака никоимъ образомъ не могутъ служить доказательствомъ сходства Хетагуровыхъ съ кабардинцами.

Преданіе о Хетагѣ, повидимому, очень распространено между осетинами. Оно разсказано также въ статьѣ г. А. М. „Религіозные обряды осетинъ, ингушъ и ихъ соплеменниковъ" (Сборникъ газеты „Кавказъ" за второе полугодіе 1846 г.), составленной по свѣдѣніямъ, собраннымъ академикомъ Шёгреномъ. Здѣсь разсказана приведенная выше легенда, причемъ герой ея называется не Хетагъ, а Кхетъ, самая-же роща *Кхетажи-кохъ*=группа Кхета. *Савадагъ*-же есть названіе долины, въ которой находится лѣсъ, и значитъ *черный оврагъ*. Разсказавъ кратко легенду, авторъ замѣчаетъ, что съ тѣхъ поръ лѣсъ получилъ священныя права: его не смѣютъ рубить, съ него не собираютъ плодовъ, а кто преступитъ законъ, тотъ ослѣпнетъ. Никто не осмѣлится даже взять вещей, случайно оставленныхъ въ лѣсу. Если кому случится убить въ этомъ лѣсу звѣря, то долженъ тотчасъ собрать туда всѣхъ жителей своего аула и тамъ-же на мѣстѣ съѣсть убитаго звѣря или-же бросить его, если онъ не съѣдобный. Однимъ словомъ, выносить изъ лѣса ничего не позволяется, подъ опасеніемъ смерти или слѣпоты.

Говоря далѣе о томъ, что у осетинъ нѣкоторые лѣса и рощи посвящены святымъ, цитируемый нами авторъ находитъ замѣчательнымъ, что такія заповѣдныя рощи находятся болѣе всего въ мѣстахъ безлѣсныхъ, гдѣ дрова трудно добываются. Такъ, и лѣсокъ Кхетажи находится посреди безлѣснаго пространства (стр. 23—24). Замѣчаніе это, впрочемъ, ничѣмъ не подкрѣплено, такъ какъ авторъ не указываетъ мѣста нахожденія другихъ заповѣдныхъ рощъ. Осетинскія священныя рощи, говоритъ далѣе г. А. М., неприкосновенны: ихъ можно рубить только тогда, когда, готовясь праздновать святого, коему онѣ посвящены, нужно для него варить пиво (стр. 23). Въ старину подобные лѣса (стр. 25) пользовались правомъ давать убѣжище и защиту (droit d'asile).

Легенда о Хетагѣ, имѣющая значеніе въ вопросѣ о происхожденіи нарскихъ осетинъ, такъ какъ Хетагъ предполагается выходцемъ изъ-за Кубани и внукомъ родоначальника кабардинцевъ Инала, изложена очень полно въ „Осетинскихъ народныхъ сказаніяхъ", собранныхъ ***Джантемиромъ Шанаевымъ*** („Сборникъ свѣдѣній о Кавказск. горцахъ", вып. III, Тифлисъ. 1870). По словамъ названнаго собирателя, лѣсокъ, прикрывшій собою Хетага, находится къ востоку отъ упраздненнаго нынѣ аула Суадагъ, на лѣвой сторонѣ Терека, почти напротивъ Ардонской станицы. Лѣсокъ очень красивъ, совершенно въ видѣ островка и имѣетъ въ окружности версты три. Легенда говоритъ, что и теперь еще то мѣсто, откуда былъ взятъ лѣсокъ, остается

совершенно гладкимъ, образуя поляну посреди дремучаго лѣса. Это мѣсто находится въ 3 верстахъ отъ Алагирской станицы и извѣстно подъ названіемъ Бираги-дзенджи-цагатъ (=волчья голень). Лѣсокъ считается священнымъ жителями бывшаго аула Суадага и вообще всѣми нарцами и носитъ названіе *Хетагъ* въ честь пребыванія тутъ Хетаджи-дзуара (=патронъ, святой Хетага). Поэтому одинъ разъ въ годъ они являются и празднуютъ здѣсь день своего патрона, наваривъ для этого заранѣе пива и приготовивъ много жертвъ, которыя носятъ названіе *нывондовъ*. Охотникъ, убивъ въ лѣсу какую-либо дичь, не можетъ взять ее домой и долженъ непремѣнно тамъ-же справиться съ нею; вообще всякій, пользовавшійся какими-либо дарами этого священнаго лѣска, какъ-то: плодами, ягодами, медомъ и пр., которыми онъ весьма обиленъ, долженъ тутъ-же употребить найденное, не имѣя права взять его домой, подъ страхомъ тяжкой болѣзни (стр. 31, 32).

По объясненію г. Д. Шанаева, у осетинъ каждое мѣстечко имѣло свое божество, которое считалось патрономъ данной мѣстности или даннаго поселенія. Оно оберегало тотъ край, гдѣ предполагалось существованіе его, отъ всякаго зла, наставляло людей на добрыя дѣла, помогало всякому ихъ предпріятію. Такъ и Хетаджи-дзуаръ (=святой Хетага) почитается патрономъ у жителей Алагира и вообще у всѣхъ нарцевъ (тамъ-же, стр. 27).

Во всѣхъ приведенныхъ свѣдѣніяхъ о рощѣ Хетага умалчивается о томъ, изъ какихъ деревьевъ она состоитъ. Правда, въ упомянутой выше статьѣ г. А. М. роща названа орѣховою, но указаніе это очевидно ошибочно, такъ какъ на Кавказѣ орѣховое дерево встрѣчается только одиночными экземплярами, а не лѣсами.

Предполагаемое легендою кабардинское происхожденіе Хетага и нахожденіе рощи, ему посвященной, близъ кабардинскихъ предѣловъ даетъ поводъ къ возбужденію вопроса: не заимствовали-ли осетины почитаніе рощъ отъ кабардинцевъ, подъ вліяніемъ которыхъ они находились? Въ настоящее время нѣтъ еще данныхъ для удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Хотя и можно предполагать, что кабардинцы, какъ принадлежащіе къ племени Адиге, т. е. къ черкесамъ, питали уваженіе къ деревьямъ и рощамъ, но прямыхъ указаній на это мы не имѣемъ или, по-крайней-мѣрѣ, они намъ неизвѣстны. Во всякомъ-же случаѣ указанныя выше черты сходства между осетинскимъ и черкесскимъ обрядами почитанія рощъ заслуживаютъ вниманія и изслѣдованія.

Почитаніе рощъ сохранилось и у осетинъ южнаго склона Кавказскаго хребта. По свидѣтельству г. *Срединскаго* („Очеркъ растительности Ріонскаго бассейна“, Одесса. 1874), священныя рощи встрѣчаются въ Рачѣ, въ Кударскомъ ущельѣ, образуемомъ рѣкою Джоджорою и населенномъ исключительно осетинами. Такую рощу, состоящую изъ большихъ экземпляровъ осины, березы, клена, ели и пихты, г. Срединскій видѣлъ близъ сел. Киста на высотѣ 6000 ф. „Считаясь неприкосновенною святынею, этотъ лѣсъ предоставленъ самъ себѣ; всякій человѣкъ, изъ опасенія подвергнуться внезапной смерти, не только не трогаетъ здѣсь ни одной вѣточки, но даже за грѣхъ считаетъ пройти черезъ лѣсъ“ (стр. 91—92).

Выше по Кударскому ущелью, близъ с. Летъ, снова встрѣчается священная роща, но въ ней уже нѣтъ ни ели, ни пихты, а преобладаютъ (стр. 92) береза, рябина, горный клёнъ (Acer Platanoides и A. Pseudoplatanus) и черемха (Prunus Padus). Въ этомъ-же ущельи, почти въ сосѣдствѣ съ альпійскими лугами, г. Срединскій видѣлъ одинокіе большіе экземпляры ясени и вяза (Ulmus campestris). Деревья эти, замѣчаетъ онъ, съ незапамятныхъ временъ посажены жителями на мѣстѣ, принадлежащемъ церкви, и вслѣдствіе этого считаются у нихъ неприкосновенною святынею (стр. 92). Священныя рощи извѣстны и въ Вольной Сванетіи. Здѣсь, подобно тому, какъ въ горной Осетіи, онѣ представляются оазисами посреди безлѣсной мѣстности и обязаны своимъ сохраненіемъ религіозному суевѣрію. Во время пребыванія покойнаго нумизмата Бартоломея въ Кальскомъ обществѣ сванеты жаловались ему на нужду въ лѣсѣ, ко-

торую они терпятъ. Бартоломей указалъ имъ на густой вѣковой лѣсъ около монастыря св. Квирика. Оказалось, что изъ этого лѣса нельзя и прута вырубить, такъ какъ онъ церковный, и вырубка повлечетъ гнѣвъ божій, коего самое страшное наказаніе посылается, по понятіямъ сванетовъ, въ видѣ града крупнѣйшаго и небывалаго размѣра *(Бартоломей:* „Поѣздка въ Вольную Сванетію“ въ Зап. Кавк. Отд. И. Р. Геогр. Общ. кн. III, Тифлисъ, 1855, стр. 10). Говоря объ этой-же сосновой рощѣ (Бартоломей разываетъ ее еловою), *г. Бакрадзе* („Сванетія“ въ Зап. Кавк. Отд. И. Р. Геогр. Общ., кн. VI, Тифлисъ, 1864, стр. 51—52 и 55), присовокупляетъ, что рубить въ рощѣ деревья позволяется только въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется покрыть церковь, построить мельницу или мостъ. Монастырь св. Квирика и Авлиты въ огромномъ почетѣ у туземцевъ. Храмовому образу приписываютъ цѣлебныя дѣйствія. На немъ приносятъ присягу. Его нельзя взять изъ церкви, но вмѣсто него служитъ вода, которою его обмываютъ. Праздникъ св. Квирика и Авлиты бываетъ 2 раза въ годъ: въ субботу на Св. Недѣлѣ и 15 іюля. Первый изъ этихъ праздниковъ въ особенномъ уваженіи у туземцевъ; въ этотъ день въ Калу стекается чуть-ли не вся Сванетія. Многіе въ суевѣрномъ страхѣ боятся войдти въ самую ограду. Почти всякій приноситъ что-нибудь въ даръ святой обители: араку, хлѣбъ, крупный и мелкій скотъ. Все это съѣдается тутъ-же, на мѣстѣ.

Приведенныя свѣдѣнія даютъ поводъ къ нѣкоторымъ сближеніямъ. Дозволеніе рубить въ сванетской рощѣ деревья только на церковныя и общественныя надобности напоминаетъ указанныя выше правила относительно рубки деревъ въ осетинской рощѣ Хетага: и здѣсь также дозволяется пользоваться топливомъ только для варки пива на праздникѣ святого: убитая въ рощѣ дичь считалась общественною, и охотникъ долженъ былъ сзывать своихъ односельцевъ для участія въ пиршествѣ.

Другое сближеніе относится къ порядкамъ празднованія и жертвоприношенія въ сванетскихъ, осетинскихъ и аб-

хазскихъ церквахъ, съ одной стороны, и въ священныхъ рощахъ—съ другой. Сравненіе показываетъ большое сходство между ними, которое простирается и на предметы, приносимые въ даръ. При описаніи черкесскихъ священныхъ рощъ мы говорили, что вѣтви деревъ увѣшивались оружіемъ, разными тряпками, головами жертвенныхъ животныхъ. Любая старинная церковь въ Сванетіи, Абхазіи и Осетіи представляетъ богатый складъ подобныхъ-же предметовъ, которые признаются неприкосновенными. Г. Радде живо разсказываетъ въ своемъ „Путешествіи въ Мингрельскихъ альпахъ“ (Зап. Кавк. Отд. И. Р. Геогр. Общ., кн. VII, Тифлисъ, 1866, стр. 112—113) о тѣхъ затрудненіяхъ со стороны сванетовъ, которыя ему пришлось съ трудомъ преодолѣть, когда онъ пожелалъ пріобрѣсти нѣсколько турьихъ роговъ изъ числа нѣсколькихъ тысячъ, хранящихся при часовнѣ въ селеніи Чубіани, Вольной Сванетіи.

Священную рощу и также, какъ въ Сванетіи, около церкви, посвященной св. Квирику и Авлитѣ, находимъ и въ Грузіи, въ $2^1/_2$ верстахъ отъ Душета. Церковь эта, построенная, по словамъ П. Іосселіани, въ IV в., стоитъ на вершинѣ горы, имѣющей до 3,000 ф. высоты. „Она окружена и осѣнена священною рощею, которая таинственнымъ своимъ языкомъ какъ будто требуетъ не трогать ея завѣтнаго украшенія: noli me tangere! Праздникъ церкви бываетъ 15 іюля, на который собираются жители Душета и др. мѣстъ. Огромное дерево, осѣняющее вѣтвями своими церковь и часовню, унизывается множествомъ горящихъ свѣчъ. Въ старину іюль мѣсяцъ назывался мѣсяцемъ Квирика. Принадлежащія этой церкви иконы, крестъ и знамя креста находятся нынѣ и хранятся въ приходской церкви деревни *Квавили* (ყუავილი), напоминающей поэтическимъ именемъ своимъ *флору*“. *(П. Іосселіани:* „Описаніе г. Душета“ въ Зап. Кавк. Отд. И. Р. Геогр. Общ. кн. V, Тифлисъ, 1862, стр. 26—27).

Д. З. Бакрадзе, приведя въ своемъ сочиненіи „Кавказъ въ древнихъ памятникахъ христіанства“ (Акты Кавк. Археогр. Коммисіи, т. V, Тифлисъ. 1873) это описаніе храма св. Квирика и Авлиты, прибавляетъ, что „по общему обык-

новенію жителей Грузіи и всего почти Закавказья, лѣса вокругъ старыхъ храмовъ считаются неприкосновенными". Весьма сожалѣемъ, что авторъ не указалъ, при какихъ именно храмахъ существуютъ еще подобныя священныя рощи. Во всякомъ случаѣ, не лишено значенія то обстоятельство, что какъ въ Сванетіи, такъ и въ Грузіи священныя рощи извѣстны въ настоящее время около храмовъ, посвященныхъ св. Квирику и Авлитѣ.

Говоря о поклоненіи кресту въ черкесскихъ священныхъ рощахъ, мы уже имѣли случай замѣтить, что обыкновенно проповѣдники христіанства, опасаясь рѣзкимъ разрывомъ съ установившимся порядкомъ вещей возбудить народъ противъ новой религіи и сознавая, что въ одинъ день нельзя измѣнить того, что создалось вѣками, бываютъ вынуждены дѣлать уступки въ пользу вкоренившихся языческихъ вѣрованій и обрядовъ. Исторія введенія христіанства въ Грузіи представляетъ много подобныхъ примѣровъ (ср. у *Brosset*: „Description géorg. de la Géorgie par le Tsarevitch Wakhoucht", St. Pétersb., 1842, pp. 27 et. 131: здѣсь разсказано, какъ на мѣстахъ, гдѣ совершались языческія пляски и игры, были воздвигнуты церкви, чтобы придать этимъ увеселеніямъ христіанскій характеръ). Подобные остатки и обломки старыхъ языческихъ вѣрованій и обрядовъ, но уже съ болѣе или менѣе ясно выраженнымъ христіанскимъ оттѣнкомъ, существуютъ и понынѣ во многихъ празднествахъ и обычаяхъ кавказскихъ христіанскихъ народовъ въ силу консерватизма, всегда сильнаго и упорнаго во всемъ, что касается религіи.

Въ настоящее время мы хотимъ обратить вниманіе на нѣкоторыя, связанныя съ христіанскими памятниками, преданія и легенды, въ которыхъ можно предполагать воспоминаніе о языческомъ поклоненіи деревьямъ и рощамъ.

Знаменитый въ Мингреліи Мартвильскій *) храмъ, стоящій на высокомъ холмѣ, осѣненномъ развѣсистыми дубами и тополями, извѣстенъ донынѣ въ народѣ подъ названіемъ *Дчкон-дидъ* (Dchqondid), что по-мингрельски значитъ *большой дубъ* (*Brosset*: „Histoire de la Géorgie", I, 239, 247).

Мартвильскіе епископы, называвшіеся *Дчкондидели* или *Дчкоиндели*, избирались изъ числа людей, пользовавшихся общею репутаціею какъ по образованію, такъ и по нравственнымъ достоинствамъ. Они занимали весьма почетный постъ: при короновании царя Грузіи католикосъ карталинскій садился вправо, а Дчкондидскій епископъ—влѣво отъ царскаго престола, оба въ креслахъ, на подушкахъ. Дчкондидели считался главою всѣхъ занимавшихся письмоводствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ покровителемъ вдовъ и сиротъ, страждущихъ и угнетенныхъ. Онъ докладывалъ о нихъ царю. Онъ первый передавалъ его приказаніе свѣтскимъ и духовнымъ властямъ. Во время движенія войскъ противъ непріятеля онъ шелъ впереди съ крестомъ въ рукахъ и, благословивъ ихъ передъ начатіемъ боя, уходилъ назадъ и бралъ подъ свою команду арріергардъ (*Brosset*: „Descr. géorg. de la Géorgie etc", 29; *Бакрадзе*: „Кавказъ въ древнихъ памятникахъ христіанства" въ V т. Актовъ Кавк. Археогр. Коммисіи, стр. 1052; *Н. Іосселіани*: „Описаніе древностей Тифлиса", Тифлисъ. 1866, стр. 62).

Основаніе Мартвильскаго храма царевичъ Вахуштъ (*Brosset*: Descr. géorg. de la Georgie etc., 394) приписываетъ абхазскому царю Георгію II, царствовавшему съ 921 по 956 г.

Въ объясненіе страннаго названія этого храма народное преданіе разсказываетъ, что на мѣстѣ храма стоялъ большой дубъ, служившій предметомъ поклоненія для язычниковъ и срубленный христіанами. Мы считаемъ это преданіе весьма правдоподобнымъ и полагаемъ, что храмъ былъ построенъ на мѣстѣ или около священной рощи, къ кото-

*) Нѣмецкій путешественникъ Кохъ („Reise durch Russland nach dem Kaukas. Isthmus", Stuttg. u. Tübingen 1843, II, S. 197), описавъ Мартвильскій храмъ, замѣчаетъ: „der Name Martwili soll in der alten Ursprache (in der lazischen oder koltischen?) *König der Eichen* bedeuten". Кохъ очевидно былъ введенъ въ заблужденіе. Ему, вѣроятно, перевели, хотя и неправильно, народное названіе Дчкон-диди, а онъ принялъ это за переводъ слова Мартвили. Это послѣднее, какъ полагаютъ, происходитъ отъ греческаго мартиръ, т. е. мученикъ.

новенію жителей Грузіи и всего почти Закавказья, лѣса вокругъ старыхъ храмовъ считаются неприкосновенными". Весьма сожалѣемъ, что авторъ не указалъ, при какихъ именно храмахъ существуютъ еще подобныя священныя рощи. Во всякомъ случаѣ, не лишено значенія то обстоятельство, что какъ въ Сванетіи, такъ и въ Грузіи священныя рощи извѣстны въ настоящее время около храмовъ, посвященныхъ св. Квирику и Авлитѣ.

Говоря о поклоненіи кресту въ черкесскихъ священныхъ рощахъ, мы уже имѣли случай замѣтить, что обыкновенно проповѣдники христіанства, опасаясь рѣзкимъ разрывомъ съ установившимся порядкомъ вещей возбудить народъ противъ новой религіи и сознавая, что въ одинъ день нельзя измѣнить того, что создалось вѣками, бываютъ вынуждены дѣлать уступки въ пользу вкоренившихся языческихъ вѣрованій и обрядовъ. Исторія введенія христіанства въ Грузіи представляетъ много подобныхъ примѣровъ (ср. у *Brosset*: „Description géorg. de la Géorgie par le Tsarevitch Wakhoucht", St. Pétersb., 1842, pp. 27 et. 131: здѣсь разсказано, какъ на мѣстахъ, гдѣ совершались языческія пляски и игры, были воздвинуты церкви, чтобы придать этимъ увеселеніямъ христіанскій характеръ). Подобные остатки и обломки старыхъ языческихъ вѣрованій и обрядовъ, но уже съ болѣе или менѣе ясно выраженнымъ христіанскимъ оттѣнкомъ, существуютъ и понынѣ во многихъ празднествахъ и обычаяхъ кавказскихъ христіанскихъ народовъ въ силу консерватизма, всегда сильнаго и упорнаго во всемъ, что касается религіи.

Въ настоящее время мы хотимъ обратить вниманіе на нѣкоторыя, связанныя съ христіанскими памятниками, преданія и легенды, въ которыхъ можно предполагать воспоминаніе о языческомъ поклоненіи деревьямъ и рощамъ.

Знаменитый въ Мингреліи Мартвильскій *) храмъ, стоящій на высокомъ холмѣ, осѣненномъ развѣсистыми дубами и тополями, извѣстенъ донынѣ въ народѣ подъ названіемъ *Дчкон-дидъ* (Dchqondid), что по-мингрельски значитъ *большой дубъ* (*Brosset*: „Histoire de la Géorgie", I, 239, 247).

*) Нѣмецкій путешественникъ Кохъ („Reise durch Russland nach dem Kaukas. Isthmus", Stuttg. u. Tübingen 1843, II, S. 197), описавъ Мартвильскій храмъ, замѣчаетъ: „der Name Martwili soll in der alten Ursprache (in der lazischen oder koltischen?) *König der Eichen* bedeuten". Кохъ очевидно былъ введенъ въ заблужденіе. Ему, вѣроятно, перевели, хотя и неправильно, народное названіе Дчкон-диди, а онъ принялъ это за переводъ слова Мартвили. Это послѣднее, какъ полагаютъ, происходитъ отъ греческаго мартиръ, т. е. мученикъ.

Мартвильскіе епископы, называвшіеся *Дчкондидели* или *Дчкондели*, избирались изъ числа людей, пользовавшихся общею репутаціею какъ по образованію, такъ и по нравственнымъ достоинствамъ. Они занимали весьма почетный постъ: при короновании царя Грузіи католикосъ карталинскій садился вправо, а Дчкондидскій епископъ—влѣво отъ царскаго престола, оба въ креслахъ, на подушкахъ. Дчкондидели считался главою всѣхъ занимавшихся письмоводствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ покровителемъ вдовъ и сиротъ, страждущихъ и угнетенныхъ. Онъ докладывалъ о нихъ царю. Онъ первый передавалъ его приказаніе свѣтскимъ и духовнымъ властямъ. Во время движенія войскъ противъ непріятеля онъ шелъ впереди съ крестомъ въ рукахъ и, благословивъ ихъ передъ начатіемъ боя, уходилъ назадъ и бралъ подъ свою команду арріергардъ (*Brosset*: „Descr. géorg. de la Géorgie etc", 29; *Бакрадзе*: „Кавказъ въ древнихъ памятникахъ христіанства" въ V т. Актовъ Кавк. Археогр. Коммисіи, стр. 1052; *П. Іосселіани*: „Описаніе древностей Тифлиса", Тифлисъ. 1866, стр. 62).

Основаніе Мартвильскаго храма царевичъ Вахуштъ (*Brosset*: Descr. géorg. de la Georgie etc., 394) приписываетъ абхазскому царю Георгію II, царствовавшему съ 921 по 956 г.

Въ объясненіе страннаго названія этого храма народное преданіе разсказываетъ, что на мѣстѣ храма стоялъ большой дубъ, служившій предметомъ поклоненія для язычниковъ и срубленный христіанами. Мы считаемъ это преданіе весьма правдоподобнымъ и полагаемъ, что храмъ былъ построенъ на мѣстѣ или около священной рощи, къ кото-

рой язычники стекались для моленія и жертвоприношенія подъ древнимъ священнымъ дубомъ, имя котораго и было перенесено народомъ на вновь воздвигнутый храмъ. Быть можетъ, и названіе епископовъ Дчкондидели перешло къ нимъ такимъ-же образомъ отъ языческихъ жрецовъ. Было-бы очень интересно узнать происхожденіе изложенныхъ выше правъ и обязанностей мартвильскихъ епископовъ.

Дюбуа тоже склоняется къ тому мнѣнію, что мартвильскій храмъ построенъ на мѣстѣ языческаго. Онъ полагаетъ даже, что нѣкоторые матеріалы, вошедшіе въ составъ его, суть принадлежности храма идоловъ (*Dubois de Montpereux:* „Voyage autour du Caucase etc.", Paris, 1839, III, 39—48). Упомянутый выше путешественникъ К. Кохъ (Reise durch Rusland etc., II, 197), подробно осматривавшій мартвильскій храмъ, высказываетъ предположеніе, что на мѣстѣ его стоялъ въ древности знаменитый языческій храмъ Лейкотеи (Leucothea). Намекъ на это, надо сознаться, довольно слабый, онъ видитъ въ томъ, что здѣсь и тамъ видны еще слѣды древнихъ построекъ, и въ существованіи преданія о жертвоприношеніи богамъ, совершавшимся здѣсь иногда подъ старымъ дубомъ.

Въ своихъ „Additions et éclaircissements à l'histoire de la Géorgie, St.-Péterab., 1851, академикъ Бросее перечисляетъ, на основяніи византійскихъ историковъ, города древней Грузіи и, между прочими упоминаетъ о городѣ Мукирезисъ или Мокорезисъ, одномъ изъ лучшихъ городовъ Лазики, въ разстояніи одного дня отъ Археополиса. въ округѣ того-же имени, орошаемомъ рр. Ріонъ и Гипписъ. Этотъ округъ отличался плодородідмъ и населенностью (pp. 100—101).

По замѣчанію г. Броссе, названныя границы округа доказываютъ, что Мукирезисомъ византійскіе историки называли нынѣшній имеретинскій округъ Ваке (Wacé=по-грузински равнина). Но, не находя среди нынѣ существующихъ населенныхъ мѣстъ округа ничего, напоминающаго названіемъ своимъ древній городъ Мукирезисъ, Броссе не указываетъ мѣста нахожденія этого города и ограничивается

замѣчаніемъ, что древнее названіе округа могло произойти отъ грузинскаго *moukhis retzi*=l'etalage du chêne, la plaine où il y a des chênes.

Дѣйствительно, эта мѣстность богата дубовымъ лѣсомъ. Если признать правдоподобнымъ предположеніе г. Броссе о происхожденіи древняго названія округа, то само собою возникаетъ другое предположеніе: не стоялъ-ли городъ Мукирезисъ на мѣстѣ нынѣшняго Мартвили или Дчкон-диди? Послѣднее названіе, какъ уже указано, значитъ по-мингрельски *большой дубъ*. Дюбуа и Кохъ, осматривавшіе Мартвильскій храмъ, единогласно свидѣтельствуютъ о существованіи около него какихъ-то древнихъ развалинъ. Разстояніе одного дня пути отъ Мукирезиса до Археополиса соотвѣтствуетъ положенію Дчкон-диди относительно сел. Накалакеви, на мѣстѣ котораго, какъ полагаютъ, стоялъ Археополисъ.

Ближайшее изслѣдованіе мартвильскихъ развалинъ было-бы весьма поучительно.

Существуетъ, впрочемъ, и прямое указаніе на остатки поклоненія деревьямъ въ Мингреліи. Миссіонеръ, монахъ Театинскаго ордена, Донъ-Жозефъ Марія Цампи, интересная записка котораго о религіозномъ состояніи Мингреліи въ XVII вѣкѣ напечатана знаменитымъ Шарденомъ въ его путешествіи, разсказываетъ, что приходскія церкви въ Мингреліи окружены большими деревьями, корни которыхъ посвящены образамъ, и что вслѣдствіе этого никто не осмѣливается рубить ихъ изъ боязни навлечь на себя гнѣвъ образовъ (*Chevalier Chardin:* „Voyages en Perse et autres lieux de l'Orient", Amsterdam, MDCCXI, T. I, p. 57).

Здѣсь не лишнимъ будетъ замѣтить, что знаменитый въ Абхазіи Пицундскій храмъ получилъ свое названіе отъ небольшого мыса, на которомъ онъ стоитъ, называвшагося въ древности *Питіуссою*, т. е. сосновымъ разсадникомъ, по росшей здѣсь величественной соснѣ (по гречески *πιτυς*). Греческій миѳъ разсказываетъ, что здѣсь Панъ превратилъ нимфу Питисъ въ сосну (*Н. Мурзакевичъ*: „Древнѣйшій Пицундскій храмъ и пр." въ X т. Записокъ Одесскаго Общ.

Древностей). Сосновая роща на Пицундскомъ мысѣ существуетъ и нынѣ, хотя самый храмъ стоитъ внѣ рощи, среди развѣсистыхъ вязовъ и смоковницъ.

Значительную роль играютъ деревья въ легендахъ о пришествіи въ Грузію св. Нины и объ основаніи Мцхетскаго храма. Преданіе разсказываетъ, что по прибытіи въ Мцхетъ и послѣ разрушенія Богомъ, вслѣдствіе ея молитвы, идола Армаза, св. Нина направилась на востокъ отъ Мцхета, по рубежу горъ, туда гдѣ въ древности были крѣпость и городъ. На этомъ мѣстѣ стояло прекрасное, высокое и вѣтвистое дерево, называемое *Бринджъ* *), служившее иногда мѣстомъ отдохновенія царю Бартаму. Подъ этимъ деревомъ св. Нина провела въ молитвѣ 6 дней (*Brosset:* „Histoire de la Géorgie", I, 103).

Въ царскомъ саду св. Нина, по указанію видѣннаго ею во снѣ свѣтоноснаго мужа, взяла земли изъ-подъ деревца съ пахучими цвѣтами, росшаго подъ кедрами, и дала ее съѣсть своимъ бездѣтнымъ хозяевамъ. Тогда родился у нихъ сынъ. Армянская хроника называетъ это деревцо сосною (*Brosset*, l. c., I, 103).

Мцхетскій еврейскій первосвященникъ Эліозъ похоронилъ свою сестру Сидонію, умершую съ Хитономъ Господнимъ въ рукахъ, у основанія кедра, среди царскаго сада. Кедръ этотъ былъ привезенъ съ Ливана и принялся въ Мцхетѣ (*Brosset*, l. c., I, 107). По преданію, онъ источалъ мvро (*Бакрадзе:* „Кавказъ въ древнихъ памятникахъ христіанства" въ V т. Актовъ Кавк. Археогр. Коммисіи, стр. 1060).

При постройкѣ царемъ Миріаномъ Мцхетскаго храма былъ срубленъ въ царскомъ саду большой кедръ. Изъ огромныхъ 6 вѣтвей его сдѣлано было 6 столбовъ, нужныхъ для поддержки храма, а изъ главнаго ствола—седьмой столбъ, который назначался на середину, для поддержанія храмовой крыши.

---

*) *Брнджи* или *Брнджни*—армянское названіе красиваго дерева Celtis orientalis, встрѣчающагося часто около церквей, на кладбищахъ и т. п. мѣстахъ. По-грузински называется *Акаки*.

Несмотря на всѣ усилія, рабочіе не могли поставить этотъ столбъ на назначенное для него мѣсто. Тогда св. Нина предалась молитвамъ для отвращенія вліянія злыхъ духовъ, и въ ночь явился юноша, одѣтый огненною багряницею, взялъ тотъ столбъ и унесъ его, а на зарѣ утренней увидѣли, какъ съ высоты тихо спускался столбъ и остановился на корнѣ, съ котораго былъ срубленъ. Столбъ весь сіялъ, и изъ него вытекало благоухающее мvро (*Brosset*, l. c., I, 117). По этому живоносному столбу Мцхетскій соборъ былъ всегда извѣстенъ у грузинъ подъ именемъ *свети-цховели*.

Когда церковь была уже построена, и для нея былъ вызванъ епископъ Іоаннъ, вниманіе этого послѣдняго было обращено однажды на прекрасное и пахучее дерево, стоявшее на высокой недоступной скалѣ. Это дерево было чудесное: если какое-нибудь животное, раненное стрѣлою, съѣдало его листья или семена, то оно выздоравливало, не смотря на то, что были поранены важныя части тѣла. Такъ какъ идолопоклонники удивлялись этому обстоятельству, то они и указали епископу Іоанну на чудесное дерево. Епископъ приказалъ срубить его и сдѣлать изъ него крестъ. Когда приказаніе было исполнено, и дерево принесено въ Мцхетъ десятью десятками людей, оно несмотря на зимнее время, было покрыто зеленью. Дерево было срублено 25-го марта и сохранило свою живую зелень въ теченіе 37 дней, т. е. до 1-го мая, когда изъ дерева былъ сдѣланъ крестъ. Крестъ этотъ производилъ различныя чудеса и сопровождался различными чудесными знаменіями (*Brosset*, l. c., I. 122 sqt).

Обращаясь къ армянской языческой древности, должно замѣтить, что армяне имѣли свои священныя рощи. Славный армянскій историкъ Моисей Хоренскій, со словъ Мара-Абасъ Катины, разсказываетъ, что „сынъ Ары Анушаванъ, богато одаренный природою, многоумный въ словѣ и дѣлѣ, былъ прозванъ *Сосъ* потому, что по священнымъ обрядамъ былъ посвященъ платановой рощѣ Араманіака, что въ Армавирѣ. Шелестъ листьевъ этихъ деревьевъ и колебаніе

ихъ при сильномъ или тихомъ дуновеніи воздуха въ теченіи многихъ вѣковъ составляли науку гаданія въ Армянской землѣ". („Исторія Моисея Хоренскаго", перев. Н. Эмина, Москва, 1858, стр. 59). По объясненію переводчика *Соси* значитъ платанъ и серебристый тополь; отсюда слово *сос*= гордый, величественный. Араманіакъ—названіе мѣста и священной рощи—находился вблизи древнѣйшаго жреческаго города Армавира, столицы патріарховъ и царей изъ династіи Хайка, построеннаго на холмѣ у р. Ерасха (Аракса). Кромѣ того, армяне поклонялись и дереву *барти*, особому виду тополя. Армянскій патріархъ Нерсесъ Благодатный, въ грамотѣ къ месопотамійскому армянскому духовенству, свидѣтельствуетъ, что въ его время (онъ жилъ въ XII в.) жители города Самосата въ Месопотаміи, оставшіеся язычниками, поклонялись дереву *барти*. „Дэвы (злые духи) входили въ этого рода деревья и отъ людей требовали поклоненія"— такъ объясняетъ патріархъ причину поклоненія дереву барти (*Н. Эминъ*: „Очеркъ религіи языческихъ армянъ", Москва, 1864, стр. 35 и 59).

Почитаніе рощъ и деревъ было, повидимому, распространено и въ Персіи. Знаменитый Шарденъ, описывая сады Шираза, замѣчаетъ, что ширазцы почитаютъ, какъ святыню, старыя деревья. „Они любятъ молиться въ ихъ тѣни и прикрѣпляютъ къ вѣтвямъ молитвы, амулеты и обрывки одеждъ. Больные, или кто-либо за нихъ приходятъ къ дереву сжечь кусокъ ладону, прикрѣпивъ къ нему маленькую зажженную свѣчку и т. п., въ надеждѣ избавиться отъ болѣзни. Повсюду въ Персіи существуютъ подобныя старыя деревья, къ которымъ народъ относится съ суевѣрнымъ почтеніемъ и называетъ ихъ *Dract fasels*, т. е. чудесныя деревья (arbres excellents). На этихъ деревьяхъ видно множество гвоздей для прикрѣпленія на нихъ, по обѣту, частей одежды или другихъ приношеній. Люди набожные и въ особенности посвятившіе себя религіозной жизни любятъ отдыхать въ тѣни этихъ деревъ и проводить ночи подъ

ними; если имъ вѣрить, то ночью видятъ они ослѣпительный свѣтъ, который считаютъ душами тѣхъ святыхъ или блаженныхъ (Aoulia—по-персидски), которые молились въ тѣни этихъ деревъ. Одержимые долгое время болѣзнями прибѣгаютъ къ заступничеству этихъ духовъ или тѣней (*Chevalier Chardin*: „Voyages en Perse etc", III, 142).

Здѣсь, очевидно, мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ родомъ суевѣрія, въ силу котораго думаютъ избавиться отъ болѣзни посредствомъ прикрѣпленія къ дереву части одежды больного. Но у насъ есть указаніе и на то, что персы вѣрили и въ предсказывательную способность деревъ.

Незадолго до разрушенія Гандзака (нынѣшняго Елисаветополя) монголами (въ XIII в.), разсказываетъ уроженецъ его, армянскій историкъ XIII вѣка *Киракосъ Гандзакеци*, въ городѣ этомъ, заключавшемъ въ себѣ большое число персовъ, враждебно относившихся къ Кресту и Церкви, являлись разныя знаменія близкаго разрушенія, какъ это случилось съ Іерусалимомъ предъ его паденіемъ. Растущее близъ города большое тополевое дерево, называемое *джандаръ*, вдругъ свалилось само собою. Это привело городъ въ волненіе, но дерево снова поднялось и стало какъ прежде. Это повторилось раза два-три. Наконецъ, дерево упало окончательно и не поднималось болѣе. Мудрецы персовъ пришли къ убѣжденію, что явленіе это предвѣщаетъ близкое паденіе города. Тогда начали въ городѣ освобождать отъ поруганія кресты, но было уже поздно: татары окружили городъ, взяли его, разграбили, а жителей предали смерти („Исторія монголовъ по армянскимъ источникамъ", переводъ и объясненія К. Патканова, выпускъ второй, Спб., 1874, стр. 16—17).

Другой армянскій писатель (X вѣка) *Моисей Каганкатваци* („Исторія Агванъ", переводъ К. Патканьяна, Спб., 1861, стр. 200—203) сообщаетъ въ высшей степени любопытныя свѣдѣнія, относящіяся къ VII—VIII вѣкамъ, о священныхъ рощахъ и деревьяхъ гунновъ, обитавшихъ по кавказскому берегу Каспійскаго моря. Посланный для обращенія гунновъ агванскій епископъ Исраиль, повѣствуетъ на-

званный историкъ, „приказалъ срубить (въ странѣ гунновъ) старѣйшину и, такъ-сказать, мать высокихъ деревъ, которымъ приносили жертвы во имя суетныхъ идоловъ и которымъ поклонялись многіе въ странѣ гунновъ. Князь и дворяне почитали его спасителемъ боговъ, жизнедателемъ и дарователемъ всѣхъ благъ. Этимъ высокимъ густолиственнымъ дубамъ поклонялись, какъ скверному идолу Аспандіату, принося ему въ жертву лошадей; кровь ихъ поливали вокругъ деревъ, а голову и кожу вѣшали на сучья деревъ" (стр. 200). Изъ дальнѣйшаго изложенія, не совсѣмъ впрочемъ яснаго и понятнаго, видно, что поклоненіе деревьямъ совершалось во имя упомянутаго выше Аспандіата, и что жертвоприношеніе имъ отвращало сильные дожди, засухи, громъ и пр. бѣдствія (стр. 201 и 203). Священныя деревья, и въ особенности самое большое среди нихъ считались неприкосновенными: „тѣхъ которые по незнанію брали отъ того дерева вѣтви или сучья для своихъ нуждъ, оно наказывало страшными муками, бѣшенствомъ, даже смертью, и истребляло домъ и родъ ихъ" (стр. 201).

Приведенныя свѣдѣнія достаточно показываютъ сходство гуннскаго обряда поклоненія деревьямъ съ обрядами кавказскихъ народовъ. Надо замѣтить при этомъ, что подъ именемъ гунновъ армянскіе историки разумѣютъ не одно это племя, а и всѣ народы, бывшіе подъ властью ихъ и платившіе имъ дань. Быть можетъ, по этому, что поклонники деревьевъ, о которыхъ говоритъ армянскій историкъ, принадлежали къ какому-нибудь кавказскому народу, подвластному гуннамъ.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о населенныхъ мѣстахъ Кавказа, получившихъ названія отъ деревьевъ. Такихъ мѣстъ извѣстно нѣсколько въ предѣлахъ распространенія грузинскаго языка, и всѣ они получили названіе отъ дубоваго лѣса или дуба—*toukha* по-грузински. Такъ, по замѣчанію акад. Броссе („Descr. géogr. de la Géorgie etc.", p. 209 и „Hist. de la Géorgie, I, 63), извѣстное въ Горійскомъ уѣздѣ сел. ***Мухранъ*** (Moukhran) называлось въ древности болѣе правильно ***Мухнаръ*** (Moukhnar) отъ

Мухнари (Moukhnari) = дубовый лѣсъ, дубнякъ, chênaie. Тотъ-же корень находится въ названіи селенія ***Мухаура*** (Moukhaura) при истокахъ р. Птца въ Карталиніи, сел. ***Мухура*** (Moukhoura) при р. Зуза въ Имеретіи, сел. ***Мухат-гверди*** (Moukhat Gwerdi) близъ Мцхета и пр. (***Brosset***: „Add. et. Eclairc. à l'histoire de la Géorgie", St.-Pétersbourg, p. 101). Селеніе ***Сакунети***, на р. Курѣ въ Ахалцихскомъ уѣздѣ = мѣсто боярышника; сел. ***Цхрамуха***, на Курѣ въ Горійскомъ уѣздѣ = девять дубовъ; сел. ***Ипневи***, того-же уѣзда на р. Тона = мѣсто ясени (см. Списокъ населенныхъ мѣстъ Тифл. губ. въ „Сборникѣ матеріаловъ для описанія Тифл. губ.", т. I, Тифл. 1870); г. Моздокъ, какъ утверждаютъ, получилъ свое названіе отъ кабардинскаго ***Маз-догъ*** = глухой лѣсъ (***Н. Плотниковъ:*** „Изъ путевыхъ замѣтокъ", „Терскія Вѣдомости" за 1871 г.).

Оканчивая наши замѣтки, мы желали-бы обратить вниманіе на два обстоятельства: первое, что всѣ свѣдѣнія о поклоненіи деревьямъ и рощамъ относятся къ народамъ западной половины Кавказа и, второе, что всѣ обряды этого культа имѣютъ нѣкоторое, иногда-же весьма явственное, сходство между собою. Происходитъ-ли это сходство отъ общности источника, и поклонялись-ли и народы восточнаго Кавказа (чеченцы, жители Дагестана и пр.) деревьямъ и рощамъ,—рѣшеніе этихъ вопросовъ приходится отложить до того времени, когда собрано будетъ болѣе данныхъ и матеріаловъ. Для вызова этихъ данныхъ и публикуется настоящее скудное собраніе замѣтокъ и указаній.

Считаемъ необходимымъ дополнить наши замѣтки о священныхъ рощахъ и деревьяхъ у кавказскихъ народовъ указаніемъ на существованіе слѣдовъ поклоненія священнымъ деревьямъ у удовъ или удиновъ, живущихъ въ селеніяхъ Варташенъ и Нижъ, Нухинскаго уѣзда. По существующимъ преданіямъ, этотъ, до сихъ поръ загадочный, народецъ, состоящій не болѣе какъ изъ 9000 душъ, былъ

обращенъ въ христіанство какимъ-то архіепископомъ Іоанномъ, который двумя ударами топора повалилъ священное дерево, изъ нѣдръ котораго слышался удинамъ голосъ божества. На мѣстѣ дерева была построена христіанская церковь, развалины которой видны и теперь на старомъ, заброшенномъ кладбищѣ, въ лѣсу, къ востоку отъ рѣки Варташенъ (*A. Schiefner*: „Versuch über die Sprache der Uden", St. Petersb., 1863, S. 4).

Отъ Батума до Артвина. *)

(Путевыя замѣтки).

Предлагаемые замѣтки набросаны во время пути изъ Батума въ Артвинъ и обратнаго плаванія на каюкѣ по Чороху. Авторъ замѣтокъ вполнѣ сознаетъ ихъ неполноту и отрывочность. Если, несмотря на такое сознаніе, онъ все-таки рѣшился отдать ихъ въ печать, то онъ имѣетъ при этомъ въ виду, что при малой извѣстности посѣщеннаго края, даже и такія бѣглыя замѣтки могутъ представить что-нибудь новое для читателя.

---

31 октября 1878 г., въ 11 часовъ утра, прибыли на пароходѣ „Ріонъ" изъ Поти въ Батумъ. Было превосходное, ясное и теплое утро. Море совершенно покойно, даже при переходѣ чрезъ Ріонскій берегъ не чувствовалось никакой качки. Съ парохода кругомъ восхитительный видъ: влѣво виднѣлись горы Гуріи и Кобулета, покрытыя яркою зеленью; впереди—Лазистанскій хребетъ, увѣнчанный снѣговыми вершинами; за кормой виднѣлись сѣрой массой горы Самурзакани и за ними бѣлый гребень главнаго хребта на большомъ протяженіи. Эльборусъ хотя и не выдается значительно изъ за гребня, но тѣмъ не менѣе легко различается по двуглавой вершинѣ. Линія берега, какъ по направленію къ Абхазіи, такъ и въ сторону Трапезунда, можетъ быть прослѣжена на весьма значительномъ протяженіи. Пароходъ шелъ настолько близко къ берегу, что можно было видѣть постъ св. Николая, Чурукъ-су (Кобулеты), Цихисдзири и пр. прибрежные пункты. Впереди, въ складкѣ бе-

*) Газета „Кавказъ" 1878 года.

рега, окруженный лѣсистыми высотами, прикрытый утреннимъ туманомъ, виднѣлся Батумъ.

Войдя въ бухту, стали къ борту парохода Русскаго Общества „Коцебу“. На берегу суетилась разноцвѣтная и разноплеменная толпа людей; зеркальную поверхность бухты бороздили шлюпки и фелюги, облѣпившія пароходъ со всѣхъ сторонъ; лодочники наперерывъ предлагали свои услуги пассажирамъ, желающимъ съѣхать на берегъ,—словомъ, обычная, но нами давно уже не видѣнная, картина приморскаго городка. Кромѣ „Коцебу“, въ бухтѣ стояла военная шкуна „Редутъ-кале“, грузовой пароходъ Русскаго-же Общества „Чихачевъ“ и нѣсколько кочермъ и фелюгъ съ кукурузою, виноградомъ, глиняными кувшинами и пр. товаромъ.

Батумъ расположенъ на западной сторонѣ незначительной, но прекрасной бухты. Около бухты высóты отступаютъ отъ берега, образуя плоскую прибрежную полосу, часть которой и занимаетъ Батумъ. Глубина бухты очень значительна и весьма быстро возростаетъ по мѣрѣ удаленія отъ берега. Часть бухты, представляющая дѣйствительную защиту отъ бурь, идущихъ съ запада, весьма необширна. Батумская бухта обязана своимъ образованіемъ, вѣроятно, взаимодѣйствію Чороха и западныхъ вѣтровъ. Коса, ограничивающая бухту съ западной стороны, да и все пространство, заключающееся между Чорохомъ и бухтою, состоитъ изъ рѣчнаго наноса, т. е. ила, песка и рѣчныхъ галекъ (что эти послѣднія вынесены рѣкою, а не обмыты моремъ исключительно изъ прибрежныхъ скалъ, явствуетъ изъ того, что гальки представляютъ значительное разнообразіе породъ и преимущественно вулканическихъ, каковыхъ въ прибрежныхъ горахъ не встрѣчается). Существуетъ мнѣніе, что западная коса постоянно удлиняется, и что удлиненіе это даже на памяти батумскихъ старожиловъ совершилось въ значительныхъ размѣрахъ. Затѣмъ, очевидцы единогласно утверждаютъ, что во время западныхъ вѣтровъ вода Чороха, при выходѣ въ море, уклоняется вправо, т. е. къ востоку и даже доходитъ до восточнаго берега

бухты, гдѣ и осаждаетъ свой выносъ. При такихъ обстоятельствахъ удлиненіе западной косы представляется вполнѣ естественнымъ: теченіе Чороха въ морѣ, направляясь, во время западныхъ вѣтровъ, къ востоку, наталкивается на ту косу, о которой идетъ рѣчь, и оставляетъ около нея часть вынесеннаго имъ матеріала, который и служитъ къ удлиненію косы. Очень вѣроятно, что въ образованіи бухты и удлиненіи западной косы играетъ роль и другой факторъ—поднятіе берега. Подтвержденіе такого явленія въ юго-восточномъ углу Чернаго моря бывшій англійскій консулъ въ Трапезундѣ Джиффордъ Пальгрэвъ видитъ, между прочимъ, въ томъ обстоятельствѣ, что многіе утесы въ этой мѣстности, опускающіеся прямо въ море, носятъ слѣды разъѣданія морскими волнами на такой высотѣ, которая недостижима для морскаго прибоя даже во время самыхъ сильныхъ современныхъ штормовъ (*W. Gifford Palgrave*, „Vestiges of Glacial action in north-eastern Anatolia“ въ Nature, № 157, Vol. 6, Oct. 31, 1872, p. 536. Lettre to the editor from Trebizond, Oct. 3).

Батумъ, представляющійся тѣмъ, кто въ немъ не бывалъ, въ видѣ какого-то Эльдорадо съ удивительно дешевымъ табакомъ, напитками и разными заграничными товарами, расположенъ, какъ сказано, на западной сторонѣ Батумской бухты. Для турецкаго города, возникшаго какихъ-нибудь 20—23 года тому назадъ, онъ имѣетъ хорошій видъ. Главное отличіе въ немъ отъ настоящаго турецкаго города—отсутствіе кривыхъ и глухихъ улицъ и закоулковъ. На набережной имѣется рядъ каменныхъ домовъ съ магазинами, кофейнями и гостинницами, затѣмъ параллельно набережной идутъ еще 2—3 улицы, значительная часть которыхъ занята базаромъ, т. е. маленькими открытыми, деревянными лавочками. Жилыя строенія, за исключеніемъ, кажется, единственнаго каменнаго дома бывшаго нашего консула Джудича, фахверковыя, т. е. построенныя изъ деревянныхъ рамъ, въ которыхъ промежутки забраны кирпичемъ въ одинъ рядъ. Есть между ними и 2-этажныя зданія. Пока городъ имѣетъ какой-то разоренный видъ, и хотя дома

дѣятельно починяются, но постройки, по недостатку строительныхъ матеріаловъ, идутъ не такъ быстро, какъ было-бы желательно.

Въ городѣ есть нѣсколько мечетей и одна, довольно большая, каменная греческая церковь. По словамъ священниковъ, постройка церкви была начата лѣтъ 15, окончена-же лѣтъ 8 тому назадъ, хотя и до-сихъ-поръ не совсѣмъ отдѣлана. Начиная постройку, строители запаслись султанскимъ фирманомъ, но батумскіе мусульмане два раза останавливали работу, ссылаясь на то, что греки, вмѣсто церкви, строятъ крѣпость.

При церкви имѣется школа, и греки уже подумываютъ о томъ, чтобы пригласить въ нее русскаго учителя.

Всего въ Батумѣ до 200 греческихъ семействъ, и на ихъ-то пожертвованія, отчасти на занятыя деньги, построена церковь. Въ настоящее время долгъ церкви разнымъ лицамъ простирается до 700 турецкихъ лиръ, за которыя платятъ 15% годовыхъ. Говорятъ, впрочемъ, что это умѣренный процентъ, такъ-какъ при обезпеченіи менѣе вѣрномъ, чѣмъ церковь, берутъ за ссуды и по 20%.

Со времени вступленія русскихъ въ Батумъ, доходъ церкви увеличился почти вдвое. Въ первый-же день появленія нашихъ войскъ греки повѣсили колоколъ и начали благовѣсть, чего при турецкомъ правительствѣ имъ не дозволяли дѣлать.

Самый насущный вопросъ въ Батумѣ въ настоящее время—квартирный. Городъ рѣшительно не въ состояніи вмѣстить въ себя той массы служащаго и промышленнаго люда, которая нахлынула въ него съ водвореніемъ русской власти. Вслѣдствіе этого, цѣны на квартиры достигли небывалыхъ размѣровъ, о чемъ уже неоднократно заявлялось въ газетахъ. Такъ, напр., за домъ, занятый военнымъ губернаторомъ, платится 1,000 рублей, между тѣмъ какъ помѣщеніе не представляетъ даже самыхъ элементарныхъ удобствъ. Единственнымъ оправданіемъ такой цѣны можетъ служить развѣ то обстоятельство, что домъ этотъ въ нѣкоторомъ родѣ историческій, такъ-какъ въ немъ жилъ муширъ Дервишъ-паша, бывшій начальникъ Батумскаго отряда. Но и дома, не имѣющіе такого славнаго прошлаго, отдаются по такой-же высокой цѣнѣ. Всѣ гостинницы, которыхъ 2 или 3, платятъ за помѣщеніе такія непомѣрныя цѣны, что содержатели ихъ, несмотря на то, что зарабатываютъ весьма и весьма хорошія деньги, должны будутъ, какъ говорятъ, неминуемо разориться. Содержатель гостинницы „Москва“ платитъ, говорятъ, за помѣщеніе 4 т. рублей. Особенно страдаютъ отъ дороговизны квартиръ, конечно, люди служащіе. Говорятъ, что мѣстная администрація, въ видахъ образованія фонда городской кассы, намѣрена обложить извѣстнымъ налогомъ всѣхъ домовладѣльцевъ и всѣ торговыя и промышленныя заведенія, сообразно съ квадратнымъ содержаніемъ занимаемыхъ ими помѣщеній. Мысль весьма основательная, но можно было-бы желать, чтобы исполненіе ея было отложено на нѣкоторое время, и вотъ почему: несомнѣнно, что и домовладѣльцы, и торговый людъ не замедлятъ, въ свою очередь, разложить этотъ налогъ на квартирантовъ и потребителей, которые, въ виду ограниченности числа жилыхъ домовъ, будутъ вынуждены давать плату за квартиру и продукты еще болѣе высокую и невыносимую, чѣмъ нынѣ, и не будутъ имѣть возможности искать спасенія въ конкуренціи. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время нельзя строить домовъ въ Батумѣ сообразно съ той потребностью, которая въ нихъ чувствуется: съ одной стороны препятствуетъ этому неопредѣленность земельнаго владѣнія, съ другой—неимѣніе въ городѣ строительныхъ матеріаловъ и невозможность подвоза ихъ. Еще кирпичъ и черепица могутъ быть доставлены заводами, существующими въ нѣкоторыхъ селеніяхъ на Чорохѣ (напр., въ Борчхѣ), но лѣсныхъ строительныхъ матеріаловъ (балокъ, досокъ и пр.) нѣтъ и достать ихъ негдѣ. Въ бассейнѣ Чороха весь лѣсъ, который можно было вырубить и сплавить, давно вырубленъ и сплавленъ. Если еще и имѣется таковой, то не въ такомъ количествѣ, чтобы удовлетворить чувствуемой въ немъ потребности и потому очень дорогой. Слѣдовательно, лѣсъ надо выписывать изъ Херсо-

на или изъ Керчи. Но Русское Общество, занятое перевозкою войскъ и военныхъ грузовъ на своихъ пароходахъ, можетъ предоставить только незначительное число судовъ для грузовъ частныхъ, которыхъ между тѣмъ такъ много, что пароходы не успѣваютъ ихъ забирать. При такихъ условіяхъ такой сравнительно малоцѣнный и громоздкій грузъ, какъ лѣсъ, не можетъ быть перевозимъ. Остаются частныя шкуны, но въ зимнее время онѣ не рискуютъ и не могутъ рисковать предпринимать такихъ дальнихъ плаваній, да и не время теперь, когда Днѣпровскій лиманъ долженъ замерзнуть. Остается только отложить возведеніе построекъ до будущаго лѣта. Тогда, несомнѣнно, примутся за постройки въ Батумѣ энергично, и тогда, по нашему мнѣнію, можно ввести упомянутый выше налогъ, такъ-какъ только тогда цѣны на квартиры и всякіе продукты, вслѣдствіе конкуренціи, придутъ хотя нѣсколько въ нормальное положеніе.

Другая причина медленнаго или даже и вовсе незамѣтнаго увеличенія построекъ въ городѣ, несмотря на настоятельную нужду въ помѣщеніяхъ, кроется въ неопредѣленности и шаткости политическаго положенія.

Насколько основательны эти опасенія за будущее— трудно, конечно, сказать, но несомнѣнно, что опасеніе, неясное и неопредѣленное, существуетъ. Никто изъ торговыхъ людей не хочетъ пускаться въ предпріятія, отзываясь, что теперь не время, такъ-какъ съ весною можетъ вновь вспыхнуть война, и тогда всѣ труды пропадутъ даромъ. Въ Батумѣ базарные слухи утверждаютъ, что отъ турецкаго правительства вышелъ мѣстному населенію приказъ не препятствовать русскимъ устраиваться въ Батумѣ и улучшать городъ, такъ-какъ для турокъ будетъ гораздо выгоднѣе получить обратно городъ въ улучшенномъ видѣ, и притомъ улучшенномъ на русскія деньги. Какъ ни нелѣпъ этотъ слухъ, онъ приводится здѣсь для характеристики общаго настроенія, общей неувѣренности въ будущемъ. Замѣчательно, что это настроеніе распространилось такъ да-

леко, что намъ пришлось впослѣдствіи наблюдать его и въ Сухумѣ.

Всѣ, ѣдущіе въ Батумъ, заранѣе ласкаютъ себя надеждою накупить по дешевымъ цѣнамъ разныхъ заграничныхъ товаровъ. Но насколько велики надежды, настолько-же велико и разочарованіе: кромѣ самаго обыкновеннаго деревенскаго товара, да плохихъ марсельскихъ ликеровъ, въ Батумѣ рѣшительно ничего нельзя достать. Даже порядочнаго табаку нѣтъ въ городѣ, и русскія сердца могутъ радоваться, видя папиросы и табакъ ростовскихъ, потійскихъ и тифлисскихъ фабрикантовъ въ безакцизномъ и безпошлинномъ городѣ. Даже знаменитый „Лафермъ“ успѣлъ проникнуть въ Батумъ. Трудно, собственно говоря, понять, почему именно предполагается, что въ Батумѣ можно достать всевозможные товары. Не знаю, что будетъ дальше, но пока купцамъ нѣтъ никакого разсчета выписывать товары высшихъ сортовъ. Кто станетъ покупать ихъ? Вслѣдствіе недостатка въ помѣщеніяхъ, весь служебный персоналъ живетъ на холостую ногу, безъ семействъ, и городъ имѣетъ совершенно видъ военнаго стана. Спрашивается, для кого будутъ привозится предметы роскоши и одежды? Это одна причина. Другая кроется въ томъ духѣ неувѣренности въ будущемъ, о которомъ было уже сказано выше. Третью причину надо искать вообще въ томъ, что многіе и многіе весьма сильно сомнѣваются въ той важности, которую придаютъ этому городу. Нельзя не сознаться дѣйствительно, что не одна изъ тѣхъ пышныхъ надеждъ, которыя возлагаются на Батумъ и его порто-франко, очень сомнительна. Значеніе города можетъ выясниться только тогда, когда миръ упрочится, и когда будутъ проведены дороги отъ города внутрь страны и къ Тифлису. Теперь-же никто не рѣшается затрачивать капиталъ, такъ-какъ нѣтъ никакой возможности правильно, коммерчески, разсчитать выгоды предпріятія.

До настоящаго времени порто-франко служитъ не для поощренія торговли, а для стѣсненія окрестныхъ жителей. Изъ Батума въ настоящее время трудно вывезти что-ни-

будь, кромѣ дряннаго ликера, рома или спичекъ. Товаръ, находящійся въ Батумѣ, назначенъ почти исключительно для мѣстнаго потребленія и для жителей окрестныхъ селеній. Дѣйствительно, они приходятъ въ городъ, приносятъ кое-какіе скудные продукты на продажу и затѣмъ, закупивъ нѣсколько аршинъ бязи, уходятъ назадъ. Другого пункта для своихъ закупокъ они не имѣютъ,—Батумъ есть ихъ рынокъ. Между тѣмъ кордонная стража, не знаю, въ силу-ли инструкціи, или по новости дѣла, или-же по какой-нибудь другой причинѣ, часто задерживаетъ такихъ поселянъ, требуя отъ нихъ уплаты пошлины за вынесенные изъ города товары, и такъ-какъ они, конечно, отказываются, то ихъ доставляютъ обратно въ городъ. Понятно, что подобные случаи совершенно безъ пользы для кого-нибудь возбуждаютъ окрестное населеніе противъ нашихъ порядковъ. Если-бы товары выносились изъ города на продажу, тогда можно было-бы оправдать образъ дѣйствій кордона, но товаръ, купленный для собственнаго употребленія, едва-ли можетъ быть подвергнутъ оплатѣ пошлиною, да и едва-ли вся пошлина настолько велика, чтобы ради ея рисковать возбудить неудовольствіе въ населеніи. Какому-нибудь аджарцу весьма трудно объяснить и внушить, почему онъ можетъ купить товаръ въ городѣ по одной цѣнѣ, а при выходѣ изъ города обязанъ еще приплачивать за тотъ-же товаръ.

Климатъ Батума мало чѣмъ отличается отъ климата Сухума и другихъ прибрежныхъ пунктовъ: тотъ-же влажный воздухъ, та-же умѣренная зима, та-же лихорадка. Мѣстные жители утверждаютъ, что эта послѣдняя наиболѣе свирѣпствуетъ съ 10 іюня по 10 сентября и что въ это время пребываніе въ городѣ становится непріятнымъ. Намъ указали еще на одно, на первый взглядъ странное явленіе: всякій при взглядѣ на Кахаберскія высоты, подступающія къ Батуму, невольно указываетъ на нихъ, какъ на лучшее пребываніе во время лѣтнихъ жаркихъ и лихорадочныхъ мѣсяцевъ. Между тѣмъ, по словамъ знающихъ мѣстныя обстоятельства, оказывается, что Кахаберскія высоты представляютъ лѣтомъ наиболѣе лихорадочное мѣсто. Справедливость этого обстоятельства подтверждается тѣмъ, что на Кахаберскихъ высотахъ нѣтъ поселеній, и только въ осенніе и зимніе мѣсяцы на нихъ пасутъ свои стада курды, приходящіе съ горъ Яланусъ-чамъ.

Причину этого явленія надо, я полагаю, искать отчасти въ свойствахъ растительности, покрывающей высоты, отчасти въ топографическихъ условіяхъ мѣстности. По разсказамъ бывавшихъ на высотахъ, склоны ихъ покрыты густою порослью папоротника, задерживающею значительное количество влаги и дающею обильную міазму при гніеніи. Другая причина заключается въ томъ, что воды, стекающія съ высотъ, не имѣя свободнаго истока въ море, застаиваются у подошвы и образуютъ обширныя болота. Свободный-же стокъ отсутствуетъ вслѣдствіе прибоя съ моря, производящаго вдоль берега нѣчто въ родѣ вала. Съ запада города лежитъ низменная дельта Чороха, покрытая также болотами и болотистыми озерами и поросшая низкимъ кустарникомъ. Такимъ образомъ городъ съ трехъ сторонъ блокированъ болотами, не считая болотъ искусственныхъ, производимыхъ посредствомъ запруженія ручьевъ для орошенія рисовыхъ полей. Въ настоящее время производится нивеллировка окрестностей города для составленія предположеній объ осушеніи болотъ. Дѣло весьма существенное какъ для оздоровленія города такъ и для увеличенія площади городской земли, удобной для обитанія. Для полноты картины слѣдуетъ прибавить, что къ западу отъ города, въ болотистой мѣстности, находятся обширныя кладбища, на которыхъ покоятся воины изъ корпуса Дервишъ-паши. Турки не имѣютъ обыкновенія глубоко зарывать трупы, и, вѣроятно, по этой причинѣ кладбища эти служатъ любимымъ rendez-vous для всѣхъ батумскихъ шакаловъ.

Батумъ въ настоящее время, какъ говорятъ, уже не похожъ на ту клоаку, которую застали наши войска. Онъ очищенъ отъ всѣхъ нечистотъ и имѣетъ довольно опрятный видъ. Грязи въ Батумѣ особенной не бываетъ: онъ стоитъ на почвѣ, состоящей изъ песку и галекъ, и потому свободно пропускающей воду. На нѣкоторыхъ улицахъ на

базарѣ видно нѣчто въ родѣ мостовой. Вода проведена въ городъ изъ-за нѣсколькихъ верстъ, съ Кахаберскихъ высотъ. Направленіе водопровода обозначено сложенными изъ камня пирамидами. На устройство водопровода разобрали, какъ говорятъ, и ту церковь св. Троицы (Самеба), которая стояла на Кахаберскихъ высотахъ, и которую съ такимъ трудомъ разыскалъ г. Бакрадзе. Въ городѣ есть нѣсколько водоемовъ.

Защита Батума состояла изъ трехъ батарей, расположенныхъ на берегу. Одна очень большая и прекрасно построенная, съ каменными казармами (неоконченными) на мысу, другая на южной сторонѣ бухты, третья еще дальше по берегу, противъ города. Передъ фронтами батарей были посажены правильными рядами деревья, вѣроятно, для маскированія батарей съ моря. Теперь эти деревья, не знаю кѣмъ, срублены, и торчатъ одни пни. Средняя батарея предохранена отъ разрушенія морскимъ прибоемъ каменною стѣнкою.

---

3 ноября, въ 9 часовъ вечера, въ прекрасную тихую погоду, отправились на паровомъ катерѣ къ развалинамъ крѣпости Цихис-дзири. Шли 2 часа и высадились около самой Цихис-дзирской скалы. Замѣчательно, какъ быстро увеличивается глубина около самого берега. Мы подошли къ берегу почти вплотную, такъ что до него оставалось нѣсколько шаговъ. Шагахъ-же въ 15 отъ берега глубина достигаетъ уже 10—12 футовъ, такъ что мы имѣли подъ носомъ 2—3 ф., а подъ кормою 10—12 футовъ.

Въ 11½ ч. сѣли на коней и берегомъ направились на р. Кинтриши къ подножію высотъ Хуц-убани. Берегъ представляетъ низменную, болотистую равнину, около 1 версты ширины. Болота происходятъ отъ запруженія морскимъ прибоемъ устьевъ рѣкъ и рѣчекъ, сбѣгающихъ съ горъ. Отъ подножія высотъ Хуц-убани поднялись на Самебу, увѣнчанную турецкими батареями и изрытую траншеями. Здѣсь видѣли еще слѣды дѣйствія снарядовъ: многія деревья расщеплены гранатами. Съ позиціи Самеба спустились на южный склонъ, переправились черезъ р. Кинтышъ и поднялись на слѣдующій гребень, опять увѣнчанный батареями, затѣмъ вновь спустились на противуположную сторону, переправились черезъ р. Дзегва и поднялись на тотъ хребетъ, на которомъ стоятъ развалины крѣпости Цихис-дзири.

Только теперь, по осмотрѣ мѣстности, начинаешь понимать, почему всѣ наши попытки прорваться къ Батуму берегомъ оказались безуспѣшными и всѣ атаки были отбиты, несмотря на сравнительно значительныя силы, бывшія въ распоряженіи ген. Оклобжіо.

Прежде всего надо замѣтить, что въ газетахъ ошибочно всѣ наши атаки назывались атаками на Цихис-дзири: отъ высотъ Хуц-убани до высотъ Цихис-дзири считаютъ разстояніе въ 9 верстъ, и ихъ раздѣляютъ сильныя укрѣпленныя промежуточныя высоты. Поэтому встрѣчавшееся въ газетахъ выраженіе „атака на Цихис-дзири“ надо понимать распространительно въ смыслѣ атаки *цихис-дзирской позиціи*, т. е. всей совокупности укрѣпленій этой мѣстности, такъ-какъ въ дѣйствительности за всю кампанію наши войска не были далѣе высотъ Самеба, и послѣдній неудачный штурмъ 18 января 1878 г. былъ произведенъ именно на эти послѣднія высоты.

Цихис-дзирскую позицію составляетъ рядъ параллельныхъ хребтовъ, отдѣляющихся отъ хребта Перанга и постепенно понижающихся по мѣрѣ приближенія къ морю, оставляя, какъ уже сказано, вдоль берега низменное болотистое пространство. Только тотъ хребетъ, на которомъ стоятъ развалины крѣпости Цихис-дзири, отвѣсною скалою падаетъ въ море и совершенно запираетъ проходъ вдоль берега. Хребты эти имѣютъ видъ холмовъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ и густо заросшихъ разными колючими вьющимися растеніями, свойственными припонтійской флорѣ. Такихъ хребтовъ, начиная съ Самебы и кончая Цихис-дзирскимъ, насчитывается три. Всѣ они увѣнчаны батареями, которыя такъ расположены, что могутъ поддерживать другъ друга. Кро-

мѣ того, склоны хребтовъ изрыты траншеями для стрѣлковъ. Хребты, какъ выше указано, раздѣляются долинами, въ которыхъ текутъ рр. Кинтриши, Кинтышъ и Дзегва. (На нашей 5-верстной картѣ ближайшая къ Кинтриши рѣка названа Дехва и показана впадающею въ первую, затѣмъ далѣе къ югу показана рѣка безъ названія. Намъ-же рѣку Дехву назвали Кинтышъ, а безъимянную—Дзегва). Изъ этого краткаго описанія можно, полагаю, уразумѣть всю трудность и даже неприступность, по-крайней-мѣрѣ при тѣхъ средствахъ, которыя мы имѣли, этой позиціи. Вдоль берега, по равнинѣ, двигаться было нельзя, такъ-какъ, не говоря о его болотистости и трудно-проходимости для артиллеріи, подобное движеніе немыслимо подъ огнемъ нѣсколькихъ десятковъ орудій, расположенныхъ на высотахъ. Оставалось, слѣдовательно, штурмовать высоты послѣдовательно одну за другой, что въ дѣйствительности и было предпринято, но, какъ извѣстно, неудачно.

Замѣчательно, что когда смотришь на знаменитыя Цихис-дзирскія позиціи съ турецкой стороны, то расположеніе ихъ представляется гораздо явственнѣе, чѣмъ при обзорѣ со сторны нашей границы. Отъ насъ видѣнъ какой-то хаосъ лѣсистыхъ холмовъ, расположенныхъ, кажется, безъ всякой системы. При обозрѣніи-же съ Цихис-дзирскихъ высотъ весьма явственно представляется взору расположеніе и направленіе всѣхъ хребтовъ

Цихис-дзирскія высоты, какъ я уже сказалъ, подходятъ къ самому морю и спускаются въ него отвѣсною скалою. Здѣсь прохода вдоль берега нѣтъ и не бываетъ, такъ какъ море, повидимому, очень глубоко у самаго подножія скалы, которую оно омываетъ.

На высотѣ, надъ моремъ, находятся развалины довольно обширной крѣпости, стѣны которой, сложенныя изъ тесанныхъ и полуотесанныхъ камней на цементѣ, покрыты, какъ бронею, густою зарослью плюща. Полагаю, что именно здѣсь слѣдуетъ искать знаменитую въ древности крѣпость Петра (Petra). Сама природа указала здѣсь мѣсто для крѣпости, такъ-какъ сама-же природа заперла здѣсь

проходъ вдоль морского берега. Другого такого выгоднаго мѣста для укрѣпленія (конечно, съ точки зрѣнія древняго военнаго искусства) здѣсь нѣтъ.

Въ числѣ развалинъ есть одно небольшое зданіе, похожее на бывшую церковь, въ родѣ тѣхъ крошечныхъ церквей, какія нынѣ можно видѣть въ нѣкоторыхъ грузинскихъ селеніяхъ.

Высота, на которой стоятъ развалины, обильно снабжена родниковою водою.

Въ настоящее время развалины заняты казачьимъ постомъ. Начальникъ поста сообщилъ намъ, что въ прошедшую ночь кобулетцы убили на дорогѣ двухъ милиціонеровъ Гурійской пѣшей дружины, шедшихъ изъ Батума домой въ Гурію. Третій товарищъ ихъ успѣлъ убѣжать отъ разбойниковъ, которыхъ, по его словамъ, было около 12 человѣкъ. Они отняли у него ружье, но онъ успѣлъ, въ свою очередь, захватить съ собою ружье одного изъ нападавшихъ. По этому ружью думаютъ сыскать виновныхъ въ разбоѣ.

Впослѣдствіи мы узнали, что кобулетцы представили въ Батумъ 12 человѣкъ, виновныхъ въ разбоѣ, и просили о высылкѣ ихъ.

---

4 ноября, въ 10½ ч. утра, тронулись въ путь изъ Батума въ Артвинъ верхами. Я испытывалъ какое-то особенное, очень, впрочемъ, пріятное чувство, трудно опредѣлимое, но знакомое, вѣроятно, всѣмъ тѣмъ, которымъ приходилось вступать въ страну, рѣдко посѣщаемую, мало извѣстную, но любопытную. Дѣйствительно, надо удивляться, какъ мало знали мы Батумскую область, несмотря на близкое сосѣдство ея съ Закавказьемъ. Въ географической литературѣ можно найти недавно изданное археологическое сочиненіе Бакрадзе, описаніе трехмѣсячнаго пребыванія въ Турецкой Грузіи полковника Казбека, нѣсколько замѣтокъ въ иностранныхъ журналахъ и, наконецъ, сочиненіе извѣстнаго нѣмецкаго ботаника К. Коха,—вотъ и весь матеріалъ. Къ то-

му-же во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ весьма мало говорится о той мѣстности, которую намъ предстояло проѣхать, т. е. объ ущельи Чороха до Артвина. Г. Казбекъ проѣхалъ по Чороху только отъ Артвина до Борчхи, и то въ каюкѣ; Бакрадзе—только отъ Батума до устья Аджарисъ-цкали, Кохъ тоже только отъ Борчхи до Артвина. Есть еще описаніе того пути, который намъ предстояло совершить, одного итальянскаго консула, но этого описанія мнѣ не случалось видѣть. Въ Батумѣ намъ не удалось выяснить съ достаточной точностью ни длины предстоявшаго пути, ни качества дороги. Говорили только, что путь очень трудный, что мѣстами дорога или, лучше сказать, тропа вовсе отсутствуетъ, такъ что не только конному, но и пѣшему трудно пройти. Затѣмъ говорили, что отъ Батума до Артвина не менѣе 80 верстъ, что до Борчхи дорога идетъ правымъ берегомъ Чороха, а въ Борчхѣ переходитъ на лѣвый (это послѣднее обстоятельство оказалось впослѣдствіи невѣрнымъ: дорога все время идетъ правымъ берегомъ; на лѣвомъ, хотя и есть тропа, но хуже). О состояніи и протяженіи такъ-называемаго турецкаго шоссе точно также никто не могъ сообщить ничего положительнаго. Наконецъ и карта давала мало свѣдѣній: многихъ населенныхъ пунктовъ на ней вовсе не показано, другіе нанесены неправильно; впрочемъ, тропа, указанная на правомъ берегу, означена довольно хорошо. Карта страдаетъ вообще неполнотою: цѣлые участки, какъ, напр., Мадчахельскій, вовсе ненанесены и являются на картѣ въ видѣ бѣлыхъ пятенъ. Хотя надо отдать справедливость составителямъ 5-верстной карты: при изображеніи ея они, повидимому, воспользовались рѣшительно всѣми существующими матеріалами и описаніями.

И вотъ, съ такимъ малымъ багажомъ познаній, пустились мы въ Артвинъ. Путь нашъ лежалъ прямо на югъ по низменной болотистой равнинѣ—дельтѣ Чороха.

Почва состоитъ изъ ила, песку и рѣчныхъ галекъ, покрыта кустарникомъ. Дорога широкая, мѣстами, гдѣ болото, шоссирована и предохраняется отъ размыванія рядами камней. Черезъ рѣчки положены деревянные мосты, очень

впрочемъ плохіе. Вправо отъ дороги, непосредственно за городомъ, стоитъ въ болотѣ мизерная деревушка, населенная абхазцами, ушедшими изъ Абхазіи въ 1866 г. Затѣмъ, среди болотъ находится обширное турецкое кладбище, на которомъ покоятся мирнымъ сномъ до 12 т. человѣкъ изъ арміи Дервишъ-паши. Влѣво насъ сопровождали Кахаберскія высоты, которыя намъ предстояло обогнуть, чтобы вступить въ ущелье Чороха. На этихъ высотахъ, въ зимніе мѣсяцы, кочуютъ курды съ Яланусъ-чама, и мы видѣли множество курдскихъ мальчишекъ около зимовниковъ. По мѣрѣ приближенія къ ущелью почва становится суше и показываются кукурузныя поля. Тамъ и сямъ на высотахъ видны домики разныхъ бековъ-землевладѣльцевъ.

Въ $12^1/_2$ час. мы вступили въ Чорохское ущелье. Дорога широкая, хорошая, только мѣстами заваленная каменьями, идетъ правымъ берегомъ рѣки, на незначительной высотѣ надъ нею. Чрезъ боковыя балки устроены хорошіе каменные помосты для стока шумныхъ ручейковъ, такіе-же, какъ на военно-грузинской дорогѣ. Стороны ущелья покрыты густою растительностью, имѣющею понтійскій характеръ. Предъ устьемъ Аджарисъ-цкали дорога прерывается: здѣсь горный хребетъ упирается въ рѣку, и только одна тропа круто поднимается по каменистому склону на значительную высоту надъ рѣкою, откуда спускается также круто въ ущелье Аджарисъ-цкали, куда мы и прибыли въ $1^1/_2$ ч.

Ущелье р. Аджарисъ-цкали образуетъ при впаденіи въ Чорохское ущелье довольно широкую равнину, на которой мы и расположились на отдыхъ около поста, содержимаго отъ Ахалцихскаго конно-иррегулярнаго полка, на правомъ берегу. Выше поста по ущелью видны, около сел. Дологани (на лѣвой сторонѣ Аджарскаго ущелья) остатки каменнаго моста, состоящіе изъ устоя на лѣвомъ берегу и столба на правомъ. Какъ кажется, этотъ мостъ, хорошей кладки на извести, только недавно снесенъ рѣкою.

Противъ устья Аджарисъ-цкали, на лѣвомъ берегу Чороха, находится селеніе Мирвани; ниже его, на томъ-же

берегу, показано на картѣ селеніе Симориси; Артвинскій участковый начальникъ Ахмедъ эфенди назвалъ его намъ *Симонети*.

По словамъ г. Меписова, и. д. Артвинскаго окружнаго начальника, лѣвый берегъ Чороха, отъ Мирвани до моря, населенъ лазами. Въ Мирвани говорятъ частью по-грузински, частью по-мингрельски. На аджарской сторонѣ ихъ считаютъ лазами, но сами они не признаютъ себя таковыми, говоря, что лазы живутъ за горою, къ морю.

Въ $2^1/_2$ ч., отдохнувъ, сѣли на коней, переправились въ бродъ черезъ Аджарисъ-цкали и по скверной тропѣ, идущей по лѣвому берегу этой рѣки на разстояніи одной версты, вступили вновь въ Чорохское ущелье. Дорога хорошая, широкая. Чрезъ $^3/_4$ ч. достигли сел. Мадчахелисъ-пири, мѣстопребыванія начальника (князь Церетели) Мадчахельскаго участка. Здѣсь насъ встрѣтили представители Мадчахельскаго меджлиса и участковый начальникъ. Представители населенія изъявляли желаніе быть подчиненными администраціи Батумскаго округа, а не Аджарскаго. Эту просьбу они мотивировали тѣмъ, что до Кеда (центра управленія Аджарскимъ округомъ) два дня пути, тогда-какъ до Батума только 1 день. Говорятъ они однимъ языкомъ съ аджарцами, но не довѣряютъ Аджарскому меджлису. При туркахъ они тоже сначала подчинялись Кедскому каймакаму, но потомъ, по ихъ просьбѣ, были подчинены Батумскому.

Участковый начальникъ жаловался на дороговизну. Онъ нанимаетъ у какого-то бека деревянный двухэтажный домикъ въ шесть комнатъ, безъ оконныхъ переплетовъ и съ разрушенными балконами, и бекъ требуетъ за это помѣщеніе 500 рублей.

По словамъ участковаго начальника, главное занятіе мадчахельцевъ—разбой. Они очень фанатичны и всѣ ушли-бы въ Турцію, если-бы только имѣли средства. Между ними уже прошелъ слухъ, что турецкіе делегаты засѣдающей въ Батумѣ пограничной коммисіи настаиваютъ на проведеніи границы по Аджарисъ-цкали. Беки пользуются боль-

шимъ вліяніемъ на народъ. Крестьянинъ, прежде чѣмъ идти къ участковому начальнику по какому-бы то ни было дѣлу, считаетъ долгомъ предварительно посовѣтоваться съ бекомъ. Кади ихъ получаютъ образованіе въ Константинополѣ.

Въ Мадчахельскомъ участкѣ 26 селеній. Кн. Церетели зазвалъ насъ къ себѣ и упрашивалъ отобѣдать, но мы положительно отказались и порѣшили напиться только чаю. Оказалось, къ удивленію, что князь женатъ, и что жена его, очень молодая и милая дама, послѣдовала за нимъ въ трущобу, называемую Мадчахелисъ-пири. Она не жаловалась на скуку и одиночество, а только на неудобства жилья.

Въ Мадчахелѣ сѣютъ хорошій табакъ.

Распростившись съ любезными хозяевами, тронулись въ путь въ $3^1/_2$ часа. Непосредственно за Мадчахелисъ-пири впадаетъ въ Чорохъ съ правой стороны Мадчахелисъ-цкали, на которомъ видны остатки каменнаго моста.

Въ 4 часа миновали сел. Нижній Мара-диди, на лѣвомъ берегу Чороха, у самой воды. Здѣсь строилось множество каюковъ. Тутъ-же и каючная пристань. Ущелье расширяется, на прибрежныхъ полянкахъ и скатахъ горъ виднѣются посѣвы кукурузы. Пашни маленькія, отдѣлены одна отъ другой каменными стѣнками—прямое доказательство дороговизны и скудости пахатной земли.

Въ 4 ч. 40 м. прошли мимо Верхняго Мара-диди, лежащаго тоже на лѣвомъ берегу Чороха. Съ праваго берега висятъ надъ водою остатки деревяннаго моста. На 5-тиверстной картѣ этотъ мостъ показанъ ошибочно у селенія Хеба. Въ дѣйствительности моста, какъ сказано, нѣтъ, а только остатки его. Мостъ былъ, повидимому, устроенъ только для пѣшеходовъ, въ видѣ одной арки, изъ балокъ, положенныхъ одна на другую уступами съ каждаго берега. На деревьяхъ много виноградной лозы. Изъ Верхняго Мара-диди пріѣхалъ привѣтствовать насъ мѣстный участковый начальникъ Ахмедъ-эфенди, небольшой, коренастый, немолодой уже мужчина, съ типическимъ грузинскимъ носомъ.

Онъ служилъ еще при туркахъ и имѣетъ какой-то чинъ. Говоритъ по-грузински, но былъ рекомендованъ намъ и какъ отличный знатокъ турецкаго языка. Ахмедъ-эфенди съ тонкою турецкою учтивостью пригласилъ насъ ночевать къ себѣ, но мы уклонились, опасаясь, что завтра не поспѣемъ въ Артвинъ. Послѣдствія показали, что отъ хлѣба-соли никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не слѣдуетъ отказываться: мы чуть не провели ночь голодные и подъ открытымъ небомъ, а въ Артвинъ всетаки не попали на другой день, какъ разсчитывали. Ахмедъ-эфенди уѣхалъ. Приглашеніе его и приближеніе вечера подняло вопросъ о ночлегѣ. Оказалось, что М. распорядился, чтобы все было устроено къ нашему пріѣзду въ сел. Хеба. Возникъ, конечно, совершенно естественный вопросъ: далеко-ли до Хебы, на который рѣшительно никто не могъ отвѣтить. Кто говорилъ, двѣ версты, кто—четыре. Выяснилось только, что эта Хеба лежитъ не на лѣвомъ берегу Чороха, какъ показано на 5-тиверстной картѣ, а на правомъ.

Между тѣмъ начало темнѣть. Турецкое шоссе отъ Мара-диди кончилось, и мы вступили на тропу, которая вела по крутымъ склонамъ праваго берега. Мѣстами она была до того крута, что для облегченія лошади приходилось идти пѣшкомъ. Такъ подвигались мы около полутора часа. Въ $6^1/_2$ час. сдѣлалось совершенно темно, а Хебы все не видать. Описывать пройденный затѣмъ путь не могу, такъ какъ рѣшительно ничего не видѣлъ и долженъ былъ довѣриться благоразумію и инстинкту коня. Знаю только, что мы обходили какое-то боковое ущелье, въ которомъ слышался лай собакъ, но гдѣ и откуда—мы не могли разобрать. Потомъ вышли опять на берегъ Чороха, нѣсколько разъ поднимались и спускались, но Хебы все-таки не видали. Наконецъ, подвигаться, сидя на лошадяхъ, сдѣлалось невозможно, такъ-какъ не стало замѣтно и признаковъ тропы. Слѣзли съ лошадей и зажгли свѣчку, оказавшуюся въ запасѣ у догадливаго М. Послѣ соленой закуски на Аджарисъ-цкали всѣхъ мучила жажда. Къ счастію, вблизи слышалось паденіе воды. Стали искать и нашли родникъ, сочившійся изъ камней. Осетины кое-какъ доползли до него и набрали бутылку воды, изъ которой всѣ напились. Такъ подвигались мы впередъ, ведя лошадей въ поводу, когда внизу, на берегу Чороха, увидали разложенный костеръ и около него человѣческія фигуры. М. окликнулъ ихъ своимъ зычнымъ голосомъ по-грузински. Снизу отвѣчали ему тѣмъ-же. Изъ переговоровъ оказалось, что эти люди были изъ Артвина, они гнали скотъ и остановились на ночлегъ. Они узнали М. по голосу. Такъ-какъ спускъ къ рѣкѣ оказался возможнымъ, то было рѣшено спуститься внизъ и ждать разсвѣта около костра. Такъ и сдѣлали. Артвинцы снизу вышли къ намъ на встрѣчу съ горящими головнями въ рукахъ, и такимъ образомъ мы благополучно спустились къ рѣкѣ. Костеръ былъ разложенъ подъ защитою береговыхъ скалъ и около небольшого потока, впадающаго въ этомъ мѣстѣ въ Чорохъ. Расположившись около костра на буркахъ, почувствовали, конечно, голодъ. Оказалось, что у артвинцевъ есть въ запасѣ яблоки, которыя, вмѣстѣ съ имѣвшимся у насъ хлѣбомъ, составили очень вкусный ужинъ. Но на этомъ наша удача еще не кончилась. Было уже 8 часовъ и выступала на очередь забота о ночлегѣ. О Хебѣ, въ которой ждали насъ съ самоваромъ и ужиномъ, нечего было и думать, такъ-какъ оказалось, что мы уже давно проѣхали ее. Оставалось, слѣдовательно, ночевать у костра, но, на наше счастье, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ бивака находился домъ какого-то Мустафы-оглы, пустой, въ который мы и направились. Въ домѣ оказалось двое мальчиковъ-сиротокъ, родственниковъ нашего случайнаго и неизвѣстнаго хозяина Мустафы-оглы. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ они согласились пустить насъ на ночлегъ, мигомъ натаскали дровъ и зажгли нефтяной свѣтильникъ. Огонь весело запылалъ и освѣтилъ довольно просторную и чистую комнату, которой двѣ продольныя стѣны были заняты широкими тахтами, покрытыми циновками. Каминъ былъ устроенъ у одной изъ поперечныхъ стѣнъ. Нѣсколько серебряныхъ монетъ, данныхъ мальчикамъ, возбудили въ нихъ рвеніе и усердіе. Нашлись не

только дрова, но и кувшинъ прекраснаго молока. Поужинали хлѣбомъ и сыромъ, запили молокомъ и виномъ, немного побесѣдовали на тему о томъ, что человѣкъ предполагаетъ, а судьба располагаетъ, и вскорѣ заснули подъ прiятный, особенно для слуха путниковъ, трескъ горящихъ въ каминѣ полѣнъ.

Вслушиваясь въ разговоръ М. съ мальчиками, я замѣтилъ, что онъ говоритъ съ ними не по-грузински и не потурецки, а на какой-то смѣси обоихъ этихъ языковъ. Замѣтилъ также, напр., что они мацони (грузинскiй видъ кислаго молока) называютъ макони.

Считаю умѣстнымъ сдѣлать здѣсь небольшое отступленiе. Большинство населенiя Батумской области говоритъ по-грузински. Этотъ языкъ господствуетъ въ Кобулетѣ, Аджарiи и Шавшетѣ. По Чорохскому ущелью грузинскiй языкъ хотя тоже въ употребленiи, но, мѣстами, уже въ испорченномъ видѣ, у многихъ-же вовсе замѣнился турецкимъ. Такъ-какъ о русскомъ языкѣ, въ сношенiяхъ съ народомъ, нечего конечно и думать, то администрацiи придется обращаться къ народу или по-турецки, или по-грузински.

Тамъ, гдѣ турецкаго языка не понимаютъ (такiя мѣста еще есть), будетъ, конечно, въ ходу грузинскiй языкъ. Но и тамъ, гдѣ турецкiй языкъ понятенъ народу, офицiальнымъ языкомъ, по моему мнѣнiю, долженъ быть грузинскiй. Этотъ послѣднiй языкъ началъ забываться главнымъ образомъ вслѣдствiе того, что при турецкомъ правительствѣ всѣ власти говорили съ народомъ по-турецки и относились презрительно къ грузинскому языку, какъ не мусульманскому, такъ что даже названiе грузинъ считалось постыднымъ. Слѣдовательно, если нынѣ власти вновь заговорятъ по-грузински, то и народъ поневолѣ вспомнитъ свой старый родной языкъ и заговоритъ на немъ. А это очень важно. Возстановленiе грузинскаго языка возобновитъ въ народѣ еще не вполнѣ уснувшiя воспоминанiя племенной связи съ Грузiей и, слѣдовательно, населенiе будетъ нравственно тяготѣть къ ней, какъ теперь тяготѣетъ къ одно-

язычной и одновѣрной съ нимъ Турцiи. Затѣмъ, надо имѣть въ виду, что въ народномъ понятiи турецкiй языкъ соединяется съ понятiемъ мусульманства, какъ грузинскiй языкъ съ понятiемъ христiанства. Слѣдовательно, съ возстановленiемъ грузинскаго языка сама собою порвется одна изъ связей съ мусульманской идеей. Я не говорю о насильственномъ введенiи грузинскаго языка. Я желаю только, чтобы власти, имѣя надобность письменно или устно обратиться къ народу, обращались къ нему по-грузински. Этого будетъ достаточно: если грузинскiй языкъ началъ исчезать отчасти потому, что при туркахъ въ немъ не было надобности, то теперь онъ можетъ также возстановиться, когда народъ услышитъ грузинскiй языкъ изъ устъ своихъ начальниковъ. Во всякомъ случаѣ переходъ отъ грузинскаго языка къ русскому будетъ со временемъ легче, какъ отъ христiанскаго къ христiанскому, чѣмъ отъ турецкаго къ русскому, такъ-какъ эти два языка олицетворяютъ собою въ глазахъ народа религiозную идею.

Въ наибольшей чистотѣ и неприкосновенности грузинскiй языкъ сохранился въ Кобулетѣ, Аджарiи и Мадчахелѣ, т. е. въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ турецкое правительство имѣло очень малую фактическую власть и управляло чрезъ посредство мѣстныхъ бековъ. Это—прямое доказательство важнаго значенiя и влiянiя на населенiе того языка, на которомъ говорятъ власти. Это вопросъ очень важный, и проводить его надо осторожно и неуклонно, и во всякомъ случаѣ не медлить, такъ-какъ турецкiй языкъ распространяется весьма быстро. Не надо повторять ту ошибку, которую мы сдѣлали послѣ присоединенiя въ 1829 г. Ахалцихскаго уѣзда. Мы не знали или забыли тогда, что въ этомъ уѣздѣ много омусульманенныхъ грузинъ и, считая ихъ турками, обращались къ нимъ по-турецки. Результатъ сказался очень быстро: грузинскiй языкъ исчезъ безслѣдно и мы, при всякой войнѣ съ Турцiею, опасаемся настроенiя своего мусульманскаго пограничнаго населенiя. Крайне необходимо также скорѣйшее устройство начальныхъ школъ съ преподаванiемъ на грузинскомъ языкѣ.

Счастливымъ обстоятельствомъ для насъ слѣдуетъ считать то, что мусульманское духовенство въ области, какъ кажется, не очень многочисленно и не особенно ревностно въ обученіи дѣтей чтенію корана. Впрочемъ, можетъ быть, я и ошибаюсь въ этомъ отношеніи. М. разсказывалъ, что подъ свѣтлый праздникъ жители нѣкоторыхъ мѣстностей имѣютъ до сихъ поръ обыкновеніе отправляться въ развалины старинныхъ церквей и ставить въ нихъ зажженныя свѣчи.

Послѣ этого отступленія возвращаюсь къ прерванному разсказу о нашемъ странствованіи по Чороху.

5 ноября. Покинули домъ Мустафы-оглы въ 8 часовъ. Утро ясное, свѣжее. Преисполнены надеждою добраться сегодня до Артвина, только скептическій М. омрачаетъ общее радужное настроеніе выраженіемъ сомнѣнія въ возможность достигнуть обѣтованнаго Артвина. Впрочемъ, и онъ полагаетъ, что можемъ доѣхать сегодня до Сингота, переночевать въ немъ и завтра рано утромъ быть въ Артвинѣ.

Отъ уровня Чороха мы поднялись опять на тропу праваго берега. Тропа очень дурная и узкая, идетъ на значительной высотѣ по крутому склону. Вчера слѣзали съ лошадей на всемъ пути раза четыре, теперь-же на $1^1/_2$ часовомъ пути до Борчхи очень много разъ. Всего отъ ночлега до Борчхи, въ которую прибыли въ $9^1/_2$ ч., совершили три значительные подъема и столько-же спусковъ. Склоны горъ покрыты прекрасною свѣжею растительностью: сосны и рядомъ съ ними мирты, боярышникъ, какой-то видъ Solanum и пр. Ущелье Чороха опять съузилось, и береговыя площадки имѣютъ видъ узкихъ ленточекъ. На склонахъ, на очень значительной высотѣ, виднѣются пашни, раздѣленныя каменными стѣнками.

Чрезъ $^1/_2$ часа переправились чрезъ довольно значительный потокъ *Каласкурисъ-цкали*, впадающій въ Чорохъ чрезъ довольно широкое ущелье. На обоихъ очень возвышенныхъ и скалистыхъ мысахъ, образованныхъ соединеніемъ ущелій Чороха и Каласкурисъ-цкали, стоятъ какія-то развалины.

Ахмедъ-эфенди, присоединившійся къ намъ утромъ, утверждаетъ, что на правой возвышенности стоитъ крѣпость или скорѣе башня, а на лѣвой развалины церкви. Весьма сожалѣю, что желаніе наше, впрочемъ не осуществившееся, попасть сегодня-же въ Артвинъ, или по меньшей мѣрѣ въ Синготъ, помѣшало намъ осмотрѣть развалины церкви. На Чорохѣ развалины церкви—большая рѣдкость.

Ахмедъ-эфенди-же сообщилъ и названіе Каласкурисъ-цкали. На картѣ этотъ довольно значительный потокъ вовсе не обозначенъ. Онъ впадаетъ въ Чорохъ тамъ, гдѣ на картѣ значится башня Азаго-баши. Этого послѣдняго названія, относящагося очевидно къ той развалинѣ, о которой сказано выше, Ахмедъ-эфенди не знаетъ.

Послѣ третьяго подъема показался вдали и внизу, на площадкѣ праваго берега, лагерь баталіона Владикавказскаполка, а напротивъ, на лѣвомъ берегу, селеніе Борчха. И лошади и сѣдоки пріободрились въ чаяніи хорошихъ закусокъ. Мы стали быстро спускаться внизъ и въ $9^1/_2$ ч. были на берегу, сѣли въ каюкъ и переправились на лѣвый берегъ въ Борчху. Лошади перешли въ бродъ. Здѣсь встрѣтили насъ офицеры Гурійской пѣшей дружины, расположенной лагеремъ, и съ свойственнымъ имъ радушіемъ пригласили отдохнуть и закусить. Всѣ милиціонеры какъ на подборъ, молодецъ къ молодцу, цвѣтъ гурійскаго народа. Они жаловались, что ихъ до-сихъ-поръ не отпускаютъ по домамъ. Они поступили охотниками, на время войны, теперь-же миръ уже давно заключенъ, а распоряженія объ отпускѣ ихъ еще не послѣдовало. Они не отказываются служить и еще, если обстоятельства того требуютъ, но хозяйства ихъ, вслѣдствіе 2-хъ-лѣтней отлучки, приходятъ въ разстройство.

Между милиціонерами оказалось нѣсколько мальчиковъ 13—14 лѣтъ, почти дѣтей. Одинъ изъ нихъ отличался особенною красотою въ своемъ оригинальномъ гурійскомъ костюмѣ. Офицеры хвалили его, какъ храбраго воина и хорошаго стрѣлка. Впослѣдствіи оказалось, что онъ также отличный плясунъ и музыкантъ.

Офицеры просили закусить у нихъ. Предложеніе было

принято съ условіемъ, чтобы закуска продолжалась недолго, такъ-какъ мы спѣшимъ и желаемъ во что-бы то ни стало попасть сегодня-же въ Артвинъ. Съ такимъ уговоромъ сѣли за столъ и...... произошло то, что всегда происходитъ на грузинскихъ пирахъ, еще не утратившихъ сходства съ пирами, описанными у Гомера: мы выѣхали изъ Борчхи только на другой день утромъ. Безполезно описывать программу дня и *тепи* закусокъ, обѣдовъ и ужиновъ. Они извѣстны. Главнѣйшую часть ихъ составляло молодое вино (мажари), заготовленное однимъ изъ офицеровъ дружины изъ мѣстнаго винограда. Были, разумѣется, и гурійскія пѣсни и танцы—арало—простое и двойное, т. е. одни становились на плеча другихъ. Танецъ этотъ заключается въ томъ, что нѣсколько человѣкъ, взявшись за руки, образуютъ кругъ и, подъ звуки пѣсни и бубна (которымъ отлично владѣлъ упомянутый выше мальчикъ-милиціонеръ), двигаются то въ ту, то въ другую сторону, выдѣлывая ногами разныя немногосложныя па. Подъ конецъ приняли участіе въ танцахъ и нѣкоторые изъ любознательныхъ путешественниковъ. Вѣроятно, утомленіе отъ усиленныхъ танцевъ такъ подѣйствовало на нихъ, что они залегли спать въ 4 часа и проспали до слѣдующаго утра. Надо прибавить, что и солидный Ахмедъ-эфенди не отставалъ отъ общаго веселья: онъ такъ аккуратно и добросовѣстно исполнялъ приказанія толум-баша, что вскорѣ лицо его сдѣлалось одного цвѣта съ фескою. Это очень хорошій признакъ: значитъ грузинская кровь еще не совсѣмъ заглохла въ немъ подъ турецкимъ вліяніемъ.

Селеніе Борчха лежитъ при сліяніи Чороха съ впадающею въ него рѣкою Чаиръ-су. Это послѣднее названіе, показанное на 5-вер. картѣ, мѣстнымъ жителямъ неизвѣстно: они называютъ этотъ потокъ *Чхалисъ-цкали*. Селеніе отъ берега Чороха, гдѣ находится каючная пристань, поднимается амфитеатромъ въ гору. Селеніе большое, имѣетъ много хорошихъ 2-хъ и даже 3-хъ этажныхъ домовъ, каменныхъ и фахверковыхъ, т. е. изъ деревянныхъ рамъ, забранныхъ кирпичемъ. Много также деревянныхъ строеній.

Борчхинцы занимаются выдѣлкою кирпичей, черепицы и глиняныхъ кувшиновъ, и снабжаютъ этими произведеніями прибрежья Чороха и Батумъ. Хлѣбопашествомъ занимаются мало да оно и понятно: нѣтъ, какъ и по всему Чороху, удобныхъ для этого мѣстъ. Пашни маленькія, отдѣлены одна отъ другой каменными стѣнками и расположены на крутыхъ высотахъ. Въ Борчхѣ растетъ хорошій виноградъ, который мы, впрочемъ, пробовали только въ жидкомъ видѣ.

Въ Борчхѣ-же, какъ сказано, находится пристань для каюковъ. Всѣ, ѣдущіе вверхъ и внизъ по рѣкѣ, останавливаются здѣсь для отдыха. По этому случаю имѣется даже нѣчто въ родѣ духановъ съ напитками и разными разностями. Замѣчательно, что здѣсь вовсе не видно армянъ, безъ которыхъ не можетъ существовать ни одинъ духанъ, а безъ духана ни одно селеніе въ Закавказьи. Здѣсь и въ духанахъ сидятъ тѣ-же грузины, лазы или, какъ ихъ называютъ, турки. Это доказываетъ, что мѣстное населеніе—народъ промышленный и не такіе простаки, какъ наши грузины. Это-же послѣднее обстоятельство обусловливается тѣмъ, что, вслѣдствіе невозможности заниматься земледѣліемъ, населеніе обратилось къ торговлѣ и ремесламъ. За Кавказомъ-же все населеніе почти исключительно земледѣльческое, потому неразвитое, косное и во всѣхъ своихъ потребностяхъ находится въ рабской зависимости отъ торговцевъ-армянъ. Говорятъ, что армяне играютъ значительную роль въ Шавшетѣ: это прямое подтвержденіе выставленнаго выше тезиса, ибо населеніе Шавшета занимается, какъ кажется, земледѣліемъ.

Каюки за путь отъ Борчхи до Батума берутъ до 10 рублей.

Путь отъ Хебы до Борчхи каюки совершаютъ въ 4 часа.

Повидимому, борчхинцы довольно зажиточный народъ. Говорятъ борчхинцы и по-турецки и по-грузински. По словамъ одного изъ офицеровъ дружины, въ Борчхѣ почти кончается область распространенія грузинскаго языка. Говорятъ еще нѣкоторые по-грузински въ сел. Ахалъ-даба, но

выше по Чороху этотъ языкъ уступаетъ вполнѣ мѣсто турецкому.

Противъ Борчхи, на мысу, образованномъ правымъ берегомъ Чхалисъ-цкали и лѣвымъ Чороха, на невысокой скалѣ стоятъ развалины небольшой крѣпости. Постройка, повидимому, грузинская, изъ неотесанныхъ камней. Невысокая наружная стѣна, въ формѣ полуэллипса, еще сохранилась; внутри ея видны основанія трехъ отдѣльныхъ помѣщеній. Въ стѣнѣ нѣтъ ни бойницъ, ни другихъ отверстій. Назначеніе крѣпости, судя по ея положенію, было—командовать рѣкою Чорохомъ и движеніемъ по боковому ущелью.

Въ разстояніи полуверсты выше по теченію Чороха, на лѣвомъ-же берегу его, около селенія, названнаго на картѣ Камурени, какъ разъ противъ устья потока, названнаго на 5-вер. картѣ Шуа-хеви, стоятъ надъ рѣкою, на высокой скалѣ, развалины башни. Отъ нея сохранилась только южная стѣна, сложенная изъ неотесанныхъ камней съ одною бойницею и чѣмъ-то въ родѣ окна или отверстія подъ нею.

По мѣстному преданію, сообщенному намъ Ахмедомъ-эфенди, и крѣпость и башня выстроены двумя братьями, пришедшими изъ Лазистана. Сначала они жили дружно, потомъ поссорились и, разойдясь, построили себѣ одинъ крѣпость, другой—башню. Легенда не особенно занимательная и сложная. Она доказываетъ, какъ быстро успѣло турецкое вліяніе и магометанство сгладить въ памяти народной воспоминаніе о прежнихъ событіяхъ. Отъ Борчхи по ущелью Чхалисъ-цкали идетъ тропа въ прибрежный Лазистанъ, на Хоппу.

Выше, говоря о развалинахъ башни, я упомянулъ, по 5-вер. картѣ, о селеніи Камурени и потокѣ Шуа-хеви. Этихъ названій, при разспросахъ, мнѣ не удалось слышать. Сел. Камурени Ахмедъ-эфенди назвалъ *Тцитурети*, а р. Шуа-хеви одни называли *Девсхелисъ-цкали*, а Ахмедъ-эфенди—*Тцитлисъ-цкали*. Показанныхъ на картѣ, при устьѣ Шуа-хеви, какихъ либо развалинъ крѣпости—не замѣтилъ. Вѣроятно, это по ошибкѣ показана на правомъ берегу Чороха та башня, о которой упомянуто выше.

6 ноября. Встали въ $4^1/_2$ ч. утра, темно, свѣжо. Разсчитываемъ попасть сегодня въ Артвинъ; впрочемъ, послѣ всѣхъ неожиданностей и превратностей, уже никто не говоритъ объ этомъ положительно, а только условно: если ничего не помѣшаетъ. Говорятъ, что предстоящій сегодня путь труднѣе пройденнаго до-сихъ поръ. Оказывается, что отсюда будемъ слѣдовать не лѣвымъ берегомъ, какъ прежде предполагалось, а, какъ и прежде, правымъ, такъ-какъ здѣсь дорога все-таки лучше, конечно сравнительно. Телеграфная линія идетъ, впрочемъ, лѣвымъ берегомъ.

Переправились въ каюкѣ на лѣвый берегъ, лошадей перевели въ бродъ. Чорохъ въ этомъ мѣстѣ бѣжитъ широкой, покойной струей. Въ лагерѣ Владикавказцевъ было еще все тихо, только кашевары суетились около котловъ, въ которыхъ уже варилась похлебка. Сегодня Владикавказцы снимаютъ свой лагерь и переходятъ на стоянку въ Хебу.

Въ 6 часовъ тронулись въ путь на свѣжихъ лошадяхъ; прежнихъ, взятыхъ изъ Батума, отправили назадъ съ тѣмъ, чтобы онѣ ожидали насъ у урочища Копанъ-диби, около котораго мы предполагаемъ высадиться на обратномъ пути изъ Артвина.

Начало свѣтать. Взошло солнце, но мы были еще въ тѣни, и утренняя предразсвѣтная свѣжесть невольно заставляла вспоминать о теплой постели.

Вскорѣ достигли потока Девсхелисъ-цкали (или, по картѣ, Шуа-хеви), о которомъ сказано выше, и переправились чрезъ него по каменному мосту въ одну арку, вымощенному булыжникомъ. Мостъ узкій, очевидно разсчитанъ только для пѣшеходовъ и конныхъ.

Здѣсь не лишнимъ будетъ замѣтить, что во всемъ Чорохскомъ бассейнѣ, по крайней-мѣрѣ въ той части его, которую мы проѣхали, арбы или какіе-бы то ни было экипажи неизвѣстны, да и невозможны на тѣхъ узкихъ, крутыхъ и высокихъ тропахъ, которыя замѣняютъ собою дороги. Даже и лошади, повидимому, почти вовсе не упо-

требляются ни для верховой ѣзды, ни подъ вьюки. На всемъ пройденномъ нами пути отъ Батума до Артвина мы встрѣтили только около Кахабери двухъ лошадей и одного осла съ вьюками, изъ Аджаріи. Вообще, всѣ ходятъ пѣшкомъ, неся на спинѣ плетеную корзину съ грузомъ и ружье на плечѣ. Такихъ пѣшеходовъ мы встрѣтили по дорогѣ нѣсколько, и нельзя не сказать, что всѣ они превосходные ходоки. Сопровождавшіе насъ сегодня для указанія дороги туземцы все время шли впереди и, повидимому, не чувствовали ни малѣйшей усталости. У всѣхъ какая-то особенная походка: они какъ будто немного присѣдаютъ на ходу, сгибая колѣна. Замѣчательно еще то, что очень многіе носятъ въ одной рукѣ ружье, въ другой—дождевой зонтикъ.

Все населеніе Батумской области вооружено, что называется, съ головы до ногъ, даже дѣти. Ружья носятъ не за плечами, а держатъ ихъ на готовѣ, на плечѣ. За поясомъ заткнута непремѣнно пара пистолетовъ. Все оружіе кремневое и, насколько намъ удалось замѣтить, англійской работы, по-крайней-мѣрѣ имѣетъ лондонскій штемпель. Говорятъ, что турки раздали населенію до 14 т. штукъ ружей новѣйшихъ системъ. Въ настоящее время это оружіе, какъ казенное, отбирается, и мы видѣли въ Батумѣ до 3 т. ружей, доставленныхъ изъ Артвинскаго округа. Между ними было много ружей системы Пибоди-Мартини. Характеристично, что туземцы не носятъ ни кинжаловъ, ни шашекъ или сабель. Упомянемъ кстати, что туземцы, которыхъ мы видѣли, не бреютъ головы, но бреютъ подбородокъ. Только старики и бывшіе въ турецкой службѣ носятъ бороду.

Переправившись чрезъ Девсхелисъ-цкали, проѣхали мимо Борчхинскихъ черепичныхъ заводовъ. Въ 7 часовъ прошли мимо устья Мургулисъ-цкали, довольно значительнаго потока, впадающаго въ Чорохъ съ лѣвой стороны. На этомъ потокѣ видны остатки каменнаго моста, до половины разрушеннаго. Только съ лѣваго берега уцѣлѣла одна арка и два каменные устоя.

Ущелье Мургулисъ-цкали очень широкое при устьѣ. Длина его, какъ говорятъ, до 15 верстъ. Оно имѣетъ значительное населеніе, прекрасные сады, славящіеся яблоками. Сѣютъ пшеницу. При устьѣ Мургульскаго ущелья стоитъ пикетъ отъ Гурійской дружины. Скоро команда будетъ послана вверхъ по ущелью, для занятія постовъ на пограничномъ съ Турціею, со стороны Лазистана, хребтѣ.

Въ 8 часовъ сдѣлалось совсѣмъ тепло. Погода ясная, тихая. Начали подыматься по очень крутому и утомительному для лошадей подъему на скалистый гребень, упирающійся въ рѣку отвѣснымъ обрывомъ. Горная порода здѣсь, повидимому, измѣнилась. Горы сдѣлались выше, вершины ихъ болѣе плоски, скаты болѣе пологи. Влѣво отъ насъ красивыя (трахитовыя?) скалы. Лѣсъ сдѣлался рѣже, попадаются сосны и пальмы (самшитъ). Повидимому, лѣсъ подвергается здѣсь значительной вырубкѣ, и во многихъ мѣстахъ только низкорослый кустарникъ указываетъ на мѣсто бывшаго лѣса. Въ одномъ мѣстѣ наше вниманіе было привлечено чѣмъ-то похожимъ на раскаты выстрѣла. Оказалось, что это бросали бревна съ одной изъ скалъ внизъ, для доставки ихъ къ рѣкѣ. Бревна на лету ударялись о выступы скалъ и производили тѣ звуки, которые мы приняли-было за выстрѣлы. Понятно, что при такомъ способѣ доставки лѣса многія бревна разбиваются. Взобравшись на гребень, сдѣлали привалъ въ виду сел. Ахалъ-даба, которое лежало еще выше насъ (на 5-ти-верст. картѣ оно показано ошибочно внизу, около берега). Противъ насъ, на лѣвомъ берегу, виднѣлось сел. Орджа—внизу на рѣкѣ и сел. Катрія—въ ущельи.

Впереди предстояло перевалить еще чрезъ три такіе-же высокіе гребня, которые всѣ упираются въ рѣку такъ круто и образуютъ между собою такія глубокія складки, что тропа проведена чрезъ нихъ, а не въ обходъ ихъ, по берегу.

Въ 10 часовъ прошли мимо сел. *Авана* (на картѣ нѣтъ), лежащаго на значительной высотѣ лѣваго берега. Меня занималъ вопросъ, какая причина побудила жителей многихъ

селеній селиться такъ высоко и далеко отъ рѣки. Полагаю, что причиною тому топографическія условія мѣстности: Чорохъ бѣжитъ въ такой тѣснинѣ, что не оставляетъ по берегамъ своимъ мѣста, достаточнаго для поселенія. Берега его круты, обрывисты и неудобны для культуры. Между тѣмъ вершины гребней свободны отъ лѣса, болѣе плоски и, слѣдовательно, даютъ возможность заниматься и воздѣлываніемъ земли, и скотоводствомъ. Впрочемъ, сколько-нибудь значительнаго скотоводства незамѣтно. На всемъ сегодняшнемъ пути мы видѣли только нѣсколько штукъ козъ и рогатаго малорослаго скота. Всѣ немногія береговыя площадки заняты уже поселеніями.

Въ 10¼ ч., послѣ долгаго и труднаго спуска по крутой и каменистой тропинкѣ, переправились чрезъ небольшой потокъ и сдѣлали привалъ надъ селеніемъ Ирса, которое показано на картѣ высоко и далеко отъ рѣки, тогда какъ въ дѣйствительности расположено на берегу Чороха и со своими садами и посѣвами представляетъ очень пріятный для глазъ видъ.

Мы расположились на берегу небольшого, едва сочившагося ручейка, на буркахъ, и закусили съ большимъ аппетитомъ.

Отъ Ирсы тронулись въ 11¼ ч. и начали вновь утомительный подъемъ въ гору. Въ 12 часовъ прошли мимо сел. Омана (на лѣв. берегу) высоко на горѣ. Въ 12½ ч. поднялись наконецъ къ небольшому селенію Синготъ, расположенному на значительной высотѣ, (на 5-ти-вер. картѣ ошибочно показано внизу), гдѣ были встрѣчены представителями Синготскаго общества. М. рекомендовалъ своихъ синготцевъ, какъ первѣйшихъ разбойниковъ. Достаточно, впрочемъ, было взглянуть на физіономіи гг. представителей, чтобы догадаться о ихъ спеціальности. Въ 1 ч. пополудни, на свѣжихъ лошадяхъ, продолжали путь. Очень крутая тропа вела насъ все вверхъ, и вскорѣ мы замѣтили на высотѣ турецкое шоссе, на которое и выѣхали чрезъ нѣсколько минутъ. Шоссе это еще не окончено, но самыя важныя работы уже исполнены: построены чрезъ всѣ боковыя

балки прекрасные каменные мосты, на крутыхъ мѣстахъ, гдѣ дорога огибаетъ скалы, сдѣланы для поддержанія ея каменныя стѣнки. Остается только очистить шоссе отъ наваленныхъ на него мѣстами камней, засыпать землею мосты и подпорныя стѣнки, и тогда мы будемъ имѣть прекрасную, солидно построенную и искусно веденную дорогу. Шоссе идетъ на очень значительной высотѣ, до 2,000 футовъ, по известковой породѣ, мѣстами окрашенной, вѣроятно мѣдными окислами, въ свѣтло-зеленый цвѣтъ. На 5-в. картѣ это шоссе показано начинающимся только отъ Чарбіета. Лѣса здѣсь уже нѣтъ. Онъ какъ будто вырубленъ, судя по пнямъ, и мѣсто его занято мелкимъ кустарникомъ.

Отъ Синготa путь нашъ, лежавшій до-сихъ-поръ на югъ, принялъ болѣе восточное направленіе и, при поворотѣ, показалось довольно широкое ущелье, впадающее въ Чорохъ съ лѣвой стороны. По этому ущелью сбѣгаетъ въ Чорохъ рѣчка Хатыла-су, и на устьѣ ея видѣнъ мостъ въ одну арку. Надъ шоссе мы видѣли остатки какого-то строенія, сложеннаго изъ неотесанныхъ камней, но были-ли это остатки казармъ для работавшихъ на дорогѣ или что-либо другое, болѣе древнее и интересное, намъ никто не могъ объяснить.

На 5-в. картѣ, между сел. Ирса и Синготомъ, показаны развалины башни. Мы ихъ не замѣтили. Быть можетъ, это и есть то самое строеніе, о которомъ упомянуто выше. На картѣ, какъ кажется, пункты эти еще нанесены по указаніямъ Коха, который дѣйствительно говоритъ про какую-то развалину въ этомъ мѣстѣ, но такъ-какъ онъ ѣхалъ лѣвымъ берегомъ Чороха, то и могъ ошибиться при нанесеніи развалинъ на карту.

Наконецъ, сквозь легкій туманъ или мглу, застилавшую воздухъ на подобіе легкой и прозрачной дымки, раскинулся передъ нами на скатѣ противоположнаго берега городъ Артвинъ. Подробностей различить было нельзя, и только минареты мечетей вырѣзывались на сѣроватомъ фонѣ. Откуда-то долетали до насъ звуки сигнальнаго рожка—вѣроятно, на ученьи стоящаго въ городѣ пластунскаго бата-

ліона. Чорохъ виднѣлся внизу, въ своей трещинѣ, въ видѣ узкой и темной ленты. Кругомъ по окрестнымъ горамъ, на значительной высотѣ, вились тропы, уходя въ неизвѣстную даль.

Хотя высшая точка Артвина, какъ намъ было извѣстно изъ описанія г. Казбека, лежитъ на высотѣ 1,768 ф. н. у. м., но городъ находился *подъ нами* и это обстоятельство можетъ служить какъ для приблизительной оцѣнки той высоты, на которой проведено турецкое шоссе, такъ и для уразумѣнія того пути, который намъ предстояло еще совершить, несмотря на близость города: намъ предстояло спуститься съ высоты до 2,000 ф. къ мосту чрезъ Чорохъ (280 ф. н. у. м.) и оттуда опять подняться на высоту въ 1,500 слишкомъ футовъ.

Въ 2¼ ч. мы покинули шоссе и для сокращенія пути начали спускаться по крутой тропѣ, усыпанной въ началѣ спуска какъ-бы толченымъ мѣломъ. Сидѣть верхомъ было затруднительно, и мы вели лошадей въ поводу. Вскорѣ бѣлая порода, а вмѣстѣ съ нею и лѣсъ кончились. Далѣе уже настоящей тропы не было, а только какіе-то намеки на тропы, или скорѣе промоины въ каменистомъ грунтѣ, очень крутыя и потому очень утомительныя. Общество, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, разрознилось. Каждый выбиралъ тропку по своему вкусу и ногамъ. Внизу, подъ нами, около моста у кофейни, виднѣлась въ бинокль цѣлая группа людей въ черныхъ одеждахъ и красныхъ фескахъ. Это были представители городского общества.

Наконецъ благополучно спустились внизъ. Было 3½ часа. Красноголовая группа засуетилась, выстроилась въ рядъ; началось, весьма кстати, угощеніе кофеемъ и представленіе горожанъ.

Затѣмъ сѣли опять на коней и въ сопровожденіи всѣхъ горожанъ, также верхами, переправившись чрезъ изящный мостъ въ одну арку, смѣло перекинутую чрезъ рѣку, начали подъемъ въ городъ.

Польза слѣдовавшей за нами свиты изъ артвинцевъ сказалась на первомъ-же шагѣ. Я увѣренъ, что наши лошади, утомленныя долгимъ и труднымъ путемъ, скоро отказались-бы тащить насъ въ гору, если-бы присущее лошадямъ свойство горячиться въ компаніи, а затѣмъ и необходимость соблюсти достоинство предъ артвинскими лошадьми и лошаками не побуждали ихъ идти въ гору съ легкостью и быстротою, какихъ трудно было отъ нихъ ожидать послѣ сдѣланнаго уже пути. Подъемъ былъ дѣйствительно и долгій, и крутой, но наши кони одолѣли его съ честью въ какія-нибудь 30—40 минутъ.

Городъ Артвинъ расположенъ чрезвычайно оригинально. Онъ начинается почти у самаго моста, на высотѣ 275 ф. н. у. м., нѣсколькими домиками и масличными рощицами, а затѣмъ тянется вверхъ по крутизнѣ лѣваго берега и, чѣмъ выше, тѣмъ строенія построены гуще. Внизу находятся сады и масличныя насажденія, расположенныя на террасахъ, подкрѣпленныхъ каменными стѣнками, чтобы не сползала земля. Миновавъ ихъ и проѣхавъ мимо турецкаго госпиталя, нынѣ занятаго нашими больными, мы вступили, такъ-сказать, въ сердце Артвина, т. е. на базаръ и, проѣхавъ по нѣсколькимъ кривымъ и крутымъ уличкамъ, выѣхали къ мечети, выше которой находился домъ окружного начальника—цѣль нашего странствованія. Со всѣхъ балконовъ, изъ всѣхъ оконъ, щелей и изъ-за заборовъ смотрѣли на насъ съ любопытствомъ черные глаза прекрасныхъ обитательницъ Артвина. Иногда намъ удавалось видѣть и всю голову, убранную золотыми монетами. Осталось только неразъясненнымъ, всегда-ли артвинянки носятъ эти драгоцѣнныя украшенія, или-же онѣ нарядились только изъ любезности, для того, чтобы усладить взоры русскихъ созерцаніемъ монетъ, которыя имъ въ своемъ отечествѣ приходится видѣть только въ нумизматическихъ кабинетахъ и подъ стекломъ, у мѣнялъ. Артвинскія улицы вымощены крупными камнями, но по узости и крутизнѣ никакое экипажное сообщеніе положительно не мыслимо; даже и аробъ,—этихъ экипажей, для которыхъ, повидимому, нѣтъ невозможнаго,—что-то не видно въ Артвинѣ. За то въ большомъ ходу катеры, которые, какъ говорятъ, цѣнятся очень дорого.

Въ $4^{1}/_{4}$ ч. мы вступили наконецъ подъ гостепріимный кровъ М. П. М. Вскорѣ сѣли за столъ и за всѣ понесенные въ пути труды были угощены такимъ обѣдомъ и такими винами, портеромъ и элемъ, что воображали себя сидящими въ какомъ-нибудь отелѣ въ Вѣнѣ, если не въ самомъ Парижѣ. Нашъ гостепріимный хозяинъ и по части управленія кухнею показалъ себя способнымъ, тонкимъ и знающимъ свое дѣло администраторомъ.

Вечеромъ собралось опять артвинское городское общество, и мы провели нѣсколько часовъ въ бесѣдѣ съ представителями, въ числѣ которыхъ были и священники двухъ господствующихъ исповѣданій: армяно-католическаго и армяно-григоріанскаго. Вотъ нѣкоторыя изъ свѣдѣній, добытыхъ изъ этой бесѣды. Они, конечно, относятся до города.

Большинство городского населенія составляютъ армяно-католики. Ихъ насчитываютъ, по словамъ М., до 800 дымовъ, по словамъ другихъ до 600, но М. стоитъ за большую вѣрность его цифры. Затѣмъ, по большинству дымовъ, слѣдуютъ мусульмане—до 500 дымовъ и, наконецъ, армяно-григоріане—около 100 дымовъ. Въ числѣ представлявшихся горожанъ мусульманъ не было, и духовенства ихъ мы также не видѣли. Артвинскіе армяне носятъ всѣ европейское платье и феску. Архалуковъ и чухи не было видно. Всѣ безъ исключенія, конечно, говорятъ по-турецки и настолько отуречились въ своихъ привычкахъ, что и привѣтствуютъ при встрѣчѣ по мусульманскому обряду. Сообразно числу жителей по вѣроисповѣданіямъ, въ городѣ имѣются 3 католическія церкви, 4 мечети (изъ нихъ одна джума) и 1 армяно-григоріанская. Григоріане подчинялись при туркахъ Трапезундскому епископу, армяно-католики имѣли своего епископа (при насъ онъ былъ въ отсутствіи), въ вѣдѣніи котораго находились также Ардаганъ, Ольты, Батумъ, армянскія селенія въ Шавшетѣ и пр. Епископъ этотъ подчинялся патріарху въ Константинополѣ, Гассуну, который, послѣ смерти Киликійскаго патріарха, соединилъ въ своихъ рукахъ власть надъ всѣми армяно-католиками Турецкой

имперіи. Армяно-католическое духовенство, какъ мы имѣли случай лично удостовѣриться, не брѣетъ бороды.

Право звонить въ колокола было, какъ и въ Батумѣ, обложено особою пошлиной.

Своего историческаго прошлаго артвинскіе армяне совсѣмъ не знаютъ. Они могли только сказать намъ, что происходятъ изъ древняго города Ани, величественныя развалины котораго и теперь стоятъ на берегу Арпачая, потомъ поселились на Мургулисъ-цкали и затѣмъ перешли въ Артвинъ. Когда это было, гдѣ именно они жили на Мургулисъ-цкали, что они тамъ дѣлали и по какой причинѣ ушли—никто не могъ объяснить.

Артвинскіе армяне ведутъ значительную внѣшнюю торговлю. Они вывозили изъ-за-границы и изъ Константинополя разнаго рода иностранный товаръ, доставляли его изъ Батума въ Артвинъ на каюкахъ и отправляли далѣе, уже вьюками, въ Ардаганъ, Карсъ и другія мѣста. По этому поводу они жаловались, что, съ открытіемъ въ Батумѣ порто-франко, наше таможенное вѣдомство потребовало съ нихъ пошлину за нѣсколько сотъ тюковъ, находившихся въ Батумѣ. Они находили это требованіе несправедливымъ, такъ-какъ выписали товаръ еще тогда, когда Батумъ находился въ турецкой власти, и за всѣ эти тюки уже уплатили таможенную пошлину въ Константинополѣ, въ чемъ имѣютъ и квитанціи. Тогда таможни въ Батумѣ не было, такъ-какъ всѣ суда, приходившія въ Константинополь, осматривались тамъ, товары очищались пошлиною, и затѣмъ ввозъ въ Батумъ былъ совершенно свободенъ.

Изъ Ардагана они вывозили хлѣбъ и сплавляли его въ Батумъ, внизъ по Чороху.

Какъ торговый народъ, армяне жаловались на трудность сообщеній и выражали живѣйшее желаніе, чтобы была проведена колесная дорога изъ города на соединеніе съ турецкимъ шоссе. Нельзя не замѣтить по этому поводу, что едва-ли было-бы справедливо строить эту дорогу на счетъ государства: Артвинъ самъ по себѣ не имѣетъ и никогда не можетъ имѣть ровно никакого торговаго значенія, и по-

тому проведеніе дороги *собственно* изъ города должно быть вполнѣ отнесено на его средства. Но за то было-бы вполнѣ необходимо устройство колеснаго спуска отъ турецкаго шоссе къ артвинскому мосту, у котораго находится каючная пристань. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что даже съ окончательнымъ устройствомъ шоссе отъ Карса до Батума движеніе товаровъ на каюкахъ внизъ по Чороху не только не прекратится, а, напротивъ, увеличится въ значительныхъ размѣрахъ, и, слѣдовательно, проведеніе удобнаго спуска къ рѣкѣ является дѣломъ вполнѣ необходимымъ и важнымъ для увеличенія торговаго движенія. Какъ-бы ни было хорошо шоссе, доставка такого товара какъ пшеница, ячмень и т. п. будетъ обходиться всегда дешевле и совершаться удобнѣе на каюкахъ, чѣмъ на повозкахъ. Говорятъ, что Карсская область можетъ давать для вывоза весьма значительное количество хлѣба. Если хотятъ воспользоваться этимъ продуктомъ для вывоза вполнѣ, то дорога къ пристани необходима, такъ-какъ доставка по Чороху представляетъ весьма значительный выигрышъ во времени и въ стоимости доставки.

Самъ Артвинъ, въ особенности лежащій недалеко отъ него Тольгомъ, и нѣкоторыя другія селенія производятъ въ довольно значительномъ количествѣ маслины и различные фрукты Видѣнные нами въ Артвинѣ айва и гранаты имѣли весьма почтенные размѣры.

Собственно въ Артвинѣ масличныхъ садовъ немного. Всѣ городскіе жители-армяне, занимающіеся этимъ дѣломъ, имѣютъ свои сады въ собственность или въ арендѣ въ Тольгомѣ и др. окрестныхъ селеніяхъ. Существуетъ мнѣніе, что масличное дерево растетъ очень медленно и даетъ плоды только на тридцатомъ (?) году. Между тѣмъ здѣсь насъ увѣряли, что оно разводится черенками и даетъ плоды уже на третій годъ послѣ посадки. Маслины собираются въ октябрѣ мѣсяцѣ. Одно дерево даетъ ихъ отъ 2 до 3 пудовъ и пудъ стоитъ 2 руб. 40 коп. Послѣ сбора маслины вымачиваются, затѣмъ набиваются въ бурдюки и на вьюкахъ отправляются въ Ахалцихъ и Тифлисъ, гдѣ уже и

производится соленіе ихъ. Вѣроятно, отъ дурного способа перевозки зависитъ то обстоятельство, что артвинскія маслины по качеству и вкусу стоятъ ниже привозимыхъ изъ Греціи. Надо надѣяться, что съ проложеніемъ дорогъ улучшатся и способы перевозки и выдѣлки. Артвинъ съ окрестностями производитъ маслинъ до 30 т. пудовъ въ годъ. Болѣе Артвинъ ничего замѣчательнаго не производитъ. Намъ разсказывали, что до ввода русскихъ войскъ въ Артвинѣ не было вовсе духановъ съ продажею питей, теперь-же ихъ имѣется до десяти. Мѣстные жители гонятъ водку изъ туты, прочіе напитки получаются изъ Константинополя. Самый городъ здѣсь не описывается, такъ-какъ мы видѣли его только проѣзжая чрезъ него. Изъ разговоровъ съ мѣстными жителями узнали, что городъ имѣетъ общественныя пастбища и лѣсъ. Городской доходъ составляется изъ платы за взвѣшиваніе на городскихъ вѣсахъ и пошлины за убой скота. Городъ имѣетъ до 6 т. руб. капитала, и общество изъявило готовность употребить его, при нѣкоторомъ пособіи отъ казны, на проведеніе въ городъ воды изъ мѣстности, лежащей въ 5 часахъ разстоянія.

Вечеромъ армяне нанесли разныхъ, какъ здѣсь говорятъ, антиковъ, т. е. древнихъ монетъ, въ числѣ которыхъ не малую роль игралъ грошъ временъ императрицы Елисаветы Петровны. Хотя армяне оказались круглыми невѣждами въ нумизматикѣ, но за то обнаружили большія познанія въ цѣнности современныхъ денегъ: они спрашивали за все ни съ чѣмъ несообразныя цѣны. Одинъ изъ нихъ показывалъ какую-то небольшую золотую монету и увѣрялъ, что въ Стамбулѣ ему давали за нее 50 золотыхъ. Въ числѣ монетъ было нѣсколько византійскихъ и киликійскихъ армянскихъ.

Завтра утромъ предполагаемъ пуститься обратно въ Батумъ, но уже не верхами, а по Чороху на каюкѣ.

7 ноября. Поднялись сегодня въ $4^1/_2$ часа. Было еще совершенно темно. Городъ спалъ, и только громкій голосъ муэззина призывалъ правовѣрныхъ на молитву. Напившись чаю, пѣшкомъ спустились къ рѣкѣ. Вчера было немного

туманно, и мы ожидали на сегодня дурной погоды, но ошиблись: утро свѣжее и ясное. Спустившись внизъ, переправились черезъ мостъ и думали уже было сѣсть въ каюкъ, но оказалось, что забыли взять съ собою сѣдла. Пришлось послать за ними на верхъ нарочнаго. Эта задержка дала намъ случай напиться въ кофейнѣ турецкаго кофе, а мнѣ, кромѣ того, набросать рисунокъ артвинскаго моста. Онъ переброшенъ чрезъ Чорохъ одною аркою, со скалы на скалу. Сложенъ изъ грубо-отесаныхъ камней и вымощенъ плитнякомъ. Ширина его разсчитана только на пѣшихъ и верховыхъ. Средняя часть его имѣетъ деревянныя перила. Съ городской стороны у начала моста стоитъ развалина небольшой башни. Мы, конечно, въ качествѣ любознательныхъ путешественниковъ, поинтересовались узнать у мѣстныхъ жителей, когда выстроенъ мостъ. Армяне отвѣчали намъ на это какою-то нелѣпою сказкою о томъ, что лѣтъ 600 тому назадъ и артвинскій замокъ и мостъ найдены въ травѣ (заросшіе травою?). Ниже моста лѣвый берегъ Чороха образуетъ отвѣсная скала очень значительной высоты, на которой находятся развалины Артвинской крѣпости: она состоитъ изъ 4-угольной стѣны и такой-же башни на одномъ изъ угловъ, обращенныхъ къ рѣкѣ. Скала съ крѣпостью лежитъ подъ городомъ и соединяется съ нимъ узкимъ гребнемъ въ родѣ перешейка.

Надо отдать полную справедливость строителю замка за выборъ позиціи: при тогдашнихъ средствахъ нападенія она была рѣшительно неприступна. Вмѣстѣ съ тѣмъ она командовала рѣкою, и сидѣвшіе въ башнѣ имѣли возможность забросать камнями всякаго, рѣшавшагося проплыть на каюкѣ подъ крѣпостною скалою. Долину Чороха около Артвина, говоритъ бывшій англійскій консулъ въ Трапезундѣ Пальгрэвъ, можно почти назвать рвомъ (trench). Этимъ выраженіемъ англійскій авторъ намекаетъ на ея глубину и отвѣсность береговъ.

Ровно въ 8 часовъ тронулись въ путь. Насъ было на каюкѣ шесть человѣкъ, не считая трехъ человѣкъ гребцовъ. Каюкъ представляетъ собою плоскодонное, чрезвычайно мелко сидящее судно, длиною до 2 саженъ. Носъ и корма одинаково остроконечны и по конструкціи ничѣмъ не различаются. Каюки дѣлаются изъ каштановаго дерева, и постройкою ихъ занимаются жители сел. Мара-диди. Одинъ каюкъ можетъ поднять до 100 пуд. клади, и фрахтъ отъ Артвина до Батума стоитъ, смотря по количеству груза, отъ 10 до 15 руб. Мы за свой каюкъ заплатили, впрочемъ, 12 руб. Пассажиры располагаются сидя или лежа на днѣ каюка, такъ-какъ онъ довольно неустойчивъ. Для управленія каюкомъ, идущимъ внизъ по рѣкѣ, требуется четыре человѣка. Трое сидятъ на носу, каждый съ короткимъ весломъ, которыя держатся на деревянныхъ кольяхъ, замѣняющихъ уключины, лыковыми кольцами. Эти весла назначены, впрочемъ, не столько для ускоренія движенія каюка, сколько для держанія его въ надлежащемъ направленіи, такъ-какъ иначе вода поставила-бы его поперекъ своего теченія. Особое значеніе гребля веслами имѣетъ въ тѣснинахъ, на быстринахъ или на перекатахъ, гдѣ рѣка дѣлаетъ крутые повороты; каюкъ несется прямо на выдающуюся скалу, о которую ударяетъ теченіе; ловкій рулевой, на извѣстномъ разстояніи отъ скалы, дѣлаетъ быстрый поворотъ рулемъ, гребцы усиленно налегаютъ на весла, и каюкъ несется по теченію, едва не касаясь кормою скалы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, впрочемъ, эти маневры оказываются недостаточными. Теченіе такъ стремительно, и поворотъ, дѣлаемый имъ, такъ крутъ, что каюкъ неминуемо ударился-бы о скалу, если-бы гребцы не отталкивались отъ нея шестами, которые лежатъ у нихъ наготовѣ вдоль борта.

Рулевой стоитъ на кормѣ, держа въ каждой рукѣ по веслу, которыя или служатъ для держанія каюка въ надлежащемъ положеніи, или для поворотовъ. Въ послѣднемъ случаѣ два весла даютъ возможность совершать повороты болѣе быстро, чѣмъ если-бы было только одно весло: однимъ рулевой гребетъ впередъ, а другимъ табанитъ. Управленіе каюкомъ на такой быстрой и извилистой рѣкѣ требуетъ большой сноровки. Попадаются иногда такія

мѣста, что рѣшительно сомнѣваешься въ возможности пройти чрезъ нихъ, не разбившись. Но, благодаря сноровкѣ, смѣлости и вѣрности взгляда рулевого, такія стремнины минуются вполнѣ благополучно. Говорятъ, что несчастія случаются необыкновенно рѣдко.

Иногда на рулѣ стоитъ самъ хозяинъ, иногда-же наемный, какъ и гребцы. Всѣ они получаютъ одинаковое содержаніе, и все преимущество кормчаго заключается въ томъ, что на ночлегѣ онъ не занимается приготовленіемъ пищи: это обязанность гребцовъ.

Пассажиры, ѣдущіе въ Батумъ, рѣдко совершаютъ весь путь по Чороху, т. е. выходятъ въ море, такъ-какъ этотъ путь дальній, и въ морѣ каюкъ не всегда можетъ держаться. Они высаживаются около урочища Копанъ-диби, ниже сел. Эльга, откуда до Батума остается всего около 10 в. разстоянія. Путь этотъ каюкъ совершаетъ въ малую воду, какъ теперь, въ 7 часовъ. Нашъ каюкчи, родомъ изъ Борчхи, увѣрялъ, что въ половодье, т. е. въ апрѣлѣ и маѣ, онъ совершаетъ этотъ-же путь всего-на-всего въ $1^1/_2$ часа. Какъ ни велика эта быстрота, но нѣтъ причины не вѣрить ему. Въ большую-же воду каюки ходятъ также и отъ Имерхевскаго моста до Артвина; выше Имерхевскаго моста каючнаго сообщенія не бываетъ. Въ наше плаваніе вода стояла на низшемъ уровнѣ, и тѣмъ не менѣе только въ двухъ мѣстахъ, на перекатахъ, каюкъ нашъ задѣвалъ дно.

Плаваніе внизъ по Чороху доставляетъ истинное удовольствіе: будто глядишь на быстро движущуюся предъ глазами разнообразную и красивую панораму. Каюкъ то несется съ быстротою стрѣлы черезъ перекаты или пороги, такъ что кажется, будто скатываешься на санкахъ съ ледяной горы, то медленно идетъ по разливамъ рѣки. За то обратное плаваніе вверхъ по теченію чрезвычайно утомительно. Оно продолжается, смотря по количеству воды въ рѣкѣ и величинѣ груза, 4—5 дней; въ половодье-же прекращается совсѣмъ, такъ-какъ человѣческая сила въ это время не въ состояніи преодолѣть силу теченія. Трудъ

каючниковъ, при плаваніи вверхъ, по истинѣ каторжный трудъ: двое-трое людей, босикомъ, по колѣна въ водѣ, тянутъ каюкъ лямкою, другіе двое или одинъ упираютъ въ каюкъ длинные шесты, чтобы не дать ему возможности выскочить на берегъ. Мы встрѣтили много такихъ обратныхъ каюковъ, и люди живо напоминали намъ бурлаковъ, недоставало только унылой бурлацкой пѣсни.

Замерзаетъ Чорохъ чрезвычайно рѣдко, и только мѣстами, гдѣ теченіе болѣе тихо и покойно.

Итакъ, мы тронулись въ 8 часовъ. Погода была ясная, солнечная, но холодный попутный вѣтеръ заставлялъ кутаться въ бурку. Ущелье Чороха представляло скалистую и глубокую щель, въ которой рѣка неслась съ большой быстротой.

Въ 8 ч. 35 м. прошли мимо ущелья Хатыла-су. Ниже его намъ показали въ складкѣ лѣваго берега широкое отверстіе—входъ въ пещеру. Насъ увѣряли, что надъ этимъ входомъ есть надпись, въ которой упоминается о царицѣ Тамарѣ. Мы не выходили на берегъ для осмотра пещеры, такъ-какъ она казалась недоступною по крутизнѣ подъема.

Въ 8 ч. 55 м. миновали высоко-лежащій Синготъ. Между нимъ и Артвиномъ находится самое опасное мѣсто для каюковъ. Тѣснина дѣлаетъ прямой уголъ, и быстрота теченія, ударяющагося въ скалу лѣваго берега, такъ велика, что соединенныхъ усилій рулевого и веселъ недостаточно для направленія каюка: приходится отталкиваться отъ скалы шестомъ.

Въ 9 ч. 10 м. прошли мимо сел. Омана (на лѣвомъ берегу), внизу, съ масличными рощами. Между Омана и Хатыла-су, на лѣвомъ-же берегу, находится сел. Урдзула.

Въ 9 ч. 15 м. миновали сел. Ирса, расположенное у самой рѣки. Надъ этимъ селеніемъ мы отдыхали по пути въ Артвинъ.

Въ 9 ч. 50 м. прошли сел. Авана (на картѣ нѣтъ), на высотѣ лѣваго берега. Противъ него, на правомъ берегу, на высотѣ-же, сел. *Адагюль* (на картѣ нѣтъ), между Ахалъ-даба и Нигаія.

Въ 10 ч. 10 м. миновали сел. Орджа, на лѣвомъ берегу, у самой рѣки. Селеніе это выдается въ рѣку какимъ-то полукругомъ, очень красивымъ, съ садами. Еще слѣдуя въ Артвинъ, мы любовались на него съ высотъ праваго берега.

Въ 10 ч. 37 м. пристали около устья р. Мургулисъ-цкали. Здѣсь стоитъ часть дружины на посту, такъ-какъ вверхъ по Мургулисъ-цкали идетъ дорога въ Лазистанъ, и часть дружины назначена для занятія постовъ на пограничномъ хребтѣ.

Ущелье Мургулисъ-цкали, при устьѣ, довольно широко. Въ разстояніи около одной версты выше устья находятся на Мургулисъ-цкали остатки каменнаго моста, отъ котораго сохранилась одна арка, перекинутая съ лѣваго берега на скалу, и два устоя на берегу. Судя по остаткамъ мостовъ на Мургулисъ-цкали и Хатыла-су, надо полагать, что прежде существовала по лѣвому берегу Чороха дорога, и что движеніе по этой дорогѣ было довольно оживленное, если явилась потребность въ устройствѣ мостовъ. На лѣвомъ берегу, между Артвиномъ и Мургулисъ-цкали, были даже замѣтны въ одномъ мѣстѣ остатки стѣнки, поддерживавшей дорогу на крутомъ склонѣ скалы. Время постройки мостовъ и упомянутой стѣнки мнѣ, къ сожалѣнію, неизвѣстно, но, судя по тому, что всѣ мосты представляютъ одинаковую конструкцію съ артвинскимъ, этотъ-же послѣдній построенъ, по преданію, очень давно,—надо полагать, что дорожныя сооруженія, видѣнныя нами, насчитываютъ себѣ изрядное число лѣтъ и должны быть отнесены къ тому времени, когда въ бассейнѣ Чороха еще господствовали порядокъ и безопасность, слѣдовательно, до турецкаго господства.

Въ настоящее время лѣвымъ берегомъ хотя и идетъ тропа, но она, какъ намъ говорили, еще въ худшемъ видѣ, чѣмъ по правому берегу.

При устьѣ Мургулисъ-цкали мы осмотрѣли лѣсопильный заводъ въ два станка, приводимый въ дѣйствіе водою, отведенною изъ Мургулисъ-цкали. Заводъ работалъ доски

для постройки бараковъ подъ помѣщеніе дружины. Хозяинъ завода жаловался, что по случаю недостатка лѣса будетъ вынужденъ въ скоромъ времени прекратить дѣйствіе своего заведенія. Дружинники, конечно, угостили насъ опять закускою и опять порывались повторить борчхинское пиршество, но на этотъ разъ странствующіе улиссы были опытнѣе и не поддались вполнѣ сладкогласному пѣнію мургульскихъ сиренъ. Въ полдень пиршество было уже кончено, и въ 12 ч. 10 м. каюкъ нашъ вновь поднялъ свой якорь. Гостепріимные дружинники убрали нашъ каюкъ вдоль бортовъ зелеными деревьями, на которыхъ были привязаны виноградъ, груши и яблоки, сами-же плыли слѣдомъ на другомъ каюкѣ, оглашая берега Чороха давно неслыханными здѣсь звуками гурійскихъ напѣвовъ. Картина, надо сказать правду, была очень оригинальная и красивая.

Черезъ 10 минутъ прошли мимо селенія Цитлоэти *) (лѣвый берегъ, внизу); непосредственно за нимъ показались развалины башни, описанной уже выше, затѣмъ Борчхисъ-цихе и наконецъ сама Борчха. Лагеря баталіона Владикавказскаго полка уже не было въ Борчхѣ: вчера они ушли на новую стоянку, въ селеніе Хеба. Простившись здѣсь съ любезными дружинниками и принявъ Ахмеда-эфенди, ожидавшаго насъ на берегу, мы тронулись изъ Борчхи въ 12 ч. 40 м.

Въ 1 ч. 15 м. миновали устье Каласкурисъ-цкали.

Мѣстность, слѣдующая за нимъ, была для насъ новою, такъ-какъ по пути въ Артвинъ мы проходили здѣсь ночью. Въ 1 ч. 35 м. миновали домъ Мустафы-оглы, въ которомъ ночевали, когда слѣдовали въ Артвинъ. Непосредственно ниже этого дома, въ полугорѣ, находится сел. Зедубани, а еще ниже сел. Хеба, которое два дня тому назадъ тщетно искали.

Въ 1 ч. 55 м. имѣли съ лѣвой стороны широкое ущелье р. Катапхія, при устьѣ котораго на лѣвомъ берегу находится селеніе. Выше Катапхія, съ правой стороны, Ах-

*) Оно-же Тцитурети, на картѣ Камурени.

медъ-эфенди назвалъ еще селеніе Кинцхурети. Въ 2 ч. 8 м. пристали на нѣсколько минутъ около сел. Хеба, лежащаго при устьѣ широкаго ущелья. Здѣсь имѣется каючная пристань, около которой была порядчная толкотня и шумъ, такъ-какъ выгружали вещи баталіона Владикавказскаго полка.

Выше уже было замѣчено, что сел. Хеба находится не на лѣвомъ берегу Чороха, какъ показано на 5-в. картѣ, а на правомъ и расположено у самой рѣки. Непонятно, какъ могли мы миновать его, не замѣтивъ, слѣдуя въ Артвинъ. Вѣроятно, тотъ обходъ, который по случаю дурной дороги насъ заставили сдѣлать въ глубину боковаго ущелья, лишилъ насъ тогда удовольствія воспользоваться гостепріимствомъ хебцевъ. Ахмедъ-эфенди утверждаетъ, что селенія Гебри-мери, показаннаго на картѣ противъ Катапхіи, не существуетъ, что это и должно быть Хеба или Хеби-мери (мери -равнина), такъ-какъ селеніе это дѣйствительно лежитъ приблизительно противъ Катапхіи. Ниже Хеба, не доѣзжая Мара-диди, находится съ правой стороны сел. Оглаури.

Въ 3½ ч. мы прошли устье Аджарисъ-цкали. Въ 4 часа миновали, съ лѣвой стороны, сел. Симориси (на картѣ), а по словамъ Ахмеда-эфенди Симонети, затѣмъ прошли сел. Эльга и въ 4 ч. 20 м. пристали къ берегу около ур. Копанъ-диби, гдѣ, по предварительному распоряженію, должны были ожидать насъ лошади.

Мѣстность Копанъ-диби находится какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончаются высоты праваго берега, и Чорохъ выходитъ на плоскость. Мы застали здѣсь нѣсколько каюковъ, а на берегу были наложены кучами кукуруза и глиняные горшки. Оказалось, что здѣсь производится мѣновая торговля: борчхинцы доставляютъ сюда свои глиняныя издѣлія и мѣняютъ ихъ на кукурузу изъ нижнихъ селеній.

Солнце уже закатилось, когда мы сѣли на коней. Холодный вѣтеръ, дувшій весь день изъ ущелья, усилился. Облачное небо затянулось сплошною темною пеленою, и начался дождь. Сдѣлалось совершенно темно, и мы длинною

цѣпью растянулись по дорогѣ, стараясь не потерять изъ вида другъ друга. Шакалы усердно работали на турецкомъ кладбищѣ, оглашая воздухъ своимъ отвратительнымъ воемъ. Наконецъ, показались батумскіе огни, и въ 6½ часовъ мы окончили свое путешествіе.

Разстояніе отъ Артвина до Копанъ-диби, считая по водѣ, равняется по картѣ приблизительно 42 верстамъ. Наше плаваніе, не считая остановокъ, продолжалось 6 часовъ. Слѣдовательно, если разстояніе на картѣ показано вѣрно, каюкъ въ малую воду дѣлаетъ въ часъ до 7 верстъ среднимъ счетомъ.

Закавказскій походъ графа Тотлебена въ 1769—1771 гг. *).

I.

Имеретинскій царь Соломонъ проситъ у Россіи помощи противъ турокъ. Императрица Екатерина рѣшается послать въ Имеретію вспомогательный корпусъ. Привлеченіе кахетинскаго и карталинскаго царя Ираклія къ войнѣ съ Турціей. Графъ Тотлебенъ. Военно-грузинская дорога. Русскій корпусъ переходитъ чрезъ Кавказскія горы. Отступленіе его отъ крѣпости Шорапани и возвращеніе въ Карталинію.

Условія бѣлградскаго мира, закончившаго турецкую войну въ царствованіе Анны Іоанновны 7-го сентября 1739 года, далеко не соотвѣтствовали успѣхамъ русскаго оружія. Причиною тому, какъ извѣстно, была Австрія, которая, потерпѣвъ отъ турокъ нѣсколько пораженій, поспѣшила безъ согласія Россіи и отдѣльно отъ нея подписать унизительныя мирныя условія. Лишившись неожиданно союзника, правительство наше не могло уже извлечь изъ своихъ побѣдъ всѣхъ тѣхъ выгодъ, на которыя имѣло право разсчитывать.

*) Очеркъ этотъ составленъ, главнымъ образомъ, по документамъ, изданнымъ профессоромъ А. А. Цагарели въ сборникѣ „Грамоты и другіе историческіе документы XVIII столѣтія, относящіеся къ Грузіи". Томъ I, съ 1768 по 1774 годъ. С.-Петербургъ 1891. Нѣкоторыя свѣдѣнія, не вошедшія въ сборникъ Цагарели, почерпнуты изъ архивныхъ дѣлъ. Наконецъ пособіемъ служили отчасти матеріалы Буткова и другіе печатные источники. Описаніе похода Тотлебена составило V и VI главы „Историческаго очерка кавказскихъ войнъ отъ ихъ начала до присоединенія Грузіи", изданнаго въ Тифлисѣ въ 1899 г. Военно-историческомъ отдѣломъ при штабѣ Кавказскаго военнаго округа, подъ редакціею генералъ-маіора Потто.

Собственно территоріальныя приращенія Россіи заключались только въ пріобрѣтеніи Азова, но подъ условіемъ срытія его укрѣпленій. Окрестности этого города должны были оставаться пустыми до турецкой границы на Кубани и служить барьеромъ между обоими государствами. Шестымъ артикуломъ роль такого же барьера придана и Кабардѣ, которая объявлена свободною. Россіи и Турціи предоставлялось, впрочемъ, по старинному обыкновенію брать изъ Кабарды заложниковъ для обезпеченія тишины, и свободно наказывать кабардинцевъ оружіемъ въ случаѣ ихъ набѣговъ. Постановленіе относительно Кабарды явилось здѣсь впервые въ русско-турецкихъ трактатахъ. Оно устраняло въ будущемъ домогательство крымскихъ хановъ на владѣніе этой областью. Затѣмъ Россія обязалась возвратить Турціи всѣ свои завоеванія: Кинбурнъ, Очаковъ, Хотинъ, Молдавію и проч., купивъ этою цѣною уничтоженіе условій Прутскаго договора 1711 года и признаніе императорскаго титула за россійскими самодержцами.

Послѣ бѣлградскаго мира Россія почти тридцать лѣтъ пользовалась нѣкоторымъ спокойствіемъ на югѣ. Но въ 1768 году Турція, вслѣдствіе происковъ Франціи, неожиданно вмѣшалась въ польскія дѣла и предъявила нашему послу Обрескову требованія, подчиниться которымъ не соотвѣтствовало достоинству Россіи. Споръ долженъ былъ разрѣшиться силою оружія.

Получивъ извѣстіе о войнѣ, императрица Екатерина созвала 12-го ноября 1768 года чрезвычайный совѣтъ, на которомъ, въ числѣ прочихъ мѣръ, было постановлено: отправить въ Морею, къ далматамъ, въ Грузію и ко всѣмъ народамъ нашего закона, живущимъ въ турецкихъ областяхъ, для разглашенія, что Россія принуждена вести войну съ турками „за законъ".

Рѣшимость поднять христіанъ Закавказья противъ турокъ основывалась не на одномъ только предположеніи о готовности ихъ дѣйствовать вмѣстѣ съ единовѣрной Россіей противъ общаго врага. Постановленіе совѣта имѣло въ виду положительныя заявленія и просьбы владѣтеля Имеретіи

объ оказаніи ему помощи въ борьбѣ съ Турціей. Имеретинскій царь Соломонъ I, изнемогая въ борьбѣ съ турками, въ исходѣ 1766 года обратился къ кизлярскому коменданту генералъ-маіору Потапову съ просьбою исходатайствовать ему высочайшее разрѣшеніе на выѣздъ въ Россію съ нѣкоторыми князьями, дворянами и служителями. Домогательство это было, однако, отклонено нашимъ дворомъ, не желавшимъ нарушить добрыя отношенія къ Оттоманской Портѣ. Продолжавшіяся въ Имеретіи внутреннія усобицы и смуты заставили Соломона искать спасенія въ горахъ на границѣ Осетіи. Противники его, владѣтели Мингреліи, Гуріи и Рачи, при помощи турокъ поставили царемъ Имеретіи Теймураза, двоюроднаго брата Соломона. Въ такихъ обстоятельствахъ Соломонъ вновь отправилъ въ іюнѣ 1768 года въ Петербургъ кутаисскаго митрополита (кутатели) Максима для испрошенія помощи противъ турокъ. Посланный находился еще въ пути, когда Соломону удалось захватить Теймураза и присоединить къ своимъ владѣніямъ область мятежнаго рачинскаго эристава Ростома.

Между тѣмъ, вѣсть о посольствѣ митрополита Максима дошла до Петербурга. Тогда всѣ сношенія двора нашего по дѣламъ Кавказа велись чрезъ кизлярскаго коменданта. Просьба царя Соломона пришла какъ разъ въ то время, когда получено было извѣстіе о войнѣ съ Турціей. При другихъ обстоятельствахъ призывъ Соломона не могъ бы, конечно, имѣть иныхъ послѣдствій, кромѣ предложенія искать убѣжища въ Россіи, какъ это уже не разъ бывало съ христіанскими владѣтелями Закавказья. Но на этотъ разъ ходатайство о помощи Имеретіи вполнѣ соотвѣтствовало видамъ нашего правительства.

Въ январѣ 1769 года кизлярскій комендантъ г.-м. Потаповъ отправилъ къ Соломону поручика князя Хвабулова *) съ письмомъ управлявшаго коллегіей иностранныхъ

*) Поручикъ Грузинскаго гусарскаго полка князь Григорій Хвабуловъ происходилъ изъ рода грузинскихъ князей Кобуловыхъ. Хвабуловъ есть искаженіе этого имени.

дѣлъ первенствующаго министра графа Никиты Ивановича Панина отъ 30-го ноября 1768 года. Глубокіе снѣга въ горахъ и другія затрудненія не позволили Хвабулову исполнить порученіе съ надлежащей поспѣшностью. Только 20-го марта 1769 года прибылъ онъ въ грузинскую крѣпость Крцхинвалъ или Цхинвалъ *) и оттуда въ Рачу, гдѣ находился царь Соломонъ.

„Благоволеніе Ея Императорскаго Величества (писалъ Соломону графъ Панинъ) вообще ко всему грузинскому народу, какъ православному и единовѣрному, и особливо къ вашей свѣтлости, какъ поборнику и защитнику христіанства,... всегда было великое, но по нынѣ однако же настояли обстоятельства, препятствующія явному пособствованію. Пока турецкій дворъ хранилъ миръ въ разсужденіи Всероссійской имперіи, ей, какъ знаменитѣйшей въ христіанствѣ державѣ, оставалось нерушимымъ и съ своей стороны содержаніемъ онаго всему свѣту показывать примѣръ, въ какомъ долженствуютъ быть уваженіи свято и торжественно заключенные трактаты... Объявленіе войны..., происшедшее недавно отъ Порты оттоманской безъ всякой причины, но по одной къ христіанству ненависти и обыкновенному ей вѣроломству,... изъемлетъ уже нынѣ изъ среды все то, что дѣлало затрудненіе въ снисхожденіи на домогательства вашей свѣтлости... Такимъ образомъ, настоящая война... почтена можетъ быть для вашего... отечества предзнаменованіемъ отрады избавленія или, лучше сказать, самымъ удобнѣйшимъ къ тому орудіемъ. Неутомленное вашей свѣтлости попеченіе къ огражденію находящагося подъ властію вашею христіанскаго народа, чтобы дѣйствительно цѣль свою достигло, зависитъ отъ новыхъ стремительствъ, употребляемыхъ къ тому вами, но которыя предъ прежними тѣмъ удачнѣе быть уже могутъ, чѣмъ меньше, безъ сомнѣнія, съ турецкой стороны найдетъ сопротивленія. Почти излишно входить во изъясненіе, что

*) Нынѣ мѣстечко въ Горійскомъ уѣздѣ Тифлисской губ., на рѣкѣ Ліахвѣ.

при возгорѣвшей нынѣ... войнѣ вы хотя главнѣйше для пользы вашего отечества трудиться будете, но тѣмъ самымъ окажете услугу всему христіанству и ... моей всемилостивѣйшей Государынѣ, какъ православной монархинѣ, слѣдовательно, теперь не одно, но многія побужденія имѣете. По пріѣздѣ сюда отправленнаго отъ васъ митрополита учинено быть имѣетъ точное постановленіе о военныхъ со стороны вашей дѣйствіяхъ и обще съ нимъ пошлется къ вамъ нарочный офицеръ съ полнымъ наставленіемъ, а при томъ не оставится дать и вспоможеніе, какое по разстоянію мѣста удобнѣе можно будетъ исполнить. Но пока митрополитъ вашъ... прибудетъ и назадъ къ вамъ возвратится требуется время немалое и потому здѣсь я предварительно же могу увѣрить и обнадежить вашу свѣтлость... отъ ... имени моей всемилостивѣйшей Государыни, что когда Господь Богъ благословитъ насъ успѣхами... и тѣмъ дѣла приведены будутъ къ примиренію, тогда ея величество несомнѣнно вашу пользу и интересъ между выгоднѣйшими для Имперіи своей артикулами поставить изволитъ въ самомъ мирномъ трактатѣ. Ваша свѣтлость можетъ теперь стараніе употребить къ собранію большаго числа войска, нежели сколько обыкновенно содержитъ, да и дѣйствительно начать противъ общаго непріятеля дѣйствовать, не допуская его привесть себя въ оборонительное состояніе, а тѣмъ самымъ облегчая и послѣдующія ваши предпріятія... Я уповаю, что ваша свѣтлость и сами по себѣ стараться не преминете грузинскаго и кахетинскаго царя Ираклія, вашего ближняго сосѣда, склонить, чтобы онъ съ вами противъ врага христіанскаго имени общее дѣло составилъ. Онъ не меньше къ тому одолженъ какъ христіанскій владѣтель и народа такого, который равномѣрно вашему находится въ утѣсненіи въ разсужденіи православной вѣры и свободности житія, съ тою только разностію, что ваше владѣніе расхищается отъ турокъ и отъ варваровъ, въ горахъ живущихъ, лезгинцевъ, а его отъ сихъ послѣднихъ, которые плѣнниковъ туркамъ же продаютъ, но, по превозможеніи турокъ, и лезгинцы общими

силами скорѣе усмирены быть могутъ, а вопреки, усиленіе однихъ послужитъ усиленіемъ и для другихъ".

По донесенію князя Хвабулова, царь Соломонъ „съ великимъ пріятствомъ" принялъ письмо графа Панина и съ „великимъ восторгомъ" выслушалъ призывъ къ войнѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ, что самъ собою не можетъ начать военныхъ дѣйствій, такъ какъ не разсчитываетъ на послушаніе подвластныхъ князей и даже опасается, что они будутъ ему препятствовать; если же императрица окажетъ ему помощь войсками, то онъ можетъ набрать въ своихъ владѣніяхъ до 20-ти тыс. воинскихъ людей и надѣется подчинить себѣ многихъ пограничныхъ турецкихъ хановъ. Изъ Рачи князь Хвабуловъ, согласно данной ему инструкціи, отправился въ Грузію для свиданія съ царемъ Ираклiемъ. Въ Тифлисѣ находились въ это время турецкіе посланцы, которые пріѣхали къ Ираклію съ просьбой не принимать участія въ предстоявшей русско-турецкой войнѣ. Было ли это дѣйствительно такъ, или же Ираклій желалъ этимъ извѣстіемъ придать себѣ особенное значеніе въ глазахъ русскаго офицера, но Хвабуловъ былъ задержанъ въ пути и получилъ отъ царя приказаніе переодѣться въ грузинское платье. Затѣмъ его доставили тайно въ Тифлисъ и помѣстили въ предмѣстьи, чтобы не узнали турецкіе посланцы. На другой день вечеромъ состоялось свиданіе съ царемъ.

Ираклій, какъ и царь имеретинскій, выслушалъ съ „великимъ восторгомъ" предложеніе графа Панина, но тоже поставилъ первымъ условіемъ присылку семи и во всякомъ случаѣ не менѣе пяти русскихъ полковъ. Помощь эта, говорилъ Ираклій „нужна больше и для того, что самымъ вступленіемъ русскихъ войскъ въ Грузію нанесется страхъ не только въ турецкой и персидской сторонахъ, но и во всѣхъ тамошнихъ околичностяхъ, и всѣ почувствуя, что онъ, царь Ираклій, принятъ въ высочайшее покровительство, содрогнутся". Содержаніе рускаго вспомогательнаго отряда Ираклій обязывался принять на свой счетъ. Затѣмъ онъ просилъ, чтобы при заключеніи мира съ Турціей грузин-

ское царство было упомянуто въ трактатѣ состоящимъ подъ покровительствомъ Россіи. Третье желаніе царя состояло въ полученіи видимаго для всѣхъ знака монаршей милости. При исполненіи этихъ условій Ираклій обѣщалъ набрать изъ своихъ подвластныхъ и изъ лезгинъ всего до 50-ти тыс. человѣкъ и завоевать всѣ турецкіе города, „даже до самаго Царя-града“.

Въ маѣ 1769 года Ираклій имѣлъ совѣщаніе съ прибывшимъ въ Тифлисъ царемъ Соломономъ. Они постановили отправить въ Петербургъ, для окончательныхъ переговоровъ, князя Артемія Андроникова и князя Давида Квенихидзе. Оставалось еще условиться на счетъ дороги, по которой русскія войска могли бы пройти въ Закавказье. Для обсужденія этого вопроса цари съѣхались еще разъ въ Цхинвалѣ. Положили направить русскій отрядъ „на Хеви *) и Чимы“, т. е. по нынѣшней военно-грузинской дорогѣ. Ираклій обязался расчистить этотъ горный путь такъ, чтобы не могло послѣдовать никакихъ трудностей въ провозѣ тяжестей.

Пока князь Хвабуловъ находился еще на пути изъ Кизляра въ Имеретію, митрополитъ Максимъ прибылъ въ Петербургъ и 8-го марта 1769 года представилъ императрицѣ Екатеринѣ просительную грамоту царя Соломона отъ 23-го іюня 1768 года.

Такимъ образомъ, желанія Соломона вполнѣ совпадали съ видами нашего правительства. Времени терять было нельзя: наступала весна, и главная армія уже 15-го апрѣля 1769 года перешла черезъ Днѣстръ. Для осуществленія принятаго плана объ одновременномъ нападеніи на турокъ и въ Малой Азіи надлежало воспользоваться открытіемъ навигаціи по Волгѣ для снаряженія и отправленія вспомогательнаго отряда, назначеннаго дѣйствовать въ Имеретіи. Вслѣдствіе этого было рѣшено, не ожидая извѣстій о ре-

---

*) *Хеви* значитъ по-грузински *ущелье*. Подъ этимъ нарицательнымъ имечемъ подразумѣвается ущелье Терека. *Чимы* есть осетинское селеніе Чми между почтовыми станціями Балтой и Ларсомъ.

зультатахъ посылки князя Хвабулова, отправить въ Имеретію уполномоченное лицо и вмѣстѣ съ тѣмъ приступить къ сформированію въ Кизлярѣ отряда. На должность русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Имеретіи былъ назначенъ надворный совѣтникъ князь Антонъ Романовичъ Моуравовъ. Отецъ его выѣхалъ изъ Грузіи въ Россію въ 1724 году въ свитѣ царя Вахтанга Левановича, въ 1738 году принятъ въ военную службу капитаномъ и въ этомъ же году убитъ подъ Хотиномъ въ сраженіи съ турками. Князь Антонъ Романовичъ воспитывался въ сухопутномъ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ 1753 году выпущенъ подпоручикомъ въ Грузинскій гусарскій полкъ и принималъ участіе въ прусской войнѣ; въ 1764 году переименованъ въ коллежскіе ассесоры, а въ 1768 году опредѣленъ членомъ въ контору конфискаціи. Неизвѣстно, какія соображенія побудили коллегію иностранныхъ дѣлъ поручить Моуравову такое отвѣтственное и щекотливое дѣло, какъ представительство русскаго правительства въ отдаленномъ Закавказскомъ краѣ. Въ прошломъ князя Моуравова не было ничего такого, что указывало бы на его дипломатическія способности. Служба въ Грузіи окончилась для него очень печально: по жалобѣ графа Тотлебена на его нерадивость и участіе въ интригахъ, онъ былъ арестованъ въ 1770 году и отправленъ изъ Грузіи въ Петербургъ. Здѣсь признали его не преступникомъ, а просто „неумѣвшимъ и невозмогшимъ найтись въ предстоявшихъ ему различныхъ и внезапныхъ случаяхъ, и пришедшимъ въ замѣшательство отъ непривычки и недомысленности, нежели колико умышленно виноватымъ и точное имѣвшимъ намѣреніе дѣйствовать противъ пользы службы, съ пренебреженіемъ клятвы своей долгу и званію“. Вслѣдствіе этого князь Моуравовъ былъ освобожденъ въ 1773 году изъ-подъ ареста, съ зачетомъ его въ наказаніе, и опредѣленъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ переводчикомъ грузинскаго языка.

Въ обширной инструкціи, данной князю Моуравову 28-го мая 1769 года за подписью графа Н. И. Панина, излагается сначала анархическое положеніе Имеретіи: „власти-

тели ея турки-магометане и сосѣди, варвары-лезгинцы, въ горахъ живущіе, сдѣлали жребій тамошнихъ жителей крайне несчастливымъ, продолжаемымъ непрестанно расхищеніемъ оныхъ въ плѣнъ и неволю и предуспѣвъ довести имеретинскихъ князей и дворянъ до такого нечувствія, что большей части изъ нихъ и произвольная продажа природныхъ своихъ людей въ нечестивыя руки не кажется противною христіанскому закону и самому человѣколюбію. Сверхъ того взаимное предательство и отступленіе христіанскаго закона для корысти или мщенія и честолюбивыхъ видовъ суть дѣйствія, сколько ни гнусныя, но часто въ Имеретіи случающіяся. Такимъ образомъ время отъ времени умалялся народъ и земля приходила въ опустошеніе. Настоящій имеретинскій царь Соломонъ, или въ самомъ дѣлѣ за должность христіанскаго владѣтеля почтя, или убѣжденъ будучи другими, но здѣсь неизвѣстными причинами, осмѣлился однако же за нѣсколько лѣтъ назадъ воспротивиться вредному обыкновенію, хотя и сильно утвержденному времени продолженіемъ. Довольно было сего обстоятельства вооружить противъ него турокъ, ибо здѣсь отчасти извѣстно, что злоупотребленіе наконецъ не въ томъ одномъ состояло, но что и самая уже земля платила Портѣ въ подать людьми, а особливо женскимъ поломъ. Подтверждается сіе бывшимъ царя Соломона искательствомъ склонить Порту удовольствоваться данью, въ древнія лѣта отъ Имеретіи дарованною. Каждый дворъ платилъ тогда чрезъ каждые три года по одной холстинной рубашкѣ, или деньгами по 20-ти коп.“.

Сдѣлавъ затѣмъ бѣглый обзоръ предшествовавшихъ сношеній царя Соломона съ Россіей, „Инструкція“ излагаетъ причины, по которымъ невозможно исполнить желаніе Соломона о присылкѣ ему въ помощь значительнаго (до 5000) русскаго отряда. Временное пребываніе такого числа воинскихъ людей было бы, не говоря о дороговизнѣ ихъ содержанія, безполезно для Имеретіи „при неустройствѣ, къ какомъ она по внутреннему своему состоянію находится и пока обитатели ея въ невѣжествѣ и небреженіи

остаются; ибо по взятіи войска назадъ, участь ея еще худшею сдѣлаться могла бъ, а довольствуясь только славою имѣть Имеретію въ протекціи и истощать на защищеніе ея и иждивеніе и силы, совсѣмъ здравой политикѣ противно“. Поэтому необходимо, чтобы царь Соломонъ прежде всего проявилъ не на словахъ только готовность совокупить всѣ свои силы для наступленія противъ турокъ и для прикрытія и защиты границъ Имеретіи. Въ такомъ случаѣ можетъ быть оказана ему дѣйствительная помощь посылкою воинской команды, хотя небольшой, но достаточной для того, чтобы показать и дать почувствовать имеретинамъ всѣ преимущества порядочнаго войска, не нанося ни имъ, ни Россіи тягости въ ихъ содержаніи. Команда эта будетъ состоять изъ главнаго командира знатнаго военнаго чина, одного штабъ-офицера, артиллерійскаго и инженернаго офицеровъ, лекаря, роты мушкетеровъ, роты драгунъ и роты гусаръ. При нихъ отправятся 4 трехъ-фунтовыя пушки и 2 двѣнадцати-фунтовые единорога съ надлежащимъ числомъ прислуги. Такимъ образомъ, сверхъ прямой помощи, царю Соломону предоставится удобный случай, пользуясь совѣтами и руководствомъ начальника отряда, обратить въ пользу своего отечества европейское просвѣщеніе и внушить своимъ подданнымъ охоту къ подражанію. Кромѣ войска, царю будетъ дано еще 50 тыс. руб., т. е. такая сумма, которая, конечно, превышаетъ его годовой доходъ.

Возлагая на князя Моуравова обязанность побуждать царя Соломона ко всѣмъ вышеозначеннымъ полезнымъ видамъ, „Инструкція“ поручала ему, между прочимъ, 1) изслѣдовать дорогу по ущелью Терека, и донести, можетъ ли отрядъ пройти по ней безъ всякаго затрудненія, или же необходимо ея исправленіе; 2) попытаться склонить грузинскаго царя Ираклія къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Турціи; 3) по прибытіи въ Имеретію начальника отряда дѣйствовать по общему съ нимъ соглашенію, стараясь не только у владѣтеля, у знатныхъ, но и у всего народа пріобрѣсть довѣренность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вліяніе на него.

Начальникомъ вспомогательнаго отряда, о которомъ говорилось въ „Инструкціи", былъ назначенъ генералъ-маіоръ графъ Готлобъ Куртъ Генрихъ Тотлебенъ. Неизвѣстно, почему выборъ императрицы Екатерины палъ именно на этого генерала, всего менѣе пригоднаго для самостоятельнаго командованія войсками въ отдаленномъ и почти неизвѣстномъ краѣ, гдѣ благоразуміе, обдуманность въ словахъ и поступкахъ въ соединеніи съ твердостью и рѣшительностью были болѣе необходимы, чѣмъ военные таланты. Тотлебенъ принадлежалъ къ числу тѣхъ авантюристовъ, которыхъ было такъ много въ Европѣ въ прошедшемъ столѣтіи. Онъ началъ службу въ 1724 году пажемъ при дворѣ саксонскаго курфюрста, въ 1745 году получилъ графскій титулъ и должность члена суда, но попался въ какихъ-то злоупотребленіяхъ и бѣжалъ изъ Дрездена въ Голландію. Здѣсь поступилъ онъ въ военную службу, но вскорѣ оставилъ ее, увлекъ богатую сироту, состоявшую у него подъ опекою, и бѣжалъ съ нею въ Берлинъ. Безпорядочная жизнь и столкновеніе съ какимъ-то важнымъ лицомъ заставили Тотлебена покинуть Пруссію и искать убѣжища сначала въ Саксоніи, потомъ опять въ Голландіи. Отсюда отправился онъ въ Петербургъ, нашелъ доступъ къ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, предложилъ ей свои услуги въ предстоявшей борьбѣ съ Пруссіей и представилъ планъ веденія малой войны. Предложеніе было принято, и Тотлебенъ опредѣленъ на службу съ чиномъ генералъ-маіора. Во время семилѣтней войны, командуя корпусомъ, онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, былъ раненъ, получилъ орденъ св. Александра Невскаго, 28-го сентября 1760 года занялъ Берлинъ. На этомъ оборвалась его русская служебная карьера. Онъ имѣлъ неосторожность издать на нѣмецкомъ языкѣ извѣстіе о занятіи Берлина, причемъ прославилъ одного себя и дурно отнесся о другихъ. Извѣстіе это возбудило справедливое неудовольствіе въ русской арміи. Въ Петербургѣ признали реляцію Тотлебена „продерзостною, ибо онъ свою заслугу увеличиваетъ на иждивеніи почти всей арміи, осо-

бливо же явно поноситъ генералъ-поручика графа Чернышева съ его корпусомъ". Тотлебену было высочайше повелѣно просить прощенія у графа Чернышева, собрать и представить главнокомандующему графу Бутурлину всѣ экземпляры реляціи и печатно же на нѣмецкомъ языкѣ отречься отъ ея сочиненія. Тотлебенъ не пожелалъ подчиниться повелѣнію и подалъ въ отставку. Императрица Елисавета Петровна съ своей стороны не согласилась на его увольненіе, но и не настаивала на исполненіи отданнаго повелѣнія. Такимъ образомъ дѣло уладилось, и Тотлебенъ остался въ русской службѣ. Но неудовольствіе въ арміи, конечно, не могло исчезнуть. Вскорѣ оно проявилось самымъ рѣзкимъ образомъ. Въ іюнѣ 1761 года, когда Тотлебенъ съ своимъ корпусомъ находился въ Помераніи, подчиненные ему полковые командиры арестовали его „за вредительную службѣ переписку съ непріятелемъ". Тотлебенъ былъ отправленъ въ Петербургъ и преданъ военному суду, который 20-го мая 1762 года приговорилъ его, какъ измѣнника, къ лишенію чести, имѣнія и живота. Приговоръ однако не былъ приведенъ въ исполненіе, а по воцареніи Екатерины Великой указомъ 11-го апрѣля 1763 года смертная казнь замѣнена изгнаніемъ изъ Россіи, во вниманіе къ тому, что „злое умышленіе Тотлебена никакихъ вредныхъ слѣдствій государству еще не произвело". Въ маѣ 1769 года, когда началась уже турецкая война, Тотлебенъ обратился къ императрицѣ съ просьбою о помилованіи и возвращеніи въ Россію. Государыня находила сначала возможнымъ разрѣшить ему поселиться гдѣ-нибудь въ Россіи, напримѣръ въ Сибири, но потомъ даровала полное прощеніе съ преданіемъ забвенію всего прошлаго. Объ этомъ было объявлено всенародно указомъ сената отъ 27-го мая 1769 года.

Въ высочайшей грамотѣ на имя царя имеретинскаго отъ 26-го мая 1769 года Соломону объявлялось, что въ Имеретію будетъ вскорѣ отправленъ одинъ изъ россійскихъ военачальниковъ, въ искусствѣ своемъ довольно уже испытанный. Военачальникомъ этимъ, какъ уже сказано, ока-

зался Тотлебенъ, только за недѣлю до того помилованный императрицею. Назначеніе это можно объяснить единственно только желаніемъ воспользоваться услугами генерала, показавшаго себя довольно искуснымъ въ веденіи малой войны; но вмѣстѣ съ тѣмъ отправленіе Тотлебена на Кавказъ можно объяснить опасеніемъ дать ему въ команду какую либо часть въ большой арміи, гдѣ его прошлое, хотя и преданное забвенію, тѣмъ не менѣе было хорошо всѣмъ памятно. Если, такимъ образомъ, думали устранить неудобство принятія на дѣйствительную службу человѣка, обвиненнаго въ измѣнѣ, то упустили изъ виду еще болѣе важныя неудобства посылки такого человѣка въ Имеретію. Здѣсь, вдали отъ всякаго надзора и контроля, Тотлебенъ могъ безнаказанно дать полный просторъ своимъ дурнымъ страстямъ и привычкамъ авантюриста-наемника, ничѣмъ, кромѣ личной выгоды, не связаннаго съ тою страною, которой онъ являлся представителемъ. Наконецъ, и здѣсь были люди, хотя бы тотъ же князь Моуравовъ, участвовавшій въ прусской войнѣ, которые знали и помнили происшествіе въ Помераніи. Войска, очевидно, не могли имѣть довѣрія къ такому предводителю, а этотъ послѣдній, въ свою очередь, подозрительно относился къ подчиненнымъ ему офицерамъ. Тотлебенъ не зналъ русскаго языка и потому, для объясненій съ грузинами, долженъ былъ прибѣгать къ содѣйствію двухъ переводчиковъ. Легко представить себѣ, какія недоразумѣнія происходили при двойномъ переводѣ, и какъ пользовались ими злонамѣренные люди.

Къ осени 1769 года вспомогательный отрядъ собрался въ Моздокѣ. Въ составъ его вошли: одна рота Грузинскаго гусарскаго полка, одинъ эскадронъ (3 роты) Уфимскаго драгунскаго полка, одна рота пѣхоты, казаки и четыре 3-фунтовыя пушки, всего до 500 человѣкъ. По имѣвшимся свѣдѣніямъ, военныя силы владѣтелей Имеретіи и Грузіи были очень значительны. По показанію митрополита Максима, царь Соломонъ выходилъ противъ турокъ обыкновенно съ 20—30-ью тысячами войска, но при денежной помощи можетъ набрать до 50-ти тыс. человѣкъ. Силы

Ираклія князья Хвабуловъ и Андрониковъ опредѣляли тоже въ 40—50 тыс. Основываясь на этихъ показаніяхъ, императрица Екатерина писала Румянцеву, что Ираклій выступитъ съ 30-ью тыс., а Соломонъ съ 20-ью тыс. человѣкъ. Дѣйствительность показала вскорѣ настоящую цѣну этихъ разсчетовъ, основанныхъ на самообольщеніи владѣтелей Закавказья своимъ мнимымъ могуществомъ.

Какъ ни незначителенъ былъ самъ по себѣ составъ отряда графа Тотлебена, сформированіе его и снабженіе провіантомъ представляло большія затрудненія. Въ то время мы имѣли на сѣверномъ Кавказѣ только два населенные пункта—Кизляръ и недавно (въ 1763 году) основанную крѣпость Моздокъ. Между ними, по лѣвому берегу Терека, были расположены казачьи городки или станицы. На пространствѣ обширныхъ степей между Терекомъ и Дономъ не было совсѣмъ осѣдлаго населенія: здѣсь кочевали съ своими табунами и стадами ногайцы и калмыки, здѣсь же кабардинцы пасли на сочной степной травѣ своихъ знаменитыхъ коней. Коменданты Кизляра и Моздока подчинялись астраханскому губернатору. Отсюда же, съ Волги, доставлялся провіантъ и все прочее снабженіе незначительныхъ гарнизоновъ этихъ крѣпостей. Сообщеніе съ Астраханью производилось въ лѣтнее время моремъ отъ устья Терека, зимою же безводною дорогою *) по берегу Каспія. Для доставки провіанта, фуража, артиллерійскихъ и всякихъ другихъ припасовъ и грузовъ наряжались такъ называемые аульные татары, жившіе около Кизляра. Впослѣдствіи они же перевозили запасы и въ Грузію, когда отрядъ Тотлебена перешолъ чрезъ Кавказскія горы.

Сообщеніе Моздока съ Грузіей было еще затруднительнѣе. Между Терекомъ и подошвою Кавказскаго хребта дорога шла по Малой Кабардѣ. Самый путь не представлялъ никакихъ препятствій, но набѣги чеченскихъ хищниковъ дѣлали его очень опаснымъ для транспортовъ и оди-

*) Она извѣстна подъ названіемъ кизлярскаго или линейнаго тракта. Протяженіе ея 400 верстъ.

ночныхъ путниковъ. Еще въ тридцатыхъ и даже сороковыхъ годахъ девятнадцатаго столѣтія сообщеніе совершалось здѣсь только съ *оказіей*, т. е. подъ прикрытіемъ воинской команды.

Отъ осетинскаго селенія Заурова, на мѣстѣ котораго въ 1784 году заложена Владикавказская крѣпость, начиналась горная дорога или, вѣрнѣе, тропа по ущелью Терека. Здѣсь путнику приходилось бороться и съ природою, и съ людьми. Въ Даріальской или Тагаурской тѣснинѣ, гдѣ Терекъ, пробивая себѣ путь черезъ боковой хребетъ, съ бѣшенствомъ несется по скалистой трещинѣ, сообщеніе было возможно только по крутымъ тропамъ, проложеннымъ горцами черезъ каменныя громады. Мѣстами тропа прерывалась надъ обрывомъ, и путникъ бывалъ принужденъ или искать дороги на другомъ берегу, или подниматься по зыбкимъ, сплетеннымъ изъ вѣтвей, лѣстницамъ на отвѣсныя скалы.

На всемъ протяженіи Даріальской тѣснины Терекъ не имѣетъ бродовъ ни въ какое время года. Тагаурскіе осетины занимали всѣ переправы и взимали произвольную плату не только за устройство временныхъ мостовъ, но и вообще за пропускъ черезъ ущелье. Даже сравнительно значительныя воинскія команды не всегда могли безпрепятственно проходить здѣсь. Такъ, въ 1770 году, нашъ отрядъ въ 90 человѣкъ нижнихъ чиновъ при 10-ти офицерахъ, посланный графомъ Тотлебеномъ изъ Грузіи въ Моздокъ, подвергся въ ущельи нападенію осетинъ и лишился лошадей, оружія и всего имущества. Въ слѣдующемъ году, посланный отъ нашей Академіи наукъ ученый Гюльденштедтъ, послѣ неоднократныхъ тщетныхъ попытокъ проникнуть изъ Моздока въ Тифлисъ, нашелъ, наконецъ, случай для исполненія своего намѣренія. Онъ выступилъ 11-го сентября изъ селенія Чми или Чимъ (между Балтою и Ларсомъ) подъ прикрытіемъ 24-хъ казаковъ и 100 осетинъ, которыхъ велъ на службу царя Ираклія одинъ изъ осетинскихъ владѣльцевъ. Устройство нѣсколькихъ переправъ черезъ Терекъ и преодолѣніе разныхъ другихъ препятствій заняли такъ много времени, что Гюльденштедтъ прибылъ въ Душетъ только въ концѣ сентября, употребивъ болѣе двухъ недѣль на совершеніе перехода въ 120 верстъ. Обратный путь академика въ Моздокъ былъ еще затруднительнѣе. Прибывъ въ октябрѣ 1772 года въ грузинское селеніе Степанъ-цминда (при нынѣшней казбекской почтовой станціи), онъ вынужденъ былъ остановиться, такъ какъ всѣ мосты на Терекѣ ниже селенія были снесены водою или умышленно уничтожены осетинами. Три верхніе моста находились въ вѣдѣніи моурава (старшины) селенія Степанъ-цминда, который былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ русскими. При его содѣйствіи, переговоры о мостахъ окончились очень скоро: грузины взялись возстановить ихъ за 60 руб. и исполнили это на другой же день. Но осетины, владѣвшіе двумя мостами въ тѣснинѣ Даріала, были не такъ сговорчивы: они потребовали впередъ 80 руб. и не хотѣли дать заложниковъ въ обезпеченіе обязательства. Этотъ отказъ въ исполненіи обычая, установленнаго вѣками, показался Гюльденштедту подозрительнымъ, и онъ уклонился отъ заключенія сдѣлки. Послѣдствія оправдали его осторожность. Оказалось, что осетины хотѣли его ограбить, пользуясь тѣмъ, что ихъ аманаты (заложники), находившіеся въ Кизлярѣ, умерли и еще не были замѣнены другими. Они выставили къ переправамъ 300 вооруженныхъ людей и ожидали путешественника. Не видя выхода изъ этого положенія, Гюльденштедтъ окольными тропами, доступными однимъ горцамъ, послалъ вѣсть о своемъ плѣнѣ комендантамъ Кизляра и Моздока. Генералъ Медемъ отправилъ на выручку отрядъ въ 600 человѣкъ при двухъ орудіяхъ подъ командою маіора фонъ-Крюднера. Опасаясь быть запертымъ съ двухъ сторонъ въ тѣснинѣ, Крюднеръ остановился въ сел. Чми и послалъ оттуда 200 человѣкъ вверхъ по ущелью. Осетины не посмѣли сопротивляться и разбѣжались при появленіи войска. Дорога была открыта безъ кровопролитія, и Гюльденштедтъ могъ оставить Степанъ-цминда послѣ мѣсячной задержки. Освобожденіе его обошлось въ 30 руб., истраченныхъ на подарки тагаурскому старшинѣ Ахмету, владѣльцу сел. Ларса.

Не будетъ излишнимъ привести еще нѣсколько свѣдѣній о состояніи пути по ущелью Терека во второй половинѣ 18 вѣка. Нѣмецкій авантюристъ Яковъ Рейнеггсъ, состоявшій врачемъ при царѣ Иракліи, называетъ этотъ путь очень опаснымъ, даже гибельнымъ, особенно въ зимнее время, когда горы одѣваются мощнымъ снѣжнымъ покровомъ, и только высокіе шесты, съ насаженными на нихъ лошадиными черепами, указываютъ путнику направленіе, котораго онъ долженъ держаться. Несмотря на всю опасность этой дороги, ее предпочитали другимъ, такъ какъ только здѣсь можно было имѣть достаточное число людей для переноски и переправы поклажи. Рейнеггсъ не находилъ словъ для изображенія тѣхъ вымогательствъ, которымъ подвергались путешественники и особенно купцы со стороны носильщиковъ-осетинъ. Отъ Тифлиса до сел. Степанъ-цминда товары доставлялись на вьюкахъ безъ какихъ либо особенныхъ затрудненій. Здѣсь вьюки снимались съ лошадей и приспособлялись для переноски на людяхъ на протяженіи 30-ти верстъ до сел. Чми. Тюки должны были вѣсить 200—240 фунтовъ. Къ каждому тюку нанимались три человѣка, которые несли его по очереди и помогали другъ другу въ опасныхъ мѣстахъ. Отъ Степанъ-цминда до Даріала занимались этимъ дѣломъ грузины, а отъ Даріала до Чми тагаурскіе осетины. Грузъ сдавался старшинѣ, который распредѣлялъ его между носильщиками и получалъ за сохранность особую плату. Но никакой отвѣтственности за утрату старшина не подвергался, и носильщики совершенно безнаказанно грабили порученный имъ товаръ.

Въ тѣ времена горцы почти не знали и не употребляли монеты. Счетъ стоимости велся на рубашки, причемъ каждая рубашка равнялась шести локтямъ грубаго холста *).

---

*) Въ Кизлярѣ, при канцеляріи коменданта, имѣлись для казенной надобности особые склады такого холста. Въ 1770 году, когда движеніе военныхъ транспортовъ по Даріальскому ущелью усилилось по случаю нахожденія русскихъ войскъ за Кавказомъ, казною было из-

За переноску одного тюка платилось шесть рубашекъ, т. е. на деньги около 4-хъ рублей. По доставленіи товаровъ въ сел. Чми купецъ уплачивалъ всему тагаурскому племени еще 6 рубашекъ въ видѣ мостовой пошлины и, кромѣ того, раздавалъ мелкіе подарки разнымъ попрошайкамъ, отказывать которымъ было-бы очень неблагоразумно, такъ какъ, въ сущности, они могли безнаказанно отнять весь товаръ.

Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, шума, крика и угрозъ, всѣ разсчеты благополучно окончены. Носильщики разошлись по своимъ селеніямъ. Обрадованный купецъ навьючиваетъ свой товаръ на лошадей и собирается въ дальнѣйшій путь, но старшина сел. Чми, получившій уже свою долю платы за пропускъ черезъ мостъ, требуетъ еще лично для себя 6 рубашекъ въ вознагражденіе за гостепріимство и покровительство, оказанное имъ путнику. Въ нѣсколькихъ верстахъ ниже Чми новая преграда: путь идетъ по узкой тропѣ, проложенной по карнизу скалы надъ обрывомъ. Здѣсь стоитъ сторожевая башня, обитателямъ которой надо уплатить двѣ рубашки за пропускъ. Впрочемъ, это уже послѣдняя остановка: далѣе путь свободенъ, если, конечно, не преградитъ его шайка кабардинскихъ или чеченскихъ хищниковъ.

Любопытенъ самый способъ дѣлежа полученной осетинами дани. Каждая штука полотна раздѣлялась немедленно на столько кусковъ, сколько было старшинъ тагаурскаго племени. А такъ какъ ихъ было очень много, то каждому доставался только незначительный клочекъ ткани. Вслѣдствіе этого, всѣ тагаурцы носили рубашки, сшитыя изъ множества лоскутковъ или заплатъ.

Таковъ былъ путь въ Грузію, который предстояло впервые преодолѣть нашимъ войскамъ съ артиллеріей и обозомъ. Въ первыхъ числахъ августа 1769 года графъ

расходовано въ три мѣсяца 15,860 арш. холста на уплату горцамъ за пропускъ по дорогѣ и за переноску тяжестей. Холстъ доставлялся изъ Нижняго-Новгорода.

Тотлебенъ прибылъ изъ Кизляра въ Моздокъ и немедленно арестовалъ всѣхъ находившихся тамъ осетинскихъ старшинъ, съ объявленіемъ имъ, чтобы они безъ всякихъ отговорокъ исправили и содержали въ цѣлости всѣ мосты на Терекѣ по дорогѣ въ Грузію. Вслѣдъ затѣмъ, 12-го августа 1769 года, Тотлебенъ выступилъ изъ Моздока и 24-го августа достигъ селенія Ларса. Для дальнѣйшаго слѣдованія отсюда къ сел. Степанъ-цминда пришлось построить десять мостовъ. Орудія, лафеты, колеса и пороховые ящики были порознь перенесены втеченіе трехъ дней людьми, высланными изъ Грузіи. Отъ Степанъ-цминда, перваго селенія, подвластнаго грузинскому царю, дорога была, хотя узка и камениста, но доступна движенію на колесахъ. Миновавъ это селеніе, Тотлебенъ остановился лагеремъ на Адосъ-миндори *), откуда послалъ царю Ираклію просьбу о дозволеніи пройти чрезъ его землю въ Имеретію и о заготовленіи за плату потребнаго количества провіанта и фуража. Ираклій отвѣчалъ, что самъ ѣдетъ изъ Тифлиса на встрѣчу отряду къ сел. Хода **), куда и проситъ прибыть графа Тотлебена вмѣстѣ съ княземъ Моуравовымъ. Свиданіе это состоялось 29-го августа. За двѣ версты до царской ставки Тотлебена встрѣтилъ зять Ираклія, князь Давидъ Орбеліани, съ десятью князьями и дворянами. Они проводили генерала до назначенной ему палатки. Черезъ четверть часа церемонимейстеръ пригласилъ его къ Ираклію. Передъ входомъ въ царскій шатеръ стояли придворные съ тростями въ рукахъ, пажи, сыновья Ираклія, Георгій и Леванъ и католикосъ Антоній. Вслѣдъ затѣмъ появился самъ царь, который обнялъ и поцѣловалъ Тотлебена, сказавъ, что онъ благодаритъ Бога, сподобившаго его видѣть въ землѣ своей такого знаменитаго человѣка, присланнаго отъ всемилостивѣйшей императрицы, защитницы рода христіанскаго. Послѣ первыхъ привѣтствій царь ввелъ Тотлебена въ шатеръ и

*) Равнина при сел. Коби на военно-грузинской дорогѣ.

**) Сел. Хода не показано на нашихъ картахъ. Оно находилось при верховьяхъ Арагвы, близъ нынѣшней гудаурской почтовой станціи.

предложилъ ему мѣсто на сундукѣ, покрытомъ ковромъ; но генералъ отказался и сѣлъ на полъ. Ираклій съ сыновьями и католикосомъ помѣстились противъ него. Послѣ краткой бесѣды и угощенія, состоявшаго изъ вина и фруктовъ, Тотлебенъ откланялся. На другой день Ираклій отдалъ визитъ Тотлебену въ лагерѣ при Адосъ-миндори. Тотлебенъ съ своею свитою выѣхалъ ему на встрѣчу. Въ русскомъ лагерѣ привѣтствовали царя пушечными выстрѣлами, игрою на трубахъ и барабаннымъ боемъ. Въ генеральской палаткѣ Ираклія, царевича Левана, католикоса и царскую свиту угостили обѣдомъ. Здравицы за императрицу Екатерину и Ираклія сопровождались пушечною пальбою, впервые оглашившею своимъ грохотомъ дикое ущелье Терека. Послѣ стола князь Моуравовъ приступилъ къ разъясненію видовъ и намѣреній русскаго правительства въ отношеніи Грузіи. Царь желалъ имѣть какое-нибудь письменное подтвержденіе словъ князя Моуравова, но письмо къ Ираклію отъ графа Панина было запечатано въ конвертѣ на имя царя Соломона. По убѣдительной просьбѣ Ираклія Моуравовъ рѣшился вскрыть этотъ конвертъ. Узнавъ изъ переданнаго ему письма графа Панина о желаніи императрицы Екатерины привлечь его къ войнѣ съ Турціей, Ираклій отозвался полною готовностью, обѣщалъ поднять также эриванскихъ армянъ и лезгинъ, но просилъ дать ему въ помощь не менѣе 5-ти тыс. русскаго регулярнаго войска. При этомъ Ираклій далъ понять, что безъ него имеретинскій царь ничего не можетъ сдѣлать и не будетъ въ состояніи снабдить отрядъ провіантомъ и фуражемъ. Любопытенъ отзывъ князя Моуравова о самомъ царѣ Иракліи:

„Отъ роду ему сорокъ восьмой годъ. Наружный его видъ доказываетъ величественную важность, соединенную съ геройствомъ, и всѣ его разговоры полны разума, набожности и несуевѣрнаго почтенія къ закону. Равно въ числѣ его достоинствъ—правленіе его самодержавное и неограниченное ни мало, всѣ князья, живущіе въ его владѣніи, его вѣрные подданные, и всѣ распоряженія показываютъ владѣтеля, знающаго повелѣвать своими народами“.

Сентября 26-го Тотлебенъ чрезъ Анануръ и сел. Ламискана на р. Ксанѣ прибылъ на границу Имеретіи къ урочищу Кортохти, гдѣ на другой день имѣлъ свиданіе съ царемъ Соломономъ и объявилъ ему, что имѣетъ повелѣніе выгнать турокъ изъ Имеретіи и возстановить царя въ прежнихъ его владѣніяхъ. Соломонъ, съ своей стороны, увѣрялъ, что заготовилъ для отряда на нѣсколько мѣсяцевъ провіанта и фуража, и тутъ же приказалъ выдать командѣ пшеничнаго хлѣба на два дня и пять быковъ на мясную порцію.

Этимъ, кажется, и ограничилось исполненіе пышныхъ обѣщаній Соломона, не потому, что онъ не желалъ ихъ сдержать, а вслѣдствіе совершеннаго неимѣнія запасовъ и невозможности ихъ собрать. Имеретинское царство находилось тогда въ состояніи совершенной анархіи и разоренія. Власть царя признавалась едва только въ двухъ уѣздахъ, Кутаисскомъ и Шорапанскомъ, нынѣшней Кутаисской губерніи.

„Имеретійцы, доносилъ графу Панину князь Моуравовъ, въ самомъ бѣдномъ и жалостномъ состояніи находятся: князья и дворяне ихъ носятъ платье изъ сѣраго сукна, а подлый (т. е. простой) народъ—своевольный, гордый и непослушный, большая часть босые. Довольствуютъ же себя лѣсными плодами и своево просянова хлѣба весьма мало въ пищу употребляютъ. Пшеничнаго хлѣба весьма мало сѣютъ, а имѣютъ просо, называемое по имеретински гоми, изъ котораго варятъ кашу и оную вмѣсто хлѣба въ пищу употребляютъ. Во все время зимою и лѣтомъ довольствуютъ лошадей полевымъ кормомъ, сѣна не имѣютъ, а, вмѣсто ячменя и овса, просомъ. Имеретійцы и къ своимъ друзьямъ и родственникамъ никакой довѣренности не имѣютъ и всякій часъ ожидаютъ внезапнаго нападенія и смертоубійства, что между ними часто и случается, а мужики у своихъ же сосѣдей имеретинцевъ крадутъ дѣтей и отводятъ ихъ въ городъ Кутаисъ и тамъ туркамъ продаютъ. Соломонъ конныхъ и пѣшихъ съ нуждою 6000 войскъ набрать можетъ и власть его, какъ отъ турокъ, такъ и отъ княжескихъ фамилій, весьма стѣснена; и хотя до 8000 дворовъ крестьянскихъ имѣетъ, но оные отъ турокъ совсѣмъ раззорены и въ крайнюю нищету приведены".

Таково было тогда экономическое и нравственное положеніе Имеретіи. Въ политическомъ отношеніи дѣла были также неблагопріятны. Турки содержали свои гарнизоны въ Кутаисѣ, Шорапани, Багдатѣ и Цуцхватѣ. Въ Кутаисѣ, столицѣ Имеретіи, считалось однихъ поселянъ турокъ 500 дворовъ, которые занимались торговлею и земледѣліемъ. Съ своими сосѣдями, владѣтелями Мингреліи и Гуріи, Соломонъ находился въ постоянной войнѣ. Въ этихъ областяхъ турки также содержали гарнизоны въ Поти, Анакліи, Цихисдзири и Кобулетѣ и невозбранно торговали мѣстными жителями-христіанами. По словамъ князя Моуравова, во всѣхъ перечисленныхъ крѣпостяхъ находилось въ гарнизонѣ до 3000 турокъ, большую часть которыхъ составляли природные имеретины, принявшіе мусульманскую вѣру.

Царь Соломонъ, какъ кажется, не былъ человѣкомъ, способнымъ найтись въ такомъ трудномъ положеніи, хотя бы и при помощи русскихъ войскъ. Князь Моуравовъ называетъ его отважнымъ и храбрымъ воиномъ, но легкомысленнымъ въ разговорахъ.

„Соломонъ, писалъ князь Моуравовъ графу Панину, услугу и пользу всероссійскому престолу показать не въ состояніи: онъ, какъ дикой, не имѣя никакого воспитанія, и притомъ самаго бѣднаго состоянія человѣкъ, въ маломъ своемъ владѣніи никакого порядка не имѣетъ, да и учредить не можетъ, и окруженъ непріятелями, и 200 человѣкъ, которыхъ онъ для нужныхъ случаевъ всегда при себѣ имѣлъ, за неимѣніемъ денегъ содержать не въ состояніи".

Послѣдующія событія вполнѣ оправдали этотъ отзывъ нашего резидента: Соломонъ нисколько не заботился объ общемъ дѣлѣ и, предоставя Тотлебену воевать съ турками, воспользовался этимъ случаемъ для сведенія счетовъ со своими личными врагами. Послѣ свиданія въ Кортохти, Тотлебенъ съ отрядомъ и царь Соломонъ со своими 200 имере-

тинами подошли 3-го октября къ крѣпости Шорапани, построенной изъ дикаго камня на высокой и крутой горѣ при сліяніи Квирилы и Дзерулы. Гарнизонъ состоялъ всего изъ 23-хъ турокъ, но къ нему присоединились жители предмѣстья, покинувшіе свои жилища и вошедшіе въ крѣпость при извѣстіи о приближеніи русскихъ. Крѣпкое природное положеніе Шорапани дѣлало ее неприступною для слабаго отряда, имѣвшаго только полевыя пушки. Къ тому же царь Соломонъ, получивъ извѣстіе о вторженіи владѣтеля Мингреліи въ его предѣлы, пошолъ къ нему на встрѣчу, оставивъ Тотлебена на произволъ судьбы. Съ его уходомъ прекратилась и доставка отряду провіанта. Войска „съ превеликою нуждою“ продовольствовались четыре дня пшеничнымъ хлѣбомъ, потомъ перешли на малыя порціи проса, а соли вовсе не имѣли 14 дней. Вслѣдствіе этого появились среди солдатъ болѣзни, и число больныхъ ежедневно умножалось. При такихъ условіяхъ Тотлебенъ не нашелъ возможнымъ продолжать дѣйствія противъ Шорапани. Послѣ 4-хъ-дневныхъ попытокъ взять крѣпость открытою силою, онъ снялъ блокаду и возвратился 13-го октября въ Карталинію, расположившись тамъ на зимнихъ квартирахъ въ Гори и Цхинвалѣ.

II.

Походъ царя Ираклія и русскаго корпуса къ Ахалцыху. Внезапное возвращеніе графа Тотлебена въ Карталинію. Ссора съ Ираклiемъ и заговоръ противъ графа Тотлебена, который удаляется съ войсками въ Анануръ. Прибытіе Томскаго пѣхотнаго полка. Походъ въ Имеретію, взятіе Багдата и Кутанса. Неудачная блокада Поти. Смѣна Тотлебена и назначеніе на его мѣсто генерала Сухотина. Вторичная неудачная блокада крѣпости Поти. Отозваніе русскаго корпуса изъ Грузіи. Кучукъ-кайнарджійскій трактатъ въ отношеніи Грузіи и Имеретіи. Заключеніе.

Въ теченіе лѣта 1769 года переговоры съ царемъ Ираклiемъ привели къ окончательному согласію его принять дѣятельное участіе въ турецкой войнѣ. Первымъ условіемъ для этого Ираклій ставилъ присылку значительнаго отряда, для совмѣстнаго дѣйствія съ его войсками, и принятіе Грузіи подъ покровительство Россіи; затѣмъ, отпускъ денегъ на военные расходы. Ираклій просилъ о назначеніи къ нему не менѣе 15-ти русскихъ полковъ, обѣщая „знаменитѣйшіе успѣхи“ и „знатнѣйшую прибыль“. Онъ, конечно, разсчитывалъ возвратить Грузіи всѣ отторгнутыя отъ нея турками области, главнымъ образомъ Ахалцыхскую, и нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что съ 15-ю полками можно было распространить предѣлы грузинскаго царства до Эрзерума. Но въ Петербургѣ не находили возможнымъ и не считали нужнымъ дѣлать Малую Азію однимъ изъ главныхъ театровъ войны. Цѣль диверсіи со стороны Закавказья состояла въ отвлеченіи части турецкихъ силъ отъ Дуная, куда была направлена наша дѣйствующая армія. Съ другой стороны, кабинетъ нашъ желалъ посылкою войскъ и денегъ христіанскимъ владѣтелямъ Закавказья показать на дѣлѣ свое искреннее участіе въ ихъ судьбѣ. Въ обращенныхъ къ нимъ грамотахъ императрицы

Екатерины и письмахъ графа Панина они призывались къ единенію и самодѣятельности, указывалось на наступленіе благопріятныхъ для этого условій, разъяснялось, что чѣмъ бóльшихъ успѣховъ достигнутъ они сами въ борьбѣ съ турками, тѣмъ болѣе выгодныя условія будутъ выговорены для нихъ при заключеніи мира. При такой программѣ не было надобности въ посылкѣ значительнаго числа русскихъ войскъ: Ираклій и Соломонъ должны были дѣйствовать собственными силами, довольно значительными по ихъ заявленію; русскій же отрядъ назначался только для помощи и руководства, для нагляднаго доказательства всѣхъ преимуществъ дисциплинированной и искусной въ военномъ дѣлѣ части предъ мужественною, но нестройною толпою воиновъ.

Поведеніе Соломона подъ Шорапанской крѣпостью обнаружило ненадежность его обѣщаній и слабость его силъ. При ближайшемъ знакомствѣ съ политическимъ положеніемъ Закавказья оказалось, что первенствующее значеніе имѣетъ тамъ не Соломонъ, а Ираклій, державшій твердыми руками свои владѣнія. Какъ воинъ и военачальникъ, онъ пользовался громкою славою далеко за предѣлами Кавказа. Такимъ образомъ, для успѣха дѣла, являлось необходимымъ войти въ болѣе тѣсныя отношенія съ владѣтелемъ Карталиніи и Кахетіи. Въ этихъ видахъ князю Моуравову было повелѣно быть резидентомъ при царѣ Иракліи, а графу Тотлебену предложено склонить царя употребить стараніе къ прекращенію въ Имеретіи непорядковъ, происходившихъ отъ взаимныхъ ссоръ и притязаній между Соломономъ, рачинскимъ эриставомъ и владѣтелями Мингреліи и Гуріи.

Отрядъ Тотлебена, уменьшенный болѣзнями, оказывался совершенно недостаточнымъ для помощи одновременно и Ираклію, и Соломону. По представленію Тотлебена послѣдовалъ 22-го октября 1769 года указъ на имя Государственной военной коллегіи о пріумноженіи корпуса, дѣйствовавшаго за Кавказомъ, такимъ образомъ, чтобы, включая и войска, уже тамъ находившіяся, онъ состоялъ изъ

одного пѣхотнаго полка, одной мушкетерской роты, двухъ эскадроновъ карабинеровъ, двухъ эскадроновъ гусаръ, 200 донскихъ казаковъ и 300 калмыковъ, съ артиллеріею, всего 3767 человѣкъ *). Несмотря на всѣ усилія Кизлярскаго коменданта, только къ концу 1769 года удалось собрать въ Моздокѣ 3 роты Оренбургскаго драгунскаго полка, 1 роту Грузинскаго гусарскаго полка и 1 роту пѣхоты изъ астраханскихъ баталіоновъ, всего до 358 чел. и 150 казаковъ. Тотлебенъ, прибывшій за ними 1-го января 1770 года, лично повелъ ихъ въ Грузію. Томскій пѣхотный полкъ, назначенный въ составъ вспомогательнаго корпуса, стоялъ въ Казани. Къ 8-му января 1770 года онъ прибылъ въ Царицынъ подъ командою полковника Клавера, а въ маѣ находился уже въ Грузіи **). Калмыки были отправлены изъ Моздока только въ августѣ этого года подъ начальствомъ секундъ-маіора Баумгартена. Разлитіе Терека задержало ихъ при сел. Чми. Пока исправляли дорогу, калмыки разбѣжались, такъ что изъ 300 осталось только 89 человѣкъ.

Еще во время стоянки отряда осенью и зимою 1769 года въ Карталиніи возникли неудовольствія между Тотлебеномъ и княземъ Моуравовымъ. Начальникъ русскихъ войскъ находилъ, что нашъ повѣренный въ дѣлахъ при дворѣ Ираклія, какъ грузинъ по происхожденію, держитъ во всемъ и всегда сторону своихъ единоземцевъ, не исполняетъ данной ему инструкціи и употребляетъ свое свойство и знакомство съ грузинами во вредъ русскихъ войскъ. Въ видѣ примѣра Тотлебенъ указывалъ на то, что подъ

---

*) Въ корпусѣ этомъ числилось: штабъ и оберъ-офицеровъ—106; унтеръ-офицеровъ, капраловъ и рядовыхъ—3302. Прочихъ строевыхъ и нестроевыхъ—352. Всего 3767 человѣкъ. Артиллерія, кромѣ полковой, состояла изъ: 12-ти-фунтовыхъ единороговъ—4; 3-хъ-фунтовыхъ единороговъ—4; 3-хъ-фунтовыхъ пушекъ—4. Всего 12 орудій.

**) Слѣдуя съ Волги къ Моздоку, Томскій полкъ прошелъ изъ Царицына прямою дорогою черезъ Калмыцкую степь. У подошвы Ергеней имѣются родники и озера, но за урочищемъ Хаалгайнъ-Гашунъ (близъ Санзыра) полку пришлось проходить болѣе 80-ти верстъ по совершенно безводной мѣстности. Путь этотъ сохранилъ и до сихъ поръ названіе *Томскаго шляха* или *тракта*.

Шорапанью Моуравовъ затруднялся предъявить царю Соломону настойчивое требованіе о доставленіи провіанта. Подозрительнымъ казалось Тотлебену также и то, что Моуравовъ и подполковникъ Челокаевъ, живя въ Тифлисѣ, давали царю Ираклію наставленія относительно приготовленія орудій и вообще устройства артиллеріи. Тотлебенъ, находя почему-то предосудительнымъ для русскихъ интересовъ, чтобы Ираклій имѣлъ собственныя пушки, просилъ графа Панина объ отозваніи изъ вспомогательнаго корпуса всѣхъ офицеровъ грузинскаго происхожденія и князя Моуравова. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ своихъ донесеніяхъ въ Петербургъ, онъ намекалъ на неблагонадежность и самого царя Ираклія.

При такихъ неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ Ираклій соединился 17-го марта 1770 года подъ мѣстечкомъ Сурамомъ съ русскимъ корпусомъ для совмѣстнаго дѣйствія противъ турокъ. Грузинское войско состояло изъ 7000 человѣкъ съ тремя пушками. Царя сопровождали сынъ его Георгій и два архіерея съ походною церковью. Въ свитѣ находились 50 лезгинъ и персидская музыка. Цѣлью похода былъ избранъ главный оплотъ турецкой власти въ Закавказьи—городъ Ахалцихъ, въ которомъ, по извѣстіямъ, кромѣ жителей, было тогда не болѣе 600—700 лезгинъ. Наступленіе предполагалось вести правымъ берегомъ Куры черезъ сел. Садгери (близъ нынѣшняго Боржома) къ крѣпости Ацхуръ, имѣвшей тоже турецкій гарнизонъ. Для переправы изъ Сурама на правый берегъ Куры строился мостъ близъ сел. Квишхети. Другой мостъ находился при крѣпости Ацхурѣ. Царь Соломонъ долженъ былъ тоже явиться подъ Ахалцихомъ прямымъ путемъ изъ Имеретіи черезъ Зекарскій перевалъ.

Таковъ былъ планъ войны, предложенный Ираклiемъ и принятый Тотлебеномъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при дружномъ дѣйствіи онъ увѣнчался бы полнымъ успѣхомъ. По вѣрному разсчету Ираклія, овладѣніе Ахалцихомъ отдавало въ руки союзниковъ также и всѣ турецкія крѣпости въ

Имеретіи, такъ какъ только изъ Ахалциха получали онѣ помощь и поддержку.

Но мнительность и заносчивость Тотлебена не допустили исполнить задуманный планъ. Недовѣріе его къ Ираклію, Моуравову и всѣмъ офицерамъ-грузинамъ расло каждый день и распространилось также и на русскихъ офицеровъ. Невозможность непосредственныхъ объясненій съ подозрѣваемыми, по незнанію ихъ языка, конечно, не мало содѣйствовала усиленію этихъ недоразумѣній.

Въ концѣ марта 1770 года прибылъ въ русскій отрядъ въ качествѣ волонтера подполковникъ Наумъ Николаевичъ Чоглоковъ *), рекомендованный Тотлебену графомъ Н. И. Панинымъ. Этотъ „необузданный и безмозглый молодецъ“, какъ его назвала императрица Екатерина, еще по дорогѣ на Кавказъ удивлялъ ѣхавшаго съ нимъ капитанъ-поручика Львова своею пышностью и ужасалъ своимъ необузданнымъ лганьемъ. Его сопровождали собственный переводчикъ грузинскаго и армянскаго языковъ, подлекарь съ аптекою, два егеря, шесть гусаровъ, камердинеръ, поваръ и т. д. И на пути, и въ Грузіи онъ объявлялъ всѣмъ, что приходится двоюроднымъ братомъ императрицѣ и, послѣ цесаревича, считается ближайшимъ наслѣдникомъ престола. Прибывъ въ лагерь подъ Сурамомъ, Чоглоковъ, не стѣсняясь, порицалъ Тотлебена и намекалъ, что имѣетъ именной указъ съ какимъ-то особымъ порученіемъ. Въ русскомъ и въ грузинскомъ лагеряхъ, повидимому, охотно слушали болтовню и хвастовство Чоглокова, одни по довѣрчивости, другіе по разсчету, третьи въ угоду молодому тароватому офицеру, имѣвшему дѣйствительно большія связи при дворѣ. Около него сгруппировались всѣ недовольные Тотлебеномъ, а такихъ было много, такъ какъ надменный, дерзкій и заносчивый генералъ не скрывалъ своего

*) Отецъ его Николай Наумовичъ Чоглоковъ былъ женатъ на Марьѣ Симоновнѣ Гендриковой, близкой свойственницѣ императрицы Елисаветы Петровны. Обстоятельство это даетъ отчасти ключъ къ рвзумѣнію поступковъ Наума Чоглокова.

недовѣрія и нерасположенія къ офицерамъ русскаго и грузинскаго происхожденія. Наконецъ, на страстной недѣлѣ, 3-го апрѣля 1770 года, Чоглоковъ согласился съ маіоромъ Ременниковымъ и нѣсколькими офицерами устранить графа Тотлебена отъ командованія отрядомъ. Послѣднему было объ этомъ доложено, и онъ въ тотъ же день арестовалъ Чоглокова и Ременникова.

Нелѣпая затѣя эта дала Тотлебену поводъ заподозрить въ соучастіи въ заговорѣ также резидента князя Моуравова, подполковника князя Челокаева и многихъ другихъ лицъ до царя Ираклія включительно. Онъ полагалъ, что начало заговору было положено еще въ Кизлярѣ, гдѣ находился одинъ изъ соучастниковъ, подполковникъ князь Ратіевъ.

Таково было положеніе дѣлъ, когда, послѣ долгой и безплодной стоянки подъ Сурамомъ, Тотлебенъ рѣшился двинуться противъ Ахалциха. Соединенные отряды слѣдовали правымъ берегомъ Куры по боржомскому ущелью и 15-го апрѣля имѣли стоянку при сел. Садгери. Здѣсь, несмотря на протесты Ираклія, Тотлебенъ оставилъ весь обозъ, шесть пушекъ и половину своего отряда. На слѣдующій день миновали разоренную лезгинами крѣпость Сакире, а 17-го апрѣля въ полдень подошли къ крѣпости Ацхуръ, занятой турецкимъ гарнизономъ. Здѣсь случилось невѣроятное происшествіе: 19-го апрѣля Тотлебенъ, не предупредивъ Ираклія, повернулъ назадъ и пошелъ въ Сурамъ, къ великому смущенію и негодованію и русскаго, и грузинскаго войска. Въ лагерѣ Ираклія поднялся переполохъ. Грузины громко кричали объ измѣнѣ. Самъ царь прискакалъ къ Тотлебену и умолялъ его остаться, выражая готовность вполнѣ подчиниться ему и занять мѣсто младшаго офицера. Но Тотлебенъ остался глухъ ко всѣмъ убѣжденіямъ и мольбамъ. Ацхурскій гарнизонъ, замѣтивъ неурядицу среди непріятелей, сдѣлалъ вылазку и потѣснилъ передовыхъ грузинъ, но Ираклій возстановилъ порядокъ и вогналъ турокъ обратно въ крѣпость.

Лишившись помощи русскаго отряда, Ираклій не прекратилъ, впрочемъ, военныхъ дѣйствій. Ахалцихскій паша отправилъ къ Ацхуру на помощь турокъ и лезгинъ, приказавъ поспѣшить туда же также гарнизонамъ изъ Ахалкалаки и Хертвиса. Ираклій пошелъ имъ на встрѣчу, чтобы предупредить соединеніе, и 20-го апрѣля 1770 года, на половинѣ пути между Ахалцихомъ и Хертвисомъ, поразилъ турокъ на голову въ достопамятной битвѣ при сел. Аспиндзѣ. Здѣсь сложили свои головы многіе знатные турецкіе беги и знаменитѣйшіе дагестанскіе наѣздники, предводители лезгинскихъ шаекъ. Одинъ изъ нихъ, извѣстный разбойникъ Малачилау или Кохта, былъ изрубленъ самимъ Ираклiемъ. Преданіе говоритъ, что въ Тифлисѣ узнали о пораженіи турокъ по кровавому цвѣту рѣки и по трупамъ, принесеннымъ въ городъ Курою.

После боя подъ Аспиндзой Ираклій не воспользовался, какъ можно и должно было ожидать, достигнутымъ успѣхомъ. Вмѣсто преслѣдованія турокъ, онъ направился кратчайшею дорогою черезъ Ахалкалаки въ Тифлисъ, куда прибылъ 29-го апрѣля 1770 года.

Ираклій объяснялъ свое возвращеніе желаніемъ лично заняться заготовленіемъ продовольствія и всего нужнаго для русскихъ войскъ. Но истинною причиною прекращенія военныхъ дѣйствій, начатыхъ столь успѣшно, слѣдуетъ, кажется, считать опасенія, возбужденныя поступками Тотлебена. Въ отступленіи отъ Ацхура царь видѣлъ прямую измѣну Тотлебена тому дѣлу, ради котораго онъ былъ присланъ въ Грузію. Сверхъ того, во время пребыванія Ираклія въ турецкихъ предѣлахъ, прошелъ въ народѣ слухъ, что Тотлебенъ возвратился въ Сурамъ съ цѣлью привести грузинъ къ присягѣ и приказать имъ высочайшимъ именемъ не признавать Ираклія своимъ владѣтелемъ. Существованіе подобнаго предположенія подтверждаетъ капитанъ-поручикъ Львовъ, считавшій сначала Тотлебена вполнѣ правымъ въ его распрѣ съ Ираклiемъ. Вотъ что писалъ онъ 7-го мая 1770 года изъ Ананура полковнику Перфильеву:

„теперь непремѣнно положили, чтобъ, дождавъ Томскій полкъ, съ царя Ираклія орденъ отобрать и его самого

въ Россію отправить, князей противной партіи также, сколько можно будетъ, прижать и всю Грузію въ подданство ея величества привести. Въ подданство же привести всю Грузію право и съ 8000 тысячами нашихъ солдатъ весьма легко".

Слухъ объ этихъ намѣреніяхъ, несомнѣнно, дошелъ до Ираклія, и онъ поспѣшилъ отступить въ свою столицу прямымъ путемъ, минуя Боржомское ущелье и Сурамъ, гдѣ стоялъ съ своимъ отрядомъ Тотлебенъ. Этотъ послѣдній, какъ только получилъ извѣстіе о прибытіи царя въ Тифлисъ, съ своей стороны покинулъ Сурамъ и форсированными маршами, въ два дня, достигъ Ананура и засѣлъ въ немъ.

Тотлебенъ оправдывалъ свое внезапное отступленіе небрежностью или недоброжелательствомъ Ираклія, не заготовившаго провіантъ и фуражъ для русскаго отряда. Но едва-ли это было такъ. Тотлебенъ выступилъ къ Ахалциху, имѣя съ собою продовольствія на нѣсколько дней. Изъ сохранившейся переписки видно, что во время стоянки отряда подъ крѣпостью Садгери (15-го апрѣля) Ираклій просилъ указаній Тотлебена относительно мѣста, куда должны быть направлены запасы, но не получилъ никакого отвѣта. Еще въ сел. Квишхети, гдѣ передъ походомъ стоялъ Тотлебенъ, и затѣмъ во время движенія къ Ацхуру, грузины свободно и открыто покупали у солдатъ печеный хлѣбъ и овесъ. Подъ Ацхуромъ казаки отогнали у непріятеля сто коровъ, не считая множества скота, полученнаго въ добычу отрядомъ. Кромѣ того, за хлѣбомъ были посланы партіи въ непріятельскія селенія и дѣйствительно доставили его, но Тотлебенъ не пожелалъ обождать ихъ возвращенія. Во всякомъ случаѣ, если даже допустить основательность указаннаго Тотлебеномъ повода къ отступленію отъ Ацхура, все-таки онъ не даетъ ключа къ объясненію дальнѣйшихъ поступковъ начальника русскаго отряда. Покинувъ Ираклія въ самую трудную для него минуту, Тотлебенъ не остался въ Карталиніи, въ которой квартировалъ всю зиму, и гдѣ имѣлось наиболѣе способовъ къ продовольствію отряда.

Расположивъ попрежнему свои войска въ Гори, Цхинвалѣ и Сурамѣ, близъ входа въ Боржомское ущелье, онъ могъ бы самою близостью своею къ мѣсту военныхъ дѣйствій оказать Ираклію по крайней мѣрѣ нравственную поддержку. Но онъ поступилъ иначе: усиленными маршами пройдя Карталинію, онъ занялъ въ началѣ мая Душетъ, захватилъ тамъ съ крѣпостной стѣны двѣ пушки и удалился съ ними въ Анануръ. Во время этого поспѣшнаго похода были совершены разнаго рода насильственныя дѣйствія противъ населенія: въ селеніи Мухрани ограблена православная церковь, близъ Душета захвачено имущество мѣстнаго моурава и убитъ одинъ дворянинъ.

Причину внезапнаго отступленія Тотлебена надо, кажется, искать въ его мнительности и боязни ареста, вызванныхъ поступками Чоглокова. Какъ уже было сказано, онъ относился подозрительно и къ Ираклію съ его войсками, и къ Моуравову, и ко всѣмъ своимъ офицерамъ русскаго и грузинскаго происхожденія. Были, конечно, люди, которые имѣли свою выгоду въ поддержаніи этой подозрительности. По словамъ царя Ираклія, Тотлебенъ, будучи въ Сурамѣ и Квишхети, весьма лѣнился выступить противъ непріятеля. Оставивъ въ крѣпости Садгери весь обозъ, артиллерію и половину отряда, онъ пришелъ подъ Ацхуръ только съ двумя палатками и одной пушкой. Объяснить такое странное распоряженіе можно только боязнью Тотлебена попасть въ ловушку. Ему могло казаться, что Ираклій, пройдя Боржомскую тѣснину, займетъ выходъ изъ нея къ Сураму и, такимъ образомъ, явится полнымъ распорядителемъ судебъ русскаго отряда. Поэтому-то Тотлебенъ призналъ небходимымъ оставить половину своихъ силъ въ Садгери, чтобы обезпечить себѣ отступленіе. Ираклій полагалъ довольно основательно, что Тотлебенъ даже вовсе не имѣлъ желанія идти вмѣстѣ съ нимъ противъ турокъ, но, не осмѣливаясь не исполнить высочайшаго повелѣнія, дошелъ до Ацхура и повернулъ назадъ подъ уважительнымъ предлогомъ недостатка провіанта и фуража.

Но и въ Сурамѣ Тотлебенъ не считалъ себя въ безо-

пасности. Еще съ весны 1770 года ожидалъ онъ прибытія гусарскаго эскадрона, отправленнаго изъ Кизляра въ Грузію подъ командою подполковника московскаго легіона князя Николая Юрьевича Ратіева. Сначала Тотлебенъ относился къ князю Ратіеву очень благосклонно. Обращаясь въ февралѣ 1770 года съ просьбою къ графу З. Г. Чернышеву объ отозваніи князя Моуравова и всѣхъ офицеровъ грузинскаго происхожденія, Тотлебенъ дѣлалъ исключеніе только для одного князя Ратіева, находя его человѣкомъ очень честнымъ и полезнымъ для службы. Ратіевъ подвигался со своею командою изъ Кизляра очень медленно и тѣмъ возбудилъ мнительность Тотлебена, который заподозрилъ его въ соучастіи въ заговорѣ Чоглокова и Ременникова. Ратіеву былъ посланъ приказъ отправить немедленно обратно въ Россію всѣхъ состоящихъ въ эскадронѣ оберъ и унтеръ-офицеровъ изъ грузинъ; но Ратіевъ не исполнилъ приказанія и повелъ эскадронъ въ прежнемъ составѣ. Такое неповиновеніе укрѣпило подозрѣнія Тотлебена. Возвратясь изъ-подъ Ацхура въ Сурамъ, онъ отправилъ секундъ-маіора Карпа и ротмистровъ Зорная и Пинхнера съ 30-ю гусарами съ приказаніемъ арестовать ослушника. Между тѣмъ Ратіевъ, переваливъ съ большими затрудненіями черезъ Кавказскій хребетъ, остановился на ночлегъ близъ Анануpa. Въ полночь 27-го апрѣля маіоръ Карпъ прискакалъ со своею командою къ ставкѣ Ратіева и вручилъ ему приказъ Тотлебена. Ратіевъ отказался отдаться подъ арестъ, объяснивъ, что онъ слѣдуетъ къ Тотлебену, который можетъ лично арестовать его, если признаетъ это нужнымъ. Карпъ настаивалъ и даже хотѣлъ прибѣгнуть къ насилію; проснувшіеся отъ шума гусары Ратіева тоже схватились за оружіе. Къ счастію Карпъ, сдѣлавъ нѣсколько безвредныхъ выстрѣловъ, ускакалъ съ своимъ ординарцемъ, а Зорнай и его гусары были арестованы. На другой день Ратіевъ получилъ изъ Тифлиса сообщеніе отъ князя Моуравова и письмо отъ царя Ираклія. Оба требовали прибытія его съ командою въ Тифлисъ „по самонужнѣйшимъ обстоятельствамъ“. Ратіевъ послѣдовалъ приглашенію и 1-го мая вступилъ въ Тифлисъ съ гусарами и артиллеріей.

Извѣстіе о безуспѣшности попытки арестовать Ратіева и о его вступленіи въ Тифлисъ привело Тотлебена въ величайшее смятеніе. Опасаясь враждебныхъ дѣйствій со стороны Ираклія и не питая довѣрія къ русскимъ офицерамъ своего незначительнаго отряда, онъ не призналъ возможнымъ оставаться болѣе въ Сурамѣ, гдѣ легко могъ быть отрѣзанъ отъ сообщенія съ Моздокомъ. Подъ вліяніемъ этого опасенія онъ покинулъ Сурамъ и, какъ уже было сказано, поспѣшилъ занять Анануръ съ цѣлью обезпечить себѣ, въ случаѣ надобности, путь отступленія въ Россію. Вмѣстѣ съ тѣмъ была принята имъ чрезвычайная мѣра: 2-го мая онъ объявилъ по всей Грузіи отъ имени императрицы Екатерины манифестъ, которымъ обѣщалась значительная денежная награда тому, кто представитъ живыми или мертвыми Ратіева, Чоглокова и Деграліе *), оказавшихъ себя измѣнниками и бунтовщиками особѣ государыни императрицы, всероссійскому государству и принятому въ высочайшую защиту царю Ираклію и его фамиліи.

Манифестъ этотъ и оскорбилъ, и встревожилъ Ираклія. Онъ находилъ, что Тотлебенъ не имѣлъ права дѣлать подобное публичное распоряженіе безъ его вѣдома и согласія, считалъ его оскорбительнымъ для своего царскаго достоинства и соблазнительнымъ для своихъ подданныхъ. Весьма вѣроятно, что Ираклій усмотрѣлъ въ манифестѣ и скрытую угрозу самому себѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, доносилъ князь Моуравовъ графу Панину. На другой же день послѣ появленія манифеста Ираклій написалъ князю Ратіеву письмо, въ которомъ перечислилъ всѣ поступки Тотлебена,

*) Чоглоковъ, арестованный Тотлебеномъ, былъ отправленъ 4-го апрѣля 1770 г. въ Россію, но съ дороги бѣжалъ и 1-го мая прибылъ въ Тифлисъ вмѣстѣ съ уволеннымъ отъ службы поручикомъ Деграліе. Этотъ послѣдній былъ исключенъ Тотлебеномъ изъ службы за какія-то письма, „вредительныя“ для императрицы Екатерины и для царя Ираклія. Деграліе не отрицалъ своего авторства, но утверждалъ, что письма писалъ по приказанію Тотлебена.

обличающіе его измѣну императрицѣ, и заключилъ слѣдующими словами:

„симъ объявляю какъ вамъ, такъ и прочимъ штабъ- и оберъ-офицерамъ, чтобъ Тотлебена арестовать и къ ея величеству и высочайшему двору отослать и кого вы за благо изобрести и того командиромъ учинить, пока Томскаго полку полковникъ прибудетъ и когда отъ ея величества повелѣніе послѣдуетъ по тому исполнимъ, и когда кто сіе не учинитъ, тотъ предъ всемилостивѣйшею государынею и предъ высочайшимъ дворомъ ея отвѣтствовать долженъ“.

По поводу того же манифеста Ираклій писалъ русскому резиденту князю Моуравову отъ 6-го мая 1770 года:

„Тотлебенъ не долженъ былъ писать къ моему народу такія письма безъ вѣдома моего, и за такими причинами не могу я стерпѣть его въ моей землѣ, да и въ службѣ моей всемилостивѣйшей государынѣ сдѣлаетъ мнѣ остановку, и если отъ такого презлого человѣка избавите, то беру на себя, что находящіяся здѣсь государевы войска въ провіантѣ и въ хорошемъ содержаніи нужды не будутъ имѣть“.

Такимъ образомъ, Ираклій и Тотлебенъ, представители двухъ союзныхъ государствъ, стояли, какъ враги, одинъ противъ другого, готовясь каждый принять рѣшительныя мѣры при первомъ враждебномъ дѣйствіи противника. Обѣ стороны отправляли жалобу за жалобой въ Петербургъ. Но при тогдашнихъ разстояніяхъ и способахъ сообщенія отвѣтъ могъ послѣдовать не скоро. Тотлебенъ, несмотря на неоднократныя приглашенія Ираклія стать лагеремъ въ Мухрани, Гори или другомъ какомъ-либо мѣстѣ, гдѣ снабженіе отряда легче и удобнѣе, не рѣшался покинуть крѣпкій Анануръ и распоряжался тамъ, какъ въ непріятельской странѣ. Онъ выгналъ изъ Душета и Ананура грузинскіе караулы и замѣнилъ ихъ своими гарнизонами, разсылалъ партіи для грабежа окрестныхъ селеній и приводилъ жителей къ присягѣ на русское подданство. Признавая Ираклія непріятелемъ Россіи, онъ прекратилъ съ нимъ всякія сношенія и высочайшимъ именемъ приказалъ нашему резиденту князю Моуравову выѣхать изъ Тифлиса въ Моздокъ и тамъ ожидать дальнѣйшихъ распоряженій. Моуравовъ не рѣшился, однако, покинуть свой постъ до именного высочайшаго повелѣнія.

Въ Петербургѣ впечатлѣніе, произведенное распрей, было не въ пользу грузинскаго царя. Донесеніямъ Тотлебена и состоявшаго при немъ капитанъ-поручика Львова дано болѣе вѣры, чѣмъ представленіямъ Ираклія. Онъ былъ признанъ безусловно виновнымъ въ оскорбленіи Тотлебена и неисполненіи принятаго на себя обязательства. Причину распри нашли исключительно въ навѣтахъ и ковахъ зломысленныхъ людей, т. е. Чоглокова, Ратіева, Моуравова и Дегraліе. Для ближайшаго изслѣдованія всѣхъ обстоятельствъ и принятія мѣръ къ успѣшному продолженію военныхъ дѣйствій императрица избрала лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка капитана Николая Даниловича Языкова. Въ данной ему 9-го іюля 1770 года инструкціи предусматривалась возможность трехъ случаевъ: 1) распря Ираклія съ Тотлебеномъ еще продолжается, и потому военныя дѣйствія противъ турокъ остановились; 2) Тотлебенъ лишилъ Ираклія его владѣнія, но возбудилъ этимъ противъ себя его подданныхъ и потому остается въ бездѣйствіи; и 3) грузины отнеслись равнодушно къ устраненію Ираклія и, вмѣстѣ съ Тотлебеномъ, продолжаютъ войну противъ турокъ. Сообразно этимъ тремъ возможностямъ, по разслѣдованіи дѣла на мѣстѣ, Языкову поручалось опредѣлить: необходимо ли возстановленіе Ираклія въ его владѣніи и примиреніе его съ Тотлебеномъ, или же продолженіе войны возможно безъ этихъ предварительныхъ мѣръ. Къ инструкціи были приложены двѣ высочайшія грамоты къ царю Ираклію и письма къ нему же графа Панина. Предъявленіе царю той или другой грамоты ставилось въ зависимость отъ положенія дѣлъ, которое оказалось бы на мѣстѣ. Во всякомъ случаѣ Языковъ долженъ былъ истощить предварительно всѣ старанія, чтобы Ираклій остался благонамѣреннымъ къ Россіи, по крайней мѣрѣ во время продолженія турецкой войны. Однимъ изъ пунктовъ инструкціи

Языковъ уполномочивался отрѣшить князя Моуравова отъ должности резидента и отправить его въ Петербургъ подъ присмотромъ, а вмѣсто него назначить находящагося уже въ Грузіи капитанъ-поручика Львова. Поводъ къ отрѣшенію Моуравова былъ взятъ изъ донесеній Тотлебена: онъ не имѣлъ никакого усердія въ порученной ему должности, но предпочиталъ пользу Грузіи пользамъ Россіи, давно искалъ ссорить Тотлебена съ Иракліемъ и вступалъ противъ него въ заговоры.

Между тѣмъ Тотлебенъ, по прибытіи Томскаго пѣхотнаго полка, призналъ возможнымъ покинуть Анануръ. Напрасно Ираклій нѣсколько разъ умолялъ его забыть взаимныя пререканія и воспользоваться благопріятнымъ временемъ для совмѣстныхъ военныхъ дѣйствій. Тотлебенъ рѣзко и даже грубо отказался отъ примиренія и объявилъ царю, что пойдетъ одинъ къ Ахалциху черезъ Имеретію, принявъ предварительно въ Грузіи мѣры, предписываемыя предосторожностью и особенно необходимостью обезпечить свободное сообщеніе съ Моздокомъ.

Изломавъ почти всѣ находившіяся въ Ананурѣ грузинскія пушки и захвативъ болѣе 200 пудовъ пороха, Тотлебенъ двинулся въ походъ черезъ Мухрань и Гори къ Сураму. Во всѣхъ попутныхъ крѣпостяхъ онъ оставлялъ гарнизоны и приводилъ населеніе къ присягѣ. Въ послѣднихъ числахъ іюня 1770 года русскій отрядъ вступилъ въ Имеретію. Царь Соломонъ со своими князьями встрѣтилъ Тотлебена верстахъ въ 20-ти отъ грузинской границы. На общемъ совѣтѣ было рѣшено аттаковать крѣпость Багдатъ, расположенную при выходѣ р. Ханисъ-цкали изъ ущелья на лѣсистую плоскость. Крѣпость эта закрывала большую дорогу изъ Кутаиса въ Ахалцихъ, откуда турки входили въ Имеретію. Самое укрѣпленіе имѣло видъ четыреугольника. Длина его стѣнъ, сложенныхъ изъ крупныхъ булыжныхъ камней, не превышала 80-ти шаговъ. Гарнизонъ состоялъ всего изъ 30-ти турокъ при нѣсколькихъ орудіяхъ. Тѣмъ не менѣе взятіе этой крѣпостцы представило значительныя затрудненія. Стѣны оказались непроницаемыми для

полевыхъ пушекъ. Обмѣнявшись нѣсколькими выстрѣлами съ русскимъ отрядомъ, осажденные вступили въ переговоры и изъявили готовность сдаться, если имеретинская царица поручится за жизнь и имущество гарнизона. Предложеніе было принято, турки вышли съ знаменами, а царица Марія вошла въ крѣпость съ своею свитою. Безкровное занятіе Багдата при помощи женщины дало Тотлебену поводъ написать пышную реляцію о совершенномъ подвигѣ. Хотя крѣпость Шорапань была взята царемъ Соломономъ еще до прибытія въ Имеретію Тотлебена, этотъ послѣдній включилъ и ее въ перечень плѣнныхъ турокъ и взятыхъ трофеевъ. Императрица Екатерина, сообщая Вольтеру, письмомъ отъ 18-го августа 1770 года, о закавказскихъ подвигахъ Тотлебена, писала о взятіи Багдата: „супруга имеретинскаго царя, прибывъ въ русскій станъ, просила графа предоставить ей честь первой вступить въ крѣпость, когда она будетъ занята. Вы понимаете, конечно, что ей не было въ этомъ отказано...“.

На слѣдующій послѣ сдачи Багдата день союзники отправились къ Кутаису и 5-го іюля стали лагеремъ подъ его стѣнами. Здѣсь, если принять во вниманіе обширность крѣпости, гарнизонъ былъ еще менѣе значителенъ, чѣмъ въ Багдатѣ: онъ состоялъ изъ 50-ти или 60-ти воиновъ. Городскихъ жителей было всего до 220-ти человѣкъ обоего пола, такъ какъ царь Соломонъ еще до прибытія Тотлебена разорилъ городскія предмѣстья. Но и здѣсь малокалиберныя полевыя орудія оказались безсильными противъ толстыхъ крѣпостныхъ стѣнъ. Осаждающіе рѣшили окружить Кутаисъ частыми постами, чтобы прекратить непріятелю способы доставать продовольствіе. Томимые голодомъ, горожане начали ежедневно выбѣгать въ нашъ лагерь. Турки охотно выпускали ихъ изъ крѣпости, чтобы уменьшить у себя число ртовъ. Тотлебенъ, не обращая вниманія на совѣты своихъ офицеровъ, также охотно принималъ бѣглецовъ, занося ихъ въ списокъ военноплѣнныхъ. Такимъ образомъ собралось въ нашемъ лагерѣ голодныхъ горожанъ до 160-ти человѣкъ. Наконецъ и защитники крѣ-

пости вступили въ переговоры, не приведшіе, однако, къ положительному результату. Утромъ 6-го августа удалось учащенной пальбой пробить брешь въ одной изъ осыпавшихся стѣнъ. Въ тотъ же день Тотлебенъ получилъ извѣстіе, что гарнизонъ готовится въ слѣдующую ночь тайно покинуть крѣпость. Дѣйствительно, часовъ около 10-ти вечера турки прорвались между пикетами и благополучно ушли. Крики и ружейные выстрѣлы подняли на ноги войска, но Тотлебена не могли нигдѣ найти. Потомъ оказалось, что въ то время, когда турки выходили изъ крѣпости, онъ тайно поспѣшилъ съ небольшою командою проникнуть въ нее черезъ брешь. На другое утро были осмотрѣны убитые въ крѣпости и около нея. Большая часть состояла изъ женщинъ и дѣтей, военныхъ же людей найдено очень мало. Тотлебенъ просилъ царя Соломона приказать окрестнымъ сельчанамъ ловить бѣжавшихъ турокъ. Несмотря на обѣщанное вознагражденіе, они доставили только одного человѣка и одну отрѣзанную голову. Съ нашей стороны 6-го августа обошлось безъ потери, но за все время блокады Кутаиса корпусъ лишился до 70-ти человѣкъ.

Въ реляціи Тотлебена занятіе Кутаиса названо штурмомъ. Захваченные при этомъ горожане отправлены къ высочайшему двору подъ именемъ военноплѣнныхъ. Половина ихъ состояла изъ женщинъ и дѣтей.

Послѣ Кутаиса Тотлебенъ пытался предпринять движеніе прямою дорогою къ Ахалциху, но дошелъ только до горъ и возратился опять подъ Кутаисъ. Сюда же прибылъ 23-го сентября и капитанъ Языковъ съ высочайшими грамотами отъ 9-го іюля. Еще съ дороги Языковъ предложилъ Моуравову прибыть изъ Тифлиса въ корпусъ Тотлебена. Моуравовъ пріѣхалъ 26-го сентября, былъ немедленно арестованъ и отправленъ въ Петербургъ.

Языковъ доносилъ, что отрядъ нашъ не имѣетъ нужды ни въ хлѣбѣ, ни въ мясѣ, но въ амуниціи, одеждѣ и обуви большой недостатокъ, время же холодное и дождливое, отчего много больныхъ. Въ Тотлебенѣ Языковъ замѣтилъ стремленіе дѣйствовать безъ помощи союзниковъ, чтобы ни съ кѣмъ не дѣлить военную славу. Отъ примиренія съ Иракліемъ онъ рѣшительно отказался, съ Соломономъ же успѣлъ уже поссориться и не позволилъ ему участвовать въ предположенномъ походѣ къ крѣпости Поти.

Таковы были первыя впечатлѣнія Языкова, изложенныя въ его рапортѣ графу Н. И. Панину отъ 13-го октября 1770 года. Послѣдующіе отзывы его о начальникѣ русскаго отряда еще болѣе рѣзки. Онъ находилъ, что Тотлебенъ, поссорившись съ владѣтелями Грузіи и Имеретіи, потерялъ совершенно безплодно для дѣла цѣлый годъ, а безполезною осадою ничтожныхъ крѣпостей только напрасно изнурялъ солдатъ и даромъ проливалъ ихъ драгоцѣнную кровь. Ираклія и Соломона Языковъ нашелъ вполнѣ преданными императрицѣ и готовыми всѣми мѣрами и силами содѣйствовать общему дѣлу, но Тотлебенъ отказывается наотрѣзъ исполнить цѣль, указанную ему въ инструкціи. „Лаской—такъ оканчиваетъ Языковъ свой рапортъ отъ 3-го декабря 1770 года—лаской изъ здѣшняго народа все сдѣлаетъ, а грубость и суровость ихъ отгоняетъ“.

Въ своихъ донесеніяхъ графу Панину Языковъ избѣгалъ касаться личныхъ качествъ Тотлебена. Какъ человѣкъ сдержанный и осторожный въ выводахъ, онъ, очевидно, не хотѣлъ давать отзывы поспѣшные, не основанные на провѣренныхъ данныхъ. Въ первыхъ рапортахъ, какъ уже было сказано выше, онъ объяснялъ славолюбіемъ стремленіе Тотлебена дѣйствовать собственными силами. Но въ рапортѣ отъ 19-го декабря 1770 года эта простительная слабость замѣняется позорною алчностью:

„пребываніе здѣсь графа Тотлебена ни что иное, какъ только чтобъ достать себѣ добычу, что довольно уже и досталъ и для того точно отгоняетъ отъ себя здѣшнихъ царей и одинъ хочетъ города брать. Примѣръ его жадности къ добычѣ подъ Кутаисомъ: когда изъ крѣпости выходили голодные люди и по большей части женщины съ вьюками, графъ посылалъ офицеровъ оныхъ обирать, даже снималъ перстни съ рукъ, оставляя однѣ рубашки, а взятое все къ

нему въ ставку приносили. А по взятіи уже крѣпости сказали графу, что есть пожитки, зарытые въ крѣпости. Послалъ онъ за плѣнными турками и велѣлъ офицерамъ допрашивать ихъ гдѣ въ крѣпости зарыты пожитки, и сѣчь ихъ нещадно батожьемъ,—тиранства такого, я думаю, у самихъ турокъ не бываетъ. Оное мнѣ сказывали исполнители, да и много другихъ подобныхъ случаевъ, кои считаю за излишнее описывать. Солдаты наги, безъ соли и пищи, никогда войско россійское въ такой нуждѣ не бывало,—все оное отъ дурного распорядка. Лаской здѣсь хлѣба со излишествомъ всегда можно достать, а за ссорами хлѣба не продаютъ".

Упомянувъ затѣмъ еще разъ о полной готовности Ираклія и Соломона *) исполнять всѣ повелѣнія императрицы и объ оскорбительномъ обращеніи съ ними начальника отряда, считающаго ихъ какъ послѣдняго солдата, Языковъ находилъ необходимымъ для пользы дѣла смѣнить Тотлебена, котораго „въ здѣшнихъ народахъ до послѣдняго человѣка не терпятъ".

Подобный же отзывъ о надменности, запальчивости и грабительствѣ Тотлебена находимъ и въ отзывѣ капитанъ-поручика Львова. „Я никогда не смѣлъ подумать, писалъ онъ 2-го декабря 1770 года, чтобы могъ быть графъ Тотлебенъ столько къ интересу жаденъ, чтобъ для полученія онаго и честь свою повредить ни мало не жалѣетъ; такимъ-то точно онъ теперь всѣми, въ командѣ его находящимися, по справедливости почитается".

Въ первыхъ числахъ октября 1770 года Тотлебенъ направился къ Поти. На границѣ Мингреліи присоединился къ нему съ 400 чел. владѣтель этой страны Кація Дадіани,

*) Въ разговорѣ съ Языковымъ царь Соломонъ при всѣхъ князьяхъ сказалъ: „ежели государынѣ угодно, я охотно свою голову на плаху положу, и клянусь Богомъ, когда наша государыня намъ съ царемъ Ираклiемъ прикажетъ запречься вмѣсто быковъ, мы станемъ тянуть и горы на себѣ возить. А графа Тотлебена послѣ такой обиды, что онъ меня назвалъ татариномъ, какимъ я въ вѣкъ мой не былъ, видѣться съ нимъ и вмѣстѣ быть никакъ не могу".

отдѣлившій часть своего войска для занятія небольшихъ турецкихъ укрѣпленій Рухи на р. Ингурѣ и Анакліи на берегу Чернаго моря. Въ нихъ было по 20-ти чел. турецкихъ солдатъ, которые бѣжали при первомъ извѣстіи о вступленіи русскихъ въ Мингрелію. Во второй половинѣ октября Тотлебенъ занялъ поселеніе Поти и обложилъ самую крѣпость. Въ донесеніи объ этомъ ничтожномъ событіи онъ писалъ, что отнялъ также у непріятеля крѣпости Рухи и Анаклію, причемъ наименовалъ Поти—городомъ Екатерины, Анаклію—Алексѣевны, а Рухи—Св. Павла. По требованію Тотлебена радостное событіе это отпраздновали въ Кизлярѣ и Астрахани благодарственными молебствіями. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, положеніе нашего корпуса подъ Поти было самое бѣдственное, и только русскій солдатъ могъ безропотно подчиниться тѣмъ условіямъ, въ которыя поставили его упрямство и алчность Тотлебена.

Потійская крѣпость имѣла четыре бастіона безъ рва и наружныхъ укрѣпленій. Тотлебенъ расположилъ свои войска на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ стѣнъ, за дурно устроенными закрытіями. Не имѣя крѣпостныхъ орудій, онъ не могъ вредить непріятелю, а самъ несъ большія потери. Въ то время, когда у насъ было убитыхъ до 100 человѣкъ, турки потеряли только пятерыхъ. Единственный артиллерійскій офицеръ князь Колычевъ палъ на батареѣ отъ ружейной пули. Тотлебенъ имѣлъ подъ ружьемъ не болѣе 1200 человѣкъ,—число совершенно недостаточное для полнаго обложенія крѣпости. Людьми, бывшими при Дадіани, онъ не желалъ пользоваться и даже приказалъ, чтобы при штурмѣ ни одинъ мингрелецъ не былъ пропущенъ въ крѣпость. Матеріальная часть въ нашемъ корпусѣ находилась въ полномъ разстройствѣ. Рядовые были наги и босы, рѣдкій имѣлъ рубаху; терпѣли нужду въ провіантѣ и особенно въ соли, отъ недостатка которой начинали пухнуть. Лазаретъ съ больными и ранеными стоялъ подъ выстрѣлами. Запасъ пороха и патроновъ былъ очень скуденъ. „Мы держимся здѣсь", доносилъ графу Панину капитанъ Языковъ, „однимъ счастіемъ нашей великой государыни".

Опасность положенія увеличивалась возможностью наступленія турокъ съ юга и сѣвера, со стороны Батума и Аку (Сухума). Тотлебена предупреждали объ этомъ, но онъ не обращалъ вниманія на предостереженія. Между тѣмъ, событія ясно указывали на приближеніе грозы.

Въ декабрѣ 1770 года абхазцы отогнали изъ-подъ русскаго лагеря 412 лошадей, превративъ однимъ ударомъ всю нашу кавалерію въ пѣхоту. Въ концѣ того же мѣсяца появились близъ Поти передовыя части сильнаго турецкаго корпуса (до 6000 человѣкъ), наступавшаго изъ Батума. Тотлебенъ потерялъ голову и не зналъ, что предпринять. Къ счастью, въ лагерѣ находились Языковъ и Львовъ. Послѣдній въ одни сутки прискакалъ въ Кутаисъ и упросилъ царя Соломона двинуться немедленно въ Гурію въ тылъ непріятеля. Маневръ этотъ спасъ нашъ корпусъ отъ гибели, такъ какъ турки повернули назадъ при первомъ извѣстіи о движеніи имеретинскаго ополченія. „Царь Соломонъ великую услугу намъ оказалъ“, доносилъ Языковъ: „ежели бы онъ не спѣшилъ съ войскомъ, то бы наша гибель была“.

Наступилъ и 1771 годъ, а крѣпость держалась. Тотлебенъ называлъ свои дѣйствія блокадой, но въ дѣйствительной блокадѣ состоялъ нашъ корпусъ, нуждавшійся во всемъ необходимомъ, тогда какъ въ крѣпости до послѣдняго дня обложенія слышалось мычаніе рогатаго скота и кудахтаніе куръ. Въ началѣ февраля пришло достовѣрное извѣстіе о готовившемся нападеніи абхазцевъ. Языковъ и Львовъ вновь отправились за помощью въ Кутаисъ, но Тотлебенъ, не выждавъ ихъ возвращенія, 6-го февраля 1771 года снялъ блокаду и отступилъ въ м. Хони на границѣ Мингреліи и Имеретіи.

Такъ кончилась эта злосчастная блокада, продолжавшаяся три съ половиною мѣсяца. Не одна сотня храбрыхъ воиновъ нашихъ погибла безъ пользы подъ стѣнами Поти, не въ честномъ бою, а отъ нужды и смертоносныхъ испареній ріонскихъ болотъ. „Графъ Тотлебенъ“, писалъ съ негодованіемъ Языковъ, „болѣе стыда, нежели похвалы въ здѣшнемъ краѣ нашей націи сдѣлалъ! Здѣшній народъ о насъ заключаетъ теперь менѣе, нежели какъ прежде“.

Отступленіе въ Хони довершило разстройство отряда. Время стояло холодное, дождь смѣнялся снѣгомъ. Дороги въ болотистой и лѣсистой Мингреліи сдѣлались непроходимыми. Въ отрядѣ не было лошадей, и солдаты, босые и нагіе, тащили на себѣ артиллерію и обозъ по глубокой грязи и топкимъ болотамъ,

Между тѣмъ, въ Петербургѣ, взглядъ на Тотлебена, какъ на жертву коварства Ираклія и Соломона, поколебался. Сама императрица дивилась его неслыханной подозрительности и находила, что „онъ способнѣе въ Грузіи наши дѣла испортить, нежели оныя привести въ полезное состояніе“. Первыя же донесенія Языкова показали, что рѣчь идетъ уже не объ исправленіи дѣла, а о спасеніи нашего отряда. На мѣсто Тотлебена былъ назначенъ изъ дѣйствующей арміи г.-м. Сухотинъ, о чемъ императрица грамотами отъ 13-го января 1771 года извѣстила владѣтелей Грузіи и Имеретіи. Тотлебенъ получилъ это неожиданное для него извѣстіе въ Кутаисѣ, въ концѣ марта, и считалъ виновниками его Языкова и Львова *). Ему казалось даже, что Львовъ замышлялъ арестовать его. Въ маѣ прибылъ въ Кутаисъ Сухотинъ и вступилъ въ командованіе корпусомъ.

Императрица Екатерина писала царю Ираклію, что Сухотинъ въ войнѣ противъ турокъ „довольные опыты оказалъ храбрости и военнаго искуства“. Дѣйствія его за Кавказомъ показали, что онъ не имѣлъ, однако, качествъ, необходимыхъ для самостоятельнаго командованія: благоразумія и предусмотрительности. Корпусъ, по его собственному отзыву, найденъ былъ имъ въ самомъ бѣдственномъ положеніи: „люди безъ палатокъ, мундировъ, шляпъ, ни

*) Тотлебенъ скончался въ Варшавѣ въ 1773 г. Наумъ Чоглоковъ, князь Ратіевъ и прочіе заговорщики были судимы въ Казани въ 1771 году и приговорены къ ссылкѣ въ Сибирь. При императорѣ Павлѣ Чоглоковъ возвратился изъ ссылки и умеръ въ 1798 году въ Новгородѣ.

одной лошади, ни одного сѣдла, ни одного хомута, пороху на пушку только по пяти, а на человѣка по десяти выстрѣловъ, ни одной штуки шанцевого инструмента". Несомнѣнно, что при такихъ условіяхъ санитарное состояніе корпуса не могло быть хорошимъ и требовало внимательнаго попеченія о людяхъ. Назначая Сухотина на Кавказъ, императрица рескриптомъ повелѣла ему удержать Поти, если графъ Тотлебенъ дѣйствительно завладѣлъ этимъ городомъ, его крѣпостью и портомъ. Сухотинъ, ознакомясь на мѣстѣ съ положеніемъ дѣлъ, не имѣлъ настолько мужества, чтобы отказаться отъ предпріятія противъ Поти, предложеннаго ему въ Петербургѣ, гдѣ не могли знать ни разстройства корпуса, ни мингрельскихъ болотъ. Тщетно царь Соломонъ предостерегалъ его объ опасности похода къ Поти въ лѣтніе мѣсяцы и предлагалъ отложить предпріятіе до болѣе благопріятнаго времени. Напрасно и царь Ираклій доказывалъ свою любимую мысль о необходимости дѣйствовать противъ Ахалциха, какъ главнаго оплота турокъ. Сухотинъ надменно отвергъ всѣ совѣты, объявивъ, что онъ не боится ни солнечнаго жара, ни дурного воздуха и не нуждается ни въ чьей помощи для овладѣнія крѣпостью. Войска наши, изнуренныя предшествовавшими лишеніями и трудами, испытали подъ Поти неслыханныя бѣдствія. Въ лѣто 1771 года болотная лихорадка свирѣпствовала тамъ съ небывалой жестокостью. Въ короткое время въ нашемъ корпусѣ умерло отъ нея до 800 человѣкъ, здоровыхъ не было ни одного и еще въ ноябрѣ числилось до 500 больныхъ. Сухотинъ былъ вынужденъ отступить къ Кутаису и, страдая отъ лихорадки, а болѣе отъ сознанія ошибки, послалъ императрицѣ прошеніе объ увольненіи, такъ какъ не чувствовалъ себя въ состояніи ни корпусомъ повелѣвать, ни предпринимать съ нимъ что-нибудь противъ непріятеля.

Злосчастный походъ къ Поти былъ послѣднимъ опытомъ активнаго участія нашего закавказскаго корпуса въ турецкой войнѣ. Дальнѣйшее пребываніе его въ Грузіи было признано безполезнымъ. Грамотами отъ 4-го февраля 1772 года императрица извѣстила объ этомъ Ираклія и Соломона, причемъ обѣщала утвердить за ними при заключеніи мирнаго трактата съ Турціей всѣ сдѣланныя ими завоеванія.

Уходъ нашихъ войскъ вызвалъ всеобщее сожалѣніе христіанскаго населенія Закавказья. Можно вполнѣ вѣрить искренности этого чувства. Какъ ни былъ слабъ корпусъ по численному составу, какъ ни дурно былъ онъ руководимъ, пребываніе русскихъ войскъ за Кавказомъ служило достаточною угрозою для турокъ. Ираклій и Соломонъ хорошо сознавали, что уходъ корпуса, являясь какъ-бы видимымъ знакомъ лишенія ихъ покровительства могущественнаго сосѣда, отдавалъ христіанъ на произволъ мщенію ихъ исконнаго врага.

Войска наши покинули Кутаисъ 5-го мая 1772 года, а въ началѣ августа вступили въ Моздокѣ на русскую землю послѣ почти трехлѣтняго пребыванія за Кавказомъ.

Екатерина не забыла обѣщанія своего принять во вниманіе интересы христіанскихъ областей Закавказья при заключеніи мира съ Турціей. Въ Кучукъ-Кайнарджійскомъ трактатѣ 10-го іюля 1774 года отношенія Порты оттоманской къ этимъ областямъ опредѣлены 23-мъ артикуломъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„въ части Грузіи (Имеретіи) находящіяся крѣпости Багдадчикъ (Багдатъ-цихе), Кутаисъ и Шегербанъ (Шорапанъ), россійскимъ оружіемъ завоеванныя, будутъ Россіею признаны принадлежащими тѣмъ, кому онѣ издревле принадлежали, такъ, что ежели подлинно оные города издревле или съ давняго времени были подъ владѣніемъ блистательной Порты, то будутъ признаны ей принадлежащими; а по размѣнѣ настоящаго трактата въ условленное время россійскія войска выйдутъ изъ упомянутыхъ провинцій Грузіи и Мингреліи. Блистательная же Порта съ своей стороны обязывается дозволить совершенную амнистію всѣмъ тѣмъ, которые въ томъ краю въ теченіе настоящей войны какимъ ни есть образомъ ее оскорбили. Торжественно и навсегда отказывается она требовать дани отроками и отроковицами и всякаго рода другихъ податей; обязывается не почитать

между ними никого за своихъ подданныхъ, кромѣ тѣхъ, которые издревле ей принадлежали. Всѣ замки и укрѣпленныя мѣста, бывшія у грузинцовъ и мингрельцовъ во владѣніи, оставить паки подъ собственною ихъ стражею и правленіемъ, такъ какъ и не притѣснять никоимъ образомъ вѣру, монастыри и церкви, и не препятствовать поправленію старыхъ и созиданію новыхъ. Но какъ помянутые народы находятся подданными блистательной Порты, то россійская имперія не имѣетъ совсѣмъ впредь въ оныя вмѣшиваться, ниже притѣснять ихъ".

Статья эта впервые опредѣлила съ большею или меньшею точностью отношенія Турціи къ ея христіанскимъ подданнымъ Закавказья и поставила ихъ подъ охрану международнаго акта. Артикулъ двадцать третій создалъ и для Россіи, какъ участницы договора, право требовать отъ Порты соблюденія и исполненія принятыхъ ею на себя обязательствъ въ отношеніи Грузіи, Имеретіи и Мингреліи. Въ смыслѣ политическомъ это былъ очень крупный успѣхъ.

Постановленія 23-го артикула относились собственно только къ владѣніямъ Соломона, такъ какъ царство Ираклія не состояло подъ верховною властью турецкаго султана. Послѣ заключенія мира турки дѣлали притязанія на Имеретію, хотѣли ввести въ нее свои войска и занять гарнизонами упомянутые въ трактатѣ города. Но Соломонъ нашелъ способы воспротивиться этому и не пустилъ турокъ въ свои владѣнія.

Такъ кончился первый опытъ дѣйствій противъ турокъ со стороны Малой Азіи. Въ военномъ отношеніи онъ не имѣлъ никакого успѣха. Причины тому были и случайныя, и общія. Къ первымъ надо отнести неудачный выборъ начальниковъ вспомогательнаго русскаго отряда. По тогдашнимъ обстоятельствамъ края для этой должности требовался не столько воинъ, сколько дипломатъ, который сумѣлъ бы соединить и направить къ одной цѣли разрозненныя силы. Подъ начальствомъ Тотлебена и Сухотина корпусъ нашъ бѣдствовалъ не отъ непріятеля, а отъ раздоровъ

между военачальниками и мѣстными владѣтелями. Личныя свойства Тотлебена внесли разладъ даже въ самое войско и грозили совсѣмъ подорвать въ немъ порядокъ и дисциплину. Общія причины неуспѣха заключались въ томъ, что русскій корпусъ въ Грузіи былъ отдѣленъ отъ своей базы главнымъ Кавказскимъ хребтомъ, трудно проходимымъ и населеннымъ хищническими племенами. Вслѣдствіе этого снабженіе войска всѣмъ необходимымъ изъ Россіи представляло величайшія затрудненія и нерѣдко вовсе прерывалось на долгое время; на мѣстѣ же правильно организованная провіантская часть была вовсе неизвѣстна. Грузинскія войска, во время войны, продовольствовались, главнымъ образомъ, путемъ реквизицій и грабежомъ въ непріятельской землѣ.

„Отдаленность Грузіи и трудность проѣздовъ—два обстоятельства, которыя присвоеніе сей земли непрочнымъ дѣлаютъ". Такъ отвѣчалъ графъ Панинъ 16-го іюля 1770 года на предложеніе Тотлебена завладѣть царствомъ грузинскимъ. Эти же соображенія заставили императрицу Екатерину отклонить ходатайство Ираклія о принятіи Грузіи подъ покровительство Россіи и его же предложеніе о заключеніи съ нимъ формальнаго союза противъ турокъ.

Для дѣйствительнаго вліянія на дѣла Закавказья надлежало предварительно распространить русскую власть отъ береговъ Терека до подошвы Кавказскихъ горъ и построеніемъ крѣпости при входѣ въ ущелье Даріала держать въ повиновеніи хищныя племена, обитающія вдоль дороги въ Грузію.

Ближайшее исполненіе этой задачи, по мысли князя Таврическаго, выпало на долю его внучатнаго брата, Павла Сергѣевича Потемкина.

Графъ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ. *)

(1743—1796).

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1896 года минуло сто лѣтъ со дня кончины одного изъ выдающихся кавказскихъ дѣятелей царствованія Екатерины Великой. Мы говоримъ о Павлѣ Сергѣевичѣ Потемкинѣ, внучатномъ братѣ свѣтлѣйшаго князя Таврическаго. Начавъ боевую службу въ первую турецкую войну (1768 г.), Павелъ Сергѣевичъ быстро выдвинулся впередъ на служебномъ поприщѣ, но вскорѣ послѣ смерти своего могущественнаго родственника лишился милости при дворѣ и скончался 29-го марта 1796 года, подавленный тяжестью обвиненія въ позорномъ преступленіи. Разсказы о совершенномъ имъ злодѣйствѣ повторяются еще и теперь, какъ нѣчто достовѣрное и доказанное. Никто изъ біографовъ его, даже новѣйшихъ, не далъ себѣ труда разобраться въ этомъ дѣлѣ и отдѣлить вѣрное отъ ложнаго или сомнительнаго. Наступившее столѣтіе со дня смерти Павла Сергѣевича даетъ достаточный поводъ припомнить его дѣйствительныя заслуги, провѣрить обвиненіе, омрачающее до сихъ поръ его имя, выяснить его фактическія основы и показать, въ какой степени заслуживаетъ оно довѣрія. Мы не будемъ, впрочемъ, излагать подробно дѣятельности П. Потемкина, предшествовавшей назначенію его на Кавказъ. Эта часть его біографіи достаточно извѣстна, и потому довольно напомнить о ней въ нѣсколькихъ только словахъ.

Павелъ Сергѣевичъ, родившійся въ 1743 г., получилъ

---

*) Газета „Кавказъ", 1897 г., №№ 112, 114 и 128.

порядочное образованіе (по преданію, въ московскомъ университетѣ) и, по обычаю того времени, поступилъ въ военную службу. Первая турецкая война доставила ему чинъ генералъ-майора и георгіевскій крестъ четвертаго класса. Въ 1774 г. Екатерина вызвала молодого генерала изъ арміи и назначила его начальникомъ секретныхъ комиссій, производившихъ слѣдствіе надъ участниками пугачевскаго бунта. Сверхъ того, ему было поручено изслѣдовать причины возмущенія, изыскать на мѣстѣ лучшія мѣры къ ихъ искорененію и придумать новыя основанія для установленія порядка и повиновенія на Яикѣ. По взятіи Пугачева Потемкинъ производилъ надъ нимъ слѣдствіе вмѣстѣ съ московскимъ градоначальникомъ княземъ М. Н. Волконскимъ.

Въ концѣ 1782 года Павелъ Потемкинъ прибылъ на Кавказъ въ чинѣ генералъ-поручика и званіи командующаго войсками на моздокской линіи. Въ это время на южной окраинѣ Россіи готовилось политическое событіе первостепенной важности. Кучукъ-Кайнарджійскій миръ (1774 г.), освободившій Грузію отъ притязаній Турціи, открылъ широкій просторъ замысламъ Екатерины о пріобрѣтеніи прочнаго вліянія на Востокѣ. По мысли императрицы, надлежало соединить все христіанское населеніе Закавказья и Адербейджана въ одно государство, которое, подъ покровительствомъ и руководствомъ Россіи, служило бы противовѣсомъ и опорою въ борьбѣ съ мусульманскими властителями Азіи. Исполненіе этой обширной программы Екатерина возложила на своего друга и ближайшаго совѣтника и сотрудника, человѣка широкихъ замысловъ и смѣлыхъ политическихъ предпріятій,—князя Григорія Александровича Потемкина. Съ титуломъ главнокомандующаго фельдмаршала всѣхъ полуденныхъ границъ и высочайше уполномоченнаго на Кавказѣ получилъ онъ въ свое непосредственное завѣдываніе всѣ сношенія съ Персіей, Грузіей и другими прикавказскими владѣніями.

Первымъ звеномъ въ ряду предположенныхъ политическихъ предпріятій было присоединеніе къ Россіи Крыма, Таманскаго полуострова и Кубанской стороны. Оно со-

стоялось по манифесту 8-го апрѣля 1783 г. Павелъ Потемкинъ, находившійся въ это время на Кавказѣ, привелъ къ присягѣ на русское подданство всѣ ногайскія племена, кочевавшія отъ верховьевъ Кубани внизъ по правому берегу этой рѣки. Затѣмъ настала очередь разрѣшенія вопроса о Грузіи. Сношенія съ царемъ Иракліемъ о принятіи его въ русское подданство завершились высочайшимъ повелѣніемъ 29 декабря 1782 г. о заключеніи съ нимъ трактата. Исполненіе этого важнаго дѣла, рѣшившаго навсегда судьбу Грузіи и всего Закавказья, выпало на долю Павла Потемкина. Со стороны царя Ираклія явились уполномоченными его зять, главный совѣтникъ въ дѣлахъ провинціи Эриванской, генералъ отъ лѣвой руки князь Иванъ Константиновичъ Багратіонъ-Мухранскій и генералъ-адъютантъ, начальникъ Казахской провинціи, князь Гарсеванъ Ревазовичъ Чавчавадзе. Актъ былъ подписанъ 24-го іюля 1783 г. въ крѣпости Георгіевскѣ, нынѣ заштатномъ городишкѣ Терской области. Одновременно съ подготовительными сношеніями по этому дѣлу, Павелъ Потемкинъ принималъ мѣры къ обезпеченію сообщенія съ Грузіей. Къ сентябрю 1783 года дорога черезъ горы была настолько разработана, что Потемкинъ могъ безъ особыхъ затрудненій проѣхать въ Тифлисъ въ экипажѣ. Онъ провелъ въ Грузіи три недѣли, познакомился съ царемъ Иракліемъ и условился съ нимъ о дальнѣйшихъ совмѣстныхъ дѣйствіяхъ по исполненію видовъ на Адербейджанъ. Надежды на успѣшность этого предпріятія оказались, впрочемъ, очень сомнительными: свѣдѣнія о положеніи Грузіи обнаружили полное разстройство всего механизма управленія, главною причиною котораго были раздоры и соперничество среди многочисленныхъ членовъ царскаго семейства.

Принятіе Грузіи въ русское подданство и присоединеніе Кубанской стороны указали на необходимость объединенія власти на всемъ пространствѣ Предкавказья между Чернымъ и Каспійскимъ морями. Въ февралѣ 1784 г. этотъ обширный и пустынный край порученъ управленію Павла Потемкина съ званіемъ генералъ-губернатора саратовскаго

и кавказскаго, а въ январѣ 1786 г. изъ областей Астраханской и Кавказской образовано, подъ управленіемъ Потемкина же, особое Кавказское намѣстничество, административнымъ центромъ котораго назначена кр. Екатериноградская, возведенная на степень губернскаго города.

Несмотря на непрерывныя военныя дѣйствія противъ горцевъ, особенно со времени появленія среди чеченцевъ пророка Шейхъ-Мансура, проповѣдывавшаго священную войну противъ невѣрныхъ, новый намѣстникъ трудился неустанно надъ благоустройствомъ края и огражденіемъ его безопасности. Для связи кавказской линіи съ Грузіей были построены имъ въ 1784 году, между Моздокомъ и входомъ въ ущелье Терека, крѣпость Владикавказская (нынѣ областной городъ) и нѣсколько редутовъ. Правая сторона Кубани ограждена отъ набѣговъ закубанскихъ хищниковъ цѣпью укрѣпленій. Приняты мѣры къ заселенію обширныхъ пустынныхъ пространствъ, особенно въ направленіи отъ кавказской линіи къ Царицыну и Черкасску. За время управленія П. Потемкина намѣстничествомъ было основано отставными солдатами и казенными крестьянами, вызванными изъ Россіи, 35 новыхъ селеній.

Внѣшнія сношенія намѣстника кавказскаго имѣли въ виду, главнымъ образомъ, привлеченіе на нашу сторону христіанскаго населенія мусульманскихъ провинцій Закавказья и развитіе торговли Россіи съ Персіей чрезъ Каспійское море. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи наибольшій и ближайшій интересъ представляли Мазандеранъ и Гилянъ,— двѣ области, занимающія южное побережье Каспія. Первою изъ нихъ владѣлъ Ага-Магометъ-ханъ, бывшій евнухъ грознаго Надиръ-Шаха, честолюбивый, жестокій и храбрый. Гиляномъ правилъ хитрый и криводушный Гедаетъ-ханъ, заклятый врагъ владѣтеля мазандеранскаго и астрабадскаго. Оба искали покровительства Россіи съ тайною надеждою сломить при ея помощи противника, и каждый предлагалъ устроить въ его владѣніяхъ товарные склады. Сношенія съ ними повлекли за собою посылку къ южнымъ берегамъ Каспія военной эскадры. Въ Астрабадѣ и Энзели были на-

значены консулы и учреждены торговыя факторіи. Но всѣ усилія и пожертвованія къ развитію и обезпеченію торговли оказались тщетными вслѣдствіе полной неурядицы и отсутствія единовластія и прочнаго управленія въ Персіи.

Въ октябрѣ 1787 г. Павелъ Потемкинъ сдалъ команду на Кавказѣ генералъ-аншефу Текелли и отправился въ армію, дѣствовавшую противъ турокъ подъ предводительствомъ князя Таврическаго. Въ 1790 г. Павелъ Потемкинъ велъ на штурмъ Измаила правое крыло нашихъ войскъ, а 24-го октября 1794 г. командовалъ центральнымъ корпусомъ при штурмѣ Праги. Получивъ за военныя отличія орденъ св. Георгія 2-го класса и чинъ генералъ-аншефа, онъ былъ возведенъ 1-го января 1795 г. въ графское достоинство.

Ровно черезъ годъ, въ январѣ 1796 г., прошелъ слухъ о привлеченіи Потемкина къ суду по обвиненію въ умерщвленіи и ограбленіи въ 1786 г. персидскаго принца, искавшаго спасенія на русскомъ военномъ суднѣ отъ преслѣдованій своего брата.

Подробности этого дѣла сохранились въ „Mémoires secrets sur la Russie“ извѣстнаго швейцарца Карла Массона, высланнаго изъ Россіи императоромъ Павломъ, и въ книгѣ секретаря саксонскаго посольства при дворѣ Екатерины Георга Гельбига „Russische Günstlinge“. Изъ этихъ, довольно мутныхъ, источниковъ и черпаются біографами Павла Потемкина свѣдѣнія объ его преступленіи.

По словамъ Массона, дѣло происходило такимъ образомъ: братья Ага-Магомедъ-хана, захватившаго въ 1785 г. шахскій престолъ въ Персіи, спасаясь отъ его преслѣдованій, бѣжали: одинъ, Сали-ханъ,—въ Астрахань, другой—къ берегамъ Кизляра. Павелъ Потемкинъ, ссылаясь на пріязненныя отношенія Россіи къ Персіи, отказалъ второму бѣглецу въ пріютѣ. Изгнанникъ, преслѣдуемый кораблями шаха, рѣшился, несмотря на отказъ, приблизиться къ кизлярскому порту. Комендантъ Кизляра выслалъ ему навстрѣчу лодки съ воинскою командою. Радостно привѣтствовали ихъ бѣглецы-персіяне, предполагая въ нихъ своихъ спасителей... но жестоко ошиблись! Изверги, взойдя на корабль, перерѣзали и передушили всю свиту злополучнаго принца, его же самого утопили и овладѣли всѣми его сокровищами, изъ которыхъ львиная доля досталась Павлу Потемкину. Гельбигъ разсказываетъ это трагическое происшествіе нѣсколько иначе. По его свѣдѣніямъ, не русскіе вошли на корабль бѣглаго персидскаго принца, а самъ принцъ пытался попасть на русское судно, гдѣ хранились его сокровища, но былъ брошенъ за бортъ съ отрубленными пальцами, попалъ въ руки своего брата и казненъ по его приказанію.

Новѣйшій біографъ П. Потемкина, покойный П. П. Каратыгинъ (въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, 1883 г. августъ), такъ былъ увѣренъ въ справедливости и точности разсказа Массона, что сопроводилъ вопросительными и восклицательными знаками мнѣніе академика Я. К. Грота, считавшаго обстоятельства умерщвленія и ограбленія принца еще недостаточно разъясненными. Каратыгинъ не только не сомнѣвался, но даже нашелъ объясненіе склонности П. Потемкина къ самымъ гнуснымъ злодѣйствамъ: она явилась въ немъ по наслѣдству (отецъ его былъ человѣкъ низкой и злой души) и развилась подъ вліяніемъ хищныхъ горцевъ, среди которыхъ Потемкинъ жилъ на Кавказѣ. Такъ пишется исторія!

Мы не будемъ перечислять всѣхъ несообразностей и нелѣпостей разсказа Массона, а скажемъ прямо, что онъ только самымъ отдаленнымъ образомъ напоминаетъ дѣйствительность и вмѣстилъ въ себѣ обстоятельства двухъ различныхъ и разновременныхъ событій. Массонъ и Гельбигъ, хватавшіе налету придворныя сплетни, не могли, да, вѣроятно, и не заботились узнать истину. Имъ, какъ чужеземцамъ, не было никакого дѣла до репутаціи русскаго генерала и государственнаго дѣятеля. Но удивительно, что соотечественники П. С. Потемкина сто лѣтъ пятнаютъ его позорными кличками предателя, убійцы и грабителя, не сдѣлавъ даже малѣйшей попытки къ провѣркѣ справедливости обвиненія.

Обратимся теперь къ разсказу о тѣхъ событіяхъ, которыя послужили предлогомъ къ распространенію клеветы, сгубившей Потемкина.

Во время смутъ и усобицъ, наступившихъ въ Персіи послѣ смерти векиля (правителя) Керимъ-хана (1779 г.), Гедаетъ-ханъ возвратился въ Гилянъ и началъ свое правленіе притѣсненіемъ русскихъ купцовъ. Заступничество и протесты тамошняго консула нашего, Тумановскаго, были безуспѣшны. Гедаетъ-ханъ, въ то время полный хозяинъ на южномъ побережьи Каспія, могъ пренебрегать угрозами консула, не подкрѣпленными краснорѣчіемъ пушекъ и штыковъ. Вскорѣ обстоятельства перемѣнились. На сцену выступилъ сильный и храбрый соперникъ его въ лицѣ астрабадскаго владѣтеля Ага-Магомеда. При жизни Керимъхана онъ содержался заложникомъ въ Ширазѣ, а Астрабадскою областью правили его младшіе братья. Въ ночь смерти векиля Ага-Магомедъ бѣжалъ въ Астрабадъ и по праву старшинства вступилъ въ управленіе наслѣдственнымъ владѣніемъ. Но честолюбіе и воинственность его не удовлетворялись этой скромною ролью. Въ сентябрѣ 1780 г. захватилъ онъ сосѣднюю Мазандеранскую область и такимъ образомъ пришелъ въ непосредственное соприкосновеніе съ владѣніемъ стариннаго врага своего—гилянскаго Гедаетъхана. Въ предлогахъ къ войнѣ недостатка не было. Ага-Магомедъ припомнилъ, что Гедаетъ взялъ когда-то за незначительную плату драгоцѣнный алмазъ, который цѣнился въ милліонъ рублей. Опасаясь противника, Гедаетъ поспѣшилъ вознаградить его уступкою небольшой приморской провинціи. Но Ага-Магомедъ потребовалъ полной покорности и зависимости. Весною 1781 года Ага-Магомедъ овладѣлъ Гиляномъ и поставилъ въ немъ правителемъ брата своего Муртаза-Кули-хана. По предложенію Тумановскаго, Гедаетъ отправился въ Астрахань на русскомъ суднѣ, но по пути высадился въ Сальяны и оттуда пробрался къ дербентскому Фетъ-Али-хану искать помощи противъ своего врага. Старанія его увѣнчались успѣхомъ. Онъ собралъ въ Дагестанѣ и мусульманскихъ провинціяхъ Закавказья 6000 воиновъ, двинулся съ ними въ Гилянъ, вытѣснилъ Муртаза-Кули-хана и 2-го января 1782 г. вступилъ въ свой городъ Рештъ. Спокойствіе водворилось, но не надолго. Въ началѣ 1783 г. Гедаетъ имѣлъ непріязненныя столкновенія съ зенганскимъ Али-ханомъ и былъ вынужденъ бѣжать въ Перибазаръ. Опасаясь за свои сокровища, онъ погрузилъ ихъ на русское купеческое судно, стоявшее въ Энзелійскомъ заливѣ. Вскорѣ Али-ханъ былъ изгнанъ изъ Решта. Тумановскій потребовалъ, чтобы Гедаетъ принялъ съ судна свое имущество, но ханъ медлилъ подъ разными предлогами. Между тѣмъ поднялась буря, старое и ветхое судно разбилось, а грузъ его разбросало по берегу. Хотя все по списку было найдено и возвращено, тѣмъ не менѣе Гедаетъ, уже не нуждавшійся въ русской помощи, заявилъ консулу о пропажѣ имущества на милліонъ рублей и требовалъ вознагражденія. Дѣло дошло до вооруженнаго столкновенія, и только прибытіе въ Энзели двухъ нашихъ фрегатовъ образумило Гедаета. Онъ извинился предъ Тумановскимъ и далъ ему письменное свидѣтельство о ложности сдѣланнаго на него поклепа въ сокрытіи вещей.

Трудно сказать, былъ-ли Тумановскій совсѣмъ чистъ въ этомъ столкновеніи. Послѣдующія дѣйствія его даютъ основаніе сомнѣваться въ безкорыстіи его въ дѣлѣ о пропажѣ ханскаго имущества. Какъ-бы то ни было, но съ этого времени Тумановскій питалъ непримиримую ненависть къ Гедаету и черезъ три года нашелъ случай жестоко отмстить ему.

Въ 1785 г. настали опять трудныя времена для гилянскаго владѣтеля. Старый его врагъ Ага-Магомедъ-ханъ, успѣвшій подчинить себѣ значительную часть Персіи, наложилъ на Гилянскую область значительную контрибуцію. Устрашенный Гедаетъ поспѣшилъ подать прошеніе о принятіи его подъ покровительство Россіи и вновь скрылъ свои сокровища на русскихъ судахъ. Генералъ Потемкинъ, получивъ извѣстіе объ этомъ, предписалъ консулу „тщательно радѣть, чтобы Гедаетъ и сокровища, ему принадлежащія, были спасены и безопасно препровождены въ

Астрахань“. Вскорѣ обстоятельства перемѣнились къ лучшему. Опасность со стороны Ага-Магомедъ-хана миновала. Гедаетъ прекратилъ переговоры о подданствѣ и попрежнему сталъ тѣснить русскихъ купцовъ непомѣрными пошлинами.

Въ это время консуломъ нашимъ въ Энзели состоялъ уже не Тумановскій, а Дмитрій Скиличи, по отзыву П. С. Потемкина, человѣкъ строптивый и горячій. Съ перваго же дня прибытія своего въ Гилянъ сталъ онъ въ крайне враждебныя отношенія къ Гедаету, обвиняя его, совершенно впрочемъ, справедливо, въ двуличіи и коварствѣ. Вражда между ханомъ и консуломъ дошла вскорѣ до того, что послѣдній рѣшился принять мѣры къ изгнанію Гедаета изъ его владѣнія. Съ этой цѣлью, въ январѣ 1786 г., безъ вѣдома и разрѣшенія нашего правительства, Скиличи вступилъ въ сношенія съ Ага-Магомедъ-ханомъ, приглашая его занять Гилянъ и предупреждая, что не окажетъ Гедаету никакой помощи и не дастъ ему средствъ къ бѣгству моремъ. Ага-Магомедъ не заставилъ долго ждать себя. Онъ вторгся въ Гилянъ и занялъ囗囗 囗Ештъ. Гедаетъ отступилъ въ Перибазаръ. И побѣдитель, и побѣжденный поспѣшили обратиться съ письмами къ П. С. Потемкину. Первый увѣрялъ въ своемъ искреннемъ желаніи сблизиться съ Россіей, второй просилъ помощи и возобновилъ ходатайство о принятіи въ русское подданство. Потемкинъ отправилъ въ Энзели на военномъ фрегатѣ бывшаго консула Тумановскаго съ письмами къ враждовавшимъ ханамъ. Словесно Тумановскому было приказано обѣщать содѣйствіе тому изъ противниковъ, который согласится заключить письменное условіе о свободѣ торговли, отмѣнѣ пошлинъ и уступкѣ участка земли въ Энзели для устройства русской торговой факторіи. Консульству предписывалось во всякомъ случаѣ оказать покровительство Гедаету и въ случаѣ опасности отправить его въ Астрахань.

Между тѣмъ Ага-Магомедъ приближался къ Энзели. Купцы наши перешли на свои суда. Гедаетъ погрузилъ на одно изъ нихъ свои несмѣтныя богатства, но самъ остался на берегу. Дѣло шло, очевидно, къ развязкѣ. Тумановскій призналъ время удобнымъ для исполненія своего замысла. Подъ благовиднымъ предлогомъ послалъ онъ къ Ага-Магомеду своего повѣреннаго, армянина Хастатова, и уговорился предать ему Гедаета за 70,000 рублей. Въ ночь на 30 сентября 1786 г. полчища Ага-Магомеда атаковали Энзели и вытѣснили изъ него Гедаета. Съ двумя сыновьями поспѣшилъ онъ на лодкѣ къ купеческому судну, на которомъ находились Тумановскій и Скиличи, и умолялъ ихъ о спасеніи. Но Тумановскій, отозвавшись неимѣніемъ инструкціи на этотъ случай, тайно послалъ состоявшаго при консульствѣ капитана Калмыкова къ непріятелю съ извѣстіемъ, что гилянскій ханъ находится въ его власти. На этотъ зовъ прибылъ съ берега талышинскій бекъ Ала-Верды, личный врагъ Гедаета, поразилъ его на смерть пистолетною пулею и тѣло его выбросилъ въ море. Энзели былъ разграбленъ и преданъ огню.

Такъ кончилась энзелійская драма. На четвертый день, по требованію Ага-Магомедъ-хана, были выданы ему сокровища Гедаета, находившіяся на русскихъ судахъ. Общая стоимость ихъ простиралась до десяти милліоновъ рублей. По описи значилось драгоцѣнныхъ камней и жемчуговъ 5 пуд. 10 ф., золота въ слиткахъ 262 пуда, червонцевъ 300,000, нѣсколько брильянтовыхъ перьевъ, 4,000 дорогихъ конскихъ уборовъ, оружіе, ковры и т. д. Тумановскій, съ своей стороны, напомнилъ Ага-Магомеду объ уговорѣ. За полученіемъ обѣщанныхъ денегъ послалъ онъ Хастатова съ подарками тысячи на двѣ. Но жадный и коварный побѣдитель не нуждался болѣе ни въ покровительствѣ Россіи, ни въ услугахъ Тумановскаго. Онъ принялъ подарки, но отказался уплатить цѣну крови Гедаета и даже обвинилъ консула въ сокрытіи имущества покойнаго хана на два милліона рублей.

Тумановскій не перенесъ этого удара. По показанію Скиличи, стыдъ и огорченіе, угрызенія совѣсти и опасеніе наказанія заставили его желать смерти. Онъ не покидалъ

постели, не принималъ ни лѣкарства, ни пищи и скончался въ Энзели 17-го ноября 1786 г.

Мы изложили исторію Гедаетъ-хана по тѣмъ свѣдѣніямъ и документамъ, которые находятся въ „Матеріалахъ“ П. Г. Буткова, въ „Исторіи войны на Кавказѣ“ Н. Ф. Дубровина и въ Палласовомъ описаніи его путешествія по южной Россіи. Разсказъ нашъ свидѣтельствуетъ, что Скиличи и Тумановскій, увлекаемые корыстолюбіемъ и ненавистью къ гилянскому хану, дѣйствовали противъ него за свой личный счетъ и страхъ, безъ вѣдома и вопреки инструкцій своего ближайшаго начальника. Слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи о корыстныхъ побужденіяхъ и прямомъ участіи въ этомъ дѣлѣ П. С. Потемкина. Остается, затѣмъ, вопросъ: зналъ ли онъ обстоятельства, при которыхъ погибъ гилянскій ханъ, и если зналъ, то почему оставилъ безъ преслѣдованія преступниковъ? Изъ свѣдѣній, приведенныхъ у Н. Ф. Дубровина, видно, что Потемкину было извѣстно о помощи, оказанной Тумановскимъ Ага-Магомедъ-хану при занятіи Энзели, и о выдачѣ ему семейства и имущества Гедаета. Онъ объяснялъ этотъ поступокъ или сумасшествіемъ, или предательствомъ бывшаго консула, но за смертью его не считалъ нужнымъ производить разслѣдованіе дѣла. Остальные участники энзелійскаго убійства, конечно, не имѣли надобности разглашать о немъ и разсказывали, что Гедаетъ погибъ отъ руки непріятельской въ то время, когда спѣшилъ на русское судно. Въ такомъ именно видѣ происшествіе это представлено въ „Матеріалахъ“ Буткова. Гилянскій ханъ, до послѣдняго часа своей жизни, велъ себя коварно относительно Россіи. Ага-Магомедъ-ханъ, напротивъ, показывалъ въ то время знаки полной пріязни и доброжелательства къ русскимъ. Очевидно, что съ точки зрѣнія политическихъ выгодъ П. С. Потемкинъ не имѣлъ основанія сожалѣть о смерти Гедаета и начинать розыскъ, если до свѣдѣнія его и дошло кое-что о незаконныхъ дѣйствіяхъ Тумановскаго и его пособниковъ. Такъ смотрѣлъ на энзелійское происшествіе и самъ свѣтлѣйшій князь Таврическій: „Всѣ притѣсненія,—писалъ

онъ своему внучатному брату отъ 25-го декабря 1786 г.,—дѣланныя русскимъ купцамъ отъ Гедаетъ-хана и его обманы потерю его не дѣлаютъ чувствительною. Наблюдаемое же доселѣ поведеніе Магомедъ-хана испаганскаго подаетъ поводъ надѣяться всегда добраго съ нимъ согласія“.

Прошло почти десять лѣтъ. Великолѣпный князь Тавриды сошелъ въ могилу. Платонъ Зубовъ „смѣнивъ, не замѣнилъ его“. П. С. Потемкинъ, послѣ участія въ польской кампаніи, остался не у дѣлъ. Ага-Магомедъ-ханъ соединилъ въ своей желѣзной рукѣ власть почти надъ всѣмъ Ираномъ и разореніемъ Тифлиса 11-го сентября 1795 г. бросилъ вызовъ Россіи, покровительницѣ и защитницѣ Грузинскаго царства.

Въ это время, совершенно неожиданно для всѣхъ, вышло на свѣтъ Божій давно забытое дѣло о смерти Гедаетъ-хана. Н. Ф. Дубровинъ, имѣвшій въ своихъ рукахъ подлинное слѣдственное производство, не говоритъ, къ сожалѣнію, кѣмъ именно и по какому случаю было доведено до свѣдѣнія императрицы Екатерины запоздалое извѣстіе объ энзелійскомъ происшествіи 1786 года. Онъ сообщаетъ только, что по указу отъ 14-го ноября 1795 года состоялось учрежденіе подъ предсѣдательствомъ адмирала Чичагова особой комиссіи для изслѣдованія обстоятельствъ, сопровождавшихъ кончину Гедаетъ-хана, а 24-го декабря 1796 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе о ссылкѣ въ Сибирь въ каторжныя работы надворнаго совѣтника Скиличи, капитана Калмыкова и прапорщика Хастатова. О привлеченіи къ слѣдствію П. С. Потемкина въ качествѣ обвиняемаго авторъ „Исторіи войны на Кавказѣ“ также не упоминаетъ ни однимъ словомъ въ своемъ трудѣ. Между тѣмъ несомнѣнно, что ударъ назначался именно ему, такъ какъ при дворѣ едва-ли могли интересоваться мелкими чиновниками, совершившими десять лѣтъ тому назадъ насиліе надъ какимъ-то разбойникомъ-ханомъ въ глухомъ и никому невѣдомомъ уголкѣ каспійскаго побережья.

По словамъ Массона, изслѣдованіе дѣла было начато въ виду того, что Россія, ведя тогда войну въ Персіи, при-

няла на себя защиту правъ Сали-хана, брата убитаго персидскаго принца, проживавшаго въ Астрахани. Соображенія эти фактически невѣрны и ничего не объясняютъ. Дѣло объ энзелійскомъ происшествіи возникло до начала персидскаго похода графа Валеріана Зубова, и самая война предпринималась не въ защиту правъ какого-то Сали-хана, никогда не существовавшаго, а противъ Ага-Магомедъ-хана въ возмездіе за разореніе Грузіи и вызывающій образъ дѣйствій противъ Россіи. Да и какое значеніе для хода войны могло бы имѣть слѣдствіе надъ убійцами Гедаета? П. П. Каратыгинъ, біографъ Павла Потемкина, подходитъ, кажется, ближе къ истинѣ, упоминая, по поводу слѣдствія, имя графа И. В. Гудовича, тогдашняго начальника войскъ на Кавказѣ. Изъ завѣщанія Потемкина извѣстно, что онъ считалъ Гудовича своимъ врагомъ.

Въ бумагахъ П. Г. Буткова сохранилась копія съ документа, проливающаго нѣкоторый свѣтъ на возникновеніе дѣла объ энзелійскомъ происшествіи. Документъ этотъ— „извѣстіе объ убійствѣ гилянскаго Гедаетъ-хана“, поданное въ іюнѣ 1793 г. армянскимъ архіепископомъ Іосифомъ Платону Зубову. Къ сожалѣнію, документъ этотъ не вошелъ въ академическое изданіе „Матеріаловъ“ Буткова, и потому содержаніе его намъ неизвѣстно. Мы можемъ только предполагать, что въ немъ находились нѣкоторыя, до тѣхъ поръ неизвѣстныя, свѣдѣнія о судьбѣ гилянскаго хана, такъ какъ иначе не было-бы и надобности сообщать ихъ всесильному фавориту.

Составитель „извѣстія“, происходившій изъ рода князей Аргутинскихъ-Долгоруковыхъ, жилъ въ Астрахани и управлялъ церковными дѣлами русскихъ армянъ. Отличительною чертою его характера было честолюбіе. *) Онъ

---

*) По словамъ Буткова, Іосифъ, какъ говорили тогда, имѣлъ въ виду сдѣлать армянскимъ царемъ своего племянника. Въ 1800 г. онъ былъ избранъ въ санъ патріарха, но, еще находясь въ Россіи, сдѣлалъ свой гравированный портретъ въ патріаршемъ одѣяніи. Скончался въ Тифлисѣ 9-го марта 1801 г.

всѣми мѣрами поддерживалъ мечты князя Потемкина о соединеніи всѣхъ христіанъ Закавказья и Адербейджана въ одно государство. Неизвѣстно, какую роль готовилъ себѣ въ немъ честолюбивый монахъ, но царство это, по его представленію, должно было воскресить древнюю Великую Арменію. Въ письмахъ своихъ называлъ онъ князя Потемкина армянскимъ спасителемъ. Неожиданная смерть свѣтлѣйшаго пресѣкла осуществленіе замысловъ Іосифа. Платонъ Зубовъ не имѣлъ ни способностей, ни смѣлости воображенія своего предшественника. Обширныя предпріятія на Востокѣ, задуманныя княземъ Потемкинымъ, были оставлены. Іосифъ возвратился въ Астрахань къ своимъ обычнымъ обязанностямъ. Близость къ бывшему фавориту бросала на него тѣнь въ мнѣніи новаго и еще болѣе могущественнаго любимца. Чтобы возвратить себѣ прежнее значеніе, надлежало разорвать съ прошлыми отношеніями, представить несомнѣнныя доказательства своей приверженности къ новому порядку. Энзелійское происшествіе представляло хорошій къ тому поводъ, такъ какъ давало возможность бросить тѣнь на дѣйствія и князя Таврическаго, и ближайшаго исполнителя его предпріятій на Кавказѣ и въ Персіи.

Въ Астрахани находился въ то время еще одинъ человѣкъ, нуждавшійся въ благосклонности новаго фаворита. Въ очеркѣ этомъ было уже упомянуто, что Ага-Магомедъ-ханъ, вытѣснивъ въ 1781 г. Гедаетъ-хана изъ Гиляна, поручилъ управленіе этой областью одному изъ своихъ братьевъ отъ другой матери—Муртаза-Кули-хану. На сестрѣ этого послѣдняго былъ женатъ Али-Муратъ-ханъ испаганскій, стремившійся, подобно Ага-Магомеду, къ владычеству надъ всей Персіей. Родственныя отношенія этого честолюбца къ Муртазѣ возбудили въ Ага-Магомедѣ подозрѣніе. И дѣйствительно, въ 1784 г. Муртаза перешелъ открыто на сторону испаганскаго хана, но вслѣдъ затѣмъ, когда счастье отвернулось отъ него, бѣжалъ въ Гилянъ подъ покровительство Гедаетъ-хана. Съ этихъ поръ начинается непримиримая вражда между братьями. Въ 1786 г., послѣ

смерти Гедаета, Муртаза удалился въ Сальяны и просилъ о русскомъ подданствѣ, надѣясь этимъ путемъ осуществить свои честолюбивые виды, простиравшіеся далеко за предѣлы Гиляна. Князь Потемкинъ ласкалъ и обнадеживалъ его, какъ человѣка смѣлаго, предпріимчиваго и преданнаго, и думалъ воспользоваться имъ, какъ орудіемъ борьбы съ Ага-Магомедъ-ханомъ. Но смерть князя Таврическаго не дала осуществиться этимъ предположеніямъ. Между тѣмъ Муртаза, при помощи хановъ ширванскаго и талышинскаго, дважды пытался овладѣть Гиляномъ, но оба раза Ага-Магомедъ заставлялъ его искать спасенія въ бѣгствѣ. Убѣдившись, наконецъ, въ невозможности борьбы съ могущественнымъ противникомъ при помощи только мелкихъ владѣтелей восточнаго Закавказья, Муртаза рѣшился удалиться въ Россію и лично ходатайствовать о помощи противъ брата. По его просьбѣ, русскій военный фрегатъ доставилъ его 30-го апрѣля 1793 г. въ Астрахань. Вскорѣ онъ былъ переведенъ на жительство въ Кизляръ, заболѣлъ тамъ и вновь возвратился въ Астрахань. На содержаніе его отпускалось изъ казны по тысячѣ рублей въ мѣсяцъ.

Если сопоставить время прибытія Муртаза-Кули-хана въ Астрахань (30-го апрѣля 1793 г.) съ временемъ подачи (въ іюнѣ 1793 г.) архіепископомъ Іосифомъ Платону Зубову извѣстія объ убійствѣ Гедаета, то невольно является предположеніе о томъ, что оба они дѣйствовали въ этомъ дѣлѣ совмѣстно, такъ какъ интересы ихъ совпадали: оба нуждались въ благосклонномъ вниманіи фаворита для осуществленія своихъ честолюбивыхъ замысловъ. Разсчеты ихъ оправдались. Во время персидскаго похода 1796 г. и архіепископъ Іосифъ, и Муртаза-Кули-ханъ состояли въ свитѣ главнокомандующаго графа Валеріана Зубова.

Какъ-бы то ни было, но полученное отъ Іосифа извѣстіе нашло вскорѣ практическое примѣненіе. Вторженіе Ага-Магомедъ-хана въ 1795 г. въ Грузію не могло оставаться безнаказаннымъ. Война съ Персіей была рѣшена, и командовавшій на Кавказѣ генералъ Гудовичъ получилъ повелѣніе приготовить къ веснѣ 1796 года войска для по-

хода. Вопросъ о выборѣ главнокомандующаго экспедиціоннымъ корпусомъ далъ поводъ къ усиленію придворныхъ интригъ и исканій. Архіепископъ Іосифъ просилъ Платона Зубова о назначеніи Суворова. Генералъ Гудовичъ, какъ видно изъ его письма къ фавориту, былъ вполнѣ увѣренъ, что выборъ падетъ на него самого, какъ начальника тѣхъ войскъ, изъ состава которыхъ формировался дѣйствующій отрядъ. Наконецъ, въ числѣ вѣроятныхъ кандидатовъ считалъ себя и П. С. Потемкинъ. Долговременное командованіе на Кавказѣ въ самое трудное время, многостороннее знаніе края и людей, военные подвиги,—все это давало ему, какъ дипломату и воину вмѣстѣ, значительное преимущество предъ другими искателями. Съ такимъ соперникомъ приходилось считаться, и вотъ къ услугамъ интригановъ и клеветниковъ явился разсказъ объ умерщвленіи и ограбленіи Потемкинымъ персидскаго принца. Клевета имѣла полный успѣхъ. Разрастаясь и усложняясь при передачѣ изъ устъ въ уста, она соединила въ одно цѣлое исторію Гедаета съ судьбою Муртаза-Кули-хана и перенесла мѣсто дѣйствія изъ Энзели въ Кизляръ.

П. С. Потемкинъ жилъ въ это время въ Москвѣ. Пораженный клеветою и сознавая, что Зубовы не допустятъ его до личныхъ объясненій съ императрицей, онъ отвѣчалъ на обвиненія стихотвореніемъ „Гласъ невинности“ и распространилъ его въ спискахъ. Стихотвореніе помѣчено 11-мъ декабря 1795 г. День 11-го декабря—день измаильскаго штурма, въ которомъ съ отличіемъ участвовалъ Потемкинъ. Совпаденіе это не случайное: поэтъ умышленно избралъ для своей защиты годовщину славнаго дня, чтобы упрекнуть клеветниковъ въ неблагодарности къ человѣку, неоднократно жертвовавшему своею жизнью для славы отечества. На это указываютъ слѣдующіе стихи:

Въ Аѳинахъ Ѳемистоклъ былъ изгнанъ, утѣсненъ,
И правый Фокіонъ безвинно обвиненъ;
Такъ въ Римѣ Карѳагена славный побѣдитель
Былъ завистью гонимъ; зло—честности гонитель—
Не можетъ свѣтъ лучей достоинства сносить,

И насѣкомое ядъ ищетъ источить.
Я могъ бы, слѣдуя въ семъ случьѣ Сципіону,
Сказать предъ публикой себѣ во оборону:
Въ сей день, въ сей самый день повергнутъ Измаилъ,
Пойдемъ благодарить мы Бога вышнихъ силъ!
Но Богъ, источникъ благъ, что въ правдѣ помогаетъ,
Иную мысль въ душѣ моей располагаетъ.

Затѣмъ, напомнивъ о своей боевой службѣ и упрекнувъ общество въ легкомысленномъ довѣріи къ сплетнямъ и клеветѣ, поэтъ обращается къ свидѣтельству Румянцева, князя Потемкина и Суворова, подъ начальствомъ которыхъ онъ сражался съ врагами. Приведемъ обращеніе къ Потемкину, заключающее въ себѣ любопытное указаніе на отношенія князя Таврическаго къ своему родственнику.

Преславный сродникъ мой, предъ кѣмъ Очаковъ палъ,
Когда отъ Порты Крымъ безъ крови взять искалъ,
Кавказскіе смирить мнѣ поручилъ народы.
Не связи слѣдовалъ онъ дружбы иль природы:
Всякъ зналъ, что взыскивалъ онъ строже на родныхъ.
О тѣнь почтенная! Покоясь въ облакахъ,
Внемли мой гласъ, тебя въ свидѣтельство взываю!
Ахъ, можетъ-быть, за то отъ клеветы страдаю,
Что имя я твое одинъ теперь ношу!

Послѣднія двѣ строки показываютъ, что П. С. Потемкинъ догадывался, откуда шелъ направленный противъ него ударъ. Онъ не скрывалъ отъ себя также и того, что зависть къ его служебнымъ успѣхамъ могла быть источникомъ вражды противъ него.

Не злата я искалъ, искалъ единой славы.
О россы! Каковы днесь стали ваши нравы,
Коль проливающихъ за цѣлость вашу кровь,
За службу, раны, трудъ, къ отечеству любовь,
За все, чѣмъ жертвовалъ, злословите нелѣпо!
Такъ должно-ль публикѣ повѣрить баснямъ слѣпо
И кругъ дѣлъ позабывъ, не разсмотря, винить?
Когда-бы о себѣ я могъ пристрастенъ быть,
Легко бъ подумать мнѣ, что зависть здѣсь играетъ,

Иль древнимъ публика народамъ подражаетъ.

Наконецъ, поэтъ взываетъ къ Екатеринѣ, заявляя, что не боится суда, и проситъ дать ему возможность службою возстановить свое запятнанное имя.

Предъ трономъ истины твоимъ я пасть дерзаю,
Предъ Богомъ, предъ тобой всю совѣсть обнажаю!
Онъ, видя внутренность, зритъ непорочность въ ней;
Да узришь чистоту невинности моей;
Твой судъ поставленный, что правъ я, то откроетъ.
Но сердце отъ клеветъ терзается и ноетъ.
Хоть въ чистой совѣсти спокоенъ духъ во мнѣ,
И если обличенъ я буду въ сей винѣ,
Не кротости тогда, закону подвергаюсь.
Но если клеветой невинно я терзаюсь,
Чѣмъ жало извлещи, что̀ въ сердцѣ я ношу?
Не мщенія за зло въ невинности прошу,
Молю, чтобъ публику известь изъ заблужденья,
Отъ непорочности отторгнуть поношенья,
Да въ службѣ возмогу, самъ оправдая честь,
Остатки силъ моихъ на жертву вновь принесть,
Заслугами привлечь отъ публики почтенье:
Вотъ цѣль моей мольбы и вотъ мое отмщенье.

„Гласъ невинности“ вызвалъ нѣсколько стихотворныхъ возраженій. Одно изъ нихъ напечатано вмѣстѣ съ „Гласомъ невинности“ въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1880 г. Оно написано очень грубо и дерзко.

Неизвѣстный авторъ называетъ П. С. Потемкина напыщенною тварью, рабомъ подлой лести, отрицаетъ совершенно его военныя и гражданскія заслуги, утверждая, что

Въ войны лежалъ ты на постели
И шелъ въ чины своей женой.
. . . .
А ты все графъ и графъ по модѣ;
Кто смѣетъ спрашивать за что?
Не ты въ своемъ послѣдній родѣ,
А именной *) все скрасилъ то.

*) Т. е. именной указъ.

„Возраженіе“ не касается сущности клеветы: оно направлено противъ П. С. Потемкина, главнымъ образомъ, какъ лица, выдвинувшагося будто-бы не личными заслугами, а исключительно угодливостью и лестью. На участіе въ убійствѣ гилянскаго хана намекаетъ только одна строфа:

Все дѣло въ томъ: тебя въ убійствѣ
И грабежѣ преступнымъ чтутъ.
Ты ищешь помощи въ витійствѣ,
Чтобъ отвратить народный судъ,
И хочешь, чтобы персіанецъ,
Какъ русскій, съ рукъ тебѣ сошелъ.
Блудливъ какъ котъ, труслив какъ заяцъ....
Стихи раскаянья соплелъ.
Гакъ наши пишутъ, знай, вельможи:
Прежалко, дѣльно, мастерски.

Интрига противъ Потемкина имѣла полный успѣхъ. Обвиненіе въ убійствѣ и ограбленіи гилянскаго хана устранило его кандидатуру на командованіе экспедиціоннымъ корпусомъ. Суворовъ отказался самъ отъ предложеннаго ему начальства. Надежды Гудовича также не оправдались: ему поручено только снабженіе продовольствіемъ дѣйствующаго отряда. Указомъ 19-го февраля 1796 г. главнокомандующимъ назначенъ младшій братъ фаворита графъ Валеріанъ Зубовъ, молодой человѣкъ 25 лѣтъ, обратившій военный походъ въ увеселительную прогулку.

П. С. Потемкинъ не вынесъ нанесеннаго ему удара. Онъ тяжко заболѣлъ горячкой и скончался въ Москвѣ 29-го марта 1796 года, черезъ три дня послѣ того, какъ его счастливый соперникъ В. Зубовъ прибылъ въ Кизляръ и принялъ команду надъ войсками экспедиціоннаго отряда.

Вѣстовщики не хотѣли вѣрить тому, что тяжкое огорченіе, если не вызвало, то ускорило смерть Потемкина. Одни утверждали, что онъ, избѣгая наказанія, самъ принялъ отраву. А. М. Тургеневъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, будто-бы Екатерина послала Потемкину рескриптъ, въ которомъ было написано только одно слово: „умри!“ и онъ умеръ черезъ нѣсколько часовъ послѣ полученія этого повелѣнія. Нѣкоторые кончину графа приписывали страшному Шешковскому, съ которымъ Потемкинъ видѣлся будто-бы передъ самымъ концомъ своимъ. Басню эту повторяетъ и Бантышъ-Каменскій, забывая, что Шешковскій умеръ еще въ 1794 году.

Біографы Потемкина обвиняютъ его въ непомѣрномъ корыстолюбіи и въ доказательство ссылаются на убійство и ограбленіе Гедаетъ-хана. Справедливость требовала-бы обратнаго дѣйствія: сперва доказать наличность преступленія и затѣмъ уже дѣлать выводъ о побужденіяхъ преступника. Духовное завѣщаніе, составленное Потемкинымъ въ 1794 г., передъ польской войной, показываетъ, что онъ не имѣлъ тѣхъ милліоновъ, которые будто-бы отнялъ у гилянскаго хана. За исключеніемъ суконной фабрики, купленной у Матвѣевыхъ, прочія недвижимыя его имѣнія принадлежали къ родовымъ и состояли въ залогѣ. Долговъ, сверхъ 55,000 р. по закладнымъ, онъ оставилъ болѣе ста тысячъ рублей. Нельзя не согласиться, что родственникъ князя Таврическаго могъ-бы при корыстолюбіи лучше обезпечить себя. Замѣчательно, что ему не было пожаловано ни одной деревни, ни одной крестьянской души. Братья Зубовы были въ этомъ отношеніи умнѣе и дальновиднѣе его.

Такимъ образомъ, документальныя свѣдѣнія объ энзелійской драмѣ не даютъ рѣшительно никакихъ основаній къ обвиненію Потемкина въ томъ преступленіи, которое до сихъ поръ тяготѣетъ надъ нимъ. Мы пишемъ не похвальное слово графу Потемкину и потому признаемъ, что онъ, какъ дитя своего вѣка, имѣлъ, вѣроятно, всѣ слабости и пороки эпохи фаворитизма и случая. Но намъ пріятно свѣтомъ истины устранить мрачную тѣнь съ имени человѣка, много потрудившагося для водворенія гражданственности на сѣверномъ Кавказѣ и приложившаго свою руку къ тому историческому акту, который проложилъ путь миру и порядку чрезъ исполинскій Кавказскій хребетъ и далъ возможность внести ихъ въ прекрасный край, разстилающійся у его южной подошвы.

Съ устраненіемъ обвиненія Потемкина въ предательскомъ убійствѣ и ограбленіи гилянскаго владѣльца, личность его является въ очень привлекательномъ свѣтѣ. По отзыву Д. Н. Бантышъ-Каменскаго, онъ былъ обходителенъ и любезенъ, отличался неустрашимостью, умомъ образованнымъ, любилъ заниматься словесностью, зналъ совершенно отечественный языкъ и многіе иностранные.

Въ найденной Я. К. Гротомъ стихотворной эпистолѣ Державина къ генералу Михельсону на защищеніе Казани приводится эпизодъ изъ жизни Потемкина, показывающій личную храбрость и духъ рыцарства, одушевлявшій молодого генерала во время пугачевщины. Описывая нападеніе самозванца на Казань и вызванное имъ въ городѣ смятеніе, поэтъ свидѣтельствуетъ, что—

Потемкинъ, сердце, духъ имѣя и проворство,
Хотѣлъ чудовище воззвать въ единоборство,
Иль славно умереть, иль славно побѣдить;
Но былъ ему совѣтъ соблазна не чинить.

Въ литературѣ П. С. Потемкинъ оставилъ слѣдъ переводами изъ Руссо и Вольтера и оригинальными драмами, поэмами и эпистолами въ стихахъ. Драмы „Россы въ Архипелагѣ" и „Торжество дружбы" были неоднократно играны въ театрахъ. Всѣ біографы Потемкина говорятъ, что во время службы на Кавказѣ сочинилъ онъ „Описаніе кавказскихъ народовъ", оставшееся въ рукописи. П. П. Каратыгинъ полагаетъ ее утраченною.

Показанія эти невѣрны. Если цѣликомъ записка Потемкина никогда не была напечатана, о чемъ нельзя судить за неизвѣстностью подлинной рукописи, то обширныя извлеченія изъ нея появлялись въ печати нѣсколько разъ. Приводимъ для любопытствующихъ небольшую библіографическую справку.

Графъ Сегюръ, извѣстный французскій посланникъ при дворѣ Екатерины, обнародовалъ въ своихъ „Mémoires ou souvenirs et anecdotes" (Paris 1827, tome II, 367—378), извлеченіе изъ находившагося у него въ рукахъ подробнаго и любопытнаго описанія кавказскихъ народовъ. Описаніе это, считавшееся секретнымъ, было составлено, по словамъ Сегюра, генераломъ Павломъ Потемкинымъ и снабжено на поляхъ замѣтками генерала Апраксина.

Въ книгѣ І. Дебу „О кавказской линіи" (Петербургъ, 1829) историческія замѣчанія о сосѣдственныхъ съ линіею горскихъ народахъ заимствованы, по объясненію автора, большею частью изъ описанія генералъ-поручика П. С. Потемкина.

Наконецъ, въ „Русскомъ Архивѣ" за 1865 г. помѣщена записка о Кабардѣ, заимствованная профессоромъ Ставровскимъ изъ рукописей Решетиловскаго архива.

Достаточно сравнить всѣ эти извлеченія между собою, чтобы убѣдиться, что Сегюръ заимствовалъ свои свѣдѣнія о горцахъ Кавказа изъ той-же самой записки П. Потемкина, которою впослѣдствіи пользовались Дебу и Ставровскій.

Ермоловъ и Паскевичъ *).

Въ январьской книжкѣ „Русской Старины" за 1898 годъ напечатано нѣсколько писемъ, касающихся смѣны Ермолова Паскевичемъ въ командованіи на Кавказѣ. До послѣдняго времени обстоятельства этого важнаго въ исторіи нашего края событія были извѣстны только по офиціальнымъ источникамъ, разработаннымъ въ шестомъ томѣ извѣстнаго труда академика Н. Ѳ. Дубровина „Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ". Офиціально знаменитый проконсулъ Грузіи **) оказался неправымъ и долженъ былъ уступить мѣсто своему счастливому сопернику; но авторъ упомянутаго изслѣдованія сумѣлъ угадать истину и въ сужденіи своемъ о столкновеніи между Паскевичемъ и Ермоловымъ сталъ безусловно на сторону послѣдняго. Черезъ два года послѣ появленія труда академика Дубровина вышелъ въ свѣтъ второй томъ обширной біографіи князя Паскевича, написанной княземъ Щербатовымъ по порученію сына покойнаго фельдмаршала. Приложенные къ этому труду драгоцѣнные документы, офиціальные и частные, извлеченные впервые изъ семейнаго архива князя Паскевича, приводятъ біографа къ крайне невыгодному мнѣнію о характерѣ Ермолова и его дѣятельности на Кавказѣ. Въ изображеніи, нарисованномъ княземъ Щербатовымъ, Паскевичъ является жертвою злобы Ермолова и интригъ Дибича.

Замѣчательно, что въ массѣ историческаго матеріала о смѣнѣ Ермолова не было до сихъ поръ подлинныхъ по-

*) Газета *Кавказъ*, 1899 г., №№ 24—27.

**) Такъ называлъ А. П. Ермолова Великій Князь Константинъ Павловичъ.

казаній ни самого Ермолова, ни приближенныхъ къ нему лицъ, въ родѣ братьевъ Вельяминовыхъ, хорошо знавшихъ положеніе и ходъ дѣла. Въ извѣстныхъ запискахъ Ермолова находимъ только нѣсколько словъ о пріѣздѣ Паскевича въ Грузію и о назначеніи его главнокомандующимъ. Вельяминовы тоже, повидимому, мало заботились объ оставленіи письменныхъ матеріаловъ для своихъ жизнеописаній. Между тѣмъ, младшій изъ нихъ, Алексѣй Александровичъ, начальникъ штаба Ермолова на Кавказѣ, заслуживаетъ подробной біографіи. Это былъ человѣкъ съ обширными познаніями, глубокимъ умомъ, твердымъ и оригинальнымъ характеромъ. Онъ былъ удаленъ съ Кавказа вмѣстѣ съ Ермоловымъ, но впослѣдствіи государь Николай Павловичъ оцѣнилъ его и назначилъ на должность командующаго войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи,—должность, въ то время наиболѣе отвѣтственную въ краѣ.

Только въ 1898 году, черезъ 70 лѣтъ послѣ удаленія Ермолова съ Кавказа, появилось въ „Русской Старинѣ" нѣсколько писемъ Ермолова и Алексѣя Вельяминова, касающихся этого событія. Письма эти писаны ими къ Петру Николаевичу Ермолову *), двоюродному брату и другу Алексѣя Петровича.

*) Петръ Николаевичъ Ермоловъ, родившійся въ 1787 г., поступилъ первоначально въ гражданскую службу, но вскорѣ перешелъ въ семеновскій полкъ и участвовалъ съ отличіемъ въ кампаніяхъ 1812—14 гг. Въ 1816 г., когда А. П. Ермоловъ былъ отправленъ посланникомъ въ Персію, Петръ Николаевичъ состоялъ при посольствѣ въ званіи маршала, въ 1818 г. получилъ въ командованіе грузинскій гренадерскій полкъ, въ 1823 г. произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ командиромъ 3-ей бригады 21-й пѣхотной дивизіи. Въ этомъ же году участвовалъ онъ въ качествѣ комиссара въ опредѣленіи по Гюлистанскому трактату прочныхъ границъ между закавказскими владѣніями Россіи и Персіи. Дневникъ сношеній его съ разными лицами по поводу разграниченія изданъ въ 1871 г. въ Москвѣ обществомъ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. Въ 1824 г. П. Н. Ермоловъ перешелъ на службу съ Кавказа во внутреннія губерніи, въ 1827 г. вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ, гдѣ и скончался въ 1844 г. Живя въ Москвѣ, онъ любилъ принимать у себя старыхъ товарищей и сослуживцевъ, особенно пріѣзжихъ изъ Грузіи.

Коллекція открывается письмомъ Велямінова отъ 25-го октября 1826 года изъ Шуши, послѣ пораженія полчищъ Аббаса-Мирзы подъ Елисаветполемъ. Вельяминовъ отвѣчаетъ на письмо Петра Ермолова, который сообщалъ московскіе слухи и сплетни о кавказскихъ дѣлахъ. Ермолова обвиняли въ агрессивной политикѣ противъ Персіи изъ видовъ личнаго честолюбія и въ то же время упрекали въ томъ, что онъ не сдѣлалъ никакихъ приготовленій на случай вѣроятной войны; утверждали также, что кавказскіе горцы, возбужденные суровымъ и даже жестокимъ обращеніемъ Ермолова, готовятъ общее возстаніе. Вельяминовъ, съ обычнымъ спокойствіемъ и лаконизмомъ, отвѣчаетъ на эти обвиненія: *„Лай противъ Алексѣя Петровича намъ давно извѣстенъ. Распускаемыя клеветы неминуемо обнаружатся собственными противорѣчіями.* Говорятъ, что Алексѣй Петровичъ затѣялъ войну, и въ то-же время обвиняютъ его въ тѣхъ происшествіяхъ, которыя доказываютъ, что къ войнѣ никакихъ приготовленій у насъ не было. Донесеніямъ Алексѣя Петровича насчетъ расположенія персіянъ къ войнѣ вѣрить не хотѣли; приготовиться къ оной средствъ не дали, а теперь хотятъ обвинить его въ томъ, что начальники нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частей войскъ дѣйствовали нехорошо". Обращаясь, затѣмъ, къ слухамъ объ ополченіи въ горахъ, Вельяминовъ пишетъ: „На кавказской линіи давно уже не было такъ спокойно. Въ Дагестанѣ никто не пошевелился. Не должно ли скорѣе заключить изъ этого, что горцы ополчились противъ клеветниковъ и сговорились обнаружить безстыдную ложь ихъ?"

Паскевичъ былъ присланъ на Кавказъ въ августѣ 1826 года для предводительства войсками подъ начальствомъ Ермолова. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣлъ отъ государя тайное полномочіе смѣнить Ермолова, если по обстоятельствамъ признаетъ это необходимымъ. Академикъ Дубровинъ сомнѣвается въ существованіи подобнаго полномочія и полагаетъ, что только впослѣдствіи, когда Паскевичъ былъ уже назначенъ главнокомандующимъ, онъ разсказывалъ о секретномъ рескриптѣ съ цѣлью усилить значеніе своей

первоначальной посылки на Кавказъ и оправдать свое вмѣшательство въ дѣла, до него не относившіяся. „Несомнѣнно,—прибавляетъ Н. Ѳ. Дубровинъ,—что, при характерѣ честолюбивомъ и самовластномъ, Паскевичъ не задумался бы воспользоваться полномочіемъ, ему даннымъ, при первомъ столкновеніи съ Ермоловымъ. Имѣя у себя рескриптъ, ему не было нужды прибѣгать къ доносамъ и кривымъ путямъ".

Замѣчательно, что ни въ правительственныхъ учрежденіяхъ, ни въ архивѣ Паскевича, сохранившемъ самыя незначительныя бумаги, не нашлось этого важнаго документа. Съ другой стороны, трудно сомнѣваться въ его существованіи, когда въ особой запискѣ объ обстоятельствахъ своего назначенія на Кавказъ Паскевичъ положительно говоритъ, что государь Николай Павловичъ собственноручно написалъ и далъ ему указъ, уполномочивавшій смѣнить Ермолова въ случаѣ безпорядковъ, или если-бы онъ умышленно сталъ противодѣйствовать и не исполнять высочайшихъ указовъ о томъ, чтобы дѣйствовать вмѣстѣ съ Паскевичемъ. Упомянутая записка напечатана княземъ Щербатовымъ во второмъ томѣ біографіи Паскевича, но, къ сожалѣнію, безъ указанія времени ея составленія. Какъ-бы то ни было, но, въ виду такого категорическаго утвержденія Паскевича, приходится вѣрить, что секретный указъ дѣйствительно существовалъ, но не былъ объявленъ Паскевичемъ по какимъ-либо соображеніямъ. Догадку объ этомъ выскажемъ дальше, теперь же замѣтимъ, что отъ проницательности Вельяминова не укрылось стремленіе Паскевича замѣнить Ермолова на Кавказѣ.—Онъ пишетъ: „Не знаю, желаетъ ли Государь смѣнить Алексѣя Петровича Паскевичемъ, но знаю, что Паскевичъ очень этого желаетъ. Онъ довольно ясно даетъ понимать, что къ сему предназначенъ".

Привыкнувъ къ парадной выправкѣ войскъ въ Петербургѣ, Паскевичъ отнесся недовѣрчиво къ боевымъ кавказскимъ полкамъ, не щеголявшимъ внѣшностью и не имѣвшимъ понятія о церемоніальномъ шагѣ. Самостоятельность

офицеровъ и солдатъ, лишенное подобострастія отношеніе ихъ къ своимъ начальникамъ,—объяснялъ онъ полнымъ паденіемъ дисциплины. Онъ не стѣснялся въ выраженіяхъ въ своихъ отзывахъ о кавказскихъ войскахъ: „не знаю, какъ я пойду съ этими первобытными"; „не знаю, что я съ ними въ день сраженія сдѣлаю"; „сохрани Богъ быть съ такими войсками въ первый разъ въ дѣлѣ" *). Эти презрительные отзывы о побѣдителяхъ при Ленкорани и Асландузѣ не остались для нихъ тайной и вызвали общее неудовольствіе. Вельяминовъ пишетъ: „Паскевичъ ищетъ все здѣсь опорочивать и, разумѣется, не упускаетъ изъ виду мнимое разрушеніе дисциплины. Пріѣхавши въ отрядъ, успѣлъ въ три дня пріобрѣсти ненависть войскъ; чрезвычайно негодуетъ на всѣхъ за привязанность къ Алексѣю Петровичу и такъ неловокъ, что упрекаетъ въ этомъ. Впрочемъ, самолюбія въ немъ предостаточно, и онъ думаетъ видѣть въ Алексѣѣ Петровичѣ соперника, ищущаго лишить его славы".

Въ этомъ недовѣріи къ войскамъ и ихъ начальникамъ, а также въ мрачномъ взглядѣ на положеніе Кавказа въ виду вторженія персіянъ и предполагаемаго общаго возстанія горцевъ, слѣдуетъ, какъ кажется, искать объясненія того обстоятельства, что Паскевичъ не воспользовался даннымъ ему правомъ устранить Ермолова и занять его мѣсто. Принявъ главное начальство на Кавказѣ, онъ долженъ былъ-бы взять на себя и всю тяжесть отвѣтственности за послѣдствія этого шага. Но у него не хватало рѣшимости на это при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, которое онъ считалъ очень критическимъ, какъ видно изъ его отзывовъ о войскахъ. Напротивъ, оставаясь командующимъ дѣйствующимъ отрядомъ подъ главнымъ начальствомъ Ермолова, Паскевичъ сохранялъ за собою право, въ случаѣ неудачи, сослаться на неурядицу въ дѣлахъ и жаловаться, какъ онъ

*) Выраженія эти взяты изъ собственнаго журнала Паскевича, напечатаннаго княземъ Щербатовымъ въ приложеніяхъ къ второму тому біографіи фельдмаршала.

это и дѣлалъ, на недоброжелательство и нераспорядительность Ермолова; при удачѣ—заслуги его должны были тѣмъ болѣе цѣниться, что онъ водилъ войска къ побѣдѣ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Императоръ Николай Павловичъ питалъ глубокое, можно сказать, ничѣмъ непобѣдимое недовѣріе къ Ермолову. Паскевичъ хорошо зналъ это и, охраняя свою карьеру отъ рискованныхъ шаговъ, ждалъ времени, когда созрѣвшій плодъ самъ упадетъ къ его ногамъ. Ловко составленными донесеніями и внушеніями онъ поддерживалъ въ государѣ нерасположеніе къ Ермолову и скоро довелъ дѣло до желаннаго конца: повелѣніе объ устраненіи проконсула Грузіи и назначеніи главнокомандующимъ Паскевича послѣдовало непосредственно отъ государя, даже вопреки мнѣнію и желанію Дибича, которому поручено было разобрать на мѣстѣ, въ Тифлисѣ, возникшую распрю.

Отзывы Паскевича о знаменитомъ елисаветпольскомъ сраженіи 13-го сентября 1826 г., предрѣшившемъ исходъ всей послѣдующей персидской кампаніи, заслуживаютъ вниманія во многихъ отношеніяхъ. Еще наканунѣ сраженія Паскевичъ приходилъ въ отчаяніе отъ худого положенія войскъ, и нѣсколько часовъ училъ ихъ дѣлать вправо, влѣво, впередъ и обратно. „Нельзя себѣ представить,—восклицаетъ онъ въ своемъ дневникѣ,—до какой степени они не выучены, ибо многіе изъ нихъ не умѣли построиться изъ колонны въ каре и изъ каре въ колонну,—все что я отъ нихъ только требовалъ. Я примѣчаю, что начальники находятъ сіе ненужнымъ, но я принудилъ ихъ сіе исполнять. Слѣпое повиновеніе имъ не нравится, они къ этому не привыкли".

Настало утро 13-го сентября. Вся армія Аббаса-Мирзы, численностью болѣе 40,000 чел., развернулась на равнинѣ къ востоку отъ Елисаветполя. Наши силы не превышали по самому широкому счету 10,000 чел. Паскевичъ, не довѣрявшій ни войскамъ, ни ихъ начальникамъ, колебался, но князь Мадатовъ, Вельяминовъ, графъ Симоничъ упросили его начать наступленіе. „Наши кавказскіе солдаты,—

сказалъ командиръ грузинскаго гренадерскаго полка,—не привыкли обороняться: они нападаютъ". Паскевичъ сдался на убѣжденіе, и сраженіе началось. Къ вечеру 13-го сентября персидская армія, оставивъ въ добычу побѣдителя два лагеря со всѣмъ имуществомъ и запасами, бѣжала безъ оглядки къ своимъ границамъ.

„Вы не можете себѣ представить,—писалъ въ тотъ-же день Паскевичъ Дибичу,—ихъ (персіянъ) разсѣянность; но догонять было нечѣмъ, да и трудно, ибо они такъ бѣгутъ, что трудно ихъ догнать. Однако, не думайте, чтобы они совершенно дурно дрались; пришли въ дистанцію безъ выстрѣла, фрунтомъ открыли баталіонный огонь, хотя-бы лучшей пѣхотѣ, *но истиннымъ мужествомъ были разсѣяны. Могу увѣрить, что дурныя войска были-бы опрокинуты*". Мы нарочно подчеркнули послѣднія строки, чтобы обратить вниманіе на рѣзкое противорѣчіе въ отзывахъ Паскевича о подчиненныхъ ему войскахъ наканунѣ сраженія и послѣ него. Вчера это была недисциплинированная толпа, не имѣвшая понятія о самыхъ элементарныхъ построеніяхъ, сегодня—это истинно-мужественныя войска, которыя бьютъ и гонятъ вчетверо сильнѣйшаго непріятеля, обладающаго лучшей пѣхотой. Какъ объяснить это противорѣчіе? Князь Щербатовъ находитъ причину успѣха въ нравственномъ вліяніи Паскевича на войска. Вотъ его подлинныя слова: „Паскевичъ, несомнѣнно, давно уже сознавалъ, что войска, и наканунѣ сраженія изучившія построенія въ колонны и каре,—въ бою, при извѣстномъ нравственномъ настроеніи, могутъ бить непріятеля, тщательно обученнаго всѣмъ тонкостямъ строевой службы. Еще въ 1812 году, въ лагерѣ при Тарутинѣ, Паскевичу пришлось изъ новобранцевъ въ нѣсколько дней, почти заново, сформировать свою славную 26-ю дивизію". Но почтенный біографъ забылъ, что такое сильное нравственное вліяніе обусловливается, прежде всего, взаимнымъ довѣріемъ между предводителемъ и войсками, а мы видѣли, что Паскевичъ былъ очень дурного мнѣнія о своихъ войскахъ, съ которыми впервые познакомился всего только за четыре дня до сраженія. Академикъ Дубровинъ

ближе къ истинѣ, когда двойственность въ оцѣнкѣ войскъ объясняетъ двойственностью цѣли, которую преслѣдовалъ Паскевичъ: для обвиненія Ермолова было необходимо, чтобы кавказскія войска были дурны, а для прославленія себя,—чтобы персіяне дрались хорошо и могли быть побѣждены только мужествомъ нашихъ войскъ, руководимыхъ искуснымъ предводителемъ.

Скромный и всегда правдивый Вельяминовъ, ненавидѣвшій реляціонныя прикрасы, пишетъ П. Н. Ермолову объ елисаветпольскомъ сраженіи: „Если донесеніе Паскевича о сраженіи будетъ напечатано, то увидишь, что мы были атакованы съ фронта и съ обоихъ фланговъ,—слѣдовательно, побили персіянъ не искусствомъ, а превосходствомъ войскъ нашихъ надъ персидскими. Я находился въ этомъ сраженіи и могу нѣсколько судить о немъ. Въ первый разъ видѣлъ я тутъ персіянъ—и могу сказать, что горцы, которые никогда не удивляли насъ своею неустрашимостью,—предъ ними совершенные герои. Безъ сомнѣнія, все будетъ теперь приписано Паскевичу, но ты можешь увѣренъ быть, что если дѣла возстановлены, то конечно, не отъ того, что онъ сюда присланъ, а несмотря на пріѣздъ его". Слова этого письма: „я находился въ этомъ сраженіи и могу нѣсколько судить о немъ" вполнѣ обрисовываютъ скромность Вельяминова. Дѣло въ томъ, что однимъ изъ главныхъ виновниковъ елисаветпольской побѣды слѣдуетъ считать именно Вельяминова: онъ, по собственному признанію Паскевича, въ критическую минуту боя приказалъ ширванскому баталіону ударить въ штыки и прорвалъ линію персидскихъ войскъ. За 13-е сентября Вельяминовъ получилъ Георгія третьей степени.

Переходимъ къ слѣдующему письму въ коллекціи „Русской Старины". Оно принадлежитъ перу Ермолова и написано имъ 30-го мая 1827 г. изъ Георгіевска, гдѣ Алексѣй Петровичъ остановился по пути въ Орелъ, въ ожиданіи братьевъ Вельяминовыхъ, покинувшихъ Кавказъ одновременно съ своимъ бывшимъ начальникомъ. Со времени удаленія отъ должности Ермоловъ болѣе мѣсяца жилъ въ

Тифлисѣ частнымъ человѣкомъ, при чемъ испыталъ много мелкихъ оскорбленій и имѣлъ не разъ случай убѣдиться въ предательствѣ лицъ, имъ облагодѣтельствованныхъ. Понятна, поэтому, та горечь, которою пропитано его первое письмо съ дороги по выѣздѣ изъ Тифлиса. Онъ предоставляетъ подателю письма „пересказать о многихъ мерзостяхъ, которыя дѣлаемы были“, и по образу дѣйствій заключаетъ, что устраненіе его было предположено давно.

Кажется, что Ермоловъ не ошибался въ этомъ предположеніи. Истинная причина нерасположенія къ нему императора Николая Павловича остается до сихъ поръ неизвѣстною, да, вѣроятно, никогда и не будетъ вполнѣ выяснена. Одни говорятъ, что государь относился подозрительно къ самостоятельности проконсула Грузіи; другіе прибавляютъ, что причиною его отозванія было слишкомъ большое вліяніе на населеніе Кавказа; третьи утверждаютъ, что главная вина Ермолова въ глазахъ государя заключалась въ медленности, съ какою подчиненныя ему войска были приведены къ присягѣ. Всѣ эти предположенія относятся къ періоду времени послѣ воцаренія императора Николая Павловича. Между тѣмъ, имѣется положительное указаніе на то, что, еще будучи великимъ княземъ, Николай Павловичъ питалъ чувство недовѣрія къ Ермолову. Біографъ Паскевича замѣчаетъ, что было-бы безполезно доискиваться причины такого настроенія, такъ какъ личныя свойства поселяютъ между людьми то, что принято называть симпатіями и антипатіями. Мысль эта вполнѣ справедлива, но можно попытаться опредѣлить, на какой именно почвѣ подобная антипатія развилась, окрѣпла и выразилась въ реальныхъ фактахъ.

Въ отношеніи Ермолова почвой этой было, повидимому, сомнѣніе Николая Павловича въ его образѣ мыслей или, употребляя нынѣшнее выраженіе, въ его политической благонадежности. Такое сомнѣніе проглядываетъ во всѣхъ отзывахъ Николая Павловича о Ермоловѣ. Въ извѣстномъ письмѣ къ Дибичу въ Таганрогъ, написанномъ 12-го декабря 1825 года *), наканунѣ вступленія на престолъ, великій князь писалъ начальнику главнаго штаба: „не оставьте меня увѣдомить о всемъ, что у васъ или вокругъ васъ происходить будетъ, особливо у Ермолова. Къ нему надо будетъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ и отъ васъ кого выслать, напримѣръ, Германа или такого разбора: я, виноватъ, ему менѣе всѣхъ вѣрю“. Письмо это заключало въ себѣ изложеніе мѣръ, принятыхъ великимъ княземъ въ виду извѣстій о военномъ заговорѣ, разрѣшившемся смутами 14-го декабря. Въ бытность свою въ Тифлисѣ, весною 1827 г., Дибичъ производилъ дознаніе о поведеніи нѣкоторыхъ декабристовъ, разжалованныхъ въ солдаты и отправленныхъ въ кавказскіе полки. По этому случаю Дибичъ имѣлъ объясненіе съ Ермоловымъ, который долженъ былъ оправдываться и опровергать „оскорбительное для него заключеніе, что онъ можетъ быть причастенъ подобнымъ мыслямъ“. Въ письмѣ къ графу Чернышеву отъ 6-го марта 1827 года Дибичъ сообщалъ, что, по его убѣжденію, Ермоловъ не измѣнникъ и не ослушникъ.

Если дѣло доходило до необходимости защищать Ермолова отъ обвиненій въ неисполненіи царскихъ повелѣній и даже въ измѣнѣ, то должно заключить, что административные и дипломатическіе промахи, если таковые и были совершены Ермоловымъ, послужили только поводомъ, а не причиною отозванія его съ Кавказа. Сохранилось любопытное письмо **) А. Х. Бенкендорфа, отъ 6-го апрѣля 1827 г. изъ Петербурга, къ П. Д. Киселеву, бывшему въ то время начальникомъ главнаго штаба второй арміи. Шефъ жандармовъ спрашивалъ: „скажите мнѣ, какое впечатлѣніе произвела въ вашей арміи перемѣна главноуправляющаго въ Грузіи? Вы поймете, что государь не легко рѣшился на увольненіе Ермолова. Надо было имѣть въ рукахъ сильныя доказательства, чтобы рѣшиться на смѣщеніе съ столь важнаго поста, и особенно во время войны, человѣка, пользую-

---

*) Письмо напечатано въ „Русской Старинѣ“ за 1882 годъ.

**) Напечатано у Заблоцкаго въ біографіи графа П. Д. Киселева.

щагося огромною репутаціею и который втеченіе 12-ти лѣтъ управлялъ дѣлами лучшаго проконсульства въ имперіи“. Въ письмѣ этомъ есть что-то недосказанное, но очевидно, что подъ *сильными доказательствами* нельзя подразумѣвать доказательства неспособности Ермолова къ веденію войны противъ персіянъ. Такое толкованіе опровергается всѣмъ смысломъ письма, показывающимъ, что даже Бенкендорфъ, недоброжелатель Ермолова, понималъ значеніе его на Кавказѣ во время войны.

Полное недовѣріе къ Ермолову питалъ императоръ Николай Павловичъ и впослѣдствіи, когда опальный генералъ жилъ на покоѣ въ Москвѣ. Приводимъ въ доказательство нѣсколько выдержекъ изъ писемъ *) государя къ Паскевичу, писанныхъ изъ Москвы въ 1831 году. Отъ 15-го октября: „Здѣсь нашелъ я Ермолова, онъ былъ у меня, ужасно постарѣлъ, растолстѣлъ и обрюзгъ и, *какъ кажется*, присмирѣлъ. Полагаю, что ему хочется проситься вновь на службу, хотя мнѣ онъ про сіе ничего не говорилъ, но казалось и мнѣ, что симъ кончится; ежели такъ, я не откажу; но не мнѣ его приглашать. Je connais mon homme“. Отъ 24-го октября: „Мое ожиданіе сбылось сегодня: Ермоловъ просилъ меня письмомъ принять его на службу! Вотъ до чего дожили, посмотримъ, что изъ сего будетъ, повидимому присмирѣлъ;—не проведетъ!“ Отъ 3-го ноября: „Ермоловъ покуда скроменъ и тихъ, посмотримъ что далѣе будетъ, я за нимъ съ любопытствомъ слѣдую (слѣжу), а покуда еще не понимаю“.

Для опредѣленія свойства тѣхъ обвиненій, которыя были возведены на Ермолова, укажемъ, наконецъ, на одно обстоятельство. Предполагая въ концѣ 1827 г. пріѣхать въ Москву, Ермоловъ просилъ пріюта у своего двоюроднаго брата: „какъ близкому родному, я тебѣ тѣмъ не поврежу, но расположившись у посторонняго, я навлеку на него замѣчаніе“.

---

*) Напечатаны княземъ Щербатовымъ въ четвертомъ томѣ біографіи Паскевича.

Смѣшно было-бы теперь доказывать, что Ермоловъ никогда не имѣлъ намѣренія объявлять себя независимымъ правителемъ Кавказа или, по меньшей мѣрѣ, отказывать въ присягѣ на вѣрность подданства императору Николаю I. Но въ то смутное и тревожное время, когда даже часть гвардіи была поставлена въ затрудненіе неизвѣстностью порядка престолонаслѣдія, подобный слухъ, естественно, могъ внушить сомнѣніе въ вѣрности энергическаго и предпріимчиваго генерала, полновластно распоряжавшагося въ отдаленной провинціи и пользовавшагося безусловнымъ довѣріемъ своихъ войскъ. Въ „Историческомъ сборникѣ“, изданномъ Искандеромъ въ Лондонѣ въ 1861 году, напечатана статейка неизвѣстнаго автора, который серіозно винитъ Ермолова въ отсутствіи патріотизма за то, что онъ въ 1825 г. не пошелъ съ Кавказа съ двумя дивизіями въ Петербургъ для содѣйствія заговорщикамъ. Авторъ статьи, какъ можно заключить изъ его словъ, принадлежалъ къ числу участниковъ заговора. Очевидно, что въ то время такой походъ считался возможнымъ, и, быть можетъ, горячія головы даже разсчитывали на помощь Ермолова, безъ его, конечно, вѣдома и согласія. Достаточно указать, что въ заговорѣ участвовали такіе сумасброды, какъ Якубовичъ и Кюхельбекеръ. Оба они служили передъ тѣмъ на Кавказѣ, и въ ихъ воображеніи Ермоловъ могъ, дѣйствительно, рисоваться мятежнымъ проконсуломъ. И впослѣдствіи, когда Ермоловъ былъ не у дѣлъ, организаторы фантастическихъ тайныхъ обществъ злоупотребляли его именемъ. Такъ, тамбовскій помѣщикъ Сунгуровъ, образовавшій въ 1831 г. въ Москвѣ тайное общество и выдавшій потомъ всѣхъ участниковъ, увѣрялъ молодежь, что общество это есть остатокъ союза декабристовъ, что съ 1826 г. оно значительно усилилось и имѣетъ во главѣ Ермолова.

Могутъ спросить, почему-же имя Ермолова приплеталось къ предпріятіямъ этого рода, и не подавалъ-ли онъ самъ поводовъ къ сомнѣнію въ своемъ образѣ мыслей? Ермоловъ, несомнѣнно, былъ или, по крайней мѣрѣ, считался либераломъ въ томъ смыслѣ, который придавался

тогда этому слову. Онъ не стѣснялся въ своихъ отзывахъ и сужденіяхъ о лицахъ и событіяхъ. Невоздержанный и острый языкъ создалъ ему репутацію опаснаго человѣка, но за то привлекалъ къ нему сердца пылкой молодежи, набравшейся въ заграничныхъ походахъ вольнолюбивыхъ идей. Онъ охотно окружалъ себя молодыми людьми, охотно бесѣдовалъ съ ними и позволялъ свободно высказываться въ своемъ присутствіи. Язвительными насмѣшками надъ вліятельными лицами и особенно нѣмцами, игравшими видную роль при дворѣ, въ арміи и администраціи, нажилъ онъ себѣ много непримиримыхъ враговъ, которые не пощадили его, когда представился случай. Вотъ тѣ сѣмена, которыя ждали только удобной почвы для принесенія плода. Такою почвою оказались событія 14-го декабря 1825 г. Неожиданность открытаго мятежа и участіе въ заговорѣ представителей самыхъ родовитыхъ фамилій въ Россіи давали основаніе сомнѣваться въ вѣрности лицъ, занимавшихъ самыя высокія должности. При извѣстномъ нерасположеніи Николая Павловича къ Ермолову, врагамъ этого послѣдняго представился удобный поводъ указать молодому государю на подозрительность образа мыслей проконсула Грузіи. Привязанность войскъ дѣлала такого человѣка еще болѣе опаснымъ. Если не было злоумышленныхъ дѣлъ, то злоумышленныхъ словъ и мнѣній можно было набрать, сколько угодно. Въ то смутное и тревожное время и этого было достаточно. Въ бытность Дибича весною 1827 г. въ Тифлисѣ, Ермолову пришлось оправдываться передъ нимъ и въ либеральномъ образѣ мыслей, и въ обхожденіи съ подчиненными и особенно съ молодежью, и въ какихъ-то неосторожнымъ разговорахъ о событіяхъ въ Петербургѣ. По поводу подозрѣній въ либерализмѣ Ермоловъ высказалъ, что „это несчастіе“ происходило, можетъ-быть, отъ ошибокъ его молодости, хотя онъ и въ то время никогда не былъ противъ правительства, но иногда только противъ начальниковъ, кои ему казались несправедливыми. Обвиненіе въ общеніи съ молодежью объяснилъ онъ врожденнымъ ему снисходительнымъ обращеніемъ, особливо съ молодыми

людьми, въ коихъ замѣчалъ онъ особенныя дарованія. Къ этому Ермоловъ поспѣшилъ прибавить, что если обхожденіе его съ подчиненными и даетъ поводъ къ нѣкоторымъ упрекамъ, справедливымъ въ строгомъ смыслѣ службы, то онъ считаетъ себя оправданнымъ тѣмъ, что ни одинъ изъ окружающихъ его не былъ замѣшанъ въ гнусныхъ замыслахъ. Насчетъ слуховъ о „неосторожныхъ разговорахъ“ Дибичъ спрашивалъ находившагося въ то время въ Грузіи флигель-адъютанта князя Долгорукова, который отвѣчалъ, что не только таковыхъ никогда не слыхалъ, но, напротивъ, замѣтилъ, что генералъ Ермоловъ старается разсказывать доходящіе изъ Петербурга выгодные слухи и анекдоты.

Насколько опасны были въ то время обвиненія и подозрѣнія подобнаго рода, доказывается тѣмъ, что когда въ 1829 г. Паскевичъ, не терпѣвшій около себя людей самостоятельныхъ, пожелалъ удалить изъ кавказскаго корпуса генераловъ Н. Н. Раевскаго, Н. Н. Муравьева и Д. Е. Остенъ-Сакена, то онъ обвинилъ ихъ въ потворствѣ участникамъ событій 14-го декабря, служившимъ рядовыми въ кавказскихъ полкахъ. Паскевичъ доносилъ по этому поводу, что духъ злоумышленнаго сообщества еще существуетъ, хотя, по слабости своей, не дѣйствуетъ, но съ помощью связей между собою живетъ.

Не нерѣшительность Ермолова въ началѣ персидской войны была основною причиною удаленія его съ Кавказа. Намъ кажется, что, наоборотъ, самая вялость, дѣйствительно обнаруженная въ 1826 г. этимъ энергическимъ военачальникомъ, проистекала изъ сознанія, что кончина Александра I „лишила его всего“, что новый государь не довѣряетъ ему и ждетъ удобнаго предлога для его отозванія.

Съ Ермоловымъ кончился первобытный періодъ въ исторіи русскаго Кавказа. Здѣсь, молча, дѣйствовали, сражались и умирали какіе-то никому невѣдомые Максимы Максимовичи, довольствовавшіеся самою скудною обстановкой. Кавказъ назывался въ Петербургѣ *теплою Сибирью* (la Sibérie chaude), и это названіе далъ ему самъ государь Александръ I. Въ смыслѣ карьеры кавказская служба счи-

талась очень невыгодною. Александръ I былъ очень удивленъ желаніемъ или согласіемъ Ермолова получить главное командованіе на Кавказѣ. Денисъ Давыдовъ говоритъ, что графъ Аракчеевъ и князь Волконскій, опасаясь возраставшаго расположенія къ Ермолову государя, доложили ему, что генералъ желаетъ назначенія на Кавказъ. Александръ, вызвавъ Ермолова въ Петербургъ, сказалъ ему: „Я никакъ не думалъ, чтобы тебѣ такое назначеніе было пріятно, но я долженъ былъ повѣрить свидѣтельству Аракчеева и Волконскаго“.

Ермоловъ былъ очень разборчивъ и скупъ на награды: владимирскій крестъ считался тогда на Кавказѣ величайшею рѣдкостью. Словесная похвала его считалась уже большимъ отличіемъ. Военныя реляціи его отличались правдивостью и умѣренностью выраженій. Въ 1826 г., послѣ набѣга Дениса Давыдова въ Эриванское ханство, Ермоловъ письменно выразилъ ему похвалу „за скромность въ донесеніяхъ, которыя не омрачены наглою хвастливостью“. Безкорыстіе Ермолова и крайняя бережливость въ расходованіи казенныхъ денегъ извѣстны всѣмъ.

Паскевичъ первый изъ главнокомандующихъ на Кавказѣ былъ облеченъ высокимъ званіемъ генералъ-адъютанта. Въ свитѣ его прибыло на Кавказъ множество офицеровъ гвардіи въ званіи его адъютантовъ и прикомандированныхъ. Блистательныя дѣла и еще болѣе блистательныя реляціи пролили обильный дождь небывалыхъ на Кавказѣ наградъ на любимцевъ и избранниковъ главнокомандующаго. Въ короткій промежутокъ времени трое изъ его приближенныхъ украсились флигель-адъютантскими аксельбантами. Такимъ образомъ, репутація Кавказа, какъ страны, дающей способы сдѣлать безъ особенныхъ усилій и пожертвованій быструю карьеру, была установлена. Изъ страны изгнанія онъ обратился въ любимое мѣстопребываніе такъ-называемыхъ *фазановъ*. Искусство сочиненія реляцій дошло вскорѣ до такого совершенства, что даже холодный и ничему не удивлявшійся скептикъ А. А. Вельяминовъ дивился лживости донесеній генераловъ Панкратьева и Фези.

Но ни блескъ побѣдъ въ Персіи и Турціи, ни громкій титулъ графа Эриванскаго не искоренили въ памяти кавказскаго населенія имени Ермолова. Въ пѣсняхъ горцевъ говорится только о грозномъ *Ермолоу* и Вельяминовѣ. Въ тифлисской уличной пѣснѣ, кажется, теперь уже забытой, были такія строки: „Праздникъ наступилъ и годъ обновился. Паскевичъ пріѣхалъ, Иванъ Коргановъ назначенъ адъютантомъ, и прозвали его Каиномъ. Жаль, что Ермоловъ смѣнился,—у народа сердце испортилось“.

Въ наружности и характерѣ Ермолова было нѣчто, способное возбудить искреннее поэтическое чувство. Пушкинъ въ эпилогѣ къ „Кавказскому плѣннику“ посвятилъ чудныя строки Циціанову, Котляревскому и Ермолову. Но тотъ-же Пушкинъ остался совершенно равнодушнымъ, какъ поэтъ, къ дѣламъ Паскевича, хотя и сопровождалъ его въ Эрзерумъ. Онъ даже обижался, когда отъ него ожидали пѣснопѣній по поводу блистательныхъ побѣдъ графа Эриванскаго. „*Искать вдохновенія*,—писалъ Пушкинъ,—всегда казалось мнѣ смѣшной и нелѣпой причудою: вдохновенія не сыщешь; оно само должно найти поэта“. И Лермонтовъ нашелъ въ своемъ сердцѣ поэтическія слова для изображенія Ермолова: всѣмъ знакома картина, изображающая испытаннаго трудами боевой жизни генерала, который, грозя очами, ведетъ свои войска мимо Казбека. Лермонтовъ же свидѣтельствуетъ о томъ, какъ чтили память Ермолова старые кавказскіе служаки еще въ концѣ тридцатыхъ годовъ. Почтенный Максимъ Максимовичъ, на вопросъ: давно ли онъ служитъ на Кавказѣ?,—отвѣчалъ, *пріосанившись:* со временъ Алексѣя Петровича. Онъ не вспомнилъ о Паскевичѣ, хотя, быть-можетъ, участвовалъ въ дѣлахъ и подъ его начальствомъ, и назвалъ Ермолова не по фамиліи, а по имени и отчеству, будучи, очевидно, убѣжденъ, что каждый долженъ знать, о комъ идетъ рѣчь, когда называютъ Алексѣя Петровича. Укажемъ еще, что Максимъ Максимовичъ при имени Ермолова пріосанился: онъ, очевидно, гордился тѣмъ, что служилъ подъ начальствомъ проконсула Грузіи.

Эти свидѣтельства нашихъ величайшихъ поэтовъ имѣютъ глубоко-серіозное значеніе для характеристики Ермолова и опредѣленія его дѣятельности на Кавказѣ, такъ какъ нѣсколько словъ Пушкина и Лермонтова важнѣе, значительнѣе и вѣковѣчнѣе, чѣмъ многотомные панегирики.

О пребываніи Пушкина на Кавказѣ въ 1829 году *).

Пребываніе Пушкина на Кавказѣ въ 1829 г. принадлежитъ къ наименѣе извѣстнымъ въ подробностяхъ періодамъ въ жизни поэта. Отъ этого времени не имѣется или не сохранилось ни одного письма его: очень возможно, что по нѣкоторымъ соображеніямъ онъ воздерживался отъ корресподенціи, пока находился въ арміи графа Паскевича **). Такимъ образомъ, одно „Путешествіе въ Арзрумъ" служило долгое время единственнымъ печатнымъ источникомъ свѣдѣній о Пушкинѣ на Кавказѣ въ 1829 г. Только въ 1880 г. свѣдѣнія эти были нѣсколько дополнены воспоминаніями Н. Б. Потокскаго („Русская Старина", 1880, іюль, 576—584) и М. В. Юзефовича („Русскій Архивъ", 1880, III. 431—446). Къ сожалѣнію, оба они взялись за перо на закатѣ своихъ дней, спустя полвѣка послѣ событій, когда многое забылось, многое перепуталось въ старческой памяти. Къ тому же Н. Б. Потокскій былъ только случайнымъ дорожнымъ знакомцемъ Пушкина, а М. В. Юзефовичъ встрѣтился съ нимъ уже въ дѣйствующемъ отрядѣ. Оба они немного прибавили къ тому, что самъ Пушкинъ призналъ возможнымъ сказать въ своемъ „Путешествіи въ Арзрумъ". Очень богатый вкладъ въ собраніе свѣдѣній о пребываніи поэта на Кавказѣ сдѣлалъ вице-президентъ нашей Академіи Наукъ Л. Н. Майковъ, напечатавшій въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1893 г. записку М. И. Пущина „Встрѣча съ Пуш-

*) Кавказская поминка о Пушкинѣ. Изданіе редакціи газеты „Кавказъ". Тифлисъ 1899.

**) Л. Павлищевъ въ своей „Семейной хроникѣ" говоритъ, что Пушкинъ писалъ съ Кавказа Дельвигу и родителямъ своимъ чрезъ князя Дадіана („Историческій Вѣстникъ", 1888 г., мартъ, 560; апрѣль, 35). Письма эти до сихъ поръ неизвѣстны.

кинымъ на Кавказѣ". Драгоцѣнная записка эта значительно дополняетъ свѣдѣнія того-же Пущина, обнародованныя впервые барономъ А. Е. Розеномъ въ его изслѣдованіи „Декабристы на Кавказѣ" („Русская Старина", 1884, февраль, 303—308).

Таковы, до сихъ поръ, главнѣйшие и почти единственные источники свѣдѣній о кавказскомъ путешествіи Пушкина. Первое мѣсто между ними принадлежитъ, конечно, „Путешествію въ Арзрумъ". Какъ извѣстно, Пушкинъ не предполагалъ сначала сообщать въ печати о своихъ кавказскихъ впечатлѣніяхъ, и только книга французскаго путешественника Виктора Фонтанье побудила его обнародовать свой путевой дневникъ. Въ немъ онъ многаго не договариваетъ, о многомъ видѣнномъ и слышанномъ совсѣмъ умалчиваетъ и ограничивается бѣглымъ и далеко не полнымъ обзоромъ тѣхъ событій, которыхъ былъ очевидцемъ. Все „Путешествіе" есть въ сущности оправдательный документъ противъ обвиненія поэта въ томъ, что онъ, находясь въ дѣйствующемъ отрядѣ, написалъ будто-бы сатиру на графа Паскевича. „Я устыдился-бы,—говоритъ Пушкинъ въ предисловіи къ „Путешествію",—писать сатиры на прославленнаго полководца, ласково принявшаго меня подъ сѣнь своего шатра и находившаго время посреди своихъ великихъ заботъ оказывать мнѣ лестное вниманіе. Человѣкъ, не имѣющій нужды въ покровительствѣ сильныхъ, дорожитъ ихъ радушіемъ и гостепріимствомъ, ибо иного отъ нихъ не можетъ и требовать. Обвиненіе въ неблагодарности не должно быть оставлено безъ возраженія, какъ ничтожная критика или литературная брань. Вотъ почему рѣшился я напечатать это предисловіе и выдать свои путевыя записки, какъ все, что мною было написано о походѣ 1829 года". „Путешествіе" появилось впервые въ печати въ первой книгѣ „Современника" за 1836 г. по рукописи, переписанной и исправленной въ 1835 г. Съ тѣхъ поръ, болѣе полувѣка, сочиненіе это печаталось всегда въ одинаковомъ видѣ, т. е. съ пропускомъ бесѣды съ Ермоловымъ, разсужденія о распространеніи христіанства среди

горцевъ и т. д. Имена почти всѣхъ лицъ, съ которыми Пушкинъ встрѣчался на Кавказѣ, обозначались въ печати только начальными буквами. Замѣчательно, что по цензурнымъ соображеніямъ, нынѣ совершенно необъяснимымъ, сводный уланскій полкъ именовался въ печатномъ текстѣ просто уланскимъ полкомъ, а названіе *сводный* замѣнялось тремя звѣздочками.

Въ полномъ видѣ, совершенно согласномъ съ авторскимъ текстомъ, „Путешествіе" появилось только въ 1887 г. въ сочиненіяхъ Пушкина, изданныхъ Обществомъ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. При этомъ оказалось, что въ рукописи только немногія лица названы полными именами, большинство же самимъ Пушкинымъ означено одними иниціалами. Редакторъ изданія, о которомъ идетъ рѣчь, профессоръ П. О. Морозовъ, не могъ или не призналъ нужнымъ раскрыть эти анонимы. Такимъ образомъ высказанная П. В. Анненковымъ еще въ 1855 г. надежда на то, что будущіе издатели Пушкина объяснятъ всѣ анонимы „Путешествія",—не осуществилась и черезъ 50 лѣтъ послѣ кончины поэта. Предпринятое нашею Академіею Наукъ критическое изданіе сочиненій Пушкина вновь поставило на очередь этотъ вопросъ, очень важный для опредѣленія круга знакомствъ и отношеній поэта на Кавказѣ. Теперь большая часть этихъ иниціаловъ раскрыта, и только немногіе изъ нихъ остаются подъ сомнѣніемъ *).

*) *Л. Н. Майковъ.* О поѣздкѣ Пушкина на Кавказъ въ 1829 году. („Русскій Вѣстникъ", 1893 г., IX). Перепечатывая эту статью въ своемъ сборникѣ „Историко-литературные очерки" (С.-Петербургъ. 1895 г.), авторъ отчасти измѣнилъ, отчасти дополнилъ свѣдѣнія о лицахъ, скрытыхъ подъ иниціалами. Такъ, спутникомъ Пушкина по Военно-Грузинской дорогѣ называетъ онъ уже не Шереметева, а Э. К. Шернваля. Г-на А., посланнаго Паскевичемъ навѣстить женъ эрзерумскаго паши, Л. Н. Майковъ, по указанію П. И. Бартенева, считаетъ полковникомъ Р. Р. Анрепомъ, который командовалъ сводным уланскимъ полкомъ. Догадка эта кажется намъ неудачною, такъ какъ Пушкинъ посѣтилъ гаремъ 12 или 13 іюля, когда сводный уланскій полкъ уже не находился въ Эрзерумѣ. Сверхъ того, самъ Пушкинъ различаетъ *полковника А.* (Анрепа) отъ *г-на А.* По нашему мнѣ-

По словамъ профессора П. О. Морозова, „Путешествіе“ написано Пушкинымъ вчернѣ еще въ 1829 г. Первоначальный текстъ этотъ, къ сожалѣнію, никогда не появлялся въ печати, и потому мы можемъ высказать только предположеніе, что онъ въ общемъ долженъ значительно разниться отъ текста, обработаннаго въ 1835 г. Дѣло въ томъ, что „Путешествіе“ распадается на двѣ неравныя части. Одна изъ нихъ, составившая въ окончательной обработкѣ первую главу, написана, очевидно, во время самаго путешествія, подъ живымъ впечатлѣніемъ видѣннаго и слышаннаго въ пути. Пушкинъ записалъ язвительные отзывы Ермолова о Паскевичѣ, излагаетъ свой, очень замѣчательный, взглядъ на обращеніе горцевъ въ христіанство, сообщаетъ свѣдѣнія о положеніи аманатовъ въ Владикавказѣ и т. д. Въ „Путешествіи“ указано даже, что первая запись въ дорожномъ дневникѣ сдѣлана имъ въ Георгіевскѣ 15 мая, вторая во Владикавказѣ 22 мая. Съ этого дня хронологическія даты прекращаются. Со словъ Пушкина мы знаемъ только, что онъ прожилъ въ Тифлисѣ около двухъ недѣль, но что дѣлалъ онъ въ Тифлисѣ и съ кѣмъ проводилъ время,—остается неизвѣстнымъ. Пушкинъ называетъ только одного Санковскаго и даетъ внѣшнее описаніе города.

Путь отъ Тифлиса до лагеря дѣйствующаго корпуса на берегу Карсъ-чая, куда Пушкинъ прибылъ 13 іюня, описанъ очень кратко и, очевидно, на память или по самымъ бѣглымъ отмѣткамъ въ дневникѣ. Наконецъ, движеніе съ войсками отъ Соганлуга до Эрзерума изложено очень сухо и сдержанно, съ опущеніемъ всякихъ подробностей, даже безъ названія тѣхъ мѣстъ (Каинлы, Миллидюзъ), гдѣ происходили сраженія. Пушкинъ подчеркиваетъ, что онъ не вмѣшивается въ военныя сужденія и описываетъ только то, что самъ успѣлъ увидѣть. Между тѣмъ, живя

нію, этотъ послѣдній былъ Абрамовичъ, ординарецъ и клевретъ Паскевича. По показанію П. И. Бартенева, К., сообщившій Пушкину о чумѣ въ Эрзерумѣ, былъ графъ Петръ Петровичъ Коновницынъ, разжалованный въ рядовые за участіе въ дѣлѣ 14 декабря. Догадка эта основывается единственно на начальной буквѣ К.

въ палаткѣ Раевскаго, бесѣдуя съ Вольховскимъ, Пущинымъ и другими лицами штаба, близко знавшими положеніе дѣлъ, Пушкинъ не могъ, конечно, не видѣть закулисной стороны войны, не всегда согласной съ пышными реляціями. Онъ умолчалъ, напримѣръ, о слѣдствіи, назначенномъ надъ начальникомъ штаба барономъ Д. Е. Остенъ-Сакеномъ за нерѣшительныя будто-бы дѣйствія кавалеріи при преслѣдованіи 20 іюня разбитаго Гагки-паши. Слѣдствіе это окончилось выговорами Сакену и Раевскому и привело затѣмъ къ удаленію ихъ обоихъ изъ кавказской арміи. Пущинъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что вся эта непріятная исторія была послѣдствіемъ неосторожности Сакена: еще въ Тифлисѣ онъ обратилъ вниманіе Паскевича на статью въ „Journal des Débats“, въ которой говорилось, что Паскевичъ самыхъ обыкновенныхъ способностей, и что успѣхъ его кампаніи должно приписать способностямъ его начальника штаба и многихъ другихъ лицъ, сосланныхъ на Кавказъ за 14 декабря.

Обратный путь изъ Эрзерума описанъ Пушкинымъ всего въ нѣсколькихъ строкахъ и все „Путешествіе“ оканчивается прибытіемъ въ Владикавказъ. О своемъ, довольно продолжительномъ, пребываніи на кавказскихъ минеральныхъ водахъ поэтъ не упоминаетъ ни однимъ словомъ.

Обратимся теперь къ другимъ, названнымъ выше, источникамъ свѣдѣній о пребываніи Пушкина на Кавказѣ въ 1829 г.

Н. Б. Потокскій, по его собственнымъ словамъ, въ 1829 г., не имѣя еще и 20 лѣтъ отъ роду, освободился отъ опеки своихъ родителей и съ большими надеждами отправился на Кавказъ съ рекомендательными письмами къ Н. Н. Раевскому, П. С. Санковскому и В. Д. Вольховскому. Въ Екатериноградѣ юноша встрѣтился съ Пушкинымъ и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Владикавказъ. Въ Тифлисѣ жили они въ одной гостиницѣ, а по возвращеніи Пушкина изъ Эрзерума встрѣчались въ домѣ Санковскаго.

Такимъ образомъ, Потокскій могъ-бы значительно пополнить запасъ извѣстій о кавказскомъ путешествіи Пуш-

кина. Но, къ сожалѣнію, онъ писалъ свои воспоминанія чрезъ 50 лѣтъ послѣ встрѣчи съ поэтомъ. Никакая память не можетъ выдержать такого долгаго срока. Потоскій допустилъ хронологическія ошибки, обобщилъ отдѣльные случаи, сдѣлалъ себя центральной фигурой событій. Поэтому воспоминанія его не могутъ, по нашему мнѣнію, считаться надежнымъ источникомъ свѣдѣній о Пушкинѣ. Прежде всего они противорѣчатъ во многомъ разсказу самого поэта. Чтобы не быть голословнымъ, приведу нѣсколько примѣровъ. Потоскій утверждаетъ, что, ѣдучи вмѣстѣ съ Пушкинымъ въ Тифлисъ, встрѣтилъ около Пасанаура барона Фелькерзама, спѣшившаго въ Петербургъ съ донесеніемъ о побѣдѣ надъ турками. Здѣсь явная хронологическая ошибка: адъютантъ графа Паскевича баронъ Иванъ Егоровичъ Фелькерзамъ выѣхалъ изъ Эрзерума, съ донесеніемъ о занятіи этого города, только 28 іюня 1829 г., когда Пушкинъ уже находился въ дѣйствующемъ корпусѣ и присутствовалъ при сдачѣ столицы Анатоліи. По разсказу Потоскаго, Пушкинъ весь путь отъ Екатеринограда до Тифлиса сдѣлалъ верхомъ, при чемъ Потоскій неотлучно слѣдовалъ за нимъ. Только станціи за двѣ до Тифлиса Потоскій расхворался и не могъ держаться на конѣ. Тогда Пушкинъ уложилъ больного въ телѣгу и былъ при немъ неотлучно до Тифлиса. Разсказъ Пушкина не подтверждаетъ этого сообщенія. Изъ Пасанаура нетерпѣливый поэтъ отправился пѣшкомъ совершенно одинъ, даже безъ проводника, и прошелъ до Душета. Здѣсь нагнали его графъ Пушкинъ и Шернваль и предложили отправиться дальше въ ихъ экипажѣ. Предложеніе было принято, и путешественники крупной рысью, а иногда и вскачь поѣхали въ Тифлисъ. Очевидно, что Пушкинъ и Потоскій встрѣтились въ пути случайно, что это было одно изъ тѣхъ мимолетныхъ знакомствъ, которыя не оставили въ памяти поэта никакого слѣда, тогда какъ на восторженнаго, романически настроеннаго юношу встрѣча съ прославленнымъ поэтомъ произвела впечатлѣніе настолько глубокое, что чрезъ полвѣка она одна осталась въ его памяти, зат-

мивъ всѣ остальныя подробности. По разсказу Потоскаго, Пушкинъ любилъ писать мѣломъ и углемъ стихи и рисовать каррикатуры на дверяхъ и стѣнахъ. Такъ дѣлалъ будтобы Пушкинъ во всѣхъ укрѣпленіяхъ и даже въ Владикавказѣ, по возвращеніи съ обѣда у генерала Скворцова. Очень возможно, что живой и шаловливый поэтъ написалъ гдѣ-нибудь стихи на дверяхъ, но Потоскій поспѣшилъ обобщить единичный случай и возвелъ его въ особенную привычку Пушкина, какъ будто на каждомъ казачьемъ посту, въ каждомъ домѣ, гдѣ только поэтъ останавливался, были къ его услугамъ мѣлъ и уголь для расписыванія стѣнъ и дверей.

Съ Михаиломъ Владимировичемъ Юзефовичемъ Пушкинъ встрѣтился только 13 іюня 1829 г., въ день прибытія въ отрядъ, стоявшій лагеремъ на берегу Карсъ-чая, у подошвы Соганлугскаго хребта. Юзефовичъ былъ тогда поручикомъ бѣлгородскаго уланскаго полка и состоялъ адъютантомъ при начальникѣ кавалеріи Н. Н. Раевскомъ. Въ отрядѣ жилъ онъ въ одной палаткѣ съ Львомъ Пушкинымъ, тоже адъютантомъ генерала Раевскаго. Такимъ образомъ, Юзефовичъ имѣлъ возможность видѣться съ Пушкинымъ ежедневно, но онъ писалъ свои воспоминанія въ іюлѣ 1880 г., т. е. черезъ 51 годъ послѣ событія и, слѣдовательно, многое забылъ. Поэтому онъ передалъ (какъ самъ заявляетъ) только то, что ясно и точно сохранилось въ его памяти, за правду чего можетъ ручаться по совѣсти. Къ сожалѣнію, въ памяти его удержалось мало новыхъ подробностей о пребываніи Пушкина въ отрядѣ.

Очень драгоцѣнными являются въ этомъ отношеніи, какъ мы уже сказали, записки М. И. Пущина, обнародованныя впервые Л. Н. Майковымъ. Онъ написалъ ихъ въ пятидесятыхъ годахъ, слѣдовательно, на 30 лѣтъ раньше Потоскаго и Юзефовича, когда событія кампаніи 1829 г. были еще свѣжи въ его памяти. Пущинъ сообщилъ впервые свѣдѣнія, до того совершенно неизвѣстныя, о пребываніи Пушкина на кавказскихъ минеральныхъ водахъ въ августѣ и сентябрѣ 1829 г., послѣ возвращенія изъ Эрзе-

рума. Пушкинъ самъ нигдѣ ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ этомъ, и только на двухъ его стихотвореніяхъ 1829 г. имѣется помѣта: *на кавказскихъ водахъ*.

Офиціальныя свѣдѣнія о пребываніи Пушкина на Кавказѣ выразились только въ перепискѣ объ учрежденіи за нимъ тайнаго полицейскаго надзора.

Намѣреніе посѣтить Кавказъ возникло у Пушкина еще въ 1827 году. Отъ 8 мая этого года *) онъ писалъ изъ Москвы своему брату Льву Сергѣевичу, служившему тогда въ нижегородскомъ драгунскомъ полку: „Завтра ѣду въ Петербургъ... Изъ Петербурга поѣду въ чужіе края, т. е. въ Европу, или во-свояси, т. е. въ Псковъ, но вѣроятнѣе— въ Грузію, не для твоихъ прекрасныхъ глазъ, а для Раевскаго". Намѣреніе это осуществилось, однако, только въ 1829 г., при чемъ Пушкинъ собрался на Кавказъ, повидимому, совершенно неожиданно, безъ всякихъ приготовленій. Самъ онъ объяснялъ цѣль своей поѣздки различно. Въ черновомъ предисловіи къ „Путешествію въ Арзрумъ", написанномъ 3 апрѣля 1835 г., было сказано: „Въ 1829 г.

*) Въ письмѣ этомъ годъ не указанъ, но всѣ издатели сочиненій Пушкина относятъ его къ 1829 г. Содержаніемъ самого письма не трудно доказать, что оно написано въ 1827 году. Изъ „Путешествія въ Арзрумъ" извѣстно, что Пушкинъ выѣхалъ изъ Москвы на Кавказъ *1 мая 1829 г.*, заѣхалъ въ Орелъ повидаться съ Ермоловымъ и 15 мая былъ въ Георгіевскѣ. Слѣдовательно, онъ не могъ писать брату Льву изъ Москвы 8 мая 1829 г. Затѣмъ, вопросы: „Кончилась ли у васъ война? Видѣлъ ли ты Ермолова, и каково вамъ послѣ его?" были-бы совершенно неумѣстны въ 1829 г., такъ какъ Пушкинъ зналъ объ усиленныхъ приготовленіяхъ къ начатію второй турецкой кампаніи и, выѣхавъ на Кавказъ, опасался не застать Раевскаго въ Тифлисѣ. Точно также странно было спрашивать брата о Ермоловѣ, который въ 1827 г. покинулъ Кавказъ и удалился въ свою орловскую деревню. Напротивъ, въ 1827 г., вопросы, предложенные Пушкинымъ, были вполнѣ естественны: Левъ Пушкинъ опредѣлился въ нижегородскій драгунскій полкъ въ концѣ 1826 г., но прибылъ къ полку только въ мартѣ или апрѣлѣ 1827 г., когда Паскевичъ только что занялъ мѣсто Ермолова (28 марта 1827 г.). Слѣдовательно, Пушкинъ имѣлъ полное основаніе спрашивать брата, видѣлъ-ли онъ Ермолова и каково служится на Кавказѣ при новомъ начальникѣ.

отправился я на кавказскія воды. Въ такомъ близкомъ разстояніи отъ Тифлиса мнѣ захотѣлось туда съѣздить для свиданія съ братомъ и съ нѣкоторыми изъ моихъ пріятелей". Между тѣмъ, выѣзжая 9 марта 1829 г. изъ Петербурга, Пушкинъ отмѣтился въ полиціи выѣхавшимъ не на кавказскія воды, а именно въ Тифлисъ, по подорожной, данной ему петербургскимъ почтъ-директоромъ 4 марта 1829 г. до Тифлиса и обратно. Какъ въ письмѣ отъ 8 мая 1827 г., такъ и въ черновомъ предисловіи къ „Путешествію въ Арзрумъ" Пушкинъ объясняетъ свою поѣздку желаніемъ повидаться съ братомъ Львомъ и Н. Н. Раевскимъ. Но замѣчательно, что въ письмѣ къ тому-же самому Раевскому, отъ 30 января 1829 г., слѣдовательно, за мѣсяцъ до выѣзда изъ Петербурга на Кавказъ, поэтъ ни слова не говоритъ о намѣреніи посѣтить Грузію. Все это даетъ основаніе предполагать, что окончательное рѣшеніе бросить столицу и отправиться въ Азію созрѣло въ Пушкинѣ внезапно, подъ вліяніемъ того тревожнаго состоянія духа, въ которомъ онъ тогда находился.

Неизвѣстный и крайне недоброжелательный къ поэту авторъ воспоминаній, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ" 1874 года (томъ X, августъ), утверждаетъ, что кавказскую поѣздку Пушкина устроили игроки, у которыхъ онъ былъ въ тискахъ. „Ему вѣрно обѣщаютъ золотыя горы на Кавказѣ, а какъ увидятъ деньги или поэму, то выиграютъ и—конецъ". Слова о проигранной въ карты поэмѣ есть, очевидно, намекъ на уступку Пушкинымъ Н. В. Всеволожскому въ 1820 г. права изданія своихъ стихотвореній за карточный долгъ. Пушкинъ, дѣйствительно, въ 1829 г. предавался еще со страстью карточной игрѣ, но только явное недоброжелательство могло искать въ этомъ увлеченіи поводъ къ поѣздкѣ на Кавказъ. Найти игроковъ Пушкинъ могъ-бы и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ. „Сулить золотыя горы на Кавказѣ" можно было только шулеру, а не человѣку, вѣчно проигрывавшему въ карты.

Пушкинъ выѣхалъ на Кавказъ, не испросивъ даже разрѣшенія, у кого слѣдовало. Онъ состоялъ тогда подъ

секретнымъ надзоромъ, и потому внезапный отъѣздъ его встревожилъ шефа жандармовъ Бенкендорфа. Мнительному начальнику тайной полиціи, помнившему о близкихъ отношеніяхъ Пушкина къ участникамъ происшествія 14 декабря 1825 г., показался въ высшей степени подозрительнымъ отъѣздъ поэта въ армію, въ которой находилось въ то время на службѣ много лицъ, болѣе или менѣе прикосновенныхъ къ этому происшествію. Пока Пушкинъ беззаботно ѣхалъ по степямъ Предкавказья, въ Тифлисѣ дѣлались распоряженія объ учрежденіи надъ нимъ секретнаго надзора. За нѣсколько дней до выступленія въ турецкій походъ, именно 12 мая 1829 г., Паскевичъ приказалъ начальнику своего штаба барону Д. Е. Остенъ-Сакену предупредить тифлисскаго военнаго губернатора ген.-адъютанта Стрекалова о предстоящемъ прибытіи въ Грузію „извѣстнаго стихотворца, отставного чиновника X класса Александра Пушкина“, и объ учрежденіи за нимъ надлежащаго надзора. Стрекаловъ, въ свою очередь, предписалъ 14 мая тифлисскому гражданскому губернатору, по прибытіи Пушкина, обратить на поведеніе его строгое вниманіе и доносить секретно объ образѣ его жизни. Нѣтъ сомнѣнія, что Пушкинъ зналъ объ этомъ отъ своихъ друзей, служившихъ въ штабѣ и въ канцеляріи Паскевича, и принялъ свои мѣры осторожности. Время тогда было такое, что почти всѣ частныя письма съ Кавказа, даже такихъ лицъ, какъ Н. Н. Муравьевъ, подвергались перлюстраціи въ московскомъ почтамтѣ. Вотъ почему, вѣроятно, Пушкинъ избѣгалъ писанія во время пребыванія на Кавказѣ и пользовался только вѣрными случаями для пересылки своихъ писемъ. Соображеніями осторожности объясняется, по нашему мнѣнію, и то, что Пушкинъ, начавъ въ Георгіевскѣ свой дневникъ изложеніемъ мнѣнія о системѣ управленія горцами, о способахъ мирнаго покоренія ихъ и т. д., прекратилъ подробныя записи по переѣздѣ чрезъ Кавказскія горы и ограничился краткими отмѣтками о лично видѣнномъ, избѣгая всякихъ разсужденій и оцѣнки событій. Та-же причина, несомнѣнно, побудила его умолчать о многихъ встрѣчахъ

съ старыми друзьями, или скрыть ихъ имена подъ иниціалами. Поэтому, издавая въ 1836 г. свои путевыя записки, онъ имѣлъ полное право утверждать, что въ нихъ заключается все написанное имъ о походѣ 1829 года.

Переписка о секретномъ надзорѣ за Пушкинымъ на этомъ не кончилась. Уже по возвращеніи съ Кавказа онъ долженъ былъ дать Бенкендорфу объясненіе о причинахъ, вызвавшихъ поѣздку. Отъ тифлисскаго военнаго губернатора было потребовано донесеніе, „по чьему позволенію извѣстный стихотворецъ Александръ Пушкинъ предпринялъ путешествіе изъ Тифлиса въ Эрзерумъ“. Представляя Бенкендорфу свои объясненія, Стрекаловъ доносилъ, что даже лично обращалъ на образъ жизни Пушкина надлежащее вниманіе.

Первыя же строки своего „Путешествія въ Арзрумъ“ Пушкинъ посвящаетъ опальному Ермолову, которымъ восхищался съ давнихъ поръ. Еще въ 1820 г., возвратясь въ Кишиневъ съ кавказскихъ водъ, поэтъ писалъ своему брату Льву: „Ермоловъ наполнилъ Кавказъ своимъ именемъ и благотворнымъ геніемъ“. Неудивительно поэтому, что Пушкинъ не затруднился сдѣлать лишнихъ 200 верстъ для свиданія съ прославленнымъ кавказскимъ вождемъ. Замѣчателенъ отзывъ Пушкина о наружности Ермолова. Считается почти обязательнымъ называть голову Ермолова львиной. Но Пушкинъ говоритъ, что у него голова тигра на геркулесовомъ торсѣ, и затѣмъ прибавляетъ, „улыбка непріятная, потому что не естественна“. Если припомнить, что въ характерѣ Ермолова была извѣстная доля двуличности и хитрости, давшая великому князю Константину Павловичу поводъ называть его патеромъ Груберомъ *), то сравненіе Пушкина должно признать болѣе мѣткимъ, чѣмъ сравненіе со львомъ, придуманное безусловными панегиристами Ермолова. Оно еще разъ подтверждаетъ независимость мнѣній Пушкина и правдивость его въ отзывахъ даже о тѣхъ, кого онъ искренно почиталъ.

Путешествіе съ оказіей по Кабардинской плоскости дало Пушкину случай высказать свой взглядъ на систему

*) Извѣстный въ Петербургѣ генералъ ордена іезуитовъ.

покоренія кавказскихъ горцевъ. Поэтъ находилъ, что главными средствами для этого должны служить торговля и въ особенности свободная, чуждая всякаго формализма, проповѣдь евангелія. Нельзя не узнать въ этомъ мнѣніи отраженіе сантиментально-филантропическихъ идей эпохи Александра I, когда начальникамъ Кавказской линіи было запрещено дѣлать набѣги въ горскіе предѣлы, въ Тифлисѣ учреждено отдѣленіе Библейскаго общества и въ нѣсколькихъ пунктахъ открыты мѣновые дворы для привитія дикимъ горцамъ привычекъ и потребностей цивилизованной жизни. Великодушныя намѣренія эти не дали ожидаемыхъ плодовъ, быть можетъ, по причинамъ, указаннымъ Пушкинымъ въ его горячихъ и краснорѣчивыхъ строкахъ. Затѣмъ, поэтъ высказываетъ надежду, что пріобрѣтеніе восточнаго края Чернаго моря, отрѣзавъ черкесовъ отъ торговли съ Турціей, принудитъ ихъ сблизиться съ русскими. Соображеніе это не могло находиться въ первоначальномъ текстѣ дневника и прибавлено, вѣроятно, впослѣдствіи, при окончательной обработкѣ „Путешествія", какъ какъ только послѣ заключенія Адріанопольскаго трактата 2 сентября 1829 года, отдавшаго во власть Россіи крѣпости Поти и Анапу, Закубанскій край и все прибрежье Чернаго моря отъ Анапы до р. Чолока въ Гуріи, сдѣлалось возможнымъ принять мѣры къ обузданію непокорныхъ черкесскихъ племенъ безъ опасенія протестовъ со стороны Турціи о нарушеніи ея верховныхъ правъ на ту или другую часть кавказскаго населенія. Но надежды, возлагавшіяся на Черноморскую береговую линію, не осуществились: она окончила свое безполезное существованіе въ 1854 г., поглотивъ многія тысячи человѣческихъ жизней и огромныя денежныя средства.

Пушкинъ не говоритъ ничего о своихъ знакомствахъ въ Владикавказѣ. По словамъ-же Н. Б. Потокскаго, поэтъ присутствовалъ на многолюдномъ обѣдѣ у коменданта генерала Скворцова и даже написалъ мѣломъ на дверяхъ въ честь его стихи, изъ которыхъ Потокскій припомнилъ только четыре строчки и то приблизительно. Николай Петровичъ Скворцовъ былъ старый кавказскій служака, почтенный и всѣми уважаемый, съ здравымъ умомъ и твердымъ характеромъ. Разсказы его не могли не заинтересовать любознательнаго поэта. Скворцовъ происходилъ изъ купеческихъ дѣтей, въ 1779 г. поступилъ сержантомъ въ военную службу, въ 1786 г. произведенъ въ адъютанты казанскаго мушкетерскаго полка и съ тѣхъ поръ провелъ всю свою службу на кавказской линіи. Въ 1788 г. ходилъ онъ за Кубань до Анапы, 30 сентября 1790 г. принималъ участіе въ пораженіи Баталъ-паши на Кубани, въ 1804 г. въ усмиреніи кабардинцевъ. Въ 1829 г. былъ онъ уже генераломъ и занималъ должности владикавказскаго коменданта и командира владикавказскаго гарнизоннаго полка. Дочь его была невѣстой Демьяна Александровича Искрицкаго, подпоручика гвардейскаго генеральнаго штаба, за прикосновенность къ дѣлу декабристовъ переведеннаго тѣмъ-же чиномъ въ орскій гарнизонъ, а оттуда на Кавказъ въ 42 егерскій полкъ. Въ сентябрѣ 1831 г. Искрицкій скончался въ Кубѣ отъ горячки. Вскорѣ послѣдовала за нимъ въ могилу и невѣста его.

Нетерпѣніе Пушкина увидѣть Раевскаго и брата Льва было такъ велико, что онъ, избѣгая задержекъ въ лошадяхъ, прошелъ пѣшкомъ значительную часть пути отъ Владикавказа до Душета. Наконецъ, 26-го мая прибылъ онъ въ Тифлисъ и здѣсь съ огорченіемъ узналъ, что нижегородскій драгунскій полкъ уже выступилъ въ походъ. Пушкинъ рѣшился просить у графа Паскевича позволенія пріѣхать въ армію. Главнокомандующій находился въ то время уже подъ Карсомъ. Около двухъ недѣль протомился Пушкинъ въ ожиданіи разрѣшенія. Онъ пишетъ, что познакомился въ это время съ тифлисскимъ обществомъ, но называетъ только одного П. С. Санковскаго, издателя „Тифлисскихъ Вѣдомостей" и большого поклонника поэта. Санковскій давно ожидалъ прибытія Пушкина въ Тифлисъ, но потерялъ, наконецъ, надежду увидѣть его и съ грустью писалъ въ своей газетѣ (№ 17 отъ 26 апрѣля 1829 г.): „Мы ожидали сюда одного изъ лучшихъ нашихъ поэтовъ, но сія надежда, столь лестная для любителей Кавказскаго

края, уничтожена послѣдними письмами, полученными изъ Россіи". Замѣчательно, что извѣстіе о прибытіи Пушкина въ Грузію появилось въ „Тифлисскихъ Вѣдомостяхъ" только въ № 26, вышедшемъ 28-го іюня 1829 г. *), когда Пушкинъ находился уже въ Эрзерумѣ. Вѣроятно, поднадзорное положеніе поэта, прибытіе его въ край безъ надлежащаго разрѣшенія и неизвѣстность, какъ отнесется къ нему графъ Паскевичъ, побудили генерала Стрекалова отложить печатаніе замѣтки Санковскаго до полученія приказаній главнокомандующаго.

Большой интересъ для тифлисцевъ представляетъ вопросъ: гдѣ жилъ Пушкинъ въ Тифлисѣ? Считается достовѣрнымъ, что ему была отведена для жительства комната въ домѣ Цуринова на Эриванской площади, по линіи, которая вслѣдствіе этого нынѣ называется Пушкинскою. Но самъ поэтъ говоритъ, что остановился въ трактирѣ, и жалуется, что въ трактирѣ этомъ кормили его и дорого, и дурно. Н. Б. Потокскій говоритъ также, что Пушкинъ помѣстился въ единственной въ то время небольшой гостинницѣ Матасси **). Остается предполагать, что Пушкинъ, поживъ у Матасси, перешелъ потомъ въ домъ Цуринова, или же, что онъ жилъ въ этомъ домѣ по возвращеніи изъ Эрзерума.

Наконецъ, генералъ Стрекаловъ получилъ отъ графа Паскевича предписаніе отъ 8 іюня № 194, которымъ Пушкину разрѣшалось прибыть въ дѣйствующій корпусъ. Раевскій запискою увѣдомилъ объ этомъ поэта. Пушкинъ отправился въ тотъ-же день и, можно сказать безъ преувеличенія, не проѣхалъ, а пролетѣлъ разстояніе до Карса. Нельзя не удивляться его тѣлесной и духовной крѣпости, позволившей ему, безъ малѣйшаго ущерба для здоровья, дѣлать въ сутки по 75 верстъ верхомъ на изнуренныхъ казачьихъ лошадяхъ въ дождь и непогоду. Усилія эти не

*) № 26 ошибочно помѣченъ *18 іюня*.

**) Матасси имѣлъ ресторацію въ домѣ армянскаго духовнаго училища, на нынѣшнемъ Солдатскомъ базарѣ. Тамъ же помѣщался тогда и клубъ или собраніе. Въ 1828 г. ресторація закрыта, и Матасси перенесъ ее на Эриванскую площадь, противъ полиціи, приблизительно туда, гдѣ нынѣ гостинница „Кавказъ".

были на этотъ разъ напрасны: Пушкинъ прибылъ къ войскамъ 13-го іюня, всего за нѣсколько часовъ до ихъ выступленія. Въ дальнѣйшемъ описаніи своего „Путешествія" Пушкинъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, строго ограничивается изложеніемъ только фактической стороны дѣла и только въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ она была доступна его наблюденію. Поэтому, для пониманія хода и связи событій, необходимы нѣкоторыя поясненія.

8 іюня 1829 г. войска дѣйствующаго корпуса собрались въ лагерѣ при сел. Котанлы на р. Карсъ-чаѣ, въ 30 верстахъ отъ подошвы Соганлугскаго хребта. Какъ разъ въ день пріѣзда Пушкина (13 іюня) графъ Паскевичъ рѣшился предпринять движеніе чрезъ лѣсистыя горы для наступленія къ Эрзеруму. На этомъ пути, на неприступной позиціи Милли-дюзъ, стоялъ трехбунчужный Гагки-паша съ отрядомъ въ 10,000 пѣхоты и конницы. Для отвлеченія его вниманія отъ такъ называемой Зивинской дороги, по которой предполагалось направить русскія войска на Соганлугъ, Паскевичъ приказалъ г.-м. Бурцову сдѣлать ложную атаку на милли-дюзскую позицію.

Въ 5 ч. послѣ полудня, 13 іюня, всѣ войска покинули сел. Котанлы и направились по назначенію: Бурцовъ съ своимъ отрядомъ влѣво, а главныя силы по Зивинской дорогѣ. Пушкинъ находился при нижегородскомъ драгунскомъ полку, слѣдовавшемъ съ остальною кавалеріею въ резервѣ за главной колонной. Въ 8 ч. вечера, отойдя 17 в., войска стали лагеремъ близъ разореннаго сел. Котанлы. Здѣсь Пушкинъ представился графу Паскевичу. Главнокомандующій былъ веселъ и ласково принялъ поэта. Пушкинъ объясняетъ и причину этого веселья: „Чуждый воинскому искусству, говоритъ онъ, я не подозрѣвалъ, что участь похода рѣшилась въ эту минуту". Дѣйствительно, Паскевичъ, всегда нерѣшительный, имѣлъ причины радоваться: демонстрація отряда Бурцова отвлекла вниманіе Гагки-паши отъ движенія главныхъ силъ, вслѣдствіе чего Зивинская дорога оказалась совершенно свободною.

Ночью, послѣ отдыха, движеніе продолжалось, и къ

утру 14 іюня Паскевичъ сталъ лагеремъ на вершинѣ Соганлуга, при р. Инджа-су, въ 8 в. отъ позиціи Гагки-паши.

Здѣсь удалось Пушкину осуществить свое желаніе подраться съ турками. Послѣ полудня, когда утомленныя ночнымъ 30-верстнымъ переходомъ войска предавались послѣобѣденному отдыху, значительная партія курдовъ и дели, посланная Гагки-пашею, внезапно атаковала и потѣснила нашу передовую цѣпь казаковъ. Самъ Пушкинъ говоритъ только, что поѣхалъ съ Семичевымъ посмотрѣть новую для него картину. Но другіе разсказываютъ иначе. По словамъ М. И. Пущина, поэтъ, услыхавъ выстрѣлы въ цѣпи, вскочилъ на коня и исчезъ съ глазъ своихъ друзей. Семичевъ и Пущинъ отправились на поиски и увидѣли его скачущаго съ саблею на-голо противъ турецкихъ наѣздниковъ. Къ счастію, приближеніе уланъ съ Юзефовичемъ, прискакавшимъ на выручку, заставило турокъ удалиться. Пушкину не удалось попробовать своей сабли на турецкой головѣ, но зато и свою удержалъ онъ на плечахъ. По другому разсказу *), сходному въ общемъ съ разсказомъ Пущина, Пушкинъ устремился противъ непріятельскихъ всадниковъ съ пикою, взятою имъ у одного изъ убитыхъ донскихъ казаковъ. Опытный майоръ Семичевъ, посланный ген. Раевскимъ вслѣдъ за поэтомъ, едва настигъ его и вывелъ насильно изъ передовой цѣпи. Можно повѣрить, что донцы наши были чрезвычайно изумлены, увидѣвъ предъ собою незнакомаго героя въ круглой шляпѣ и буркѣ.

Три дня простоялъ Паскевичъ при рѣкѣ Инджа-су, оправдывая свою нерѣшительность глубокомысленными соображеніями. Лица, понимавшія дѣло, сердились на бездѣйствіе. Но Пушкинъ наслаждался свободною и беззаботною лагерною жизнью. Онъ жилъ въ палаткѣ веселаго и гостепріимнаго Раевскаго, куда сбиралось ежедневно самое разнообразное общество. Здѣсь имѣлъ случай Пушкинъ видѣть представителей различныхъ мусульманскихъ племенъ

*) Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи въ 1828 и 1829 годахъ.—Варшава 1843 г. II. 303. Сочиненіе это написано Н. Ушаковымъ подъ наблюденіемъ и по указаніямъ самого Паскевича.

Закавказья, служившихъ подъ начальствомъ Раевскаго въ такъ-называемыхъ конно-иррегулярныхъ полкахъ. Особенно заинтересовали поэта курды-езиды, обвиняемые мусульманами въ поклоненіи дьяволу. Онъ довольно вѣрно изложилъ сущность религіозныхъ воззрѣній этой, еще и до сихъ поръ не вполнѣ разгаданной, секты.

Однообразіе стоянки на Инджа-су прерывалось военными эпизодами. Пушкинъ вскользь упоминаетъ о дѣлѣ 17 іюня полковника барона Фридерикса съ турками. Это былъ небольшой отрядъ Османа-паши, появившійся на флангѣ нашего слѣдованія со стороны Бардуса. Противъ него былъ направленъ 1-й мусульманскій (карабахскій) полкъ подъ начальствомъ подполковника Ускова, подкрѣпленный казаками и баталіономъ эриванскаго карабинернаго полка полковника барона Б. А. Фридерикса. Турки были прогнаны, и самъ Османъ-паша едва избѣжалъ плѣна.

Наконецъ, 18 іюня, Паскевичъ рѣшился спуститься съ Соганлуга къ сел. Караургану въ тылъ позиціи Гакги-паши на Миллидюзѣ. Къ вечеру войска остановились для ночлега при р. Хункеръ-су. На другой день движеніе продолжалось, и въ 10 ч., близъ сел. Каинлы, разъѣзды наши столкнулись съ передовыми войсками турецкаго сераскира, Гаджи Магомета Салехъ-паши, прибывшаго наканунѣ къ Зивину изъ Эрзерума. Послѣ полудня завязалось дѣло, кончившееся къ ночи полнымъ разгромомъ турецкой арміи. Войска наши гнали турокъ до сел. Караургана. Здѣсь пѣхота остановилась, а кавалерія, предводимая Паскевичемъ, преслѣдовала бѣгущихъ еще 12 верстъ.

Гдѣ находился нашъ поэтъ во время боя и 40-верстнаго марша? Онъ разсказываетъ, что послѣ ухода полковъ къ назначеннымъ имъ мѣстамъ, остался одинъ и направилъ своего коня на удачу. Сначала попалъ онъ къ ген.-м. Бурцову, занимавшему лѣвый флангъ нашего боевого расположенія; потомъ пробрался къ ген.-м. Муравьеву на правый флангъ и, наконецъ, примкнулъ къ штабу Паскевича. Въ своемъ дневникѣ, разсказывая о видѣнныхъ имъ отдѣльныхъ эпизодахъ боя при Каинлы, Пушкинъ называетъ

Бурцова и Муравьева. Дѣйствительно, эти два генерала вынесли на себѣ всю тяжесть сраженія, особенно ген.-м. Бурцовъ, устоявшій съ херсонскими баталіонами противъ бѣшеной атаки 10 т. турецкой кавалеріи.

Къ вечеру, когда было получено достовѣрное извѣстіе о бѣгствѣ сераскира къ Эрзеруму, Паскевичъ возобновилъ преслѣдованіе со всею кавалеріею. Пушкинъ принялъ участіе въ этомъ набѣгѣ. Не турецкія пули и сабли были опасны въ этой бѣшеной скачкѣ, а возможность упасть съ усталымъ конемъ и быть затоптаннымъ своими-же. Наступившая ночь остановила Паскевича на бивакѣ. Сюда собрались всѣ кавалерійскіе начальники, принимавшіе участіе въ преслѣдованіи турокъ.

На другой день, 20-го іюня, рѣшилась судьба Гагкипаши. Получивъ извѣстіе о пораженіи сераскира, онъ не нашелъ возможнымъ защищаться на своей позиціи при Милли-дюзѣ: при первомъ наступленіи нашихъ войскъ, турки сдѣлали нѣсколько безвредныхъ пушечныхъ выстрѣловъ и затѣмъ бросились въ разсыпную. Самъ Гагки-паша, оставшись безъ войска, пытался бѣжать, но былъ захваченъ въ лѣсу подполковникомъ Верзилинымъ съ линейными казаками. Паскевичъ остался ночевать на Милли-дюзѣ, разославъ предварительно отряды по разнымъ направленіямъ для преслѣдованія бѣгущихъ турокъ.

Пушкинъ участвовалъ въ движеніи колоннъ противъ Гагки-паши. Онъ примкнулъ къ нижегородскому полку, шедшему въ третьей линіи, но вскорѣ отсталъ и очутился одинъ въ лѣсистыхъ горахъ. Долго бродилъ онъ отъ одной части къ другой, пока не наткнулся на нижегородцевъ, остановившихся на ночлегъ между Милли-дюзомъ и Меджингертомъ.

21 іюня Паскевичъ перешелъ съ Милли-дюза къ Караургану. Здѣсь Пушкинъ имѣлъ случай видѣть плѣннаго Гагки-пашу и наблюдать физіологическое явленіе, извѣстное у турокъ подъ названіемъ *кеса*. 22 іюня главныя силы, продолжая движеніе, перешли къ сел. Ардосту, 23 іюня спустились въ долину Аракса и, слѣдуя его лѣвымъ берегомъ, достигли къ вечеру сел. Кепри-кея. Пушкинъ прошелъ молчаніемъ дни 22 и 23 іюня. Утомленіе предшествующихъ дней, жаркій воздухъ и отсутствіе выдающихся событій заглушили на время его любознательность. Въ эти дни присоединились къ главнымъ силамъ отдѣльные отряды, преслѣдовавшіе бѣгущихъ турокъ, и были отправлены въ Карсъ Гагки-паша и др. плѣнные турецкіе сановники. Изъ Ардоста полетѣлъ въ Петербургъ и курьеръ съ донесеніемъ Паскевича о пораженіи турецкой арміи.

Природа непривѣтлива въ долинѣ Аракса. Бѣдствія войны сдѣлали ее еще болѣе угрюмою. „Селенія были пусты, окрестная сторона печальна“, говоритъ поэтъ о мѣстахъ, видѣнныхъ имъ 22 и 23 іюня. Селеніе Кепри-кей (въ переводѣ съ турецкаго мостовое селеніе) находится при сліяніи рѣкъ Аракса и Гассанъ-су. Непосредственно надъ соединеніемъ ихъ переброшенъ чрезъ Араксъ большой и древній каменный мостъ, называемый *Чобанъ-кепри* (мостъ пастуха). Пушкинъ сообщаетъ преданіе о построеніи этого моста разбогатѣвшимъ пастухомъ, могилу котораго мѣстные жители указываютъ на вершинѣ сосѣдняго холма. Намъ извѣстно другое преданіе по этому поводу. „Когда какой-то царь предпринялъ сооруженіе моста, то всѣ попытки лучшихъ строителей оказывались неудачными: все, сдѣланное днемъ, оказывалось разрушеннымъ въ слѣдующую ночь. Наконецъ, явился ангелъ въ одеждѣ пастуха и указалъ мѣсто для моста. Тогда работа пошла безостановочно, и мостъ былъ названъ пастушескимъ“.

Развалины караванъ-сарая, посѣщенныя Пушкинымъ, заслуживаютъ вниманія. Полагаютъ, что онъ былъ построенъ генуезцами во времена процвѣтанія ихъ торговли съ Эрзерумомъ и Тавризомъ.

Паскевичъ не остался на ночлегъ въ Кепри-кеѣ. Вскорѣ послѣ прибытія главныхъ силъ въ это селеніе получено было изъ Гассанъ-кале извѣстіе о намѣреніи сераскира увезти въ Эрзерумъ находившіеся тамъ артиллерійскіе и провіантскіе запасы. Паскевичъ немедленно сформировалъ летучій отрядъ подъ начальствомъ г.-м. князя Бековича-

Черкасскаго и самъ повелъ его въ Гассанъ-кале. Главныя силы выступили туда-же на другой день, 24 іюня.

Походъ, видимо, утомилъ Пушкина и нравственно, и физически. Онъ жаждалъ отдыха и уже не бросался впередъ при первомъ извѣстіи о дѣлѣ. Предъ выступленіемъ конницы изъ Кепри-кея было получено ложное извѣстіе о нахожденіи въ горахъ 3,000 турокъ. Полковникъ Анрепъ немедленно поскакалъ на поиски съ уланскимъ эскадрономъ. За нимъ отправился и Раевскій. Пушкинъ присоединился къ нему, но уже не съ охотою, а съ *великою досадою*, какъ-бы исполняя скучную служебную обязанность. Извѣстіе оказалось ложнымъ, и набѣгъ безполезнымъ. Къ вечеру 24 іюня Пушкинъ прибылъ въ Гассанъ-кале, гдѣ уже со вчерашняго дня находился Паскевичъ.

Развалины древней цитадели Гассанъ-кале не обратили на себя вниманія поэта. Онъ посѣтилъ только минеральныя бани, извѣстныя съ древнихъ временъ. Пушкинъ несовсѣмъ правильно называетъ ихъ горячими желѣзосѣрными. Температура ихъ не превышаетъ 27 или 28° R., и по составу принадлежатъ онѣ къ желѣзисто-щелочнымъ съ примѣсью сѣры. Рѣку, при которой находится Гассанъ-кале, Пушкинъ называетъ Мургомъ. Неизвѣстно, откуда заимствовалъ онъ это имя: мѣстные жители называютъ ее Гассанъ-су или Кале-су (крѣпостная рѣка).

Движеніе къ Эрзеруму (25 и 26 іюня), смуты въ городѣ, предшествовавшія его сдачѣ, наконецъ, самая сдача столицы Анатоліи (27 іюня),—описаны Пушкинымъ кратко, но со свойственнымъ ему искусствомъ схвачены наиболѣе рельефныя черты событій. Когда войска наши уже заняли высоту Топъ-дагъ, на восточной сторонѣ Эрзерума, буйные арнауты открыли пушечный огонь противъ Топъ-дага, на которомъ находился Паскевичъ и эрзерумскіе сановники съ ключами. По общей просьбѣ, Паскевичъ приказалъ отвѣчать на выстрѣлы, и тогда турецкія пушки умолкли. Къ этому разсказу Пушкина покойный нынѣ генералъ Э. В. Бриммеръ прибавляетъ, что послѣ перваго нашего выстрѣла, Пушкинъ, стоявшій передъ Паскевичемъ, воскликнулъ: „славно!“, и на вопросъ главнокомандующаго: „куда попало“, отвѣчалъ: „прямо въ городъ“.—„Гадко, а не славно“,—замѣтилъ на это Паскевичъ *).

Во время трехнедѣльнаго пребыванія въ Эрзерумѣ Пушкинъ жилъ въ обширномъ дворцѣ сераскира, занятомъ Паскевичемъ. Городъ и его обитатели заинтересовали поэта. Онъ осмотрѣлъ всѣ его достопримѣчательности, не оставилъ безъ вниманія даже башенныхъ часовъ,—единственныхъ во всей Анатоліи. Пушкину выпалъ даже рѣдкій случай посѣтить гаремъ одного изъ плѣнныхъ пашей.

Что заставило Пушкина выѣхать изъ Эрзерума ранѣе, чѣмъ онъ самъ, повидимому, предполагалъ? По его словамъ, 14 іюля, возвращаясь изъ бани во дворецъ, узналъ онъ о появленіи въ Эрзерумѣ чумы. При этомъ извѣстіи представились ему всѣ ужасы карантина, и онъ въ тотъ-же день рѣшился оставить армію.

Позволительно усомниться въ томъ, чтобы одинъ только страхъ сидѣнья въ карантинѣ былъ причиною внезапной рѣшимости Пушкина выѣхать изъ Эрзерума. Дѣло въ томъ, что съ момента открытія чумы строгія карантинныя мѣры вступали немедленно въ дѣйствіе и, слѣдовательно, нельзя было избѣжать ихъ послѣ обнаруженія перваго случая заразы. Къ тому-же, карантинное наблюденіе въ Гумрахъ было обязательно во все время турецкой кампаніи для всѣхъ, ѣхавшихъ изъ арміи въ Грузію. Въ 1829 г. карантинный срокъ былъ опредѣленъ въ 3 недѣли, но Пушкинъ безъ труда выпросилъ себѣ сокращеніе его до трехъ дней.

Потокскій, ссылаясь на отзывъ Вольховскаго, утверждаетъ, что Пушкинъ оставилъ дѣйствующій корпусъ вслѣдствіе ссоры съ Паскевичемъ, который, подъ предлогомъ опасенія за жизнь поэта, дорогую для Россіи, предложилъ ему немедленно уѣхать изъ арміи. Главною причиною неудовольствія Паскевича были, будто-бы, свиданія Пушкина съ нѣкоторыми изъ декабристовъ. Шпіоны слѣдили за по-

*) Записки Бриммера въ XVI томѣ „Кавказскаго Сборника“, издаваемаго военно-историческимъ отдѣломъ при штабѣ кавказскаго военнаго округа.

веденіемъ поэта и передавали Паскевичу свои наблюденія въ преувеличенномъ видѣ.

Потоцкій повторяетъ то, что тогда говорили въ арміи. Но сомнительно, чтобы онъ слышалъ это отъ самого Вольховскаго. Такой серьезный, сдержанный и осторожный человѣкъ, какъ Владиміръ Дмитріевичъ, никогда не рѣшился-бы сообщить почти мальчику, хотя-бы и подъ секретомъ, такія вещи, о которыхъ тогда было опасно говорить. Вольховскій самъ имѣлъ несчастіе быть названнымъ въ заговорѣ 14 декабря и хотя лично ни въ чемъ не было замѣшанъ, но, тѣмъ не менѣе, это ему много вредило по службѣ. Откуда-бы, впрочемъ, ни заимствовалъ свои свѣдѣнія Потоцкій, въ нихъ есть доля истины. Но открытой ссоры Пушкина съ Паскевичемъ они все-таки не объясняютъ, и потому употребленное Потоцкимъ слово *ссора* надо считать простымъ lapsus calami. Припомнимъ, прежде всего, что во время поѣздки на Кавказъ Пушкинъ состоялъ подъ тайнымъ надзоромъ. Паскевичъ, разрѣшивъ ему пріѣздъ въ армію, принялъ на себя надзоръ за его поведеніемъ и сношеніями и для этого старался, по возможности, не отпускать его отъ себя. М. И. Пущинъ разсказываетъ, что „Пушкинъ не могъ изъ вѣжливости оставить Паскевича, который не хотѣлъ отпускать его отъ себя не только во время сраженія, но на привалахъ, въ лагерѣ, и вообще всегда, на всѣ repas и въ свободное отъ занятій время за нимъ посылалъ и порядочно—по словамъ Пушкина—ему надоѣлъ“. Держа Пушкина около себя, тщеславный военачальникъ, ставившій свои сраженія наравнѣ съ побѣдами Александра Македонскаго и знаменитѣйшихъ римскихъ полководцевъ, быть-можетъ, разсчитывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что поэтъ проникнется величіемъ подвиговъ новаго македонскаго героя и не откажется быть его пѣвцомъ.

Во время похода къ Эрзеруму Паскевичъ не имѣлъ возможности держать поэта подъ постояннымъ наблюденіемъ. Пушкинъ проводилъ большую часть времени съ Раевскимъ и считалъ себя какъ-бы прикомандированнымъ къ нижегородскимъ драгунамъ. Общество его составляли, кромѣ Раевскаго, Левъ Пушкинъ, Юзефовичъ, Семичевъ, Пущинъ и др. Онъ чувствовалъ себя вполнѣ привольно среди этихъ людей. Но съ занятіемъ Эрзерума эта свободная жизнь окончилась: 10 или 11 іюля Раевскій со всею кавалеріею ушелъ въ походъ, и Пушкинъ разстался съ самыми близкими ему людьми. Въ первыхъ числахъ іюля выѣхалъ изъ Эрзерума также и М. И. Пущинъ, которому было поручено доставить въ Тифлисъ плѣннаго сераскира и пашей. Неизвѣстно, самъ-ли Пушкинъ не пожелалъ слѣдовать за Раевскимъ, или же Паскевичъ нашелъ предлогъ отклонить его отъ этого. Какъ-бы то ни было, но поэтъ остался одинъ, и 7 іюля, когда Паскевичъ перешелъ изъ лагеря въ городъ и занялъ помѣщеніе во дворцѣ сераскира, поэту пришлось сдѣлаться его гостемъ. Къ этому времени, вѣроятно, и должно отнести замѣчаніе Пущина о надоѣвшемъ поэту обязательномъ посѣщеніи главнокомандующаго. Веселые пиры въ палаткѣ Раевскаго, приправленные живою, непринужденною и остроумною бесѣдою, замѣнились официальными обѣдами, на которыхъ малочиновный Пушкинъ занималъ, конечно, не первыя мѣста. Надо думать, что и бесѣда была мало занимательна: Паскевичъ былъ въ это время очень высокаго мнѣнія о своихъ военныхъ дѣйствіяхъ и говорилъ только о нихъ. Можно представить себѣ, какъ несносны были эти обѣды для Пушкина, который не могъ забыть даже одного обѣда у генерала Стрекалова въ Тифлисѣ и закончилъ описаніе его забавнымъ восклицаніемъ: „чортъ побери тифлисскаго гастронома!“

Въ совокупности всѣхъ этихъ причинъ, кажется мнѣ, должно искать причину отъѣзда Пушкина. Самый городъ Эрзерумъ, послѣ осмотра его достопримѣчательностей, не могъ, конечно, соблазнить на дальнѣйшее пребываніе въ немъ.

Несомнѣнно, что Пушкинъ и Паскевичъ не питали симпатій другъ къ другу. Первый, во время похода, имѣлъ достаточно поводовъ убѣдиться въ непомѣрномъ самолюбіи, можно сказать, въ самообожаніи Паскевича, въ его высокомѣрно-презрительномъ отношеніи къ подчиненнымъ. Если

онъ чего-нибудь не замѣтилъ самъ, то друзья его и знакомые, конечно, не преминули просвѣтить его. Всѣ они, и баронъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ, и Н. Н. Раевскій, и В. Д. Волховскій, и М. И. Пущинъ,—всѣ вскорѣ покинули службу подъ начальствомъ Паскевича или добровольно, или вынужденно, унося глубокое чувство горечи и неудовольствія противъ него.

Біографъ-панегиристъ Паскевича, князь Щербатовъ *), утверждаетъ, что „Пушкинъ въ своемъ „Путешествіи въ Арзрумъ“ не разъ упоминаетъ о неустрашимости главнокомандующаго и о его, среди боевыхъ заботъ, веселой привѣтливости“. Достаточно просмотрѣть твореніе Пушкина, чтобы убѣдиться въ томъ, что онъ нигдѣ ни разу не упоминаетъ о неустрашимости Паскевича. Что касается веселой привѣтливости, то едва-ли такая характеристика можетъ быть основана на словахъ Пушкина о томъ, что Паскевичъ, принимая его въ день пріѣзда въ армію, былъ веселъ и ласковъ.

Вообще, Пушкинъ едва-ли понравился Паскевичу, особенно съ тѣхъ поръ, какъ этотъ послѣдній убѣдился, что поэтъ не обнаруживаетъ ни малѣйшаго желанія сдѣлаться пѣвцомъ его подвиговъ. Послѣ пораженія сераскира и Гагки-паши и занятія Эрзерума Паскевичъ былъ такъ преисполненъ сознанія необычайности своихъ подвиговъ, что только и говорилъ объ нихъ. Послѣ бѣгства сераскира, главнокомандующій, нагнавъ на походѣ курдскихъ бековъ, состоявшихъ при корпусѣ, не могъ удержаться отъ предложенія имъ вопроса: „видѣли-ли они когда нибудь подобное разбитіе арміи?“. Лукавые азіатскіе дипломаты отвѣчали: „мы еще не опомнились отъ удивленія и только теперь начинаемъ вѣрить, что это можетъ случиться“.

Пушкинъ держалъ себя по отношенію къ Паскевичу совершенно независимо, отдавая должную дань высокому его положенію. Отношенія эти лучше всего охарактеризо-

---

*) Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ. Его жизнь и дѣятельность. III. 195.

ваны имъ самимъ въ предисловіи: „человѣкъ, не имѣющій нужды въ покровительствѣ сильныхъ, дорожитъ ихъ радушіемъ и гостепріимствомъ, ибо иного отъ нихъ не можетъ и требовать. Обвиненіе въ неблагодарности не должно быть оставлено безъ возраженія“. Этими словами Пушкинъ даетъ ясно понять, что только одно опасеніе прослыть неблагодарнымъ заставило его напечатать свои записки объ эрзерумскомъ походѣ.

Паскевичъ разсчитывалъ на другое и, убѣдившись въ ошибочности своихъ разсчетовъ, охладѣлъ къ поэту, который составлялъ для него только обузу.

Вскорѣ послѣ смерти Пушкина императоръ Николай Павловичъ писалъ Паскевичу изъ Петербурга отъ 4 февраля 1837 г.: „здѣсь все тихо, и одна трагическая смерть Пушкина занимаетъ публику и служитъ пищей разнымъ глупымъ толкамъ. Онъ умеръ отъ раны за дерзкую и глупую картель, имъ-же писанную, но, слава Богу, умеръ христіаниномъ“. Отвѣтъ Паскевича на это неизвѣстенъ, но государь отъ 22 февраля 1837 г. *) вновь писалъ ему: „мнѣніе твое о Пушкинѣ я совершенно раздѣляю и про него можно справедливо сказать, что въ немъ оплакивается *будущее*, а не *прошедшее*“. Судя по этимъ словамъ, должно думать, что Паскевичъ не очень лестно отозвался о трагически погибшемъ поэтѣ.

Обратный путь изъ Эрзерума Пушкинъ описалъ всего въ нѣсколькихъ строкахъ. Онъ выѣхалъ изъ столицы Анатоліи, по всей вѣроятности, 21 іюля, просидѣлъ три дня въ гумринскомъ карантинѣ и 1-го августа былъ въ Тифлисѣ. Здѣсь прожилъ онъ до 6 августа, проведя нѣсколько вечеровъ въ садахъ среди любезнаго и веселаго общества. Къ сожалѣнію, не сохранилось рѣшительно никакихъ свѣдѣній, изъ кого состояло это общество. Во Владикавказѣ Пушкинъ встрѣтился съ М. И. Пущинымъ и

---

*) Оба письма напечатаны въ приложеніи къ V тому біографіи Паскевича, написанной княземъ Щербатовымъ. Составитель этого многотомнаго труда, къ сожалѣнію, не призналъ нужнымъ напечатать письма Паскевича къ государю.

Р. И. Дороховымъ и вмѣстѣ съ ними отправился на кавказскія воды. Пребываніе его въ Пятигорскѣ и Кисловодскѣ описано Пущинымъ въ запискахъ, опубликованныхъ барономъ Розеномъ и Л. Н. Майковымъ.

Явное нежеланіе Пушкина пѣть хвалебныя пѣсни эриванскому герою не прошло ему даромъ. Газета Булгарина и Греча „Сѣверная Пчела“, извѣщая о возвращеніи поэта въ Петербургъ, пыталась было напомнить ему объ его обязанности: „А. С. Пушкинъ возвратился въ здѣшнюю столицу изъ Арзрума. Онъ былъ на блистательномъ поприщѣ побѣдъ и торжествъ русскаго воинства и наслаждался зрѣлищемъ, любопытнымъ для каждаго, особенно для русскаго. Многіе почитатели его музы надѣются, что онъ обогатитъ нашу словесность какимъ-нибудь произведеніемъ, вдохновеннымъ подъ сѣнью военныхъ шатровъ, въ виду неприступныхъ горъ и твердынь, на которыхъ мощная рука Эриванскаго Героя водрузила русскія знамена“. (№ 138 отъ 16 ноября 1829 г.) Но поэтъ остался глухъ къ этому призыву и, вмѣсто громогласныхъ пѣснопѣній, издалъ въ 1830 г. седьмую главу „Евгенія Онѣгина“. Булгаринъ далъ поэту второе предостереженіе: „Мы думали,—писалъ онъ въ своей газетѣ,—что авторъ „Руслана и Людмилы“ устремился на Кавказъ, чтобы напитаться высокими чувствами поэзіи, обогатиться новыми впечатлѣніями и въ сладкихъ пѣсняхъ передать потомству великіе подвиги русскихъ современныхъ героевъ. Мы думали, что великія событія на востокѣ, удивившія міръ и стяжавшія Россіи уваженіе всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, возбудятъ геніи нашихъ поэтовъ: мы ошиблись! Лиры знаменитыя остались безмолвными, и въ пустынѣ нашей поэзіи опять явился Онѣгинъ, блѣдный, слабый“... („Сѣверная Пчела“ № 37 за 1830 г.). Это былъ, по тогдашнему времени, уже прямой доносъ, недвусмысленное обвиненіе въ неблагонамѣренности, но Пушкинъ и на этотъ разъ оставилъ обвиненіе безъ отвѣта. Наконецъ, въ первой книжкѣ „Современника“ за 1836 г. появилось „Путешествіе въ Арзрумъ“. Въ предисловіи къ нему, о которомъ мы уже говорили, поэтъ

отвергаетъ чье-бы то ни было право распоряжаться его вдохновеніемъ. „Вдохновенія не сыщешь,—говоритъ Пушкинъ:—оно само должно найти поэта“, и затѣмъ объясняетъ обнародованіе „Путешествія“ исключительно желаніемъ опровергнуть взведенное на него обвиненіе въ неблагодарности къ гостепріимству, оказанному ему Паскевичемъ. Понятно, что это предисловіе, въ которомъ Пушкинъ относился къ Паскевичу, какъ равный къ равному, не могло успокоить Булгарина. Если поэтъ нашелъ въ своемъ сердцѣ пламенныя строфы для опальнаго Ермолова, то какъ-же смѣлъ онъ остаться совершенно холоденъ и равнодушенъ, созерцая подвиги всесильнаго Паскевича? Въ отчетѣ о первой книжкѣ „Современника“ Булгаринъ написалъ: „есть ли что-нибудь... въ „Путешествіи въ Арзрумъ?“ Видѣнъ-ли тутъ поэтъ съ пламеннымъ восторгомъ, съ сильною душою? Гдѣ геніальные взгляды, гдѣ дивныя картины, гдѣ пламень? И въ какую пору былъ авторъ въ этой чудной странѣ! Во время знаменитаго похода! Кавказъ, Азія и война! Уже въ этихъ трехъ словахъ поэзія, а „Путешествіе въ Арзрумъ“ есть ни что иное, какъ холодныя записки, въ которыхъ нѣтъ и слѣда поэзіи. Новаго здѣсь—извѣстія о тифлисскихъ баняхъ; но люди, бывшіе въ Тифлисѣ, говорятъ, что и это не вѣрно“.

„Путешествіе въ Арзрумъ“ не обратило на себя вниманія читателей. Еще и теперь оно принадлежитъ къ наименѣе читаемымъ произведеніямъ Пушкина. Даже чуткій Бѣлинскій отнесся холодно къ „Путешествію“. Сочиненіе это *),—писалъ онъ,—есть одна изъ тѣхъ статей, которыя хороши не по своему содержанію, а по имени, которое подъ ними подписано. Статья Пушкина не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что-бы вы, прочтя ее, могли пересказать, что-бы васъ особенно поразило; но ее нельзя читать безъ увлеченія, нельзя не дочитать до конца, если начнешь читать“. Равнодушіе публики можетъ быть объяснено только тѣмъ, что въ эпоху появленія „Путешествія“ уже царилъ Марлинскій, и простая пушкинская проза казалась безцвѣт-

*) Сочиненія Бѣлинскаго, II. 258, изд. 5-е.

ною и скучною въ сравненіи съ трескучимъ Амалатъ-бекомъ и пр. кавказскими повѣстями и разсказами, обильно приправленными „бестужевскими каплями“. Но удивительно, что великій критикъ не оцѣнилъ правдивости и искренности пушкинскаго дневника, изящной простоты его изложенія и искусства нѣсколькими словами изобразить характерныя черты природы. Между тѣмъ, самъ-же Бѣлинскій *) находилъ, что къ особеннымъ чертамъ пушкинской поэзіи, рѣзко отдѣляющимъ его отъ прежней школы, принадлежитъ его художническая добросовѣстность. „Пушкинъ ничего не преувеличиваетъ, ничего не украшаетъ, ничѣмъ не эффектируетъ, никогда не взводитъ на себя великолѣпныхъ, но не испытанныхъ имъ чувствъ, и вездѣ является такимъ, каковъ былъ дѣйствительно“.

Можно полагать, что Бѣлинскій, какъ и многіе другіе, былъ подъ вліяніемъ предисловія къ „Путешествію“. Пушкинъ какъ-будто самъ не придавалъ никакого литературнаго значенія своему дневнику и оправдывалъ появленіе его въ печати исключительно желаніемъ показать, что онъ не писалъ никакой сатиры на эрзерумскій походъ. Надо прибавить еще, что „Путешествіе“ было извѣстно Бѣлинскому въ далеко неполномъ видѣ: по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ, свиданіе Пушкина съ Ермоловымъ и горячія строки о распространеніи среди горцевъ христіанства не появлялись въ печати.

И Пушкинъ, и Ермоловъ, и Паскевичъ давно спятъ вѣчнымъ сномъ. Страсти умолкли, и насталъ судъ исторіи. Пора перестать смотрѣть на „Путешествіе въ Арзрумъ“, какъ на доказательство того, что Пушкинъ чего-то *не писалъ*, и цѣнить сочиненіе это его прямою цѣною, обращая вниманіе на то, что въ немъ *написано*. Какъ очеркъ путешествія, дневникъ Пушкина есть произведеніе великаго художника и великаго человѣка, достойное внимательнаго изученія.

---

*) Тамъ-же, VIII. 404, изд. 5-е.

КАВКАЗСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I. Арестъ Грибоѣдова *).

(По архивнымъ документамъ).

Въ прекрасномъ изданіи „Полнаго собранія сочиненій А. С. Грибоѣдова“ (С.-Петербургъ 1889 г., два тома) редакторъ изданія И. А. Шляпкинъ помѣстилъ хронологическую канву для изученія біографіи безсмертнаго творца „Горя отъ ума“. Здѣсь собраны и расположены въ хронологическомъ порядкѣ всѣ факты и указанія, даже самые мелкіе, относящіеся какъ лично къ Грибоѣдову, такъ и къ его произведеніямъ. При каждой датѣ указаны источники, въ важнѣйшихъ случаяхъ сдѣланы изъ нихъ и соотвѣтствующія извлеченія.

Въ числѣ событій изъ жизни Грибоѣдова упоминается въ канвѣ и объ арестѣ его по подозрѣнію въ прикосновенности къ дѣлу 14-го декабря 1825 г. Подробности этого ареста сохранились въ воспоминаніяхъ Д. А. Смирнова и Н. В. Шимановскаго. По словамъ перваго, Грибоѣдовъ былъ арестованъ въ станицѣ Екатериноградской самимъ Ермоловымъ, явившимся съ своимъ начальникомъ штаба и адъютантами. Н. В. Шимановскій, отвергая все напечатанное объ арестѣ Грибоѣдова, заявляетъ (въ „Русскомъ Архивѣ“ 1875 г., кн. 7), что онъ будетъ говорить, какъ свидѣтель-очевидецъ, и ручается за вѣрность своего разсказа. Итакъ, по словамъ очевидца, Грибоѣдовъ былъ арестованъ *28-го декабря 1825 г.*, въ крѣпости Грозной, полковникомъ

---

*) Газета „Кавказъ“ 3-го января 1898 г. № 2.

Мищенко и дежурнымъ штабъ-офицеромъ Талызинымъ. Ермоловъ далъ возможность Грибоѣдову уничтожить передъ арестомъ всѣ бумаги, которыя могли-бы его компрометтировать. Вслѣдствіе этого, при осмотрѣ походныхъ чемодановъ, нашли только платье, бѣлье и довольно толстую рукопись-тетрадь. Это было „Горе отъ ума". Если-бы,—говоритъ Шимановскій,—уцѣлѣли бумаги Грибоѣдова, то онъ не возвратился-бы изъ Петербурга.

Въ архивѣ гражданскаго управленія Кавказа сохранилось дѣло „объ отправленіи коллежскаго асессора Грибоѣдова въ С.-Петербургъ арестованнымъ и объ описаніи у него бумагъ", которое даетъ возможность установить точно и документально мѣсто, время и нѣкоторыя обстоятельства ареста Грибоѣдова. Но предварительно изложенія содержанія этого краткаго дѣла, необходимо, для пониманія всѣхъ обстоятельствъ, сказать нѣсколько словъ о событіяхъ, предшествовавшихъ аресту.

Въ маѣ 1825 г., послѣ отпуска, продолжавшагося болѣе двухъ лѣтъ, Грибоѣдовъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Грузію, къ генералу Ермолову, при которомъ состоялъ для пограничныхъ сношеній. Путешествіе Грибоѣдова продолжалось пять мѣсяцевъ; изъ нихъ почти три мѣсяца провелъ онъ въ Крыму. За это время сохранилось нѣсколько писемъ его изъ Кіева и Симферополя и дневникъ путешествія по Тавридѣ. Послѣднее крымское письмо написано 12-го сентября изъ Ѳеодосіи, затѣмъ слѣдуетъ письмо отъ 22-го ноября уже изъ станицы Екатериноградской на Терекѣ. Такимъ образомъ, является двухмѣсячный перерывъ, который только отчасти можетъ быть заполненъ указаніемъ на пребываніе Грибоѣдова, въ октябрѣ мѣсяцѣ, въ отрядѣ генерала Вельяминова въ Большой Кабардѣ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ стихотвореніе Грибоѣдова „Хищники на Чегемѣ" и разсказъ его же о смерти кабардинскихъ князей Джембулата Кучукова и Канамата (въ письмѣ отъ 27-го ноября 1825 г. изъ Екатеринограда сказано, что происшествіе это случилось въ кр. Нальчикѣ мѣсяцъ тому назадъ,—слѣдовательно, въ октябрѣ).

Спрашивается, гдѣ-же находился Грибоѣдовъ въ промежутокъ времени между 12-мъ сентября, когда онъ былъ въ Ѳеодосіи, и появленіемъ своимъ въ октябрѣ на р. Чегемѣ въ отрядѣ Вельяминова? Еще изъ Кіева просилъ онъ корреспондентовъ своихъ Бѣгичева и князя Одоевскаго писать къ нему въ Тифлисъ, на имя губернатора Р. И. Ховена, и сообщалъ, что намѣренъ изъ Керчи отправиться на кораблѣ къ берегамъ Мингреліи, затѣмъ проѣхать въ Тифлисъ и оттуда въ горы къ Ермолову. Но въ началѣ сентября адресъ мѣняется, и Грибоѣдовъ проситъ писать къ нему „въ главную квартиру Ермолова".

Въ хронологической канвѣ И. А. Шляпкина отмѣчено: октябрь 1825 г., возвратъ Грибоѣдова въ Грузію. Но показаніе это едва-ли правильно. Грибоѣдову, запоздавшему въ Крыму, не было уже никакой надобности отправляться кружнымъ путемъ въ Тифлисъ, гдѣ въ то время не было никого изъ главныхъ начальствующихъ лицъ. Выгоднѣе и удобнѣе было переплыть изъ Керчи въ Черноморію и проѣхать по кавказской линіи въ Чечню, гдѣ находился тогда Ермоловъ съ отрядомъ. Въ сентябрѣ 1825 г. А. А. Вельяминовъ, дѣйствовавшій противъ закубанцевъ, прибылъ въ Усть-Лабинскую станицу на Кубани. Здѣсь могъ свидѣться съ нимъ Грибоѣдовъ и выпросить разрѣшеніе участвовать въ походѣ противъ возмутившихся кабардинцевъ. Такимъ образомъ попалъ онъ съ Вельяминовымъ и на Чегемъ, и въ Нальчикъ.

Какъ-бы то ни было,—но въ ноябрѣ, по окончаніи похода, Грибоѣдовъ находился въ станицѣ Екатериноградской на Терекѣ. Сюда же прибылъ 22-го ноября изъ станицы Червленой и Ермоловъ для свиданія съ начальникомъ штаба Вельяминовымъ и повѣреннымъ нашимъ въ дѣлахъ Персіи С. И. Мазаровичемъ.

Окончивъ распоряженія по возстановленію спокойствія въ Кабардѣ, Ермоловъ возвратился въ Червленую къ чеченскому отряду. Грибоѣдовъ выпросилъ позволеніе сопровождать его. Еще въ Екатериноградѣ Ермоловъ получилъ достовѣрную вѣсть о кончинѣ государя Александра I,

а 24-го декабря прибылъ въ Червленую фельдъегерь съ извѣстіемъ объ отреченіи Константина и о вступленіи на престолъ императора Николая I. Приведеніе войскъ къ присягѣ и другія неотложныя дѣла замедлили предположенное движеніе въ Чечню. Только 21-го января 1826 г. отрядъ, расположенный около Червленой станицы, выступилъ въ кр. Грозную. Ермоловъ, переночевавъ въ Горячеводскомъ укрѣпленіи, прибылъ въ Грозную къ вечеру 22-го января. Къ этому же времени прискакалъ туда и фельдъегерь Уклонскій съ высочайшимъ повелѣніемъ арестовать Грибоѣдова и отобрать имѣющіяся у него бумаги.

Изъ архивнаго дѣла объ арестѣ Грибоѣдова видно, что осмотръ чемодановъ его былъ произведенъ того-же 22-го января 1826 г. въ присутствіи Уклонскаго артиллеріи полковникомъ Мищенко и адъютантомъ Ермолова гвардіи поручикомъ Талызинымъ. Всѣ найденныя бумаги были зашиты въ холстъ, опечатаны печатями присутствовавшихъ и сданы подъ расписку Уклонскому, а вещи и книги возвращены Грибоѣдову. Опись бумагамъ, къ сожалѣнію, не была составлена, такъ что содержаніе ихъ остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ. Но сохранился списокъ найденныхъ книгъ. Привожу его здѣсь, чтобы показать, какого рода чтеніе интересовало въ то время Грибоѣдова. Въ чемоданѣ оказались: Словарь россійской академіи, сочиненія Державина, Географическое и статистическое описаніе Грузіи и Кавказа, Описаніе Кіево-Печерской лавры, Краткое описаніе Кіева, Народныя сербскія пѣсни, Сербскій словарь, Старинныя малороссійскія пѣсни, Кіевскіе святцы, Путешествіе по Тавридѣ и одна греческая книга.

При обыскѣ обнаружилось, что часть вещей Грибоѣдова хранится въ двухъ запечатанныхъ чемоданахъ въ Владикавказѣ у майора Огарева. Ермоловъ немедленно предписалъ владикавказскому коменданту полковнику Скворцову запечатать эти чемоданы и отправить въ Екатериноградъ, а воинскому начальнику этой станицы—вскрыть ихъ въ присутствіи нѣсколькихъ офицеровъ и фельдъегеря Уклонскаго. На другой день, 23-го января, по изготовленіи

всѣхъ необходимыхъ бумагъ, Грибоѣдовъ и Уклонскій выѣхали изъ Грозной въ Екатериноградъ и остановились здѣсь въ ожиданіи владикавказскихъ чемодановъ. Они прибыли только 30-го января, тогда же осмотрѣны, бумаги вынуты, опечатаны и вручены Уклонскому. И здѣсь оказалось нѣсколько книгъ: Родословная исторія о татарахъ Абульгази, Исторія Бургундіи, Правила славянскаго языка Домбровскаго и Зендавеста въ нѣмецкомъ переводѣ. Находившаяся тутъ-же топографическая карта Крыма удостовѣряетъ, что эти два чемодана составляли часть багажа, привезеннаго Грибоѣдовымъ изъ Петербурга, и были отправлены на храненіе во Владикавказъ для облегченія себя въ походѣ.

Таковы официальныя свѣдѣнія объ арестѣ Грибоѣдова. Обратимся теперь къ показаніямъ частнымъ. Шимановскій, какъ уже было упомянуто, утверждаетъ, что по прибытіи Уклонскаго въ Грозную Ермоловъ далъ Грибоѣдову возможность уничтожить передъ обыскомъ всѣ бумаги, которыя могли его компрометтировать. То-же повторяетъ въ своихъ „Запискахъ" и партизанъ Д. Давыдовъ, ссылаясь на разсказы Мищенко, Талызина, Уклонскаго и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Нѣтъ никакого основанія не вѣрить показаніямъ всѣхъ этихъ лицъ, но есть полное основаніе сомнѣваться въ томъ, чтобы уничтоженныя бумаги были такъ опасны для Грибоѣдова, какъ утверждаютъ Шимановскій и Давыдовъ. Укажемъ, прежде всего, на два обстоятельства, дающія поводъ къ такому сомнѣнію. Выше было указано, что извѣстіе о восшествіи на престолъ императора Николая и о бунтѣ 14 декабря Ермоловъ получилъ въ Червленой 24 декабря. Слѣдовательно, Грибоѣдовъ, если былъ причастенъ къ заговору и имѣлъ при себѣ обвиняющія его бумаги, могъ-бы тогда же уничтожить ихъ, не ожидая прибытія приказа объ арестѣ. Напомнимъ, затѣмъ, о двухъ чемоданахъ, хранившихся въ Владикавказѣ за печатями самого Грибоѣдова. Если Ермоловъ могъ содѣйствовать уничтоженію опасныхъ бумагъ въ кр. Грозной, то трудно было сдѣлать это въ Владикавказѣ: пришлось бы

писать объ этомъ владикавказскому коменданту и майору Огареву,—словомъ, замѣшать въ дѣло нѣсколько лицъ и, такимъ образомъ, рисковать открытіемъ тайны. Между тѣмъ, дѣло было нешуточное, и Ермолову пришлось бы отвѣчать всей своею службою за неисполненіе высочайшаго повелѣнія. Денисъ Давыдовъ пишетъ, что владикавказскія бумаги были уничтожены въ Екатериноградѣ. Допустить это еще труднѣе, такъ какъ здѣсь чемоданы были вскрыты въ присутствіи шести лицъ, не имѣвшихъ никакихъ поводовъ покровительствовать Грибоѣдову и губить себя ради его спасенія.

Никто изъ разсказывающихъ объ уничтоженіи бумагъ не сообщаетъ даже приблизительно о содержаніи ихъ. Какія бумаги могъ имѣть съ собой Грибоѣдовъ? Покинувъ Петербургъ, онъ странствовалъ по Россіи пять мѣсяцевъ и въ это время велъ переписку съ своими друзьями, въ числѣ которыхъ были, конечно, и лица, принявшія впослѣдствіи участіе въ декабрьскихъ смутахъ. Но сомнительно, чтобы въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ они писали Грибоѣдову что-нибудь касающееся заговора. Грибоѣдовъ кочевалъ съ мѣста на мѣсто, и письма къ нему посылались или въ чужія руки для передачи, или просто въ главную квартиру Ермолова. Невозможно допустить, чтобы при такихъ условіяхъ заговорщики рѣшились письменно сообщать Грибоѣдову о своихъ замыслахъ и приготовленіяхъ. Обратимъ, наконецъ, вниманіе на то, что никакое уничтоженіе бумагъ не могло-бы спасти Грибоѣдова отъ общей судьбы декабристовъ, если-бы онъ дѣйствительно принадлежалъ къ ихъ числу: онъ могъ уничтожить свои бумаги, но его выдали бы тѣ письма, которыя онъ писалъ своимъ друзьямъ, участвовавшимъ въ заговорѣ, имя его значилось-бы въ найденныхъ спискахъ членовъ тайныхъ обществъ и союзовъ.

Такимъ образомъ, приходится заключить, что Грибоѣдовъ не имѣлъ при себѣ никакихъ такихъ бумагъ, которыя могли-бы погубить его. Если легенда объ уничтоженіи какихъ-то бумагъ имѣетъ основаніе, то сожженію могли быть преданы письма, опасныя не по содержанію своему, а

по тѣмъ именамъ, которыми они были подписаны. Въ то смутное время этого было совершенно достаточно для подозрѣній всякаго рода.

Непринадлежность Грибоѣдова къ дѣлу декабристовъ доказывается, впрочемъ, лучше всего тѣмъ, что въ іюнѣ 1826 г. онъ былъ награжденъ чиномъ, въ сентябрѣ прибылъ вновь на службу въ Тифлисъ, а въ апрѣлѣ 1828 г. назначенъ министромъ-резидентомъ въ Персію.

---

2. Александръ Бестужевъ на Кавказѣ *).

Въ очеркѣ жизни и дѣятельности Бестужева на Кавказѣ **), написанномъ г. Потто въ память столѣтія со дня рожденія этого талантливаго и несчастнаго романиста, встрѣтилось намъ нѣсколько неточностей, которыя могутъ ввести въ заблужденіе будущихъ біографовъ Марлинскаго.

По разсказу г. Потто, извѣстный генералъ Н. Н. Раевскій, возвращаясь въ 1829 г. изъ Эрзерума въ Тифлисъ, ѣхалъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми декабристами, *въ числѣ которыхъ былъ и Бестужевъ*. Раевскій не разъ приглашалъ ихъ къ себѣ и не считалъ даже нужнымъ маскировать свои отношенія къ нимъ. Кто-то, однако, сдѣлалъ доносъ, и разразилась гроза: Паскевичъ получилъ замѣчаніе, Раевскій устраненъ отъ командованія полкомъ, а всѣхъ декабристовъ приказано разослать по своимъ частямъ и держать подъ строгимъ надзоромъ. Бестужевъ попалъ въ Дербентъ.

Въ другой замѣткѣ будетъ сказано подробно объ этомъ эпизодѣ изъ жизни Раевскаго, здѣсь-же замѣчу только, что Бестужевъ не былъ и не могъ быть въ числѣ нижнихъ чиновъ, составлявшихъ конвой генерала во время его поѣздки. Для доказательства достаточно сопоставить числа. Раевскій, сдавъ 25-го августа 1829 г. командованіе сводною кавалерійскою бригадою князю Голицыну, уѣхалъ

---

*) Газета „Кавказъ“ 31 января 1898 г. № 29.

**) Газета „Кавказъ“ 1897 г, №№ 315, 322, 344 и 345.

изъ-подъ турецкаго города Байбурта, 4-го сентября прибылъ въ карантинъ при пограничномъ сел. Гумры (нынѣ г. Александраполь), а 12 сентября находился уже въ Тифлисѣ. Бестужевъ же 3-го сентября былъ въ Эрзерумѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ письмо его къ матери отъ этого числа, 15-го сентября шелъ съ отрядомъ къ Байбурту и 27-го сентября участвовалъ въ штурмѣ этого города.

Точно также ошибочно утвержденіе, что въ конвоѣ Раевскаго находились нѣкоторые изъ декабристовъ. Въ дѣйствительности, въ числѣ нижнихъ чиновъ, сопровождавшихъ генерала, былъ только одинъ декабристъ, именно Захаръ Чернышевъ, бывшій графъ и кавалергардскій офицеръ, противъ котораго, какъ гласитъ преданіе, и былъ, главнымъ образомъ, направленъ доносъ. Послѣдствіемъ его была, какъ справедливо замѣчаетъ г. Потто, отправка политическихъ ссыльныхъ изъ Тифлиса по тѣмъ частямъ, въ которыхъ они числились, и усиленіе надзора за ними. Декабристъ Гангебловъ, жившій въ то время въ Тифлисѣ, разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что Бестужевъ былъ высланъ въ Дербентъ за подстрекательство офицеровъ какой-то части къ ослушанію. Но разсказъ этотъ ничѣмъ не подтверждается, да и сомнительно, чтобы Бестужевъ отдѣлался такою, сравнительно дешевою, цѣною, какъ высылка въ Дербентъ, за подговоръ къ нарушенію дисциплины.

Въ Дербентъ Бестужевъ прибылъ въ началѣ 1830 г. Здѣсь попалъ онъ въ скучную обстановку гарнизонной службы въ татарскомъ захолустьѣ. Состоя въ линейномъ баталіонѣ, онъ лишался возможности участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ и боевымъ отличіемъ добиться улучшенія своего положенія. Эта мысль наиболѣе угнетала его. Вскорѣ присоединились еще и непріятности отъ командира баталіона, подполковника Васильева. Г. Потто называетъ его грубымъ и жестокимъ бурбономъ, который по цѣлымъ часамъ томилъ Бестужева на ученьяхъ подъ тяжелымъ ранцемъ, ставилъ его на часы и заставлялъ жить въ казармѣ вмѣстѣ со всѣми нижними чинами. Только дербентскій комендантъ маіоръ Шнитниковъ добился того, что Бестужеву было дозволено жить на отдѣльной квартирѣ. Характеристику эту слѣдуетъ, кажется, считать преувеличенною въ дурную сторону. Для Васильева, человѣка совершенно необразованнаго и, быть-можетъ, даже малограмотнаго, Бестужевъ былъ не извѣстный писатель, а только государственный преступникъ, человѣкъ, рѣшившійся на такое дѣло, послѣ котораго всякое другое преступленіе дѣлается возможнымъ и вѣроятнымъ. Васильевъ ясно намекаетъ на это въ своей перепискѣ съ майоромъ Шнитниковымъ по дѣлу о насильственной смерти Ольги Нестерцевой. Декабристовъ предписывалось имѣть подъ строгимъ и постояннымъ надзоромъ подъ личною отвѣтственностью начальниковъ, которые должны были ежемѣсячно доносить объ ихъ поведеніи и образѣ жизни. Примѣръ генерала Раевскаго, удаленнаго съ Кавказа за дружескія отношенія съ нижними чинами изъ государственныхъ преступниковъ, былъ у всѣхъ на глазахъ и не могъ не дѣйствовать устрашающимъ образомъ на безвѣстнаго командира линейнаго баталіона, не имѣвшаго, конечно, такихъ вліятельныхъ заступниковъ, какихъ имѣлъ Раевскій. Въ тѣ времена фронтовая служба считалась панацеей отъ всякихъ умствованій и политическихъ мечтаній. Даже воспитанники гражданскихъ учебныхъ заведеній, замѣченные въ вольнодумствѣ, отдавались для исправленія въ солдаты. Это называлось „выбить дурь изъ головы“. Можно-ли удивляться тому, что такой способъ исправленія, рекомендованный свыше, пришелся совсѣмъ по понятіямъ Васильева, и онъ усиленно занималъ Бестужева фронтовыми ученьями? Если Васильевъ, какъ утверждаетъ г. Потто, не позволялъ жить Бестужеву на вольной квартирѣ, то и въ этомъ нельзя видѣть преднамѣренной жестокости: на вольной квартирѣ негласный надзоръ дѣлался затруднительнѣе. Но такъ-ли это было, и дѣйствительно-ли только благодаря настояніямъ Шнитникова получилъ Бестужевъ разрѣшеніе не жить въ казармѣ? Въ своемъ донесеніи генералу Байкову о несчастномъ случаѣ съ Ольгой Нестерцевой, Васильевъ пишетъ, что „рядовой

Бестужевъ квартировалъ, подобно другимъ нижнимъ чинамъ, въ домѣ обывательскомъ". Изъ этихъ словъ должно заключить, что въ то время линейный баталіонъ въ Дербентѣ не имѣлъ своихъ казармъ и былъ расположенъ на вольныхъ квартирахъ.

Главную причину служебныхъ напріятностей, постигшихъ Бестужева въ Дербентѣ, надо искать скорѣе всего въ непріязненныхъ отношеніяхъ, установившихся между баталіоннымъ командиромъ и дербентскимъ комендантомъ. Чѣмъ дружественнѣе принимали опальнаго въ домѣ Шнитникова, тѣмъ строже относился къ нему его прямой начальникъ. Можно думать, что и самъ Бестужевъ, опираясь на свою близость къ коменданту, не всегда исполнялъ по отношенію къ Васильеву обязанности подчиненнаго. Когда случилось несчастное происшествіе съ Ольгой Нестерцевой, Бестужевъ заявилъ объ этомъ не Васильеву, какъ слѣдовало по командѣ, а Шнитникову, который немедленно приступилъ къ слѣдствію, не снесясь, въ свою очередь, съ баталіоннымъ командиромъ. Изъ этого возникла между обоими начальниками продолжительная и колкая переписка, въ которой каждый ссылался на свои права по „Полковничьей инструкціи 1764 года".

Слѣдственное дѣло о смерти Ольги Нестерцевой остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ *). Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые біографы Бестужева считаютъ возможнымъ утверждать, что во время слѣдствія Васильевъ всячески старался утопить Бестужева, не останавливаясь даже передъ подговорами разныхъ лицъ, совершилъ рядъ беззаконій, запугивалъ свидѣтелей и вообще велъ себя совершенно изступленно. Но все это не привело, однако ни къ чему: Бестужевъ вышелъ изъ слѣдствія оправданнымъ, несмотря на обвинительныя донесенія, посланныя Васильевымъ въ Тифлисъ. Сохранившійся рапортъ 13-го апрѣля 1833 г., при которомъ Васильевъ представилъ слѣдственное дѣло въ Тифлисъ начальнику грузинскихъ линейныхъ баталіоновъ генералъ-майору Байкову, не подтверждаетъ этихъ тяжкихъ обвиненій противъ начальника Бестужева. Въ своемъ рапортѣ Васильевъ только слегка касается нѣкоторыхъ невыясненныхъ обстоятельствъ дѣла, но затѣмъ отказывается дать свое заключеніе по существу и прибавляетъ: „рядовой Бестужевъ впродолженіе командованія моего баталіономъ ни въ какихъ еще дурныхъ качествахъ замѣченъ не былъ". Вообще, въ рапортѣ не видно желанія во что-бы то ни стало погубить Бестужева. Никакихъ другихъ офиціальныхъ документовъ по дѣлу Нестерцевой до сихъ поръ не открыто. Поэтому несправедливо и, во всякомъ случаѣ, преждевременно безъ мѣры чернить память безвѣстнаго кавказскаго служаки, давно сошедшаго въ могилу.

*) Покойный М. И. Семевскій говорилъ, что видѣлъ это дѣло въ 1860 г. въ Петербургѣ у одного кавказскаго чиновника. (Русскій Вѣстникъ, 1870 г.. іюль, 49).

Любопытно то, что самъ Бестужевъ вовсе не считалъ Васильева такимъ извергомъ и звѣремъ, какимъ изображаютъ его нынѣшніе біографы романиста. Въ своихъ многочисленныхъ и откровенныхъ письмахъ къ брату Павлу Бестужевъ называетъ Васильева грубымъ и придирчивымъ, объясняя эти свойства его недостаткомъ ума и боязнью служебной отвѣтственности. Въ концѣ 1833 года, т. е. какъ разъ послѣ исторіи съ Нестерцевой, когда слѣдовало-бы ожидать наиболѣе рѣзкихъ отзывовъ Бестужева о своемъ начальникѣ, они дѣлаются спокойнѣе и дружелюбнѣе. Отъ 29-го ноября 1833 г. Бестужевъ сообщаетъ брату: „Съ Васильевымъ есть средство ладить, и теперь мы съ нимъ хороши"; въ письмѣ отъ 7-го января 1834 г.: „Бибиковъ помирилъ Шнитникова съ Васильевымъ, и вотъ все это даетъ вечера и пляшетъ........ пьетъ портеръ и шампанское, но на бѣду мнѣ нельзя ни капли.....". Спрашивается, неужели и Шнитниковъ, и Бестужевъ могли-бы помириться съ Васильевымъ и вступить съ нимъ въ добрыя сношенія, если бы онъ дѣйствительно совершилъ въ дѣлѣ Нестерцевой тѣ беззаконія и подлоги, въ которыхъ нѣкоторые обвиняютъ его нынѣ? Преувеличенность всѣхъ толковъ о тяжеломъ положеніи романиста подъ игомъ Васильева доказывается

уже тѣмъ, что когда состоялся переводъ Бестужева въ Ахалцихъ, то онъ упрашивалъ брата своего выхлопотать, если возможно, отмѣну приказа о переводѣ и оставить его въ Дагестанѣ, гдѣ ожидались тогда военныя дѣйствія. Именно въ это время онъ и писалъ о Васильевѣ, что нашелъ средство ладить съ нимъ.

На берегахъ Каспія Бестужевъ прожилъ четыре года. Это было время полнаго расцвѣта его писательскаго таланта и наибольшей его производительности. Фактъ этотъ также подверждаетъ, что Бестужеву вовсе не такъ дурно жилось въ Дербентѣ, какъ разсказываютъ его нынѣшніе біографы, и что придирки Васильева не дѣйствовали на него подавляющимъ образомъ. Въ Дербентѣ Бестужевъ написалъ свои самыя крупныя и характерныя произведенія, давшія ему имя первокласснаго русскаго романиста: „Аммалатъ-бекъ", „Мулла-Нуръ", „Фрегатъ Надежда", „Письма изъ Дагестана" и пр. Подъ дагестанскими сочиненіями появляется впервые имя *Марлинскаго* *), столь обаятельно дѣйствовавшее на читателей въ тридцатыхъ годахъ. Бестужевъ, обязанный своею литературною славою Кавказу, не остался въ долгу передъ нимъ и отплатилъ ему сторицею: Кавказъ, считавшійся до того мѣстомъ ссылки, „теплою Сибирью", какъ его называли, превратился, благодаря Марлинскому, въ обѣтованную страну для всѣхъ пылкихъ сердецъ, для всѣхъ непонятыхъ романтическихъ и демоническихъ натуръ, для всѣхъ потерпѣвшихъ сердечное или иное крушеніе въ жизни. Лермонтовскій Грушницкій есть истинный питомецъ произведеній Бестужева.

Сюжеты кавказскихъ романовъ и повѣстей Марлинскаго взяты изъ дѣйствительности. Мулла-Нуръ и Аммалатъ-бекъ хорошо извѣстны въ исторіи Дагестана, конечно безъ того поэтическаго ореола, который созданъ для нихъ воображеніемъ романиста. Аммалатъ-бекъ дѣйствительно

*) Псевдонимъ этотъ заимствованъ, кажется, отъ имени небольшого домика, построеннаго Петромъ Великимъ въ Петергофѣ и названнаго *Марли*.

измѣннически убилъ своего благодѣтеля и воспитателя полковника В. и бѣжалъ въ горы къ хану Аваріи Ахметъ-Султану. Евстафій Ивановичъ Верховскій или Верьховскій, какъ онъ самъ подписывался, былъ офицеромъ квартирмейстерской части и пользовался общимъ уваженіемъ. Ермоловъ очень цѣнилъ его умъ, опытность и хладнокровіе. Въ 1822 г. онъ былъ назначенъ командиромъ куринскаго пѣхотнаго полка, а въ слѣдующемъ году, когда возвращался съ баталіономъ изъ Кара-Кайтаха въ Дербентъ, палъ жертвой своего довѣрія къ искренней преданности Амалатъ-бека. Исполняя требованіе Ахметъ-Султана доставить ему голову Верховскаго, убійца ошибся могилою и привезъ владѣтелю Аваріи голову полковника Павла Шевцова, предмѣстника Верховскаго по командованію куринскимъ полкомъ. Невѣста Верховскаго, къ которой онъ, судя по роману, писалъ такія нѣжныя письма, была вдовою полковника Пузыревскаго, убитаго въ Гуріи въ 1820 г.

Нѣкоторыя сочиненія, написанныя въ Дербентѣ, Бестужевъ посвятилъ своимъ кавказскимъ друзьямъ: „Фрегатъ Надежда" посвященъ Екатеринѣ Ивановнѣ Бухариной, женѣ тифлисскаго коменданта, образованной и пріятной въ обществѣ женщинѣ, охотно принимавшей въ своемъ домѣ декабристовъ; повѣсть „Наѣзды" посвящена Ив. Петр. Жукову, офицеру куринскаго полка, квартировавшаго въ Дербентѣ; лейтенантъ Какоринъ въ „Фрегатѣ Надежда", вѣроятно, не случайно названъ Ниломъ Павловичемъ: такъ звали пріятеля Бестужева, подпоручика измайловскаго полка Кожевникова, разжалованнаго въ солдаты за 14 декабря 1825 г. и служившаго на Кавказѣ въ 42-мъ егерскомъ полку.

По производствѣ въ офицеры, Бестужевъ провелъ зиму съ 1836 на 1837 г. въ Тифлисѣ. Здѣсь встрѣчался съ нимъ въ обществѣ извѣстный нѣмецкій путешественникъ и ботаникъ Карлъ Кохъ и записалъ краткую характеристику его въ своихъ воспоминаніяхъ. Приводимъ ее, какъ показаніе безпристрастнаго свидѣтеля: „Бестужевъ былъ высокаго роста, красивъ, въ лучшей порѣ своей жизни. На лицѣ его

не отразились вынесенныя имъ страданія, и сказывалось только воодушевленіе, владѣвшее имъ. Въ большихъ темныхъ глазахъ свѣтился ясный умъ. При всей природной живости, въ обществѣ былъ онъ молчаливѣе, чѣмъ можно было ожидать; мнѣ кажется, что въ немъ было сильно развито чувство собственнаго достоинства. Одна дама просила его написать въ ея альбомѣ, въ нѣсколькихъ словахъ, что считаетъ онъ для себя самымъ важнымъ и значительнымъ. Бестужевъ, недолго думая, написалъ среди бѣлаго листа „Моі" и подписалъ свое имя. Въ послѣднее время онъ много занимался нѣмецкимъ языкомъ и особенно изучалъ Гете, котораго очень цѣнилъ. Менѣе высоко ставилъ онъ Шиллера".

Въ апрѣлѣ 1836 года кавказскій берегъ Чернаго моря посѣтилъ ученый натуралистъ, профессоръ одесскаго Ришельевскаго лицея Александръ Нордманъ. Путь отъ Геленджика до Сухума совершилъ онъ на военномъ фрегатѣ „Бургасъ" и записалъ въ своемъ отчетѣ о путешествіи: „Находившійся на нашемъ фрегатѣ извѣстный прозаистъ Марлинскій, которымъ я много одолженъ за сообщенныя мнѣ извѣстія о Кавказѣ, помогалъ мнѣ снимать виды. Рисуя мысы Мамая и Адлера и будучи очарованъ великолѣпнымъ видомъ лежащаго передъ нимъ ландшафта, онъ не зналъ и не предчувствовалъ, что рука его рисовала очерки того мѣста, на которомъ, спустя годъ, ему суждено было пасть".

---

3. Кавказъ въ русской поэзіи *).

Обширные предѣлы Россіи не разъ подавали поэтамъ нашимъ поводъ изображать ее въ видѣ великана, занимающаго цѣлую половину земного шара. Любопытно прослѣдить, какъ въ позѣ этого великана выражалось господствующее настроеніе поэзіи нашей въ различныя эпохи.

*) Газета „Кавказъ" 16 іюля 1898 г. № 185.

Сравненіе Россіи съ великаномъ встрѣчаемъ впервые у Ломоносова въ его одѣ (1748 г.) на праздникъ восшествія на престолъ императрицы Елисаветы Петровны. Въ вѣкъ торжественныхъ одъ Россія не могла явиться въ воображеніи поэта иначе, какъ въ величественной, царственной позѣ: она

Сидитъ и ноги простираетъ
На степь, гдѣ хиновъ отдѣляетъ
Пространная стѣна отъ насъ;
Веселый взоръ свой обращаетъ
И вкругъ довольства исчисляетъ,
Возлегши локтемъ на Кавказъ.

Ломоносовъ, заимствовавшій свою науку на Западѣ, тѣмъ не менѣе, былъ большимъ патріотомъ и ревниво относился къ чести и славѣ своего отечества. Онъ не тщетно вѣрилъ, что „можетъ собственныхъ Платоновъ и быстрыхъ разумомъ Невтоновъ Россійская земля рождать". Посадивъ великана спиною къ Европѣ, не хотѣлъ-ли поэтъ указать этимъ, что историческое дѣло предстоитъ Россіи на Востокѣ? Говорятъ, что истинные поэты обладаютъ даромъ пророчества: черезъ полтораста лѣтъ послѣ написанія оды Россія-великанъ дѣйствительно стала твердою ногою въ странѣ „хиновъ".

Въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія появился на Руси поэтъ, заставившій читающую публику забыть, къ счастью, не надолго, самого Пушкина. Онъ пролетѣлъ, какъ метеоръ, не оставивъ по себѣ никакого слѣда. Это былъ В. Г. Бенедиктовъ, о которомъ газеты вспомнили недавно по случаю истекшаго 25-лѣтія со дня его кончины. Трудно понять теперь тайну его мимолетнаго, но необычайнаго успѣха. Объясненія надо искать не въ достоинствахъ его произведеній, а въ тогдашнихъ романтическихъ вліяніяхъ. Сочиненія Бенедиктова уже давно сдѣлались достояніемъ архивовъ исторіи литературы, и о нихъ вспоминаютъ развѣ тогда только, когда является надобность въ примѣрахъ реторичности и нелѣпой вычурности выраженій. Въ числѣ многихъ другихъ образовъ, Бенедиктовъ воспользовался

также и сравненіемъ Россіи съ великаномъ. Въ стихотвореніи „Тостъ“ читаемъ:

Чудный край! Чрезъ Алтай
Бросивъ локоть на Китай,
Темя вспрыснувъ океаномъ,
Въ Балтъ ребромъ, плечомъ въ Атлантъ,
Въ полюсъ лбомъ, пятой къ Балканамъ,
Мощный тянется гигантъ.

Кто возьмется объяснить странную и даже невозможную позу этого гиганта, вынужденнаго, по волѣ поэта, упереться лбомъ въ полюсъ, а пятками въ Балканы, но такъ, чтобы локоть находился въ Китаѣ, ребра въ Балтійскомъ морѣ, а плечо въ Атлантическомъ океанѣ? Немудрено, что гигантъ, разрѣшая эту задачу, не сидитъ и не лежитъ, а тянется по Европѣ и Азіи.

Прошло тридцать лѣтъ. Настали шестидесятые годы. Горячія головы и пылкія сердца обманулись въ своихъ надеждахъ на безпрерывное поступательное движеніе русской жизни по ихъ маршруту. По словамъ разочарованнаго героя тургеневской „Нови“, Нежданова, русскій великанъ, на котораго онъ разсчитывалъ, не сидитъ и даже не тянется, какъ у Бенедиктова, а лежитъ неподвижно и спитъ непробуднымъ сномъ:

Лбомъ въ полюсъ упершись, а пятками въ Кавказъ,
Спитъ непробуднымъ сномъ отчизна, Русь святая.

Державинъ первый изъ русскихъ поэтовъ рѣшился спуститься на землю изъ заоблачныхъ высей тогдашней лирической поэзіи и заимствовать образы и сравненія изъ окружавшей его дѣйствительности. У него находимъ впервые описаніе русской жизни и природы. Онъ-же далъ намъ и первый опытъ поэтическаго изображенія Кавказа. Въ одѣ „На возвращеніе графа Зубова изъ Персіи“ (1797 г.) поэтъ говоритъ ему:

О юный вождь! сверша походы,
Прошелъ ты съ воинствомъ Кавказъ,

Зрѣлъ ужасы, красы природы:
Какъ, съ ребръ тамъ страшныхъ горъ ліясь,
Ревутъ въ мракъ безднѣ сердиты рѣки;
Какъ съ челъ ихъ съ грохотомъ снѣга
Падутъ, лежавши цѣлы вѣки;
Какъ серны, внизъ склонивъ рога,
Зрятъ въ мглѣ спокойно подъ собою
Рожденье молній и громовъ,
и т. д.

Державинъ не былъ никогда на Кавказѣ, который тогда вообще былъ мало извѣстенъ въ Россіи, и потому нарисованная имъ картина не заключаетъ въ себѣ никакихъ характерныхъ особенностей кавказской природы: бурные горные потоки, снѣжныя лавины и пр.—все это такія черты, которыя свойственны каждой альпійской странѣ. Въ примѣненіи къ Прикаспійскому краю, пройденному графомъ Валеріаномъ Зубовымъ во время персидскаго похода, написанная поэтомъ картина даже неумѣстна, такъ какъ тамъ природа мягкая и ласковая, безъ ужасовъ и дикихъ красотъ.

Въ концѣ 1813 г. А. Ѳ. Воейковъ (авторъ „Дома сумасшедшихъ“), возвращаясь изъ поѣздки по Волгѣ и Тереку, посѣтилъ Жуковскаго, жившаго тогда у себя въ деревнѣ. Въ благодарность за посѣщеніе поэтъ написалъ „Посланіе къ Воейкову“ (1814 г.), въ которомъ напоминаетъ путешественнику о видѣнныхъ имъ странахъ, въ томъ числѣ и о Кавказѣ:

Ты зрѣлъ, какъ Терекъ въ быстромъ бѣгѣ
Межъ виноградниковъ шумѣлъ,
Гдѣ часто, притаясь на брегѣ,
Чеченецъ иль черкесъ сидѣлъ
Подъ буркой, съ гибельнымъ арканомъ;
И вдалекѣ передъ тобой,
Одѣты голубымъ туманомъ,
Гора вздымалась надъ горой,
И въ сонмѣ ихъ гигантъ сѣдой,
Какъ туча, Эльборусъ двуглавый.

Это уже настоящій кавказскій ландшафтъ, знакомый каждому, любовавшемуся видомъ снѣжныхъ горъ съ степей Предкавказья, но ландшафтъ, писанный все еще не съ натуры, а по разсказамъ, такъ какъ въ немъ заключается топографическая неточность: Эльбрусъ не виденъ съ береговъ Терека.

Въ путешествіи Онѣгина находимъ тѣ-же самыя основныя черты картины:

. . . . Терекъ своенравный
Крутые роетъ берега
. . . .
Вдали—кавказскія громады,

но здѣсь поэтическое изображеніе не отступаетъ отъ дѣйствительности. Обратимъ вниманіе еще на другую неточность Жуковскаго: онъ называетъ Эльбрусъ сѣдымъ, какъ туча. Съ словомъ „туча" всегда соединяется понятіе о темномъ, мрачномъ, черномъ, и потому оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть примѣнено къ горной вершинѣ, покрытой вѣчными снѣгами. Самый прозаическій человѣкъ, глядя издали на снѣжныя вершины, сравнитъ ихъ съ цѣпью облаковъ, а никакъ не съ тучами. Сравненіе это вполнѣ естественно, и многіе дѣйствительно принимаютъ такія вершины за облака. Чудную картину снѣговыхъ горъ Кавказа нарисовалъ Пушкинъ въ „Кавказскомъ плѣнникѣ":

Великолѣпныя картины!
Престолы вѣчные снѣговъ,
Очамъ казались ихъ вершины
Недвижной цѣпью облаковъ,
И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
Эльбрусъ огромный, величавый,
Бѣлѣлъ на небѣ голубомъ.

Мотивъ этой картины тотъ-же, что и у Жуковскаго, но здѣсь каждое слово на своемъ мѣстѣ, всякое сравненіе вполнѣ естественно, а это—вѣрный признакъ художественности изображенія.

Въ посланіи Жуковскаго перечисляются племена, „гнѣздящіяся" въ горахъ Кавказа:

Гнѣздятся и балкаръ, и бахъ,
И абазехъ, и камукинецъ,
И карбулакъ, и абазинецъ,
И чечереецъ, и шапсугъ.

Согласно тогдашнему воззрѣнію на горца, какъ на хищника, промышляющаго исключительно разбоемъ и грабежомъ, всѣ перечисленныя племена, по словамъ Жуковскаго, только и дѣлаютъ, что „какъ серны скачутъ по скаламъ", подстерегаютъ путниковъ и въ нихъ „бросаютъ смерть изъ-за утеса"; дома же курятъ трубки, бесѣдуютъ объ убійствахъ и острятъ на кремняхъ свои сабли, „готовясь на убійства новы". Нечего и говорить, что такое изображеніе кавказскаго горца очень одностороннее даже и для того времени: милліонное населеніе не можетъ кормиться только плодами грабежа и насилія. Порядокъ, въ которомъ Жуковскій перечисляетъ племена, обусловленъ исключительно потребностью риѳмы. Нѣкоторыя названія (камукинецъ, чечереецъ) совершенно неизвѣстны въ этнографической номенклатурѣ Кавказа.

Полежаевъ не оставилъ намъ поэтическаго описанія природы Кавказа. Онъ былъ поэтомъ чувства, а не картинъ. Въ его поэмѣ „Эрпели" дано объясненіе причины такого равнодушія къ красотамъ горной природы. Подавленный своимъ несчастнымъ положеніемъ, Полежаевъ потерялъ способность наслаждаться природой:

Вотъ эти дивныя картины:
Каскады, горы и стремнины...
Съ окаменѣлою душой,
Убитый горестною долей,
На нихъ смотрю я поневолѣ,
И вѣрь мнѣ: вижу изъ всего
Уродство—больше ничего!

Слова эти, обращенныя къ другу, несчастный поэтъ заключаетъ увѣреніемъ, что каждый въ его положеніи

Навѣкъ поклонится мечтамъ,

И удивляться перестанетъ
Кавказа вздорнымъ чудесамъ.

Большія поэмы Полежаева „Эрпели“ и „Чиръ-юртъ“ посвящены описанію военныхъ дѣйствій. Отсутствіе движенія и небрежный, мѣстами-же и неясный, стихъ лишаютъ эти произведенія поэтическихъ достоинствъ.

„Кавказскій плѣнникъ“ Пушкина ввелъ въ моду взглядъ на горцевъ, какъ на „гордыхъ сыновъ Кавказа“, воюющихъ не ради хищничества, а въ защиту своей „дикой вольности“, или изъ рыцарской любви къ браннымъ забавамъ. Извѣстный писатель и критикъ классической школы П. А. Катенинъ (1792—1855), о которомъ Пушкинъ сказалъ въ „Онѣгинѣ“, что на русской сценѣ

Нашъ Катенинъ воскресилъ
Корнеля геній величавый,—

этотъ Катенинъ, открытый и безпощадный врагъ моднаго тогда романтизма, не оставилъ безъ возраженія и романтическое изображеніе характера кавказскаго горца. Въ своей сказкѣ „Милуша“ (Спб. 1834) онъ явно смѣется надъ кавказскими романтиками. Описывая прибытіе Всеслава ко двору Владимира, поэтъ разсказываетъ, что

Кавказскія заоблачныя горы
Проѣхалъ онъ въ опасныхъ хлопотахъ,
Затѣмъ, что тамъ издревле жили воры.
Теперь у насъ ихъ славятъ сплошь въ стихахъ,
Но романтизмъ невѣдомъ былъ Всеславу.

Катенинъ имѣлъ, впрочемъ, полное основаніе относиться скептически къ рыцарскимъ свойстамъ кавказскихъ горцевъ. Онъ служилъ въ л.-гв. преображенскомъ полку и въ 1822 г. былъ высланъ въ Костромскую губернію за то, что осмѣлился шикать въ театрѣ артисткѣ Семеновой, состоявшей подъ покровительствомъ графа Милорадовича. Только черезъ десять лѣтъ, 8-го августа 1833 г., Катенинъ опредѣлился вновь на службу въ эриванскій карабинерный полкъ, а въ 1836 г., въ чинѣ полковника, былъ назначенъ комендантомъ Кизляра. Въ полку, и особенно въ должности коменданта, Катенину приходилось имѣть много непріятныхъ столкновеній съ горцами, нимало не проявлявшими рыцарскихъ качествъ во время хищническихъ набѣговъ.

Забавный образчикъ незнакомства съ горной природой далъ забытый нынѣ поэтъ Пл. Ободовскій въ своей персидской повѣсти „Орсанъ и Леила“, напечатанной въ альманахѣ „Звѣздочка“ 1826 г., изд. А. А. Бестужева и К. Ѳ. Рылѣева.

Повѣсть начинается удивительною картиною:

Какъ дубъ, дряхлѣющій въ корняхъ,
На темѣ сохнетъ Арарата,
Сохъ одинокій падишахъ
На тронѣ, вылитомъ изъ злата.

Единственнымъ оправданіемъ для поэта, взростившаго вѣковой дубъ на снѣжной вершинѣ Арарата, можетъ служить то обстоятельство, что въ 1825 г. Эриванская губернія еще не принадлежала Россіи, и потому библейская гора была мало кому извѣстна. Къ тому-же, когда риѳма нужна до зарѣза, то помѣстишь не только дубъ, а и тропическую пальму на высотѣ почти 17,000 футовъ надъ уровнемъ моря. Платонъ Григорьевичъ Ободовскій, создатель такого смѣлаго образа, былъ инспекторомъ классовъ въ одномъ изъ петербургскихъ женскихъ институтовъ и братомъ Александра Григорьевича, автора нѣсколькихъ учебниковъ географіи.

---

4. Полковникъ Ф. И. Гене *).

Для пониманія послѣдующаго разсказа необходимо предпослать ему нѣсколько словъ о политическомъ положеніи Дагестана въ началѣ тридцатыхъ годовъ.

Эта обширная горная страна, населенная воинственными племенами, дѣлится въ топографическомъ отношеніи на

*) Иллюстрированное прибавленіе къ „Тифлисскому Листку“ 13-го февраля 1900 г. № 15.

Нагорный Дагестанъ и Прикаспійскій край—неширокую прибрежную равнину, омываемую волнами бурнаго Каспія. Русская власть держалась твердо только въ прибрежной части. Непосредственно власть эта прилагалась только въ Дербентѣ съ его окрестностями и въ Кубѣ. Остальная часть Прикаспійскаго края управлялась туземными владѣтелями, которые считались русскими подданными и вступали въ управленіе не иначе, какъ съ высочайшаго соизволенія. Сѣверную часть равнины занимало владѣніе шамхала, называвшагося по своей резиденціи Тарковскимъ, южную—ханство Кюринское. Къ шамхальству примыкало небольшое владѣніе Мехтулинское. Шамхалъ и ханы правили своими владѣніями почти самостоятельно и собирали доходы съ нихъ въ свою казну. Только въ сношеніяхъ внѣшнихъ, т. е. съ непокорными горцами, обязаны они были сообразоваться съ указаніями русскихъ военныхъ начальниковъ и по ихъ требованію выходить въ поле съ своими милиціями. Въ Нагорномъ Дагестанѣ существовали два ханства: Кази-кумухское и Аварское. Управленіе первымъ было поручено нашимъ правительствомъ владѣтелю кюринскому, который носилъ титулъ хана кюринскаго и кази-кумухскаго. Асланъ-ханъ, имѣвшій чинъ генералъ-майора, слылъ вѣрнымъ слугою русскаго правительства и пользовался полнымъ довѣріемъ нашихъ властей. Владѣніемъ Аварскимъ правила отъ имени своихъ сыновей ханша Паху-бике, женщина сильнаго характера, испытанная въ интригахъ и коварствѣ. Аварія считалась въ русскомъ подданствѣ, но только на бумагѣ, такъ какъ мы не имѣли тамъ ни одного укрѣпленія и не могли, въ случаѣ надобности, поддержать оружіемъ свои требованія.

Весь остальной Нагорный Дагестанъ дробился на множество вольныхъ обществъ. Они не признавали единоличной власти и управлялись родовыми или выборными старшинами подъ контролемъ всего общества. Это былъ цѣлый міръ мелкихъ республикъ, то воевавшихъ между собою, то вступавшихъ въ союзы для борьбы съ болѣе сильнымъ противникомъ. Намъ они были извѣстны по большей части

только по имени, такъ какъ никогда русскія войска не вступали въ ихъ предѣлы, защищенные снѣговыми хребтами и глубокими ущельями. Обитатели этихъ невѣдомыхъ горъ неохотно допускали къ себѣ чужеземцевъ. О ихъ обычаяхъ и нравахъ носились самые странные слухи, отголоскомъ которыхъ является разсказъ Марлинскаго (Бестужева) о богучемонахъ—племени, будто посѣщенномъ однимъ изъ нашихъ плѣнныхъ офицеровъ. Нѣкоторыя изъ племенъ, жившихъ по Андійскому Койсу, отличались очень грубыми нравами и привычками. У аварцевъ и до сихъ поръ сохранилось преданіе о томъ, что ихъ сосѣди ахваки питались мясомъ убитыхъ непріятелей. Они и теперь предпочитаютъ сырое мясо вареному.

Въ половинѣ двадцатыхъ годовъ начало распространяться въ Дагестанѣ религіозное ученіе, извѣстное у насъ подъ неправильнымъ названіемъ мюридизма. Требуя отъ своихъ послѣдователей точнаго сообразованія всего уклада жизни съ правилами мусульманскаго закона (шаріата), преслѣдуя обычаи, учрежденія и порядки, не основанные на этомъ законѣ, какъ остатокъ язычества, мюридизмъ представлялъ для нашей власти большую опасность своимъ стремленіемъ соединить разрозненныя племена воинственныхъ горцевъ въ одно цѣлое подъ знаменемъ священной войны противъ невѣрныхъ (газаватъ). Не менѣе грозило новое ученіе и правителямъ ханствъ, такъ какъ ихъ власть, не основанная на религіозномъ началѣ, являлась незаконною—съ точки зрѣнія шаріата. Такимъ образомъ, и правительство наше и ханы были одинаково заинтересованы въ борьбѣ съ мюридизмомъ.

Къ сожалѣнію, тогдашнее кавказское начальство не оцѣнило значенія совершавшагося въ горахъ соціальнаго переворота. Дерзкія и смѣлыя нападенія перваго имама на нашу линію, Дербентъ и подвластныя намъ ханства считались простымъ проявленіемъ горскаго хищничества. Послѣ смерти Кази-муллы, павшаго во время кровопролитнаго штурма аула Гимры въ 1832 г., предводительство мюридами перешло къ Гамзадъ-беку. Подобно своему предшествен-

нику, новый имамъ признавалъ необходимымъ обладаніе Аваріей для укрѣпленія своей власти и распространенія ея надъ всѣмъ Дагестаномъ. Въ августѣ 1834 г. Гамзадъ обложилъ Хунзакъ, въ которомъ заперлась ханша Паху-бике съ своими сыновьями. На этотъ разъ старая лиса позволила обойти себя хищному волку. Подъ предлогомъ мирныхъ переговоровъ, имамъ пригласилъ молодыхъ хановъ въ свой лагерь. Здѣсь приближенные Гамзада умышленно завели съ ними ссору. Пылкіе юноши схватились за кинжалы и чрезъ нѣсколько мгновеній были убиты съ сопровождавшими ихъ почетными аварцами. На другой день такая-же судьба постигла и старую ханшу. Гамзадъ поселился въ ханскомъ дворцѣ въ Хунзакѣ.

Чрезъ мѣсяцъ имамъ палъ въ хунзакской мечети подъ ударами аварца Османа, молочнаго брата одного изъ убитыхъ хановъ. Но смерть его не остановила распространенія мюридизма. Истребленіе знаменитой аварской ханской фамиліи и занятіе Хунзака—столицы сильнаго нѣкогда ханства—произвели сильное впечатлѣніе на все населеніе Дагестана. Мюриды со всѣхъ сторонъ стекались къ гимринскому уроженцу Шамилю, признанному имамомъ на народномъ собраніи въ сел. Ашильтѣ. Престарѣлый и больной Асланъ-ханъ казикумухскій, назначенный временнымъ правителемъ Аваріи, не могъ или, быть можетъ, какъ увѣряютъ нѣкоторые, не хотѣлъ противиться религіозному движенію. Въ 1836 г. власть Шамиля признавалась уже всѣми дагестанскими вольными обществами отъ Чечни до Аваріи и даже значительною частью селеній, расположенныхъ по верхнему теченію Аварскаго Койсу. Только Хунзакъ и ближайшія къ нему селенія охранялись отъ мюридовъ казикумухской милиціей.

Распространеніе мюридизма проявилось раньше всего усиленіемъ набѣговъ горцевъ на мирныхъ сосѣдей. Шайки хищниковъ, подобно снѣжнымъ лавинамъ, спускались внезапно въ цвѣтущія долины Кахетіи для грабежа и разбоя и также быстро укрывались въ свои неприступныя ущелья. Пожаръ грозилъ распространиться по всей Чечнѣ и Джарской области, прилегающихъ къ Дагестану съ сѣвера и юга. Больной Асланъ-ханъ не имѣлъ почти никакого значенія въ Аварскомъ ханствѣ. Власть его едва признавалась въ нѣсколькихъ селеніяхъ въ окрестностяхъ Хунзака. Остальныя явно или тайно стояли на сторонѣ Шамиля.

При такихъ обстоятельствахъ единственнымъ вѣрнымъ способомъ для борьбы съ мюридизмомъ казалось прочное занятіе нашими войсками Аваріи и устройство укрѣпленія въ Хунзакѣ. Ставъ твердою ногою на Аварской плоской возвышенности, мы раздѣляли надвое Нагорный Дагестанъ и могли вліять непосредственно на вольныя общества, гнѣздившіяся въ ущельяхъ Аварскаго и Андійскаго Койсу. Для большей успѣшности этого плана было необходимо открыть военныя дѣйствія одновременно и со стороны Кахетіи, чрезъ перевалы снѣгового хребта, ведущіе вглубь Дагестана.

. Такимъ образомъ возникла у барона Розена мысль послать надежнаго офицера для изслѣдованія невѣдомыхъ путей изъ нагорныхъ лезгинскихъ обществъ въ долину Алазани. Предпріятіе требовало отъ исполнителя большой смѣлости и вмѣстѣ съ тѣмъ осторожности, такъ какъ малѣйшая неосмотрительность могла погубить и его самого, и порученное ему дѣло. Въ кавказскихъ войскахъ никогда не было недостатка въ смѣлыхъ офицерахъ, готовыхъ на самое рискованное предпріятіе. Но для дѣла, задуманнаго барономъ Розеномъ, исполнитель долженъ былъ имѣть, кромѣ того, еще спеціальныя познанія и знакомство съ краемъ.

Въ 1833—1835 г. завѣдывалъ топографическими съемками въ подвластной намъ части Дагестана полковникъ генеральнаго штаба Федоръ Ивановичъ Гене. Побывавъ въ 1815 г. съ нашею арміею въ Парижѣ въ чинѣ прапорщика квартирмейстерской части, онъ былъ переведенъ въ 1819 г. на Кавказъ, въ слѣдующемъ году ходилъ съ Вельяминовымъ усмирять бунтъ въ Имеретіи и Гуріи, въ 1827 году былъ подъ Эриванью и въ Тавризѣ, въ 1828 году участвовалъ въ штурмѣ Карса, Ахалкалакъ и Ахалцыха. Трехлѣт-

нее пребываніе въ Прикаспійскомъ краѣ хорошо ознакомило Гене съ характеромъ и обычаями дагестанскихъ горцевъ. На этомъ опытномъ и боевомъ офицерѣ и остановилъ свой выборъ баронъ Розенъ. Оставалось только воспользоваться благопріятнымъ случаемъ для выполненія задуманнаго предпріятія. Такой случай скоро представился.

Асланъ-ханъ скончался въ Кумухѣ 17 апрѣля 1836 г. Наслѣдникомъ его въ званіи хана кюринскаго и кази-кумухскаго и въ должности временнаго правителя Аваріи былъ назначенъ старшій его сынъ Нуцалъ—человѣкъ умный и храбрый, пользовавшійся уваженіемъ своихъ подвластныхъ. Для врученія новому правителю императорской инвеститурной грамоты баронъ Розенъ избралъ давнишняго друга Нуцалъ-хана—полковника Гене. Вмѣстѣ съ тѣмъ посланецъ получилъ тайное порученіе пробраться чрезъ земли непокорныхъ горцевъ въ Джарскую область.

Для исполненія этого плана Гене разсчитывалъ воспользоваться содѣйствіемъ Нуцалъ-хана, который долженъ былъ предпринять со своею милиціею движеніе къ Хунзаку для отраженія скопищъ Шамиля. Гене думалъ сопровождать хана въ Аварію и тамъ найти случай подняться по Кейсерухскому ущелью на перевалъ Главнаго хребта. Въ началѣ августа 1836 г. Гене прибылъ въ Кумухъ. Здѣсь ожидала его первая неудача. Нуцалъ-ханъ по болѣзни долженъ былъ отказаться отъ поѣздки въ Аварію. Онъ передалъ предводительство милиціей брату своему Мамеду-мирзѣ, но положительно запретилъ Гене примкнуть къ отряду. Въ концѣ августа Нуцалъ-ханъ скончался. Мамедъ-мирза, при всемъ желаніи, не могъ быть полезенъ Гене: не получивъ еще утвержденія въ ханскомъ достоинствѣ, онъ не пользовался должнымъ авторитетомъ не только въ Аваріи, но даже и въ кази-кумухскомъ ханствѣ.

При такихъ обстоятельствахъ Гене рѣшился дѣйствовать на собственный страхъ. Въ богатомъ и сильномъ селеніи Чохѣ (въ нынѣшнемъ Андалальскомъ наибствѣ, Гунибскаго округа) былъ у него кунакъ (пріятель) Ибрагимъ, издавна оказывавшій разныя услуги русскимъ властямъ.

Гене вызвалъ его въ Кумухъ и открылъ ему свое намѣреніе проникнуть въ непокорныя горы. Ибрагимъ согласился сопровождать Гене, но нашелъ необходимымъ заручиться покровительствомъ согратлинскаго кадія. Согратль считался тогда главнымъ селеніемъ всего Андалала. Кадій его стоялъ во главѣ управленія этого сильнаго общества. Начальникъ войскъ въ Прикаспійскомъ краѣ генералъ-маіоръ Реуттъ далъ Гене письмо къ кадію. Тарковскій шамхалъ указалъ съ своей стороны на двухъ жителей сел. Куппа Цудахарскаго общества, имѣвшихъ тамъ обширное родство и пользовавшихся общимъ уваженіемъ и довѣріемъ въ Нагорномъ Дагестанѣ.

Переодѣтый лезгиномъ, Гене покинулъ Темиръ-Ханъ-Шуру въ сопровожденіи кунака своего Ибрагима и согратлинскаго жителя Алія. Въ селеніи Ходжалъ-махи, извѣстномъ своими садами, встрѣтили его рекомендованные шамхаломъ куппинцы Ахмедъ и Мамедъ. Они объявили Гене, что проводятъ его, куда онъ укажетъ, но просили бросить вьюки, которые могли обратить на себя вниманіе подозрительныхъ и корыстолюбивыхъ людей. Миновавъ благополучно Куппу, Салты и Кегеръ, путники прибыли въ Чохъ и остановились въ домѣ Ибрагима. Никто не обратилъ вниманія на переодѣтаго русскаго офицера. Ибрагимъ былъ человѣкъ зажиточный, имѣлъ большое родство, часто принималъ гостей, и потому пріѣздъ неизвѣстнаго мусульманина не возбудилъ любопытства. Къ тому-же у горцевъ считается неприличнымъ спрашивать объ имени и происхожденіи гостя. Въ странѣ, гдѣ господствовалъ законъ кровомщенія, гость нерѣдко имѣлъ основательныя причины скрывать свое имя и обстоятельства, побудившія его покинуть свой домъ. Онъ просилъ пріюта—и этого было достаточно по священному праву гостепріимства.

Между тѣмъ насталъ вечеръ. Гене, утомленный долгимъ переходомъ, собрался отдохнуть, чтобы на утро возможно раньше пуститься въ дальнѣйшій путь. Вдругъ раздались громкіе крики, брань, угрозы. Все селеніе, состоявшее изъ 600 дворовъ, поднялось на ноги. Жители схвати-

лись за оружіе и бросились къ дому Ибрагима. Оказалось, что спутникъ Гене, согратлинецъ Али, не утерпѣлъ и сообщилъ кое-кому, что подъ лезгинскою одеждою гостя скрывается русскій офицеръ. Среди чохскихъ жителей было много мюридовъ. Они подняли тревогу, за ними взволновалось все селеніе. Шумная толпа обложила домъ Ибрагима и потребовала выдачи офицера для всенародной казни, грозя самому хозяину убійствомъ въ случаѣ ослушанія. Но Ибрагимъ съ твердостью отказался нарушить обычай гостепріимства. Родственники его, узнавъ объ опасности, поспѣшили къ нему въ домъ для защиты гостя.

Взволнованные чохцы не рѣшились, однако, взять Гене открытою силою. Ибрагимъ, какъ уже было сказано, принадлежалъ къ сильному и многочисленному роду (тохуму). При нападеніи на домъ не обошлось-бы, конечно, безъ кровопролитія, во время котораго могли пасть подъ кинжалами самъ Ибрагимъ и его близкіе. Тогда убійцамъ грозила на долгое время безпощадная кровная месть всего ибрагимскаго тохума.

Чохцы собрались на совѣщаніе. Послѣ долгихъ споровъ поручили одному молодцу пробраться ночью въ домъ Ибрагима и заколоть офицера. Въ ожиданіи этого событія, толпа расположилась кругомъ дома. Началось пьянство, пѣсни и крики. Мюриды заранѣе праздновали казнь невѣрнаго уруса.

Настала темная ночь. Чохцы начали понемногу расходиться по своимъ жилищамъ. Пьяные караульные, оставленные сторожить домъ, уснули. Избранный убійца вошелъ въ комнату Гене, но опытный Ибрагимъ проникъ въ его намѣреніе. Онъ подошелъ къ нему и умышленно завелъ съ нимъ ссору. Слово за слово, разговоръ сдѣлался громче, пришедшій схватился уже за рукоять своего кинжала, но Ибрагимъ предупредилъ его: быстро выхвативъ свой кинжалъ, онъ положилъ противника на мѣстѣ.

Это было въ два часа ночи. Пролитая кровь не могла остаться безъ жестокаго отмщенія. Настало время думать о спасеніи. За часъ до разсвѣта Гене съ своимъ хозяиномъ

и съ Ахметомъ куппинскимъ скрытно покинули Чохъ. Предвидя на утро погоню, Ибрагимъ направился въ Кумухъ по едва проходимымъ тропамъ, извивающимся по каменистымъ крутизнамъ Турчи-дага. Осмотрительность опытнаго Ибрагима спасла бѣглецовъ отъ вѣрной смерти: сотня чохскихъ наѣздниковъ гналась за ними, но по нижней, болѣе удобной дорогѣ.

Въ Кумухѣ Гене вновь просилъ содѣйствія Мамедамирзы для поѣздки въ Кейсерухъ. Тотъ рѣшительно отклонилъ эту просьбу, прибавивъ, что онъ не смѣетъ послать туда не только офицера, но даже своего подвластнаго.

По возвращеніи въ Тифлисъ Гене представилъ карту Нагорнаго Дагестана, составленную имъ по личнымъ наблюденіямъ и разспроснымъ свѣдѣніямъ. Ибрагиму чохскому было назначено постоянное жалованье, Ахметъ награжденъ медалью. Самъ Гене получилъ за свою поѣздку аренду на 12 лѣтъ. Онъ скончался въ 1838 г.

---

5. Бергенгеймъ и Гордѣевъ *).

Въ маѣ мѣсяцѣ 1837 г. отрядъ подъ начальствомъ г.-м. Фези вступилъ въ Аварію для постройки укрѣпленія въ Хунзакѣ и уничтоженія вліянія Шамиля въ Нагорномъ Дагестанѣ. Походъ продолжался четыре мѣсяца. Преодолѣвъ величайшія затрудненія, противопоставленныя природою и людьми, войска наши заняли штурмомъ сильно укрѣпленныя селенія Ашильту, Ахульго и Телетль. Шамиль, доведенный до крайности, согласился на прекращеніе военныхъ дѣйствій. Онъ присягнулъ на подданство и далъ въ заложники одного изъ своихъ родственниковъ. Въ офиціальной перепискѣ того времени говорится по этому слу-

*) Иллюстрированное прибавленіе къ „Тифлисскому Листку" 5 марта 1900 г. № 16.

чаю объ изъявленіи покорности бунтовщикомъ и изувѣромъ Шамилемъ. Но самъ имамъ смотрѣлъ на свои отношенія къ русской власти иначе. Въ письмѣ его къ генералу Фези было сказано: „сіе письмо объясняетъ заключеніе мира между Россійскимъ государемъ и Шамилемъ".

Фези, понесшій большія потери во время кровопролитныхъ штурмовъ, удовлетворился такимъ сомнительнымъ успѣхомъ аварской экспедиціи. Пышными донесеніями онъ успѣлъ убѣдить барона Розена въ полномъ умиротвореніи Дагестана. Въ Петербургѣ также поддались этому самообольщенію. Осенью того-же 1837 г., когда дѣлались приготовленія къ путешествію императора Николая Павловича по Кавказу, изъ Петербурга было секретно поручено генералу Фези убѣдить Шамиля въ необходимости предстать предъ лицомъ государя для изъявленія раскаянія и испрошенія прощенія въ прежнихъ проступкахъ. Извѣстно, что затѣя эта едва не кончилась смертью генерала Клюки-фонъ-Клугенау, взявшаго на себя личные переговоры съ Шамилемъ о его представленіи государю.

Только одинъ умный и проницательный А. А. Вельяминовъ не раздѣлялъ общаго ликованія. Онъ зналъ край, какъ никто другой, и его нельзя было обольстить реляціями, какъ-бы мастерски онѣ ни были написаны. Вотъ что писалъ онъ вскорѣ послѣ окончанія аварской экспедиціи своему старому другу и бывшему начальнику Ермолову отъ 10 января 1838 г. изъ Ставрополя: „Здѣсь есть польскій герой *) г.-м. Фези. Онъ принадлежитъ къ числу людей, про которыхъ говорятъ, что на однихъ подметкахъ семи царямъ отслужитъ. Въ прошедшемъ году онъ посланъ

---

*) Для уразумѣнія намековъ Вельяминова необходимо пояснить, что Фези не былъ русскимъ подданнымъ. Въ 1816 г. изъ маіоровъ швейцарской службы онъ поступилъ штабсъ-капитаномъ въ л.-гв. финляндскій полкъ. Въ 1830 г. уже въ чинѣ генералъ-маіора Фези служилъ въ литовскомъ корпусѣ подъ начальствомъ барона Розена, вмѣстѣ съ которымъ перешелъ на Кавказъ. За польскую войну, гдѣ былъ раненъ и нѣсколько разъ контуженъ, Фези получилъ Георгія 4 ст. Умеръ въ 1848 г.

былъ въ Дагестанъ, гдѣ потерялъ отъ изнуренія всѣхъ лошадей отряда, гдѣ отъ нелѣпыхъ распоряженій имѣлъ весьма значительную потерю въ людяхъ; но какъ въ донесеніяхъ своихъ лгалъ онъ безстыдно, то ему дали владимирскую звѣзду".

Обманчивая тишина, наступившая въ горахъ Дагестана послѣ аварской экспедиціи, поставила вновь на очередь вопросъ объ изслѣдованіи путей въ долину Алазани по ущельямъ Аварскаго и Андійскаго Койсу. Время казалось наиболѣе благопріятнымъ для такой попытки. Старшины вольныхъ обществъ пріѣзжали на поклонъ къ генералу Фези въ вновь заложенное Хунзакское укрѣпленіе и лицемѣрно увѣряли его въ своей преданности и покорности. Оставалось только выбрать надежныхъ исполнителей задуманнаго предпріятія.

Въ Хунзакѣ находился тогда подполковникъ генеральнаго штаба Августъ Ивановичъ Бергенгеймъ, родомъ финляндецъ, прекрасный и храбрый офицеръ, раненный ядромъ въ ногу при овладѣніи укрѣпленнымъ лагеремъ при Дервишъ-Ованѣ въ турецкую войну 1829 г. Въ 1835 г. перешелъ онъ на Кавказъ и въ слѣдующемъ году былъ командированъ въ Аварское ханство для собиранія топографическихъ свѣдѣній о непокорныхъ обществахъ. Въ 1837 г. Бергенгеймъ принималъ участіе въ аварской экспедиціи генерала Фези и вызывался проѣхать изъ Аваріи въ Кахетію. Но тогда, послѣ неудачной попытки Гене, предпріятіе это казалось слишкомъ рискованнымъ и было отклонено. Послѣ экспедиціи Бергенгеймъ возвратился въ Тифлисъ. Здѣсь имѣлъ онъ несчастіе убить на поединкѣ своего товарища по генеральному штабу поручика Юліана Александровича Шуберта, храбраго офицера, лишившагося въ 1831 г. ноги въ сраженіи съ польскими мятежниками на Гроховскомъ полѣ подъ Прагою. Баронъ Розенъ поспѣшилъ отправить Бергенгейма обратно въ Дагестанъ, поручивъ ему изслѣдовать горные перевалы изъ вольныхъ обществъ Андіи въ Кахетію. Обозрѣніе путей по Аварскому Койсу предполагалось возложить на капитана генеральнаго штаба Карла Ивано-

вича Дена. Но онъ еще не оправился отъ тяжелой раны, полученной имъ 4 іюня 1838 г. въ Кубинской провинціи въ дѣлѣ при Аджіахурѣ, гдѣ онъ велъ на штурмъ двѣ роты ширванцевъ. Замѣнить Дена въ поѣздкѣ вызвался поручикъ Гордѣевъ, состоявшій при войскахъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса.

Путь, назначенный Бергенгейму, лежалъ чрезъ вольныя андійскія общества Калалалъ, Ахвакъ, Багулалъ и Тинди, расположенныя въ ущельяхъ правыхъ притоковъ Андійскаго Койсу. Намъ они были едва извѣстны по именамъ. Нравы андійцевъ такъ-же суровы, какъ сурова природа Нагорнаго Дагестана. Даже неизбалованнымъ горцамъ многіе андійскіе аулы, спрятанные въ глубокихъ ущельяхъ, казались мрачными тюрьмами. Солнце только на нѣсколько часовъ заглядываетъ въ эти трущобы. Въ шамилевское время селенія Читль въ Гюнбетѣ и Ахнада въ Тиндинскомъ обществѣ назывались у горцевъ Сибирью, потому что имамъ ссылалъ сюда провинившихся въ чемъ-либо мюридовъ.

Гордѣеву предлежалъ путь сначала вверхъ по ущелью Аварскаго Койсу чрезъ вольное общество Гидатль и оттуда чрезъ Карахъ и Тленсерухъ на перевалъ снѣжнаго хребта, ведущій въ Джарскую область.

Главная забота состояла, конечно, въ пріисканіи надежныхъ лицъ, которыя взялись-бы проводить офицеровъ и своимъ вліяніемъ и связями могли оградить ихъ отъ покушеній со стороны подозрительныхъ горцевъ. Такіе проводники нашлись въ лицѣ тиндинскаго старшины Аличо-Махмы и почетнѣйшаго гидатлинскаго старшины Махо. Первый изъ нихъ храбро сражался противъ генерала Фези подъ Ашильтою, но потомъ изъявилъ покорность и принялъ присягу.

Махо и Аличо-Махма охотно согласились исполнить желаніе русскаго начальника. Оставалось только уговориться относительно ролей, которыя должны были играть путешественники. Бергенгеймъ полагалъ вполнѣ достаточнымъ выдавать себя за курьера, посланнаго съ донесеніемъ въ

Тифлисъ по кратчайшей дорогѣ. Сопровождать его вызвался князь Семенъ Гургенидзе, состоявшій волонтеромъ при отрядѣ генерала Фези. Переводчикомъ былъ назначенъ рядовой апшеронскаго полка Смирновъ. Кромѣ того, въ свитѣ Бергенгейма находились моздокскаго линейнаго полка казакъ Черкасовъ, крѣпостной слуга князя Гургенидзе, чохскій житель Маклачъ и старшина аварскаго аула Токита по имени Нуричо. Партію Гордѣева составляли князь Александръ Вачнадзе, тоже состоявшій волонтеромъ при отрядѣ, топографъ унтеръ-офицеръ Бѣлкинъ, одинъ грузинъ, только-что освободившійся изъ плѣна и старшина аварскаго селенія Гозалохъ по имени Гуссейнъ. Князь Вачнадзе назвался Али-султаномъ, братомъ Ахметъ-хана мехтулинскаго; прочіе выдавали себя за кабардинцевъ и черкесовъ.

Такимъ образомъ всѣ мѣры, казалось, были приняты для обезпеченія безпрепятственнаго проѣзда чрезъ горы. Бергенгеймъ съ своими спутниками покинулъ Хунзакъ 19 августа 1838 г., а черезъ два дня отправился въ путь и поручикъ Гордѣевъ.

Недолго пришлось генералу Фези ожидать о нихъ извѣстій. Но они были нерадостныя. Къ вечеру 22-го августа прискакалъ въ Хунзакъ чохскій житель Маклачъ съ ужасною вѣстью о гибели Бергенгейма и всей его свиты. По разсказу Маклача, они благополучно прибыли въ сел. Тинди и остановились въ домѣ Аличо-Махмы, принявшаго ихъ по всѣмъ правиламъ горскаго гостепріимства. Никто не обратилъ на нихъ вниманія въ пути. Такъ казалось, по крайней мѣрѣ, путешественникамъ. Но они ошибались. Въ сел. Хуштада находился въ то время казикумухскій мюридъ Нуреддинъ. Онъ узналъ Бергенгейма и поспѣшилъ оповѣстить попутныя селенія, что это не простой курьеръ, а инженеръ, разсматривающій дороги.

Тревожная вѣсть объ этомъ долетѣла до сел. Тинди уже послѣ пріѣзда туда Бергенгейма. Здѣсь тоже проживало нѣсколько мюридовъ. Они подняли на ноги всѣхъ тиндинцевъ. Огромная толпа окружила домъ Аличо-Махмы, требуя хозяина къ отвѣту за приводъ русскихъ офицеровъ

безъ разрѣшенія общества. Приставивъ къ дому караулъ, толпа направилась въ мечеть для совѣщанія о дальнѣйшей судьбѣ плѣнниковъ.

Шумныя пренія тянулись очень долго. Мюриды требовали примѣрной казни смѣлыхъ урусовъ. Пылкая горская молодежь поддерживала это требованіе. На защиту плѣнниковъ выступилъ тиндинскій кадій Магома. Онъ умолялъ собраніе не нарушать священныхъ законовъ гостепріимства и не навлекать на Тинди справедливаго гнѣва русскаго генерала, который, несомнѣнно, отплатитъ потоками горской крови за нѣсколько капель крови русской. „Если вы не хотите,—сказалъ въ заключеніе кадій,—пропустить русскаго офицера чрезъ свою землю, то позвольте ему, по крайней мѣрѣ, возвратиться въ Аварію".

Голосъ благоразумія, или, быть можетъ, коварства, одержалъ верхъ надъ фанатизмомъ мюридовъ. Собраніе согласилось отпустить плѣнниковъ обратно въ Хунзакъ. Самъ кадій съ двумя тиндинцами вызвался сопровождать ихъ туда. Аличо-Махма и прежніе проводники остались подъ карауломъ.

Утромъ 21 августа Бергенгеймъ съ своими спутниками покинулъ сел. Тинди. Проѣхавъ около 6 верстъ, они вступили въ узкое ущелье близъ аула Тисси. Здѣсь преградила имъ путь партія горцевъ. Засада, очевидно, была подготовлена заранѣе. Не обращая вниманія на мольбы кадія, хищники отвели въ сторону Бергенгейма, князя Гургенидзе, Смирнова, Черкасова и слугу князя Гургенидзе. Грянулъ ружейный залпъ, и всѣ пятеро пали на мѣстѣ. Горцы, по обычаю, бросились грабить тѣла убитыхъ.

Вѣстникъ этого грустнаго событія—чохскій житель Маклачъ сообщилъ далѣе, что ему, вмѣстѣ съ кадіемъ и аварскимъ старшиною Нуричо, удалось во время грабежа мертвыхъ укрыться въ одномъ изъ ближайшихъ домовъ сел. Тисси. Здѣсь окружили ихъ хищники и пытались захватить, но, встрѣтивъ сопротивленіе со стороны хозяина и готовность его защищать гостей, поспѣшили удалиться. Изъ Тисси Маклачъ и Нуричо спаслись въ сел. Хуштаду, откуда жители доставили ихъ подъ сильнымъ прикрытіемъ до границъ Аваріи.

Генералъ Фези повѣрилъ всѣмъ обстоятельствамъ разсказа Маклача, хотя многія изъ нихъ возбуждали большія сомнѣнія. Замѣчательно, что въ донесеніи Фези о трагическомъ событіи шайка горцевъ, разстрѣлявшихъ Бергенгейма съ товарищами, названа партіей разбойниковъ. Но кто были эти разбойники, и откуда они взялись такъ нечаянно, объ этомъ не сказано ни слова. Непонятно также, почему разбойники не захватили тиндійскаго кадія Маклача и Нуричо на мѣстѣ-же, но дали имъ возможность бѣжать въ сел. Тисси и потомъ уже пытались вырвать ихъ изъ дома, въ которомъ они укрылись. Подозрительнымъ кажется и то обстоятельство, что кадій Магома не явился самъ въ Хунзакъ съ оправданіями, а возвратился въ сел. Тинди. Нуричо также остался у себя дома въ сел. Токита подъ предлогомъ болѣзни.

Весь ходъ событій даетъ основаніе думать, что участь Бергенгейма и его спутниковъ была рѣшена еще на совѣщаніи тиндинцевъ въ мечети. Старшина Аличо-Махма хорошо сознавалъ всю тягость падавшей на него лично отвѣтственности предъ русскимъ начальствомъ, если-бы Бергенгеймъ былъ убитъ въ его домѣ. Но ему также не было никакой выгоды рисковать своимъ вліятельнымъ положеніемъ въ обществѣ изъ-за русскаго офицера. Онъ не стоялъ за него, но желалъ только, чтобы кровь пролилась не въ его жилищѣ и не на территоріи сел. Тинди. Все прочее до него не касалось. Лукавый и краснорѣчивый кадій Магома сумѣлъ, какъ мы видѣли, убѣдить тиндинцевъ въ невыгодѣ казни плѣнниковъ въ предѣлахъ селенія. Остальное понятно само собою: Аличо-Махма остался въ Тинди подъ мнимымъ арестомъ, а освобожденные плѣнники убиты на территоріи сел. Тисси шайкою какихъ-то никому невѣдомыхъ разбойниковъ; кадій Магома будто-бы едва избѣжалъ смерти, но счастливо спасся и возвратился въ свое селеніе.

Несомнѣнно, что генералъ Фези замѣтилъ недомолвки и неясности въ разсказѣ Маклача о гибели Бергенгейма.

Но ему, послѣ завѣреній объ умиротвореніи Дагестана, не было никакого разсчета разъяснять истинное значеніе грустнаго событія. Могли спросить его: въ чемъ-же состоитъ покорность тиндинцевъ, если они, въ разстояніи двухъ дней пути отъ Хунзакской крѣпости, безнаказанно разстрѣливаютъ русскаго офицера?

Возвратимся къ поручику Гордѣеву и его спутникамъ. Судьба ихъ была не менѣе печальна: они также пали отъ рукъ неизвѣстныхъ разбойниковъ. Вѣсть о ихъ гибели принесли въ Хунзакъ гидатлинскій старшина Махо, аварецъ Гуссейнъ и освободившійся изъ плѣна грузинъ. По разсказу этихъ свидѣтелей, Гордѣевъ съ своими спутниками уже достигъ благополучно горнаго перевала въ Джарскую область, кода партія тленсерухцевъ захватила ихъ въ плѣнъ, обезоружила и отвела въ одинъ изъ тленсерухскихъ ауловъ. Кто и когда выдалъ ихъ?—осталось неизвѣстнымъ, но только горцы узнали въ нихъ русскихъ. На собраніи всего общества проводникъ Гордѣева аварецъ Гуссейнъ заявилъ, что это дѣйствительно русскіе люди, но кто осмѣлится прикоснуться къ нимъ, тотъ будетъ имѣть дѣло съ Ахметъ-ханомъ мехтулинскимъ. Угроза подѣйствовала. Плѣнники не только были отпущены, но имъ возвратили даже оружіе и дали прикрытіе для обратнаго слѣдованія въ Карахское общество. Къ сожалѣнію, несчастный Гордѣевъ, выбившись изъ силъ отъ трудныхъ переходовъ, не былъ въ состояніи спѣшить отступленіемъ. Болѣзнь и недостатокъ съѣстныхъ припасовъ заставили его остановиться для отдыха на гидатлинскихъ земляхъ. Здѣсь напала на него шайка разбойниковъ, состоявшая изъ 33 человѣкъ. Проводникъ Гуссейнъ вновь выступилъ въ роли защитника, грозя хищникамъ гнѣвомъ и мщеніемъ гидатлинскаго старшины Махо, подъ покровительствомъ котораго находились путешественники. Но разбойники не испугались угрозы. „Развѣ Махо ханъ,—отвѣчали они насмѣшливо Гуссейну,—что хочетъ повелѣвать нами? Онъ, конечно, богаче насъ, но мы его не боимся“... Гордѣевъ, топографъ Бѣлкинъ и двое слугъ князя Вачнадзе были немедленно убиты и ограблены.

Князю Вачнадзе удалось вырваться изъ рукъ разбойниковъ и скрыться въ пастушеской саклѣ, но онъ былъ открытъ и уведенъ въ плѣнъ. Впослѣдствіи пріятелю старшины Махо, гидатлинскому жителю Гаджіеву, удалось хитростью освободить его изъ неволи.

Мы не будемъ останавливаться на нѣкоторыхъ подробностяхъ печальной исторіи Гордѣева, доказывающей, что тогдашняя власть наша въ Нагорномъ Дагестанѣ, вопреки увѣреній Фези, ограничивалась почти только стѣнами Хунзакскаго укрѣпленія. Замѣтимъ лишь, что разбойничья шайка, убившая Гордѣева, состояла изъ жителей гидатлинскихъ селеній Мачада и Гинта, а начальствовали ею двое нукеровъ кази-кумухскаго хана.

Донося командиру отдѣльнаго кавказскаго корпуса генералу Головину о гибели Бергенгейма, Гордѣева и ихъ спутниковъ, Фези писалъ, что самоотверженіе ихъ, по его мнѣнію, не останется безъ пользы для правительства, ибо необыкновенныя эти злодѣянія даютъ намъ благовидный поводъ для проложенія дорогъ изъ Кахетіи чрезъ Тинди и изъ Джаро-Белоканской области чрезъ общество Гидатль въ Аварію. „Всѣ общества Нагорнаго Дагестана,—заканчивалъ Фези свое донесеніе,—убѣждены нынѣ въ необходимости и справедливости наказанія нами тиндинцевъ и гидатлинцевъ за столь жестокое нарушеніе священнаго у нихъ гостепріимства“.

Слова эти раскрываютъ мнѣніе самого Фези о пресловутой покорности Дагестана. Въ чемъ-же выражалась эта покорность, если для проложенія дорогъ приходилось искать благовиднаго предлога, а для наказанія хищниковъ опираться на одобреніе вольныхъ обществъ Нагорнаго Дагестана?

Безполезная для дѣла гибель двухъ офицеровъ имѣла одно хорошее послѣдствіе. Генералъ Головинъ призналъ необходимымъ въ предположеніяхъ о сообщеніяхъ Грузіи съ Дагестаномъ ограничиться на будущее время собранными уже свѣдѣніями, а дальнѣйшія обозрѣнія предпринимать не иначе, какъ вооруженною силою.

---

6. Первая грузинская газета *).

Возникновеніе грузинской повременной печати за Кавказомъ историки литературы относятъ къ шестидесятымъ годамъ **), къ эпохѣ возрожденія и расцвѣта періодической прессы во всей Россіи. Показаніе это, однако, несправедливо: первая грузинская газета появилась въ Тифлисѣ гораздо раньше, а именно еще во времена Ермолова, въ 1819 г. Если принять во вниманіе, что въ первой четверти 19-го столѣтія существовали въ провинціальныхъ городахъ Россіи всего только три газеты: университетскія въ Казани и Харьковѣ и частная въ Астрахани, то изданіе грузинской литературно-политической газеты въ отдаленномъ Тифлисѣ представляется явленіемъ замѣчательнымъ и ярко характеризующимъ просвѣщенный взглядъ Ермолова на задачи русскаго правительства въ новомъ краѣ.

„Грузинская газета", по справедливости, можетъ быть отнесена къ числу книжныхъ рѣдкостей: отъ нея не сохранилось не только ни одного полнаго экземпляра, но даже изъ отдѣльныхъ листовъ извѣстны только два: одинъ, отъ 25 августа 1819 г. ***), хранится въ церковномъ музеѣ при Сіонскомъ соборѣ въ Тифлисѣ, другой, отъ 23 сентября 1821 г., № 37, находится въ частной библіотекѣ. Наконецъ, въ архивѣ штаба кавказскаго военнаго округа имѣется особое дѣло подъ названіемъ „Журналъ входящій Грузинской газеты, изданной въ 1820 году". Въ немъ заключается полный рукописный экземпляръ ермоловской газеты за 1820 г., но на русскомъ языкѣ.

*) Иллюстрированное прибавленіе къ „Тифлисскому Листку", 8 октября 1900 г. № 21.

**) Біографы С. И. Додаева Магарскаго утверждаютъ, что въ 1832 г. издавалъ онъ въ Тифлисѣ грузинскую литературную газету, но показаніе это едва-ли справедливо. Додаевъ, кажется, редактировалъ грузинскій переводъ „Тифлисскихъ Вѣдомостей".

***) М. Джанаевъ напечаталъ замѣтку о немъ въ № 3 „Кавказскаго книжнаго Вѣстника" 1900 г., причемъ, по ошибкѣ, назвалъ газету ежедневной, вмѣсто еженедѣльной.

Пользуясь этими матеріалами, сообщаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о первой закавказской газетѣ,—свѣдѣнія очень скудныя, такъ какъ въ тифлисскихъ архивахъ намъ не удалось найти никакой переписки объ этомъ періодическомъ изданіи. Н. Н. Муравьевъ, оставившій въ своихъ любопытныхъ „Запискахъ" много цѣнныхъ указаній на культурное состояніе Тифлиса въ двадцатыхъ годахъ, тоже ни однимъ словомъ не упоминаетъ о ермоловской „Грузинской газетѣ".

Начало газеты относится къ марту мѣсяцу 1819 г. Она издавалась при штабѣ отдѣльнаго кавказскаго корпуса. Тамъ-же принималась и подписка отъ городскихъ жителей, а иногородные могли адресоваться съ своими требованіями къ окружнымъ и другимъ частнымъ начальникамъ. Въ 1819 г. вышло всего 40 листовъ. Въ слѣдующемъ году предполагалось издать 50 листовъ съ особенными на случай прибавленіями. Подписная цѣна была назначена въ 3 руб. сер., за пересылку платилось особо по одному абазу (20 коп. сер.) въ годъ. Редакція объявляла, что при такой цѣнѣ всей подписной суммы только-что достаточно будетъ на покупку бумаги, плату за переводъ, печатаніе и почтовые расходы. Поэтому подписчики предупреждались, что изданіе состоится только въ такомъ случаѣ, если число ихъ будетъ не менѣе 500, такъ какъ при меньшей цифрѣ подписная сумма не покроетъ издержекъ изданія. Надо думать, что число желающихъ получать газету превысило ожиданіе редакціи: газета выходила не только въ 1820 г., но также въ 1821 и, можетъ быть, въ 1822 гг.

Кто былъ редакторомъ или составителемъ газеты,—неизвѣстно. Въ архивныхъ дѣлахъ имя его не упоминается, въ газетѣ оно также не обозначено, такъ какъ въ тѣ блаженныя времена не требовалось ни подписи отвѣтственнаго лица, ни указанія типографіи, ни даже цензурнаго разрѣшенія. Очень вѣроятно, что изданіемъ завѣдывалъ особый комитетъ: по крайней мѣрѣ объявленія о подпискѣ печатались отъ имени *издателей*.

Внѣшній видъ газеты, для того времени, очень удовлетворительный. Она печаталась на листахъ небольшого фор-

мата (4 страницы), въ два столбца. На третій годъ изданія, т. е. въ 1821 году, къ заглавію была присоединена виньетка, изображающая Георгія Побѣдоносца. Объявленій объ условіяхъ подписки, печатаемыхъ нынѣ по обычаю подъ титуломъ, въ „Грузинской газетѣ“ не было.

Текстъ газеты составлялся по-русски, затѣмъ переводился на грузинскій языкъ и печатался только на этомъ языкѣ. По нынѣ господствующимъ понятіямъ, можетъ показаться страннымъ и даже неловкимъ изданіе правительственнымъ учрежденіемъ газеты не на русскомъ языкѣ. Но при тогдашнемъ положеніи края оно не могло быть иначе. Русскій языкъ былъ тогда еще такъ мало распространенъ даже среди городскихъ жителей, что большинство представителей дворянства, засѣдавшихъ въ экспедиціяхъ верховнаго грузинскаго правительства, не умѣло подписать по-русски своей фамиліи. Между тѣмъ Ермоловъ считалъ существенно необходимымъ, во-первыхъ, знакомить новыхъ русскихъ подданныхъ съ дѣйствіями и видами правительственной власти, во вторыхъ, сообщеніемъ иностранныхъ политическихъ извѣстій, пріобщить населеніе Грузіи къ интересамъ всего образованнаго міра. Эта двойственная цѣль ясно выражена въ объявленіи о газетѣ на 1820 годъ: „издатели оной (сказано въ объявленіи) ласкаютъ себя надеждою, что не встрѣтятъ они недостатка въ желающихъ получить сіе изданіе, служащее къ удовольствію обитателей здѣшняго края, да притомъ и нужное по гражданскимъ ихъ дѣламъ“. Въ тѣ времена цѣли эти могли быть достигнуты только при помощи грузинскаго языка, который былъ тогда господствующимъ какъ въ селеніяхъ, такъ и въ городахъ бывшаго грузинскаго царства.

„Грузинская газета“ заключала въ себѣ отдѣлы: внутреннихъ и иностранныхъ извѣстій, смѣси, казенныхъ и частныхъ объявленій. Въ составъ перваго входили придворныя извѣстія, заимствованныя изъ петербургскихъ газетъ, высочайшіе приказы о производствахъ, назначеніяхъ и наградахъ по Кавказскому краю, приказы Ермолова по войскамъ отдѣльнаго грузинскаго корпуса и наиболѣе важныя правительственныя распоряженія, напр.—сенатскій указъ о льготахъ для привлеченія на службу въ Грузіи канцелярскихъ чиновниковъ, положеніе о принятіи грузинскими помѣщиками на свои земли заграничныхъ выходцевъ. Положеніе это, изданное 22 октября 1819 г., представляетъ первую законодательную попытку опредѣленія правъ такъ-называемыхъ хизанъ. Въ отдѣлѣ внутреннихъ извѣстій сообщалось также о наиболѣе важныхъ событіяхъ на Кавказѣ: о военныхъ дѣйствіяхъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ, о дѣятельности миссіонеровъ въ Осетіи, о возстаніи въ Имеретіи и пр. Не можемъ не привести здѣсь изъ № 24 отъ 18 іюня 1820 г. любопытной справки о долголѣтіи тогдашнихъ обитателей Грузіи. Въ 1818 г. въ городахъ и уѣздахъ Грузіи умерло лицъ православнаго вѣроисповѣданія 1439 ч., въ числѣ которыхъ было лицъ, имѣвшихъ отъ 90 до ста лѣтъ, 16, сто два года—1, стодвадцать лѣтъ—1. Въ 1819 г. на 1614 умершихъ приходилось 11 столѣтнихъ старцевъ.

Иностранныя извѣстія заимствовались, повидимому, непосредственно изъ заграничныхъ газетъ. Въ этомъ отдѣлѣ сообщались наиболѣе важныя текущія политическія новости. Такъ, въ 1820 г. „Грузинская газета“ знакомила своихъ читателей съ ходомъ борьбы между знаменитымъ Алипашою Янинскимъ и турецкою Портою; дала подробный отчетъ о процессѣ англійской королевы Каролины съ ея супругомъ королемъ Георгомъ IV; въ 1821 г. газета помѣстила на своихъ страницахъ много свѣдѣній о греческомъ возстаніи. Къ иностраннымъ извѣстіямъ относятся также извлеченія изъ отчетовъ путешественниковъ по Китаю, Японіи, Америкѣ и пр.

Отдѣлы смѣси и анекдотовъ наполнялись тѣми статейками, которыя и нынѣ печатаются въ провинціальныхъ газетахъ мелкимъ шрифтомъ и держатся въ запасѣ на случай недостатка болѣе тяжеловѣснаго матеріала. Здѣсь сообщалось объ ученыхъ блохахъ, морскомъ змѣѣ въ 150 фут. длины, дѣвочкѣ безъ рукъ и ногъ и т. п. Анекдоты „Грузинской газеты“—происхожденія иностраннаго. Многіе изъ нихъ, напр.—о гасконцѣ и гишпанцѣ, по содержанію

и манерѣ изложенія, близко напоминаютъ извѣстные „историческіе матеріалы Ѳедота Кузьмича Пруткова". Впрочемъ, въ числѣ анекдотовъ имѣется одинъ мѣстный, кавказскій. Онъ названъ истиннымъ и потому долженъ быть сохраненъ для потомства. Заимствуемъ его изъ № 11, отъ 12 марта 1820 года:

„Истинный анекдотъ". Нѣкій комиссіонеръ, заготовлявшій провіантъ въ какомъ-то мѣстѣ Имеретіи, купилъ у одного мужика хлѣбъ и, не успѣвши возвратить ему мѣшковъ, числомъ десять, померъ. Провіантская комиссія послала туда своихъ чиновниковъ для описанія, по обыкновенію, оставшагося послѣ него имѣнія. Мужикъ, узнавъ о семъ, явился къ помянутымъ чиновникамъ съ просьбою о возвращеніи ему своихъ мѣшковъ; но получивъ въ отвѣтъ, что какъ комиссіонеръ, которому имъ отданы мѣшки, умеръ, то онъ можетъ теперь просить оныхъ у Бога, возвратился домой и, спустя нѣсколько дней, опять явился и объявилъ, что онъ, по полученному приказанію, просилъ Бога, но Богъ показалъ ему комиссію, чтобъ отъ нея получить мѣшки; буде же они не вѣрятъ ему, то справились-бы о томъ у Бога. Чиновники, бывъ убѣждены таковымъ остроумнымъ сего мужика отвѣтомъ, возвратили ему просимые мѣшки".

Въ отдѣлѣ публикацій печатались объявленія правительственныхъ мѣстъ и лицъ. Странно читать теперь объявленіе въ № 30 отъ 30 іюля 1820 г., что такого-то числа будетъ продаваться съ публичныхъ торговъ крестьянинъ Гогій Елбашидзе съ женою, сыномъ и тремя штуками рогатаго скота. Но въ то время это было явленіе обычное, и приравниваніе людей къ рогатому скоту никого не удивляло и не возмущало. Только при чтеніи подобныхъ объявленій воочію убѣждаешься, какъ далеко ушли мы отъ того добраго стараго времени, о которомъ многіе и нынѣ мечтаютъ, къ счастію, безнадежно. Изъ частныхъ объявленій нашли мы только одно, именно—учителя танцъ-класса Благороднаго училища коллежскаго регистратора Тонагеля, который приглашалъ обоего пола особъ учиться у него танцамъ за 10 руб. сер. въ мѣсяцъ. Этотъ Тонагель былъ,

кажется, мастеромъ на всѣ руки: онъ служилъ въ артиллеріи, участвовалъ въ Бородинскомъ сраженіи, былъ въ заграничномъ походѣ; оставивъ военную службу, поступилъ онъ въ казенную экспедицію верховнаго грузинскаго правительства, потомъ былъ брандмейстеромъ тифлисской пожарной команды и, наконецъ, занялся танцовальнымъ искусствомъ.

Въ концѣ 1821 г. издатели „Грузинской газеты" объявили подписку на слѣдующій годъ на прежнихъ условіяхъ. Но состоялось ли изданіе или нѣтъ—неизвѣстно, такъ какъ до сихъ поръ не открыто никакихъ признаковъ существованія газеты въ 1822 г. Очень возможно, что она не была въ состояніи преодолѣть равнодушія обитателей Грузіи къ заботамъ Ермолова о ихъ просвѣщеніи. Еще въ декабрѣ 1821 г. грузинскій гражданскій губернаторъ предлагалъ тифлисскому полицеймейстеру „оказать всевозможное содѣйствіе къ пріумноженію числа желающихъ получать газету". Колл. асессоръ Плещеевъ приложилъ стараніе при содѣйствіи квартальныхъ надзирателей, но тѣмъ не менѣе къ концу марта 1822 г. могъ собрать въ Тифлисѣ только 19 подписчиковъ на сумму 57 руб. руб. Во главѣ представленнаго имъ губернатору списка стоялъ поручикъ Иванъ Коргановъ, болѣе извѣстный въ исторіи подъ именемъ Ваньки-Каина, даннымъ ему Ермоловымъ.

---

7. В. Т. Нарѣжный и его кавказскій романъ *).

Въ 1801 году, вслѣдъ за открытіемъ во вновь присоединенной Грузіи дѣйствія русскихъ правительственныхъ учрежденій, прибылъ въ Тифлисъ для отправленія письменныхъ дѣлъ при верховномъ грузинскомъ правительствѣ двадцатипятилѣтній юноша, только что покинувшій универ-

*) Иллюстрированное прибавленіе къ „Тифлисскому Листку", 29 октября 1900 г. № 22.

ситетскую скамью. Это былъ извѣстный впослѣдствіи писатель Василій Трофимовичъ Нарѣжный, нынѣ мало читаемый, но единогласно признаваемый всѣми историками русской литературы родоначальникомъ реалистической школы, литературнымъ предшественникомъ Гоголя. Юноша недолго прослужилъ за Кавказомъ: въ половинѣ мая 1803 г. переѣхалъ онъ въ Петербургъ и опредѣлился въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Надо полагать, что сто лѣтъ тому назадъ Грузія не давала еще пищи для поэтическаго вдохновенія. Нарѣжный вывезъ оттуда не восторженныя описанія горной природы, не восхваленія чарующей красоты грузинокъ, даже не похвалы кахетинскому вину, а злой сатирическій романъ, въ которомъ мрачными красками изобразилъ кавказскіе административные порядки того времени. Какъ ни старательно была замаскирована основная идея романа, онъ не былъ пропущенъ въ печать и увидѣлъ свѣтъ только въ 1829 г., послѣ смерти автора, когда уже невозможно было угадать дѣйствительность подъ густымъ слоемъ прикрывавшихъ ее романическихъ прикрасъ.

Романъ называется „Черный годъ, или Горскіе князья". Онъ написанъ по образцу тѣхъ восточныхъ романовъ, которыми такъ изобилуетъ литература XVIII столѣтія. Въ нихъ не было ничего восточнаго, кромѣ именъ, и читатели хорошо знали, кто скрывается подъ этой восточной одеждою. Въ романѣ Нарѣжнаго описываются похожденія осетинскаго князька Кайтуки, незначительнаго владѣльца на берегахъ Терека, по сосѣдству съ Ларсомъ и Казбекомъ. Изгнанный соперникомъ изъ своего княжества, Кайтука бѣжитъ въ Кабарду, потомъ въ Моздокъ, Кизляръ и Астрахань, гдѣ властвуетъ могущественный ханъ Самсутдинъ. Испытавъ во время скитанія много бѣдъ и превратностей, Кайтука возвращается благополучно въ свое княжество и соединяется съ княжною Сафирою. Кромѣ нѣсколькихъ географическихъ именъ, романъ не имѣетъ отношенія къ Кавказу въ смыслѣ изображенія страны и ея населенія. Но зато несомнѣнно, что при описаніи взяточничества, злоупотребленій, насилій и всякихъ пороковъ хановъ и мурзъ Нарѣжный имѣлъ въ виду кавказскихъ администраторовъ того времени. Онъ попалъ въ Грузію въ то время, когда краемъ правилъ генералъ Кноррингъ, являющійся въ романѣ подъ видомъ хана астраханскаго, такъ какъ онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ, и астраханскимъ военнымъ губернаторомъ. Должность губернатора или, по тогдашнему, правителя Грузіи занималъ Коваленскій, пользовавшійся въ краѣ общимъ нерасположеніемъ за свое корыстолюбіе, самовластіе и надменность. Онъ правилъ Грузіей, какъ самостоятельный владѣтель, и имѣлъ неограниченное вліяніе на безхарактернаго Кнорринга. Печальное положеніе вновь присоединеннаго края обратило, наконецъ, на себя вниманіе Петербурга. Слабый Кноррингъ былъ отозванъ въ 1802 г. и замѣненъ энергичнымъ княземъ П. Д. Циціановымъ, а Коваленскій преданъ суду сената за многочисленныя злоупотребленія и корыстолюбіе. Можно представить себѣ, каковы были, при такихъ начальникахъ, мелкіе чиновники въ новомъ, совершенно неустроенномъ, краѣ, служба въ которомъ приравнивалась къ ссылкѣ. Очевидно, что контингентъ чиновниковъ, отправившихся искать счастья въ Грузіи, могъ составиться никакъ не изъ лучшихъ представителей служилаго сословія, не отличавшагося тогда и въ самой Россіи высокимъ образовательнымъ и нравственнымъ цензомъ. Справедливость требуетъ поясненія, что самъ Коваленскій способствовалъ развращенію чиновниковъ въ Грузіи: онъ или вовсе не давалъ имъ жалованья, или отпускалъ гроши, такъ что многіе цѣлыми мѣсяцами не являлись къ занятіямъ, за неимѣніемъ обуви и одежды. Какъ-бы то ни было, но произволъ и корыстолюбіе достигли въ Грузіи такого развитія, что даже самъ князь Циціановъ долженъ былъ признать себя безсильнымъ въ борьбѣ съ ними. Ходатайствуя въ 1805 году объ отозваніи его съ Кавказа, онъ не скрылъ отъ императора Александра I, что дурной составъ гражданской администраціи „есть одна изъ тѣхъ побочныхъ причинъ, кои нудятъ его считать удаленіе отъ службы верховнымъ благоденствіемъ: одинъ человѣкъ,

ищущій истребить мздоимство и исполненный усердіемъ къ службѣ отечества и къ защитѣ неимущихъ для насыщенія мздоимцевъ богатства, не можетъ принести пользы службѣ".

Чиновнику, не считавшему возможнымъ выть съ волками по-волчьи, оставался одинъ выходъ: покинуть край, зараженный такою страшною язвою. Нарѣжный такъ и поступилъ. Едва-ли не собственныя чувства высказалъ онъ словами героя своего романа князя Кайтука: „наконецъ я увидѣлъ цвѣтные берега Терека, гдѣ оканчивались стремнины кавказскія, и глазамъ моимъ представилась прелестная необозримая равнина, а по берегамъ рѣки тѣнистые перелѣски... Я преклонилъ колѣна, принесъ благодареніе небу, сохранившему меня здоровымъ и невредимымъ чрезъ столь долгое время среди ежеминутной опасности". (VI, 129). Въ другомъ мѣстѣ *) Нарѣжный, устами того-же Кайтука, говоритъ: „нельзя похвалиться днями, проведенными мною въ странствованіи по крутизнамъ кавказскимъ; но.... сопутницы мои, данныя мнѣ богами и природою, безпрестанно меня утѣшали. Онѣ были—*свобода и надежда*". (VI, 147, 148).

Въ романѣ „Черный годъ" едва-ли заключаются какія-либо прямыя указанія на событія и лица того времени. По нѣкоторымъ неопредѣленнымъ намекамъ можно, конечно, догадываться, что рѣчь идетъ о томъ или другомъ администраторѣ. Такъ, выше было уже указано, что подъ ханомъ астраханскимъ скрывается, по всей вѣроятности, Кноррингъ. Нѣкоторыя черты характера князя Кайтука близко напоминаютъ правителя Грузіи Коваленскаго. Вотъ какъ описывается въ романѣ дѣятельность этого князя: „чѣмъ кто изъ подданныхъ его былъ честнѣе, благонравнѣе, набожнѣе, тѣмъ необходимо становился злѣйшимъ врагомъ его. У него просятъ правосудія и наказанія вѣроломству, а онъ думаетъ только объ умноженіи казны своей. Онъ выкидываетъ новость, въ горахъ неслыханную, забывъ или совсѣмъ не зная, что всякія новизны, вводимыя владѣтелемъ въ своемъ народѣ, могутъ вводимы быть только исподволь, непримѣтно, и такимъ владѣтелемъ, который пріобрѣлъ къ себѣ довѣренность, любовь и почтеніе своею мудростью, силою оружія, опытностью въ правленіи. Князь Кайтукъ, глупо подражая въ устроеніи придворнаго штата хану астраханскому и даже шаху персидскому, имѣя посредственную власть надъ горстью народа, и ближнимъ сосѣдямъ своимъ едва по имени извѣстный, называетъ себя ***повелителемъ***, старосту своего ***великимъ визиремъ***, стремяннаго ***сардаромъ***, а дворецкаго ***назиромъ***. (VI. 172).

*) Романы и повѣсти, сочиненіе Василія Нарѣжнаго. Изданіе второе въ 7 частяхъ. С. Петербугръ 1836 г. Романъ „Черный годъ" напечатанъ въ двухъ послѣднихъ частяхъ этого собранія сочиненій.

Такихъ намековъ разсѣяно въ романѣ множество. Но въ общемъ „Черный годъ" должно разсматривать, какъ рѣзкую картину безправія и безпорядка, царившихъ на Кавказѣ въ началѣ столѣтія, безъ отношенія къ отдѣльнымъ событіямъ и лицамъ. Романистъ не ограничился, впрочемъ, однимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ предмету своего произведенія. Въ разныхъ мѣстахъ своего романа и устами разныхъ лицъ онъ высказалъ и положительное мнѣніе свое о задачахъ администраціи въ краѣ. Такъ, мы встрѣчаемся съ слѣдующею нравоучительною тирадою: „власть законная должна обуздывать стремленіе буйства, какъ мы обуздываемъ дикаго коня: но тутъ всегда должны быть присутственны кротость и строгая разсмотрительная справедливость, а не одно слѣпое киченіе и насильство". (VI. 148).

Не беремся рѣшить, подражалъ-ли Нарѣжный въ своемъ романѣ какому-либо образцу, или-же написалъ его совершенно самостоятельно. Въ концѣ XVIII столѣтія сатирическо-нравоучительные романы съ восточной оболочкой были въ большомъ ходу въ европейской литературѣ, такъ что въ образцахъ не было недостатка.

Въ „Черномъ годѣ" имѣется языческій богъ ***Кукамъ***, который сообщаетъ осетинамъ свои велѣнія устами идола. Въ романѣ Клода д'Окура (Claude d'Aucourt) „Mémoires turcs", часть дѣйствія котораго происходитъ на берегахъ Кубани, разсказывается о властителѣ ***Какуканѣ*** и идолѣ,

объявляющемъ устами жреца желанія божества. Этимъ, впрочемъ, почти исчерпывается сходство между фабулами обоихъ романовъ. Имѣлъ-ли въ виду Нарѣжный романъ д'Окура или нѣтъ, во всякомъ случаѣ внутреннее содержаніе „Чернаго года" принадлежитъ ему одному. Въ немъ уже сказывается тотъ здоровый реализмъ, который далъ впослѣдствіи Нарѣжному видное мѣсто въ исторіи русской литературы.

---

8. „Продѣлки на Кавказѣ" *).

Подъ такимъ заглавіемъ появилась въ Петербургѣ, въ началѣ 1844 года, съ разрѣшенія московской цензуры, небольшая книжка, авторъ которой назвалъ себя Е. Хамаръ-Дабановымъ. Книжка, съ эпиграфомъ „Не любо, не слушай, а лгать не мѣшай!", заключала въ себѣ разсказъ или повѣсть о житьѣ-бытьѣ командира казачьей сотни на правомъ флангѣ тогдашней Кавказской линіи.

Несмотря на такой, повидимому, невинный сюжетъ повѣсти, она надѣлала большихъ непріятностей разрѣшившему ее къ печати цензору, извѣстному въ свое время профессору московскаго университета Никитѣ Ивановичу Крылову. По словамъ А. В. Никитенки, „Продѣлки на Кавказѣ" обратили на себя вниманіе военнаго министра князя Чернышева. Онъ указалъ на повѣсть начальнику третьяго отдѣленія Л. В. Дуббельту и сказалъ: „книга эта тѣмъ вреднѣе, что въ ней—что строчка, то—правда". Книжка была немедленно отобрана у книгопродавцевъ, а цензоръ Крыловъ вытребованъ въ Петербургъ для объясненій. Ему грозило суровое взысканіе, но его отстоялъ попечитель московскаго университета графъ С. Г. Строгановъ. Въ дневникѣ А. И. Герцена сохранилась по этому дѣлу одна подробность, свидѣтельствующая о благородствѣ и независимости графа. Крылова было приказано доставить въ Петер-

*) Газета „Кавказъ" 1901 г, №№ 13 и 14.

бургъ съ жандармомъ. Попечитель университета отвѣчалъ, что такая мѣра можетъ испугать больную жену Крылова. Поэтому онъ, Строгановъ, отказывается исполнить въ точности предписаніе и даже готовъ подать въ отставку, если оно не будетъ отмѣнено. Въ концѣ-концовъ, Крылову позволили прибыть въ Петербургъ безъ провожатаго въ синемъ мундирѣ.

Обратимся къ содержанію опасной книжки. Оно очень несложно. Въ одной изъ прикубанскихъ станицъ живетъ капитанъ Александръ Пустогородовъ, командующій сотнею линейныхъ казаковъ. Въ молодости увлекся онъ ролью политическаго заговорщика, былъ разжалованъ въ солдаты и сосланъ на Кавказъ. Храбрость, способности и усердная служба вывели его опять на дорогу. Но вскорѣ времена измѣнились: прежніе начальники, знавшіе и цѣнившіе его заслуги, уступили мѣсто другимъ. Съ ними явились новые взгляды, новыя требованія, съ которыми Пустогородовъ не могъ и не хотѣлъ примириться. Правдивость въ донесеніяхъ, защита интересовъ подчиненныхъ и населенія пріобрѣли ему репутацію человѣка безпокойнаго и строптиваго. Начальство отвернулось отъ него и оставило прозябать въ казачьей станицѣ.

Здѣсь посѣщаетъ его братъ Николай, отставной корнетъ, баловень матери, предпринявшій отъ скуки и бездѣлья путешествіе въ Персію. Пріѣздъ въ станицу избалованнаго москвича даетъ автору поводъ разсказать объ организаціи сторожевой службы казаковъ на Кавказской линіи, изобразить картину „тревоги" по случаю прорыва чрезъ кордонъ черкесскихъ хищниковъ, преслѣдованіе ихъ казаками, движеніе отряда за Кубань, сраженіе или „дѣло" съ горцами и т. д. Попутно авторъ знакомитъ читателя съ образомъ жизни казаковъ и черкесовъ, съ ихъ взаимными отношеніями и съ различными взглядами на задачи и способы веденія горской войны.

Изъ станицы братья Пустогородовы отправляются въ Ставрополь, въ которомъ сосредоточивалось тогда военное и гражданское управленіе обширнаго края, извѣстнаго ны-

нѣ подъ названіемъ Сѣвернаго Кавказа. Здѣсь жилъ командующій войсками Кавказской линіи и Черноморіи, здѣсь рѣшались экспедиціи въ горы, здѣсь раздавались мѣста и награды за отличія и походы. Нынѣшній сонный Ставрополь только по преданію знаетъ, какою бойкою жизнью жилъ онъ лѣтъ 50—60 назадъ. Каждую весну городъ наполнялся шумнымъ роемъ военной молодежи, пріѣзжавшей „изъ Россіи“ для участія въ экспедиціяхъ. Одни искали сильныхъ ощущеній, другіе—дешевыхъ отличій, третьи, меньшинство, хотѣли практически научиться военному ремеслу, извѣстному имъ только по книжкамъ и плацъ-параднымъ ученьямъ. Въ Ставрополѣ распредѣляли по отрядамъ этихъ гостей или *фазановъ*, какъ ихъ называли коренные кавказскіе служаки. Пустогородовы прибываютъ въ столицу Сѣвернаго Кавказа въ самый разгаръ перелета „фазановъ“. Авторъ знакомитъ читателя съ наиболѣе типичными представителями этой породы въ цѣломъ рядѣ портретовъ. Они перемежаются съ старыми кавказцами, вспоминающими съ сожалѣніемъ о временахъ Ермолова и Вельяминова, съ инженерами, провіантскими комиссіонерами и всякими иными чинами, имѣющими то или иное отношеніе къ штабу командующаго войсками на Кавказской линіи. Все это толпится въ единственной ставропольской гостиницѣ, кутитъ, играетъ въ карты, бесѣдуетъ объ ожидаемыхъ наградахъ, разсчитываетъ выгоды прикомандированія къ тому или другому отряду на время экспедиціи.

Дѣйствіе повѣсти кончается на кавказскихъ минеральныхъ водахъ, куда братья переѣзжаютъ изъ Ставрополя для свиданія съ своими родителями. Описанію образа жизни на водахъ отведено авторомъ очень мало мѣста. Зато нарисована очень живо и ѣдко пріемная важнаго сановника, гдѣ властвуютъ его начальникъ штаба и адъютанты.

Что-же нашелъ военный министръ опаснаго въ такой, повидимому, невинной повѣсти? Ключъ къ разгадкѣ заключается въ приведенныхъ нами словахъ князя Чернышева: „книга эта тѣмъ вреднѣе, что въ ней—что строчка, то—правда“. Дѣйствительно, въ „Продѣлкахъ“ изображаются

кавказскіе дѣятели и событія того времени въ ихъ истинномъ видѣ, безъ тѣхъ прикрасъ, которыя считались признакомъ благонамѣренности сочиненія.

Кавказъ вошелъ въ моду въ русскомъ обществѣ съ легкой руки Бестужева-Марлинскаго. Изъ его повѣстей читатели узнали впервые, что кавказскіе горцы не дикари и хищники, а рыцари, правда, необразованные, но зато одаренные благородными чувствами и вулканическими страстями. Марлинскій попалъ на Кавказъ во время управленія Паскевича. Если Амалатъ-бекъ, Мулла-Нуръ и пр. горскіе герои сдѣлали Кавказъ обѣтованною страною для романтически настроенной молодежи, то эпоха Паскевича показала, что въ этой чудной странѣ можно, кромѣ того, легко и скоро сдѣлать хорошую карьеру, конечно, при удачѣ и протекціи. И вотъ, пока чувствительныя дамы и дѣвицы восхищались пламеннымъ любовникомъ Султанеты и распѣвали модный романсъ „Въ горахъ я встрѣтила черкеса“, молодежь устремилась на Кавказъ добывать себѣ чести въ битвахъ съ этими черкесами. Журналы того времени наполнились описаніями эпизодовъ изъ кавказской войны, фантастическими разсказами о пребываніи въ плѣну у горцевъ, о черкешенкахъ дивной красоты и т. д. Война считалась какъ-бы естественною принадлежностью края, Кавказскія горы—какою-то практическою школою военнаго искусства. Никто не задавался вопросомъ, ради чего ведется эта постоянная война. Офиціальныя свѣдѣнія сообщали время отъ времени объ экспедиціяхъ въ горы, всегда вполнѣ успѣшныхъ, о покореніи того или другого племени, а то и цѣлаго десятка племенъ, но тоже никогда не излагали общаго плана и конечной цѣли этихъ экспедицій, не давали отвѣта на вопросъ: почему-же война тянется безъ конца, если мы каждый разъ имѣемъ успѣхъ и приводимъ къ покорности какіе-то народы; откуда берутся у горцевъ все новые и новые борцы, если въ каждой стычкѣ они гибнутъ цѣлыми сотнями?

Повѣсть „Продѣлки на Кавказѣ“ проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на эти загадки. Приподнявъ край той красивой

декораціи, которая закрывала отъ непосвященныхъ истинное положеніе дѣлъ на Кавказѣ, авторъ повѣсти осмѣлился показать читателю закулисную сторону кавказской войны, познакомить его съ нѣкоторыми героями сцены въ ихъ домашней обстановкѣ. Разоблаченія были очень умѣренны, но, по тогдашнему времени, показались слишкомъ смѣлыми и даже дерзкими. Эпиграфъ „Не любо не слушай, а лгать не мѣшай“ не обманулъ бдительное начальство: книга подверглась запрещенію не за ложь, а за правду.

Эпоху, къ которой относится дѣйствіе повѣсти, можно опредѣлить 1838—1842 гг. Командиромъ кавказскаго отдѣльнаго корпуса былъ въ это время Е. А. Головинъ, человѣкъ образованный, но преждевременно одряхлѣвшій, безъ воли и характера. Военныя способности его, по общему отзыву, не поднимались выше уровня посредственности. Ермоловъ, съ обычною ему колкостью, говорилъ, что Головинъ столько-же военный человѣкъ, сколько онъ, Ермоловъ, митрополитъ. При Головинѣ совершилась въ гражданскомъ управленіи Закавказья печальной памяти реформа барона Гана, которую, по выраженію Ермолова-же, Головинъ почиталъ даромъ небесъ, ниспосланнымъ для счастія Грузіи. Съ такими свойствами ума и характера, да еще при постоянномъ желаніи подладиться къ мнѣніямъ вліятельныхъ лицъ въ Петербургѣ, Головинъ не пользовался на Кавказѣ должнымъ авторитетомъ и довѣріемъ. Еще менѣе могъ онъ противодѣйствовать постоянно возраставшему вліянію Шамиля.

Войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи командовалъ тогда, послѣ кончины славнаго Вельяминова, П. Х. Граббе. Самонадѣянный и высокомѣрный, онъ съ трудомъ переносилъ зависимость отъ Головина, постоянно воевалъ съ тифлисскимъ штабомъ и добился, наконецъ, того, что самостоятельно сносился съ Петербургомъ о предположеніяхъ относительно военныхъ дѣйствій въ районѣ Кавказской линіи. Такою-же самостоятельностью пользовался и начальникъ Черноморской береговой линіи. Г. И. Филипсонъ, въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, подробно разсказываетъ о томъ, какъ ловкій Н. Н. Раевскій мало-по-малу освободился отъ непосредственнаго подчиненія и Головину, и Граббе.

Такимъ образомъ, на Кавказѣ не было единства власти, а, слѣдовательно, и единства дѣйствій. Каждый отдѣльный начальникъ имѣлъ свою политику и велъ свою войну. Военный министръ, князь Чернышевъ, былъ, конечно, увѣренъ, что держитъ въ своихъ рукахъ всѣ нити кавказскихъ дѣлъ и направляетъ ихъ къ опредѣленной цѣли; но кто-же не знаетъ, что значитъ управлять военными дѣлами за двѣ тысячи верстъ? Система раздѣленія мѣстной власти на этомъ не кончалась. Каждый отдѣльный начальникъ, если пользовался довѣріемъ высшаго, могъ вести войну по своему усмотрѣнію. Таковъ былъ начальникъ праваго фланга Кавказской линіи Григорій Христофоровичъ Зассъ. Онъ пользовался въ свое время даже далеко за предѣлами Кавказа громкою извѣстностью, какъ гроза черкесовъ, называвшихъ его *шайтаномъ*, т. е. чортомъ. О его подвигахъ и военныхъ уловкахъ ходило множество легендарныхъ разсказовъ, которые онъ умѣлъ поддерживать и распространять. Начальствуя кордонною линіею, онъ имѣлъ всегда возможность, подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ, предпринимать набѣги въ непріятельскіе предѣлы. Ловко составленныя реляціи доставляли награды участникамъ этихъ экспедицій. Поэтому пріѣзжая молодежь съ особенною охотою просила о прикомандированіи къ штабу начальника праваго фланга. Зассъ ласкалъ людей съ связями и давалъ имъ способы къ отличію. За то благодарные „фазаны“ съ восторгомъ разсказывали въ вліятельныхъ петербургскихъ гостиныхъ о чудесныхъ подвигахъ *шайтана*. Нѣмецкій путешественникъ профессоръ К. Кохъ написалъ о Зассѣ даже цѣлую монографію, основанную на разсказахъ земляковъ героя по Остзейскому краю.

Нельзя отрицать, что Зассъ былъ замѣчательно храбрый офицеръ, отличный наѣздникъ, хорошо зналъ черкесовъ, обладалъ всѣми достоинствами партизана. Но, предоставленный самому себѣ, онъ далъ волю своимъ инстинк-

тамъ и обратилъ войну съ горцами въ особаго рода спортъ, безъ цѣли и связи съ общимъ положеніемъ дѣлъ. Въ этомъ сознаются даже и тѣ, которые относились къ нему вполнѣ благопріятно. Такъ, Г. И. Филипсонъ говоритъ, что польза рыцарскихъ подвиговъ Засса оказалась впослѣдствіи очень сомнительною. Въ 1842 г. Зассъ былъ удаленъ съ Кавказа съ зачисленіемъ по кавалеріи. Одновременно съ нимъ остался не у дѣлъ и П. Х. Граббе, которому было поставлено въ вину именно покровительство Зассу, какъ свидѣтельствуетъ князь М. С. Воронцовъ въ своей перепискѣ съ Ермоловымъ.

Подвигамъ генерала Засса, этого легендарнаго героя, и посвящена значительная часть „Продѣлокъ на Кавказѣ“. Въ повѣсти онъ, конечно, нигдѣ не названъ по имени. Но прозвище *чортъ* и описаніе происхожденія и наружности („пришлецъ отъ странъ Запада, бѣловолосый, съ длинными рыжими усами“) не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что дѣло идетъ о Зассѣ.

Резиденція начальника праваго фланга Кавказской линіи находилась въ крѣпости Прочномъ окопѣ, на берегу Кубани. Въ повѣсти казаки называютъ ее Нѣмецкимъ окопомъ, при чемъ авторъ поясняетъ, что по всему правому флангу служили все нѣмцы. Это—намекъ на предпочтеніе, которое Зассъ отдавалъ своимъ курляндскимъ землякамъ при назначеніяхъ на должности. Къ этой чертѣ авторъ присоединяетъ еще другую, о которой мы уже говорили, именно, о разсчетливомъ покровительствѣ знатнымъ фазанамъ: „кордонный начальникъ носилъ съ собою запасы привѣтствій къ прикомандированнымъ пріѣзжимъ, дабы они превозносили его въ Россіи; доставлялъ имъ и немногимъ любимцамъ своимъ награды за чужіе подвиги, между тѣмъ какъ въ дѣлѣ выѣзжалъ всегда на коренныхъ кавказцахъ“. (I. 158). Александръ Пустогородовъ, представляющій въ повѣсти типъ честнаго служаки, чуждаго интригъ и искательства, признаетъ безплодными жалобы на такія продѣлки: „Положимъ, вы вселите сомнѣніе въ справедливости реляціи, захотятъ узнать истину, пришлютъ довѣренную особу.

Кордонный начальникъ въ угоду ей импровизируетъ экспедицію, въ которой довѣренное лицо будетъ участвовать. Блистательное представленіе о немъ, искательность кордоннаго начальника поработятъ признательную душу пріѣзжаго, и этотъ напишетъ: „Хотя донесеніе нѣсколько и хвастливо, но дѣло, однако, было точно славное! Достовѣрнаго узнать я не могъ ничего по причинѣ различныхъ показаній допрашиваемыхъ“. Кончится тѣмъ, что вы останетесь въ дуракахъ, пріобрѣтете много враговъ, а вымышленные подвиги кордоннаго будутъ по прежнему печататься въ „Allgemeine Zeitung“. (I. 163).

Не будемъ перечислять всѣхъ подробностей разсказа о продѣлкахъ на правомъ флангѣ кавказской линіи въ управленіе Засса. Замѣтимъ только, что въ повѣсти и событія, и лица не вымышлены, а писаны съ натуры. Авторъ даже не всегда измѣнялъ имена дѣйствующихъ лицъ: вліятельный темиргоевскій князь Джамботъ Айтековъ, закубанскій разбойникъ Али-Карсизъ, бѣглый линеецъ Барышниковъ и т. д.,—все это имена, хорошо извѣстныя въ исторіи Кавказской линіи. То-же надо сказать о торговлѣ головами убитыхъ черкесовъ и объ устройствѣ однимъ извѣстнымъ наѣздникомъ адской машины для истребленія абадзеховъ.

Авторъ повѣсти безусловно порицаетъ такую безцѣльную войну. „Пріѣзжіе на Кавказъ,—говоритъ онъ,—обыкновенно разспрашиваютъ объ образѣ войны съ горцами; иные, зная о ежегодныхъ потеряхъ, наносимыхъ войскамъ, вдругъ очень просто спрашиваютъ у васъ: какой результатъ этихъ вѣчныхъ экспедицій?—и тѣмъ затрудняютъ даже штабъ-офицера генеральнаго штаба. Впрочемъ, въ такихъ случаяхъ принята общая формула для отвѣта; вотъ она: „слишкомъ долго и многосложно объяснять всѣ блистательные результаты!“ (II. 59). Вопреки общепринятому тогда мнѣнію о необходимости безпощаднаго истребленія горцевъ, какъ хищныхъ звѣрей, авторъ указываетъ на желательность и полезность иного образа дѣйствій. „Черкесовъ укоряютъ въ невѣжествѣ; но взгляните на ихъ садоводство, ремесла, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ наша

образованность не накладывала просвѣщенной руки своей, и вы согласитесь со мною, что они не такіе звѣри, какими привыкли мы ихъ почитать. Оставляя черкесовъ спокойно владѣть собственностью, управляться своими обычаями, поклоняться Богу по своей вѣрѣ—словомъ, уважая бытъ и права горскихъ народовъ, мы беремъ ихъ подъ свое покровительство и защиту; такова благодѣтельная цѣль правительства. Но она встрѣчаетъ многія препятствія въ исполненіи. Первое изъ этихъ препятствій—различие вѣры, нравовъ и понятій; мы не понимаемъ этихъ людей, и они насъ не понимаютъ въ самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ нашихъ. Второе, при всѣхъ добрыхъ намѣреніяхъ, мы здѣсь должны нерѣдко довѣрять ближайшее вліяніе на нихъ такимъ людямъ, которые думаютъ только о своемъ обогащеніи, грабятъ ихъ, ссорятъ, подкупаютъ руку сына противъ отца, жены противъ мужа"..... (I. 202). Возвращаясь въ другомъ мѣстѣ еще разъ къ системѣ устрашенія, авторъ повторяетъ, что „если-бы всѣ, которые готовы давать свое мнѣніе о горцахъ, говорили о доставленіи этимъ племенамъ мирныхъ занятій хлѣбопашествомъ, промышленностью, торговлею, объ обезпеченіи имъ безбѣднаго существованія, а не о рѣзаніи и вѣшаніи, то такіе отзывы, раздаваясь со всѣхъ сторонъ, произвели-бы лучшее впечатлѣніе въ черкесахъ, поселили бы въ нихъ довѣріе и надежду, подали-бы хорошія идеи". (I. 240).

Отъ автора повѣсти не укрылся вредъ чрезмѣрнаго развитія военной бюрократіи, совершенно заслонившей своими личными интересами общія цѣли и уничтожившей единство въ распоряженіяхъ. Въ этомъ отношеніи авторъ стоитъ безусловно на сторонѣ стараго порядка, когда не было огромныхъ, всепоглощающихъ штабовъ. Вспоминая времена Ермолова, капитанъ Пустогородовъ замѣчаетъ, что теперь „служба трудна тѣмъ, что не разберешь, кто начальникъ, кто подчиненный: всѣ распоряжаются, повелѣваютъ. Въ походѣ—два ли батальона, смотришь: отрядный начальникъ назначаетъ себѣ начальника штаба, этотъ въ свою очередь дежурнаго штабъ-офицера, который набираетъ себѣ адъютантовъ, тѣ берутъ, кого хотятъ, въ писаря, и такъ является, самъ собою, импровизированный цѣлый штабъ; ему нужны урядники и казаки на ординарцы и на вѣсти; люди балуются съ денщиками безъ всякаго присмотра, такъ что жаль давать туда хорошихъ казаковъ. Кончится экспедиція, выдадутъ награды.... кому?... штабнымъ писарямъ, безсмѣннымъ ординарцамъ и вѣстовымъ, а настоящіе молодцы, бывшіе во фрунтѣ, истинно отличившіеся, не получаютъ ничего". (II. 43).

Очень оживленную картину представляетъ описаніе ставропольскаго общества. Здѣсь все портреты, начиная съ содержателя гостиницы грека Нонтаки, гордо носившаго на шеѣ медаль съ надписью „за безполезное". Многихъ изъ посѣтителей его трактира не трудно узнать еще и теперь. Такъ, майоръ Левъ, низенькаго роста, съ большими бакенбардами, есть Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, братъ поэта. Авторъ отзывается о немъ, какъ объ умномъ, честномъ, безукоризненномъ офицерѣ, у котораго страсть—казаться хуже, чѣмъ онъ есть, пренебрегая общимъ мнѣніемъ. Подъ именемъ пьянаго и хвастливаго Янкель-паши изображенъ военный инженеръ Компанейскій, о плутовскихъ подвигахъ котораго много говорится въ воспоминаніяхъ Филипсона. Любопытенъ, какъ типъ, адъютантъ, названный въ повѣсти Грушницкимъ. Авторъ далъ ему это имя, очевидно, съ намѣреніемъ показать, что съ него Лермонтовъ списалъ соперника Печорина. Намъ случалось читать и слышать, будто лермонтовскій Грушницкій списанъ съ Н. П. Колюбакина, извѣстнаго впослѣдствіи кавказскаго дѣятеля. Можно положительно сказать, что Грушницкій „Героя нашего времени" и особенно „Продѣлокъ на Кавказѣ" не даетъ основанія къ такому сближенію. Въ молодые годы Н. П. Колюбакина можно было упрекнуть рѣзкостью и заносчивостью, которыя обошлись ему очень дорого. До старости сохранилъ онъ необыкновенную вспыльчивость, давшую поводъ къ извѣстному его прозвищу *немирной*. Но онъ былъ всегда и неизмѣнно благороднѣйшимъ человѣкомъ.

Въ описаніи общества на кавказскихъ минеральныхъ

водахъ авторъ повѣсти менѣе щедръ на портреты. Онъ только вскользь говоритъ о вельможѣ (т. е. генералѣ Головинѣ), пріѣхавшемъ въ Кисловодскъ отдохнуть отъ трудовъ своего огромнаго управленія, но зато не жалѣетъ красокъ для изображенія его приближенныхъ и особенно генерала Мешикзебу, въ которомъ нельзя не узнать П. Е. Коцебу, тогдашняго начальника штаба отдѣльнаго кавказскаго корпуса.

Неудовлетворительное положеніе дѣлъ на Кавказѣ въ управленіе Головина обратило на себя вниманіе императора Николая Павловича. Въ 1842 г. военный министръ князь Чернышевъ по высочайшему повелѣнію отправился на Кавказъ для соображенія на мѣстѣ способовъ къ скорѣйшему умиротворенію непокорныхъ горъ. Въ три мѣсяца пролетѣлъ онъ 4,000 верстъ и возвратился въ Петербургъ съ убѣжденіемъ въ глубокомъ знаніи и пониманіи всѣхъ обстоятельствъ посѣщеннаго имъ обширнаго края. Ермоловъ, говоря объ этой поѣздкѣ, называлъ Чернышева благотворнымъ свѣтиломъ, которое обтекало Грузію съ обѣщаніями благоденствія ея народамъ. Послѣдствіемъ ея была смѣна Головина, Граббе и Засса. Первый ушелъ съ почетомъ и наградами и вскорѣ получилъ генералъ-губернаторство въ Ригѣ; послѣдніе двое остались не у дѣлъ.

Чернышевъ предложилъ новую систему военныхъ дѣйствій на Кавказѣ: оборонительную. Всѣмъ частнымъ начальникамъ было наистрожайше предписано не предпринимать никакихъ экспедицій или поисковъ для наказанія горцевъ; но, оставаясь въ полной готовности отразить всякія ихъ противъ насъ враждебныя покушенія, устремить всю дѣятельность на внутреннее устройство войскъ и улучшеніе обороны существующихъ линій.

Исполненіе этой программы было поручено А. И. Нейдгардту. Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь острое слово Ермолова по поводу частой смѣны главныхъ начальниковъ Кавказа. Когда Головинъ послѣ увольненія прибылъ въ Москву, Ермоловъ навѣстилъ его и разсказывалъ: „Былъ у старика Головина. Онъ хорошо помѣстился въ томъ домѣ, въ которомъ до того жилъ его предмѣстникъ по управленію Кавказомъ, баронъ Розенъ. Жаль только, что Головинъ не могъ взять квартиру больше, чѣмъ на годъ: Нейдгардтъ, уѣзжая на Кавказъ, далъ уже задатокъ"... Дѣйствительно, не прошло двухъ лѣтъ, какъ Нейдгардтъ долженъ быть оставить Кавказъ. При немъ оборонительная система Чернышева принесла быстрые и очень горестные плоды: въ 1843 году Шамиль въ короткій срокъ овладѣлъ всѣми нашими укрѣпленіями въ Нагорномъ Дагестанѣ, истребивъ почти поголовно незначительные ихъ гарнизоны. Нейдгардта замѣнилъ графъ М. С. Воронцовъ, получившій съ званіемъ намѣстника и главнокомандующаго возможность дѣйствовать самостоятельно, а не подъ руководствомъ петербургскихъ канцелярій.

Возвращаясь къ „Продѣлкамъ на Кавказѣ", повторимъ, что князь Чернышевъ, имѣвшій полную возможность на мѣстѣ ознакомиться съ кавказскими дѣлами, не могъ не обратить вниманія на повѣсть, въ которой были разсказаны истинныя происшествія. Въ тѣ времена не признавалось за частными лицами права публично высказывать, хотя-бы и въ умѣренной формѣ, мнѣніе свое о дѣлахъ общественныхъ. Повѣсть подверглась запрещенію. Теперь, черезъ полвѣка, имѣетъ она только историческій интересъ, какъ первая печатная попытка отнестись критически къ системѣ дѣйствій на Кавказѣ.

Авторъ повѣсти назвалъ себя Е. Хамаръ-Дабановымъ. Подъ этимъ псевдонимомъ, заимствованнымъ отъ названія горы Хамаръ-Дабанъ въ Сибири, скрывается, какъ утверждаютъ, Екатерина Петровна Лачинова, рожденная Шелашникова, жена Николая Емельяновича Лачинова, бывшаго въ 1839 г. генералъ-интендантомъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса. Судя по содержанію повѣсти, нельзя допустить, чтобы Е. П. Лачинова могла написать ее безъ сотрудничества или помощи лица, хорошо знакомаго какъ съ мелочными подробностями военныхъ дѣйствій на Кавказской линіи, такъ и съ составомъ ставропольскаго военнаго об-

щества того времени. Къ тому-же многія страницы повѣсти носятъ слишкомъ явные слѣды мужского пера. Можно, кажется, даже съ большою вѣроятностью, сказать, кто именно былъ такимъ сотрудникомъ автора. Однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти, какъ мы уже говорили, является честный и великодушный Александръ Пустогородовъ, разжалованный въ солдаты и сосланный на Кавказъ за участіе въ политическомъ заговорѣ. Въ такомъ именно положеніи находился братъ мужа Екатерины Петровны, Евдокимъ Емельяновичъ Лачиновъ. Онъ воспитывался въ московскомъ университетѣ, потомъ поступилъ въ школу колонновожатыхъ генерала Муравьева и въ 1816 г. состоялъ при посольствѣ Ермолова въ Персію. Произведенный въ 1818 г. въ прапорщики квартирмейстерской части, онъ служилъ въ штабѣ второй арміи, попалъ въ число лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу декабристовъ, былъ разжалованъ въ солдаты и отправленъ на Кавказъ. Здѣсь участвовалъ онъ въ персидской и турецкой кампаніяхъ и въ 1829 г. произведенъ въ прапорщики въ 39-й егерскій полкъ. Какъ человѣку дѣльному и образованному, ему поручались различныя административныя должности. Между прочимъ управлялъ онъ и канцеляріею генеральнаго штаба при генералѣ А. А. Вельяминовѣ, командовавшемъ войсками на Кавказской линіи. Такимъ образомъ имѣлъ онъ полную возможность лично, а послѣ выхода въ отставку въ 1833 г.,— чрезъ сослуживцевъ узнать многія изъ тѣхъ продѣлокъ, которыя изображены въ повѣсти. Е. Е. Лачиновъ скончался въ Москвѣ 20-го августа 1875 г., оставивъ послѣ себя „Исповѣдь", напечатанную въ первыхъ двухъ томахъ „Кавказскаго сборника".

---

15) **Дорофѣевъ**. Воспитательное значеніе басенъ И. А. Крылова Т. 1898 г. ц. 20 к.
16) **Дрбоглавъ**. Пособіе для первоначальнаго обученія Латинскому языку. Курсъ 1 и 2 клас. Т. 1900 г. ц. 80 к. О. У. К. М. Н. П.
17) „ Опытъ методики первоначальнаго обученія Латинскому языку Т. 1894 г. ц. 80 к.
18) „ Словарь къ Одиссеѣ въ порядкѣ стиховъ Т. 1894 г. ц. 1 р. 50 к.
19) **Залдкинъ**. А. С. Пушкинъ какъ литературный критикъ (къ 100-лѣтію со дня рожденія) Т. 1899 г. ц. 50 к.
20) **Захаровъ**. Собраніе примѣровъ для письменнаго исчисленія вып. 1 и 2 ц. по 20 к. О. У. К. М. Н. П.
21) **Измайлова**. Учебникъ гигіены, анатоміи и физіологіи Т. 1894 г. ц. 70 к. Реком. Ц. П. К. У. О.
22) **Кондратенко**. Образцы первоначальнаго черченія по клѣткамъ ц. 20 к.
23) „ Учебникъ географіи Кавказа Т. 1895 г. ц. 50 к. Рек. Г. У. В.-У. З. для Кадетскихъ Корпусовъ и Юнкерскихъ училищъ. О. У. К. М. Н. П.
24) **Крейсбергъ**. Учебникъ французскаго языка. Курсъ 1-го кл. женскихъ и 2-го кл. мужскихъ гимназій и Реальныхъ училищъ. Т. 1898 г. ц. 50 к. ч. 2 Т. 1898 г. ц. 50 к.
25) „ Les aventures de Télémaque, fils d'Ulysse par Fénélon. Первыя 5 книгъ съ примѣчаніями, словарями подстрочнымъ и алфавитнымъ и статьями для обратнаго перевода на французскій языкъ. О. У. К. М. Н. П. и Главн. У. В. У. З. рекомендовано Т. 1900 г. ц. 65 к.
26) „ Учебникъ Нѣмецкаго языка ч. 1 и 2 Д. У. К. М. Н. П. ч. I Т. 1897 г. ц. 40 к. ч. II Т. 1895 г. ц. 65 к.
27) „ Нѣмецкая грамматика Т. 1895 г. ц. 40 к.
28) „ Histoire de Charles XII Par Voltare. Съ примѣчаніями и словарями, подстрочнымъ и алфавитнымъ. Т. 1896 г. ц. 85 к.

29) **Крейсбергъ**. Biographie de Cyrus le jeune (Histoire ancienne) par Rollin. Съ примѣчаніями и словарями, подстрочнымъ и алфавитнымъ. Т. 1895 г. ц. 15 к.
30) „ La vallée de Trient. (Nouvelles genevoises) par Teopffer. Съ примѣчаніями и словарями, подстрочнымъ и алфавитнымъ Т. 1896 г. ц. 20 к.
31) „ Biographie de Cimon (Histoire ancienne) par Rollin. Съ подстрочнымъ словаремъ и примѣчаніями, Т. 1894 г. ц. 10 к.
32) „ Le verre d'eau ou les effets et les causes. Comedie en cinq actes et en prose par Scribe. Съ краткою біографіею, примѣчаніями и словаремъ Т. 1891 г. ц. 45 к.
33) **Лопатинскій**. Краткая Латинская грамматика Т. 1898 г. ц. 50 к. О. У. К. М. Н. П.
34) **Мартыновскій**. Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школъ 3 т. О. У. К. М. Н. П. т. I Т. 1900 г. ц. 1 р. 25 к. т. II Т. 1900 г. ц. 1 р. 25 к. т. III Т. 1899 г. ц. 1 р. 85 к.
35) „ О преподаваніи Отечественнаго языка и словесности. Т. 1895 г. ц. 50 к.
36) **Мучкапскій**. Нравственное значеніе драматическихъ произведеній А. С. Пушкина Т. 1900 г. ц. 20 к.
37) **Николаевъ**. Стѣнныя таблицы. Классное пособіе при обученіи рисованію 18 таблицъ ц. 1 р.
38) **Памятка** 1864—1900 г. Тифлисскаго пѣхотнаго Юнкерскаго Училища Т. 1900 г. ц. 25 к.
39) **Побѣдимовъ**. Какъ чертить и обращаться съ чертежными пособіями. Текстъ съ атласомъ изъ 20 таблицъ Т. 1901 г. ц. 1 р.
40) „ Какъ держать главнѣйшіе инструменты слесаря и столяра. Наглядное пособіе для учебныхъ мастерскихъ. 8 настольныхъ таблицъ ц. 1 р.
41) **Приселковъ**. Пособіе для первоначальнаго обученія Греческому языку Т. 1897 г. ц. 85 к.
42) „ Отрывки изъ Греческихъ писателей для письменныхъ работъ въ восьмомъ классѣ Т. 1893 г. ц. 50 к.

43) **Проценко**. Краткая географія Кавказа Т. 1889 г. ц. 40 к.
44) **Ракушанъ**. Arriani Anabasis. О. У. К. М. Н. П. ц. 75 к.
45) „ Словарь къ Олинѳскимъ рѣчамъ и филиппикамъ Демосѳена С.-П. 1877 г. ц. 60 к.
46) **Романовскій**. Россія. Краткіе разсказы для народнаго чтенія о дѣяніяхъ Россійскихъ Государей, начиная съ Владиміра св. и до кончины Императора Александра III Т. 1898 г. ц. 20 к.
47) „ Императрица Екатерина II. Историческій очеркъ Т. 1896 г. ц. 20 к.
48) „ Русская исторія (пособіе для повторенія) въ VIII классѣ гимназіи. Р. 1896 г. ц. 30 к.
49) „ Средняя исторія (для преподавателей) Т. 1895 г. ц. 50 к.
50) **Сабинъ-Гусъ**. Дѣятели Русской исторіи въ стихотвореніяхъ Русскихъ поэтовъ и въ народныхъ пѣсняхъ. Т. 1896 г. ц. 1 р. 25 к. У. К. М. Н. П. допущена въ ученическія средняго и старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеніи и въ безплатныя народныя.
51) **Скотакъ**. Гимнастическія игры. Руководство для веденія подвижныхъ игръ въ учебныхъ заведеніяхъ. Съ 70-ю рисунками Т. 1901 г. ц. 1 р. 20 к.
52) „ Гимнастическія игры. Игры безъ снарядовъ Т. 1898 г. ц. 25 к.
53 **Храпко**. Vergili Maronis Aeneis ч. I. кн. 1—6. Текстъ съ объяснительнымъ словаремъ Т. 1900 г. ц. 1 р. 40 к.
54) **Черниковъ**. Къ вопросу о методическомъ изученіи Русскаго языка въ VIII-хъ классахъ женскихъ гимназій Т. 1895 г. ц. 40 к.
55) **Черняевскій**. Русская рѣчь. Элементарный учебникъ Русскаго языка: для Русско-Татарскихъ, Русско-Грузинскихъ, Русско-Армянскихъ училищъ. ц. по 50 к.
56) „ Родная рѣчь г. I Татарская азбука Т. 1896 г. ц. 50 к.

57) **Черняевскій**. Книжка для учителей, преподающихъ по учебнику „Русская рѣчь“ Т. 1894 г. ц. 60 к.
58) „ Таблица основныхъ цвѣтовъ радуги. Пособіе для школьнаго и домашняго обученія ц. 35 к.
Книги Черняевскаго одобрены на правахъ У. К. М. Н. П., Попечительскимъ совѣтомъ К. У. О. для употребленія въ начальныхъ училищахъ.
59) **Якубьянъ**. Руководство для изученія Армянскаго языка. Самоучитель Т. 1899 г. ц. 80 к.

---

60) **Анановъ Д-ръ**. Абастуманъ и его лечебное значеніе Т. 1892 г. ц. 1 р.
61) **Вейденбаумъ**. Путеводитель по Кавказу.
62) **Гоголь-Яновскій**. Виноградники и винодѣліе во франціи и въ Германіи Т. 1897 г. ц. 1 р.
63) **Джаншіевъ**. Перлъ Кавказа (Боржомъ. Абастуманъ) Впѣчатлѣнія и мысли Туриста М 1900 г. ц. 1 р. 50 к.
64) **Дорофеевъ**. Кавказскія сказки и преданія для юношества вып. I Т. 1897 г. ц. 1 р.
65) **Ерицовъ**. Патріархъ всѣхъ Армянъ Нерсесъ V. Князь Михайлъ Семеновичъ и княгиня Елисавета Ксаверіевна Воронцовы въ ихъ частной церепискѣ Т. 1898 г. ц. 3 р.
66) **Іоанисіани Д-ръ**. А. И. Боржомъ и его минеральные источники Т. 1878 г. ц. 60 к.
67) „ А. А. Armenische blbliothek. 9 вып. ц. 6 р. 75 к.
68) „ Р. А. Дома трудолюбія. Сочиненіе удостоенное Совѣтомъ Императорскаго С. Петербургскаго Университета золотой медали) Т. 1900 г. ц. 60 к.
69) **Иванъ-да-Марія**. Грузинскіе поэты въ образцахъ. Переводы съ Грузинскаго Т: 1897 г. ц. 30 к.
70) **Лункевичъ**. Среди животныхъ. Очеркъ изъ жизни животныхъ для дѣтей старшаго возраста съ 50 рисунками въ текстъ Т. 1901 г. ц. 25 к.

71) **Наримановъ.** Самоучитель Татарскаго языка для Русскихъ I Т. 1900 г. ц. 50 к.
72) **Насидзе.** Учебникъ Грузинскаго языка для Русскихъ. Т. 1894 г. ц. 50 к.
73) **Пантюховъ Д-ръ.** Инуши. Антропологическій очеркъ. Т. 1901 г. ц. 25 к.
74) „ Кобулеты Т. 1900 г. ц. 30 к.
75) „ Расы Кавказа Т. 1900 г. ц. 40 к.
76) „ Шаорская котловина Т. 1900 г. ц. 40 к.
77) „ Проказа, парши и зобъ на Кавказѣ Т. 1900 г. ц. 10 к.
78) „ Къ статистикѣ. Кавказской патологіи, со многими рисунками. Т. 1899 г. ц. 1 р. 50 к.
79) „ Вліяніе маляріи на колонизацію Кавказа Т. 1899 г. ц. 40 к.
80) „ О народномъ врачеваніи въ Закавказскомъ краѣ, Т. 1809 г. ц. 30 к.
81) „ О пещерныхъ и позднѣйшихъ жилищахъ на Кавказѣ, со многими рисунками Т. 1896 г. ц. р.
82) „ Антропологическія наблюденія на Кавказѣ, съ фототипіями Т. 1893 г. ц. 1 р. 50 к.
83) „ Населеніе Кутаисской губерніи С. П. 1892 г. ц. 60 к.
84) „ Ахалкалакскій уѣздъ Т. 1893 г. ц. 60 к.
85) „ О нѣкоторыхъ лѣчебныхъ мѣстностяхъ Закавказскаго края Т. 1898 г· ц. 20 к.
86) **Потто.** Памяти старыхъ Кавказцевъ Т. 1897 г. ц. 50 к.
87) „ Генералъ-Адъютантъ Иванъ Давыдовичъ Лазаревъ Т. 1900 г. ц. 2 р.
88) „ Религіозныя идеи въ Русской поэзіи. Сборникъ стихотвореній. Т. 1900 г. ц. 50 к.
89) „ Историческій очеркъ Кавказскихъ войнъ. Т. 1900 г. ц. 4 р. 50 к.
90) **Сатунинъ.** Краткій очеркъ естественной исторіи пчелы. Съ 3 таблицами рисунковъ. 1901 г. ц 50 к.
91) **Сундукянцъ.** Супруги. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, переводъ съ Армянскаго Т. 1897 г. ц. 75 к.

92) **Souvenir du Caucase.** Виды ц. 1 р.
93) **Тумановъ.** Характеристики и воспоминанія Т. 1901 г. ц. 50 к.
94) **Тхоржевскій.** (подъ редакц.) Беранже. Полное собраніе пѣсенъ въ переводѣ Русскихъ писателей. Т. 1892 г. ц. 6 р.
95) „ Гюго. Полное собраніе стихотвореній въ переводѣ Русскихъ писателей. Т. 1896 г. ц. 6 р.
96) **Ульяновъ.** Записки по администраціи военно-медицинскаго вѣдомства и краткія свѣдѣнія изъ законовъ и воинскихъ уставовъ. Т. 1900 г. ц. 1 р. 50 к.